

На страницах данной книги предпринята попытка изучения истории университетского образования в Европе XVI – конца XVIII вв. с точки зрения системного подхода, социально-исторической антропологии и социологии знания, в результате чего определяются пути преодоления негативных последствий феноменологического подхода к изучению университетской истории Европы рассматриваемого периода. Кроме того, впервые в исследовании по университетской истории используются такие концепты, как структурно-организационная составляющая системы университетского образования, университетская идеология, университетское сообщество, гуманитарные технологии университетского образования, позволяющие углубить анализ исторического материала и, как результат, получить более совершенные синтетические реконструкции прошлого университетского образования в Европе.

Денис Литошенко

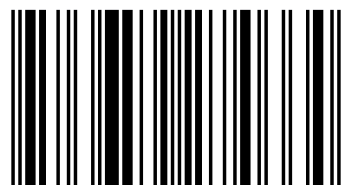
Эволюция университетского образования в Европе XVI – конца XVIII веков

Университетский опыт европейской образовательной метатрадиции на заре Нового времени

Денис Литошенко

Родился в г. Дальнегорск Приморского края Российской Федерации. Закончил факультет истории и философии Дальневосточного государственного университета по специальности «История» (2000). Кандидат исторических наук (2004). Доцент по кафедре истории и политологии (2010) Опубликовал более 80 научных и учебно-методических работ.

978-3-659-27466-4

Денис Литошенко

**Эволюция университетского образования в Европе XVI
– конца XVIII веков**

Денис Литошенко

**Эволюция университетского
образования в Европе XVI –
конца XVIII веков**

**Университетский опыт европейской
образовательной метатрадиции на заре
Нового времени**

LAP LAMBERT Academic Publishing

Impressum / Выходные данные

Bibliografische Information der Deutschen Nationalbibliothek: Die Deutsche Nationalbibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen Nationalbibliografie; detaillierte bibliografische Daten sind im Internet über <http://dnb.d-nb.de> abrufbar.

Alle in diesem Buch genannten Marken und Produktnamen unterliegen warenzeichen-, marken- oder patentrechtlichem Schutz bzw. sind Warenzeichen oder eingetragene Warenzeichen der jeweiligen Inhaber. Die Wiedergabe von Marken, Produktnamen, Gebrauchsnamen, Handelsnamen, Warenbezeichnungen u.s.w. in diesem Werk berechtigt auch ohne besondere Kennzeichnung nicht zu der Annahme, dass solche Namen im Sinne der Warenzeichen- und Markenschutzgesetzgebung als frei zu betrachten wären und daher von jedermann benutzt werden dürften.

Библиографическая информация, изданная Немецкой Национальной Библиотекой. Немецкая Национальная Библиотека включает данную публикацию в Немецкий Книжный Каталог; с подробными библиографическими данными можно ознакомиться в Интернете по адресу <http://dnb.d-nb.de>.

Любые названия марок и брендов, упомянутые в этой книге, принадлежат торговой марке, бренду или запатентованы и являются брендами соответствующих правообладателей. Использование названий брендов, названий товаров, торговых марок, описаний товаров, общих имён, и т.д. даже без точного упоминания в этой работе не является основанием того, что данные названия можно считать незарегистрированными под каким-либо брендом и не защищены законом о брендах и их можно использовать всем без ограничений.

Coverbild / Изображение на обложке предоставлено: www.ingimage.com

Verlag / Издатель:

LAP LAMBERT Academic Publishing

ist ein Imprint der / является торговой маркой

AV Akademikerverlag GmbH & Co. KG

Heinrich-Böcking-Str. 6-8, 66121 Saarbrücken, Deutschland / Германия

Email / электронная почта: info@lap-publishing.com

Herstellung: siehe letzte Seite /

Напечатано: см. последнюю страницу

ISBN: 978-3-659-27466-4

Zugl. / Утверд.: Владивосток, Дальневосточный государственный университет, 2004

Copyright / АВТОРСКОЕ ПРАВО © 2012 AV Akademikerverlag GmbH & Co. KG

Alle Rechte vorbehalten. / Все права защищены. Saarbrücken 2012

Оглавление

Введение	3
Глава 1	
Формирование системы университетского образования в Европе XVI – конца XVIII вв.	29
1.1 Состояние университетского образования в Европе к началу XVI века.....	29
1.2 Организационные и структурные трансформации системы университетского образования в Европе XVI – конца XVIII веков	63
1.3 Новая университетская идеология.	133
Глава 2	
Социокультурная эволюция университетского образования в Европе XVI – конца XVIII вв.	163
2.1 Изменение социальных функций университетского образования.	163
2.2 Характерные черты университетского сообщества Европы XVI – конца XVIII веков.....	169
2.3 Трансформация структур повседневности университетского сообщества Европы XVI – конца XVIII веков	205
Глава 3	
Содержание университетского образования и развитие гуманитарных технологий в европейской системе университетского образования XVI – конца XVIII вв.	259
3.1 Традиции и инновации в содержании университетского образования.....	259
3.2 Эволюция комплекса гуманитарных технологий в европейской системе университетского образования XVI – конца XVIII веков.....	286
Заключение	321
Список использованных источников и литературы	337

Введение

В настоящее время в России, Японии, США и ряде других стран мира разворачиваются очередные этапы реформирования образования. В связи с этим следует обратить внимание на ряд обстоятельств, свидетельствующих в пользу пристального и всестороннего изучения эволюции европейской системы университетского образования в ранний период нового времени. С одной стороны, стало очевидным, что осуществление реформаторской деятельности в области образования должно опираться на прочное основание в виде фундаментальных и прикладных исследований. С другой стороны, практика разработки содержания очередного этапа реформ наглядно показала, что ощущается острая нехватка аналитико-теоретического материала при проектировании ключевых моментов программы предполагаемых преобразований. Обозначенная лакуна может и должна быть заполнена системными исследованиями по социокультурной истории образования, взятого в единстве цивилизационного контекста той или иной эпохи.

Типичным образцом исследований подобного рода могут быть признаны изыскания в области истории европейской системы университетского образования раннего нового времени. Это связано с тем, что европейская система университетского образования в принципиальном отношении сохранялась на ранней стадии нового времени в том виде, какой приобрела ещё в средневековье, но наряду с явлениями кризиса и консервации, происходили процессы трансформации и накопления прогрессивных изменений, позволяющие говорить о её эволюции. В связи с этим можно настаивать на том, что изучение этого массива исторического опыта будет иметь позитивное значение для совершенствования, как теории, так и практики современных преобразований в области не только высшего, университетского, но и школьного, а также профессионального образования.

Благодаря политико-антропологическим исследованиям стал аксиомой тезис об известной степени сходства между модернизацией традиционных и социалистических обществ в процессе их перехода к

последующему этапу исторического развития¹. Однако в силу сложившейся традиции основное внимание уделяется процессам политической либо социально-экономической модернизации. Вопросы социокультурного спектра обычно остаются вне внимания исследователей. В то же время изучение процессов самопроизвольного (автометоморфозис) и управляемого (модернизация) изменения европейской системы университетского образования, происходивших в начале нового времени, позволит пролить свет на ряд закономерностей, связанных с модернизационными трансформациями в социокультурной области современности. Частным случаем названных трансформаций, на наш взгляд, выступает проводимая в настоящее время реформа образования в России.

Ключевой характеристикой массива историографии истории европейского университетского образования XVI – XVIII вв. выступает неоднородность. Сравнительно объемная историография имеется по XVI в.², так как это столетие считается порубежным между

¹ См.: Крадин Н.Н. Политическая антропология. – М.: Ладомир, 2001. – С. 16, 84, 154, 176, 180-185 (в книге делаются многочисленные ссылки на работы зарубежных и отечественных исследователей: К. Виттфогеля, И.Р. Шафаревича, М.Н. Афанасьева, Л.С. Васильева, Ю.Е. Берёзкина, А.И. Фурсова и др., усматривавших сходство между социалистическим обществом советского образца и древними обществами восточного типа); Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. – М., 1991. – С. 28-30, 109-264 (М.С. Восленский творчески развил теоретические положения, сформулированные югославским политиком, учёным и писателем М. Джиласом, на работу которого автор ссылается).

² Уваров П.Ю. Университетская Франция 1539-1559 гг. (Опыт социальной истории) // Одиссей. Человек в истории. 1994. – М.: Наука, 1994. – С. 196-218; Его же Крестьяне в Парижском университете XVI в. // Университеты Западной Европы. Средние века. Возрождение. Просвещение. – Иваново: ИвГУ, 1990. – С. 105-116; Его же Университетское образование глазами французов XVI века // Возрождение: гуманизм, образование, искусство. – Иваново: ИвГУ, 1994. – С. 103-117; Буркхард Я. Культура Возрождения в Италии. – М.: Юрист, 1996; Китайгородская Л.И. Политика городских властей Эдинбурга – столицы Шотландии в области образования в XVI в. // Школа и педагогическая мысль Средних веков, Возрождения и начала Нового времени (Исследования и материалы). – М.: Изд-во АПН СССР, 1991. – С. 234-244; Нехаева С.В. Студенческие нации в позднесредневековых итальянских университетах // Традиции образования и воспитания в Европе XI-XVII веков. – Иваново: ИвГУ, 1995. – С. 42-56; Её же Флорентийский университет и начало эпохи великих географических открытий // Европа и Америка на перекрёстке эпох. – Иваново: ИвГУ, 1992. – С. 88-101; Её же Студенческие коллегии в позднесредневековых итальянских университетах // Возрождение: гуманизм, образование, искусство. –

средневековой и новой историей университетского образования в Европе. В связи с этим исследователи, занимающиеся позднесредневековой историей европейского университета, обращают своё внимание и на XVI столетие. Внимание исследователей концентрировалось на изучении истории отдельных университетов и некоторых (немецкой, английской, итальянской) «университетских квазиимперий».

Данная практика сохраняется и в работах, построенных на материале XVII в., хотя происходит это на фоне значительного сокращения количественного показателя. Для историографии университетской истории XVII – XVIII в. преобладающим типом является так называемая «сюжетная» или «казуальная» историография³. Особенность этого типа историографического материала заключается в том, что микроскопические частицы информации по интересующей нас теме вкраплены в обширные работы, посвящённые другим проблемам, в качестве вспомогательных, дополнительных сведений или иллюстративного материала.

Совершенно неудовлетворительно обстоит дело с историографией университетской истории XVIII в. Это столетие не

Иваново: ИвГУ, 1994. – С. 60-68; Голенченко Г.Я. Студенты Великого княжества Литовского в Краковском университете XV-XVI вв. // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. Проблемы взаимоотношений Польши, России, Украины, Белоруссии и Литвы в эпоху Возрождения. – М.: Наука, 1976. – С. 228-240; Грицкевич В.П. Место Белоруссии и Литвы в распространении естественнонаучных знаний в XVI в. // Там же. – С. 241-250; Таценко Т.Н. Немецкие студенты-юристы в итальянских университетах в XV-XVI вв. // Средние века. Вып. 60. – М.: Наука, 1997. – С. 299-317.

³ Шимов Я. Австро-Венгерская империя. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – С. 133-182; Свирида И.И. Польская культура // Культура народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху Просвещения. – М.: Наука, 1988. – С. 7-53; Мегела И.П. Венгерская культура // Там же. – С. 54-82; Титова Л.Н. Чешская культура // Там же. – С. 83-113; Богданова И.А. Словацкая культура // Там же. – С. 114-142; Данилова А.В. Хорватская культура // Там же. – С. 143-172; Лещиловская И.И. Сербская культура // Там же. – С. 173-199; Чуркина И.В. Словенская культура // Там же. – С. 200-226; Дэвис Н.З. Дамы на обочине. Три женских портрета XVII века. – М.: Новое литературное обозрение, 1999; Лабутина Т.Л. Женское образование в стюартовской Англии (1603-1714) // Новая и новейшая история. – 2001. - № 2. – С. 153-167; Её же Ранний феминизм в Англии // Вопросы истории. – 2001. - № 8. – С. 51-67; Астахова Е.В. Истоки и особенности португальского либерализма // Латинская Америка. – 1999. - № 11. – С. 87-100; Фуко М. Назидать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М.: Ad Marginem, 1999.

получило должного внимания у исследователей. Для XVIII в. даже «сюжетная» или «казуальная» историография характеризуется обилием общих мест и отсутствием добротных реконструкций.

На этом фоне приятным исключением представляется работа профессора университета Джона Хопкинса Р.Л. Кагана «Студенчество и Общество в раннее новое время в Испании»⁴. Несмотря на то, что эта книга была опубликована в 1974 г, она до сих пор не утратила своего научного значения. В своей книге профессор Каган обращается к исследованию взаимоотношений студентов и общества в габсбургской Испании. Хотя в аннотации к книге говорится, что в ней речь идет, в основном, об университетской истории XVI – раннего XVII вв., в действительности же автор несколько выходит за верхнюю хронологическую рамку и рассматривает отдельные аспекты истории университетского образования в Испании вплоть до начала XIX в.

Однако «первая ласточка весны не делает», тем более работа К.Л. Кагана всё-таки принадлежит к разряду исследований, посвящённых «университетским квазиимпериям», в данном случае – испанской национальной университетской ассоциации (национальной квазисистеме университетского образования). В связи с этим допустимо говорить, что обобщающих, систематизирующих исследований по истории университетского образования в Европе XVI – XVIII вв., подобных работе Н.С. Суворова «Средневековые университеты»⁵, не создано.

Нами уже обращалось внимание на три уровня исторической абстракции применительно к исследованию европейской университетской истории. Справедливости ради следует уточнить, что на третьем уровне исторической абстракции располагаются две разновидности исследований, в основу которых положены принципиально отличные подходы. Первый из них заключается в переводе исследований на системный уровень. Второй же состоит в использовании феноменологических теоретико-методологических установок. Оба названные подхода представляются перспективными, соответствующими современным философско-теоретическим

⁴ Kagan R.L. Students and Society in Early Modern Spain (19 мая 2001 г.). - <http://libro.uca.edu/students/opening.htm>.

⁵ Суворов Н.С. Средневековые университеты. – М., 1898.

парадигмам исторического знания, а потому имеющими право на существование. «Европейская система университетского образования» и «европейский университет» являются исследовательскими метафорами высокой степени абстрактности. Именно феноменологический подход положен в основу четырёхтомной «Истории европейского университета», написанной коллективом европейских и американских исследователей⁶. Этот труд следует признать этапным событием в историографии университетской истории (после доклада С. Стеллинга-Мишо, сделанного на XI-ом Международном конгрессе историков, состоявшемся в 1960 в Стокгольме⁷), так как выступает в качестве работы, завершающей большой и своеобразный период исследований истории университетского образования в Европе. Использование феноменологического подхода обусловило ряд серьёзных недостатков

⁶ Руот В. Университет как явление средневековой культуры // Вестник высшей школы (Alma mater). – 1991. - №№ 7,8; Верже Ж. Прототипы // Вестник высшей школы (Alma mater). – 1991. - №№ 10,12; Гештор А. Средневековый университет: управление и ресурсы // Alma mater (Вестник высшей школы). – 1996. - № 5; Сирэйси Н. Средневековый университет: факультет медицины // Alma mater (Вестник высшей школы). – 1997. - №№ 11,12; Норт Дж. Средневековый университет: факультет свободных искусств // Alma mater (Вестник высшей школы). – 1997. - № 10; Лефф Г. Средневековый университет: факультет свободных искусств. Тривиум и три философии (Реферат) // Alma mater (Вестник высшей школы). – 1997. - № 9; Морау П. Средневековый университет: карьера выпускников (Реферат) // Alma mater (Вестник высшей школы). – 1997. - №№ 6,7,8; Верже Ж. Средневековый университет: учителя // Alma mater (Вестник высшей школы). – 1997. - №№ 2,4,5; Риддер-Симэнс Х. де Средневековый университет: мобильность // Alma mater (Вестник высшей школы). – 1997. - № 1; Ашталос М. Средневековый университет: факультет теологии (Реферат) // Alma mater (Вестник высшей школы). – 1998. - №№ 4,5,6; Руот В. Европейский университет на пороге Нового времени (Реферат) // Alma mater (Вестник высшей школы). – 1999. - №№ 1,2; Фрийхоф В. Начало Нового времени: паттерны (реферат) // Alma mater (Вестник высшей школы). – 1999. - №№ 3,4; Робертс Дж., Родригес А.М., Нербет Ю. Экспорт моделей (реферат) // Alma mater (Вестник высшей школы). – 1999. - №№ 6,7; Хаммерштейн Н. Университет в Новое время: отношение с властью (реферат) // Alma mater (Вестник высшей школы). – 1999. - №№ 10,12; Вандермеш П.А. Преподаватели (реферат) // Alma mater (Вестник высшей школы). – 2000. - №№ 7,8; Петерсон О. Университет в ранний период современной Европы: традиции и новации (реферат) // Alma mater (Вестник высшей школы). – 2000. - №№ 10,11, - 2001. - № 1; Броклис Л. Университет в ранний период современной европейской истории: учебные планы (Реферат) // Alma mater (Вестник высшей школы). – 2002. - №№ 1,2,4,5,7.

⁷ Сидорова Н.А. Основные проблемы истории университетов в средние века в освещении современной буржуазной историографии // Средние века. Вып. 23. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 229-237.

этого коллективного исследования. Рассмотрение университетского образования как специфического социокультурного явления, локализованного в узких рамках Западной Европы, обусловлено разрешающими особенностями избранного подхода. Дело в том, что увеличение числа принимаемых во внимание характеристик влечёт за собой размывание контуров исследуемого явления. В итоге исследование теряет конкретность и, в конечном счёте, свой научный характер. Другим следствием названного подхода выступает антагонизм между различными уровнями абстрактно моделируемого в ходе реконструкции социокультурного явления. Реакцией на это стал отказ от широкоформатных работ обобщающего характера и переход к исследованию частных, узких вопросов, связанных с историей отдельных университетов или иных конкретных организаций и структур университетского образования. Сформулированные замечания справедливы как для зарубежной, так и отечественной историографии университетской истории Европы XVI – XVIII вв.

Проведенный анализ историографии истории европейского университетского образования XVI – XVIII вв. делает очевидным отсутствие широкоформатных работ обобщающего характера, основанных на принципах системного подхода, рассматривающих университетское образование в упорядоченном многообразии его явлений, форм, процессов, аспектов и уровней. Однако следует отметить, что накопленный исторический материал делает системное исследование истории университетского образования в Европе XVI – конца XVIII вв. успешно выполнимой задачей.

Цель настоящей работы может быть определена следующим образом: рассмотреть эволюцию университетского образования в Европе XVI – конца XVIII вв. во всём многообразии её тенденций и проявлений. Для достижения поставленной цели представляется необходимым решить ряд частных исследовательских задач, которые, для большего удобства, следует сгруппировать в несколько проблемных блоков.

Первый блок объединяет задачи, решение которых прольёт свет на итоги развития европейской системы университетского образования в предшествующий период (от возникновения – до рубежа XV – XVI вв.). Решение данного блока задач позволит

воссоздать статичную картину развития университетского образования к началу интересующего нас периода с наибольшей степенью полноты. Полученная картина станет прочным основанием для построения осуществляемых в ходе исследования реконструкций.

Во второй блок войдут задачи оценочно-прогностического характера. Смысл этих задач сводится к оценке итогов эволюции университетского образования в Европе XVI – XVIII вв. и определению степени актуальности достижений этого времени для дальнейшего развития университетского образования.

Третий блок образуют исследовательские задачи, связанные с рассмотрением трансформаций в организации, структуре и идеологии системы университетского образования, произошедших в XVI – конце XVIII вв. Решение этого блока задач позволит вплотную подойти к пониманию социокультурного статуса исследуемой системы, вычленив наиболее важные тенденции эволюции её структурно-организационной и идеологической составляющих.

Углубление анализа социокультурной природы системы университетского образования в Европе XVI – XVIII вв. закономерно приводит к постановке задач, составляющих четвёртый блок. Задачи этого блока связаны с исследованием изменений социальных функций университетского образования. Продуктивным представляется сочетать анализ эволюции социальных функций университетского образования с многосторонним рассмотрением трансформаций, происходивших в университетском сообществе Европы того времени. Кроме того, следует признать правомерным раздельное изучение внешних изменений и внутренних трансформаций академического сообщества. В данном случае под внешней стороной понимаются изменения, связанные с положением университетского социума в системе общественных отношений. Внутренняя сторона раскрывается путём анализа метаморфоз происходивших в самом университетском сообществе. Особое место в четвёртом блоке принадлежит рассмотрению трансформации структур повседневности университетского сообщества.

На долю пятого блока приходятся задачи, в центре внимания которых находится весьма традиционный аспект истории европейской системы университетского образования, а именно: эволюция

содержания университетского образования. Данный блок умышленно поставлен нами на одну из последних позиций. Дело в том, что предложенная нами логика исследования предполагает сначала всестороннее рассмотрение университетского образования как социокультурной системы, а потом только обращение к вопросам изменения содержания культивируемой этой системой образованности. Задачи пятого блока отчасти связаны с историей науки, но только в той степени, в какой европейская наука XVI – XVIII вв. сопрягается с университетской образованностью. Важной составляющей этого блока выступает рассмотрение вопросов, связанных с комплексом гуманитарных технологий, использовавшихся в европейской системе университетского образования рассматриваемого времени. Под комплексом гуманитарных технологий понимается совокупность приёмов, методов, практик, техник и процедур, охватывающих не только учебный, воспитательный и социализационный процессы, но и сферы внутриуниверситетского управления и корпоративной политики, а также область внешних связей университетской организации. В основу исследования университетских гуманитарных технологий положен тезис, который можно сформулировать следующим образом: «Университетская педагогика принципиально политична, а университетские менеджмент и политика педагогичны».

Шестой блок задач обращает внимание на реконструкцию эволюционного механизма исследуемой системы. Для этого предполагается проанализировать реакцию системы университетского образования как на внешние влияния, так и на внутренние факторы, рассмотреть процесс накопления системой эволюционных изменений и процедуры их встраивания (интегрирования) в «рабочий контур» действующей модели системы университетского образования.

Под предметной областью настоящего диссертационного исследования понимается история университетского образования в Европе XVI – XVIII вв. Объектом же исследования выступает система университетского образования, взятая в контексте образовательной метасистемы эпохи. В связи с этим представляется необходимым дать

разъяснение относительно особенностей рассматриваемого объекта, проливающих свет на специфичность его природы.

В процессе исследования истории университетского образования в Европе XVI – XVIII вв. выделяются три реконструктивных уровня или три ступени исторической абстракции. На первом уровне располагаются реконструкции фактов: событий, явлений, отдельных процессов. Реконструкции истории отдельных университетов или университетских квазиимперий (а подобные университетские ассоциации возникали в рамках национальных государств или иных культурно-географических ареалах) составляют второй уровень. Третий же уровень представлен более обширными, обобщающими реконструктивными абстракциями. Таковой и является система университетского образования.

Может сложиться мнение, что объектом нашего исследования выступает то, чего не было, точнее, присутствия чего не фиксируется в содержательном и смысловом контекстах рассматриваемой эпохи. Однако знакомство с такими трактатами, как «О похвале клиру» (XIV в.) и «О школьной науке» (XIII в.), работами отечественных исследователей: О.А. Андреевой и особенно Н.Д. Митьковой, позволяет с уверенностью утверждать, что системность университетского образования была частью исторической реальности эпохи, при том осознаваемой и осмысливаемой частью. Более того, П.Ю. Уваров утверждает, что уже применительно к XIII в. «можно говорить о создании единой университетской системы – со схожими принципами организации, едиными требованиями, унифицированной иерархией степеней, однотипными программами»⁸.

Хронологические рамки работы охватывают период времени в три столетия – с рубежа XV-XVI – до рубежа XVIII-XIX вв. Столь широкие временные рамки исследования позволяют проследить эволюцию европейского университетского образования в контексте динамически взаимодействующих внутренних и внешних факторов. Нижняя хронологическая веха связана с апогеем кризиса средневекового университетского образования, революционными изменениями в системе коммуникаций, мировоззрении, духовной

⁸ Уваров П. Университеты и идея европейской общности // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. – М.: Наука, 1993. – С. 117.

культуре и других сферах жизни обществ Европы, вызванными изобретением книгопечатания, великими географическими открытиями и началом многомерного религиозного реформирования. Верхняя хронологическая веха соотносится с кристаллизацией новой организационной структуры, определявшей конфигурацию университетского социокультурного пространства, конституировавшегося в рамках соответствующей европейской традиции, на протяжении XIX – первой половины XX вв. В событийном плане верхняя временная граница связана с преддверием университетской реформы в Пруссии и образовательными экспериментами во Франции периода Революции, Первой Республики и Первой Империи.

Географические рамки включают ареал распространения западноевропейской цивилизации, охватывавший в XVI-XVIII вв. не только большую часть европейского континента (центр, запад, север и юг), но и активно увеличивавшийся в рассматриваемый период за счёт американских, африканских и азиатских колониальных владений.

Методологическую основу работы составит системный подход. В настоящее время происходит отказ от понимания системного подхода, как последнего слова методологической науки. Одновременно раздаются предложения отбросить и сам системный подход как исключительно стендовый инструментальный комплекс и заменить его синергетическим либо информационным подходами. Согласиться с этим нам не представляется возможным. Надо полагать, что синергетический подход в основе своей генетически связан с системным подходом. Не будет далёким от истины сказать, что при использовании методологии системного подхода в исследованиях «живых» систем невозможно обойтись без обращения к учению о самоорганизации. В результате создаются благоприятные предпосылки для методологического синтеза, создающего теоретико-методологический фундамент нашего исследования. Таким образом, фундаментальной исходной посылкой диссертационного исследования выступает понимание университетского образования как самоорганизующейся системы. Такое понимание природы предмета исследования позволяет интегрировать в теоретико-методологическое основание исследования прогрессивные

достижения методологии информационного подхода. В данном случае информацию и энергию следует понимать как два частных фактора из числа многих других, которыми определяются особенности бытования и функционирования исследуемой системы, возникающие в процессе её самоорганизации.

В центре системного подхода к исследованию истории университетского образования в Европе XVI-XVIII вв. располагается специфическое понимание его природы, что позволяет вести речь о системе университетского образования. В данном случае имеет место умножение смысла понятия. Говоря о системе университетского образования, мы в первую очередь подразумеваем совокупность явлений, процессов, закономерностей, агентов, практик, институтов, организаций, норм и комплекса автономных факторов, объединённых общим смыслообразующим «моментом». В данном случае таким «моментом» выступает образовательная деятельность высшего порядка, в той её части, которая осуществлялась в рамках университетской организации. Помимо названного понимания смысла понятия «система университетского образования», следует вести речь ещё об одном. Система университетского образования понимается нами как своего рода комплекс предписаний, норм, регламентаций и рекомендаций, призванный эффективно организовать индивидуальную или коллективную деятельность в границах университетской организации. Между двумя названными уровнями системности будет помещаться вся совокупность эмпирического материала, охватывающего историю университетского образования рассматриваемого периода.

Второй ключевой компонент теоретико-методологического основания диссертационного исследования заключается в признании социокультурного характера рассматриваемой системы. Принятие данной точки зрения позволяет говорить о двух ипостасях исследуемой системы: социальной и культурной. Социальная ипостась системы университетского образования, в первую очередь, раскрывается в комплексе характеристик и функций университетского образования как социального института. Однако этим социальная ипостась не ограничивается. У системы университетского образования имеется весьма обширное общественное измерение,

образуемое совокупностью людей, действующих в рамках этой системы, институтами, структурами и организациями, составляющими её базовый каркас, комплексами социальных практик, нормами и поведенческими стереотипами и др.

Культурная ипостась университетского образования не ограничивается только такими традиционными аспектами как культивирование образованности и научное творчество. Университет выступает как субъект активной культуротворческой деятельности. Одновременно университет представляет собой особого рода культурное суб-пространство, отличающееся значительной степенью инаковости. В связи с этим допустимо говорить, что университет – это особый культурный мир.

Принятие идеи о двух ипостасях системы университетского образования в качестве исходного тезиса позволяет рассматривать исследуемый объект не только как комплекс отдельных компонентов, но и как целое, обладающее набором специфических характеристик, не сводимых к особенностям его компонентов.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о теории среднего уровня, используемой нами в процессе работы над диссертационным исследованием. В качестве таковой применительно к нашему исследованию выступает учение о теориях образования высшего порядка, или теория образовательных систем высшего порядка. В данном случае мы сталкиваемся с теоретической конструкцией, а если точнее, то комплексом теоретических построений, лежащим на стыке различных научных дисциплин: философии образования, теории высшего образования, педагогики и психологии высшей школы. Результатом синтеза названных компонентов выступает формирование особых подходов к организации, содержанию, преобразованию университетского образования. Кроме того, теория систем образования высшего порядка рассматривает вопросы управления, интеграции университетской организации в окружающую социокультурную среду.

Здесь же следует обратить внимание на специфичность нашего подхода к использованию теории систем образования высшего порядка. Названные теоретические построения носят на себе глубокий отпечаток философского идеализма, выступая его практической

реализацией, хотя и осуществляемой с прагматических позиций. Таким образом, теории содержат информацию о том «как оно должно быть», а не о том «как оно есть (или было) на самом деле». В результате возникает своего рода диалектическое напряжение между теоретической моделью и исторической реальностью исследуемой системы. Следует оговориться о том, что теории систем образования высшего порядка, возникшие на современном материале, и одноименные теоретические конструкции, обращающиеся к историческому материалу, представляют собой принципиально отличные концепты, несмотря на объективно существующую созвучность названий. Однако и при таком раскладе существует реальная угроза модернизации производимой в исследовании реконструкции исторической действительности. Дабы избежать этого, нами предлагается использовать не только современные теории систем образования высшего порядка, но и теоретические построения, возникшие в рассматриваемое время, то есть являющиеся современниками исследуемой системы университетского образования.

Всё сказанное позволяет выделять пять осей диалектического напряжения: между абстрактной теорией систем образования высшего порядка и исследуемой системой; между современными и историческими теориями систем образования высшего порядка; между современными историческими теориями систем образования высшего порядка и одноименными теоретическими построениями, возникшими в рассматриваемое время; между современной исторической теорией систем образования высшего порядка и исследуемой системой; между историческими эпохальными теориями систем образования высшего порядка и исследуемой системой. В итоге выстраивается объёмная фигура в виде четырехгранной пирамиды, позволяющая теоретически описать, задать и смоделировать любые процессы, явления, события, имевшие место в истории исследуемой системы.

Выше нами утверждался тезис о том, что исследуемая нами система является «живой». Однако этот тезис следует скорее признать теоретическим лукавством, нежели фундаментальным научным положением. Говоря об университетском образовании в Европе XVI –

XVIII вв., следует вести речь только о так называемой «оживлённой» системе, так как время исторической жизни этой системы истекло около двух веков назад. Следовательно, нам приходится иметь дело не с самой системой университетского образования, а с её реконструкцией, иными словами, с моделью. Осознание этой особенности выводит нас к необходимости использования передовых достижений современной проектной культуры научного творчества. Подводя итог характеристике теоретико-методологической базы нашего диссертационного исследования, необходимо отметить её синтетический характер, придающий исследованию перспективность и делающий прогнозы его результатов весьма многообещающими.

Научная новизна диссертационного исследования определяется рядом следующих факторов:

- впервые предпринимается попытка изучения истории университетского образования в Европе XVI – конца XVIII вв. с точки зрения системного подхода, социально-исторической антропологии и социологии знания, в результате чего определяются пути преодоления негативных последствий феноменологического подхода к изучению университетской истории Европы рассматриваемого периода;

- вводятся в научный оборот в качестве исторического источника произведения университетской художественной литературы и научной публицистики, использование информационного потенциала которых стало возможным благодаря применению средств информативно-целевого, докисического анализа и контекстуального реконструктивного синтеза;

- впервые в исследовании по университетской истории используются такие концепты, как структурно-организационная составляющая системы университетского образования, университетская идеология, университетское сообщество, гуманитарные технологии университетского образования, позволяющие углубить анализ исторического материала и, как результат, получить более совершенные синтетические реконструкции прошлого университетского образования в Европе;

- введены в научный оборот Интернет-ресурсы по истории университетского образования в Европе и колониях XVI-XVIII вв.

Широко использованы электронные версии графических материалов источникового характера.

Следует отметить, что рассматриваемый период истории университетского образования в Европе, как парадоксально это не кажется, значительно хуже обеспечен доступными исследователям источниками по сравнению со средневековьем. В данном случае речь идёт об опубликованных источниках, следовательно, введённых в научный оборот. Неопубликованными источниками университетская история XVI – XVIII вв. богата как ни одна другая, но источники эти сконцентрированы в зарубежных архивах и крупных собраниях (коллекциях) документов и в силу этого недоступны большинству отечественных исследователей, особенно проживающим к востоку от Уральского хребта. Учитывая всё сказанное, необходимо заострить внимание на том, что в составе источниковой базы нашего диссертационного исследования будут практически отсутствовать такие традиционные для университетской истории разновидности источников, отложившихся в интересующий нас период, как политические манифесты и административно-правовые памятники, университетское законодательство, делопроизводственная документация, материалы хозяйственной отчётности.

Напротив, наибольший объём в источниковой базе исследования будет отведён двум категориям источников: так называемой «университетской художественной литературе» (прозе, поэзии, драматургии) и научной публицистике. Представляется необходимым более подробно остановиться на характеристике названных массивов источникового материала.

В XX в. сложилась устойчивая практика изучения значительного пласта литературы, теснейшим образом связанной с университетским сообществом средневековой Европы. В центре внимания исследователей, по большей части, находились поэтические произведения либо созданные «университетчиками», либо адресованные университетскому сообществу. Чаще всего исследователи обращались к поэзии вагантов, реже к другим произведениям университетских интеллектуалов поэтического жанра. Примером достаточно убедительной попытки обратиться к университетской поэзии невагантского происхождения в качестве

исторического источника служит статья П.Ю. Уварова «Характерные черты университетской культуры»⁹.

К «университетской художественной литературе» следует относить прозаические, поэтические и драматургические произведения таких групп авторов как: 1) обучавшихся в университетах и писавших об университетах и университетском сообществе; 2) обучавшихся в университетах, но не писавших специально, не затрагивавших сюжеты, связанные с университетским сообществом; 3) не обучавшихся в университетах, но писавших об университетах и университетском сообществе.

Под университетской художественной литературой понимается совокупность поэтических, прозаических и драматургических произведений, отдельные элементы содержания которых отражают те или иные реалии университетского сообщества и грани университетского образования. На примере трёх классических произведений современного университетского романа нам удалось установить, что названные элементы содержания созданы авторами на основе их собственного опыта. В результате, повествование художественного произведения оказывается привязанным не столько к хронологическим рамкам жизни автора, сколько к периоду времени от получения им университетского образования до непосредственного написания произведения, но и оказывается встроенным в исторический и культурный контекст эпохи. В силу этого, можно говорить о двойственной историчности университетского романа. В тоже время, нет какого-либо препятствия, не позволяющего переносить эту характеристику на всю университетскую художественную литературу в целом.

Принимая во внимание двоякую историчность университетской художественной литературы, допустимо выделять особого рода группу разноплановых произведений, время создания которых приходится на период от рубежа XV-XVI вв. до первой половины XIX в. Подобное расширение хронологических рамок представляется справедливым в связи с высокой степенью инерциальности процессов трансформации культурно-исторического контекста.

⁹ Уваров П.Ю. Характерные черты университетской культуры // Из истории университетов Европы XIII-XV веков. – Воронеж, 1984. – С. 5-28.

Интересующие нас элементы содержания университетской художественной литературы следует рассматривать как фрагментированную информацию, двоякая историчность которой позволяет интерпретировать её как исторический источник. Таким образом, университетская художественная литература представляет собой массив нарративных источников. Жанровое разнообразие и формальная неоднородность данного массива, тем не менее, не ведут к его аморфности и рыхлости. Напротив, он поддаётся структурированию и организующей классификации.

Наиболее эффективной представляется классификация, основанная на специфике отношения авторов произведений к университетскому образованию и факторе их обращения к университетским сюжетам. Согласно названным признакам можно выделять следующие разновидности: 1) произведения авторов, обучавшихся в университетах и писавших об университетах и университетском сообществе (Ульрих фон Гуттен (1488-1523)¹⁰, Франсиско де Кеведо-и-Вильегас (1580-1645)¹¹, Мигель де Сервантес (1547-1616)¹², Лопе де Вега (1562-1635)¹³, Шарль Сорель (1602-1674)¹⁴, Ален-Рене Лесаж (1668-1747)¹⁵, Франсиско Хавьер Эухенио де Санта Крус-и-Эспехо (1747-1795))¹⁶; 2) произведения авторов, обучавшихся в университетах, но не затрагивавших специально сюжеты, связанные с университетским сообществом (к этой категории с определёнными оговорками можно отнести «Мещанский роман» Антуана Фюретьера (1619-1688))¹⁷; 3) произведения, авторы которых не обучались в университетах, но писали об университетах и

¹⁰ Письма тёмных людей // Брант С. Корабль дураков; Эразм Роттердамский Похвала Глупости. Навозник гонится за орлом. Разговоры запросто; Письма тёмных людей; Гуттен У. фон Диалоги. – М., 1971.

¹¹ Кеведо-и-Вильегас Франсиско де История жизни пройдохи по имени дон Паблос // Плутовской роман. - М., 1975.

¹² Сервантес Мигель де Лицензиат Видриера // Назидательные новеллы. – М., 1982.

¹³ Вега Лопе де Университетский шут // Собрание сочинений в шести томах. – Т. 3. – М., 1963.

¹⁴ Сорель Ш. Правдивое комическое жизнеописание Франсиона. – М., 1990.

¹⁵ Лесаж А.-Р. Хромой Бес. – М., 1958.

¹⁶ Хесуальдо Эухенио Эспехо – эквадорский просветитель XVIII в. // Латинская Америка в прошлом и настоящем. – М., 1960. – С. 302-307.

¹⁷ Фюретьер А. Мещанский роман // Мещанский роман. Комическое сочинение. – М., 1962.

университетском сообществе (Бонавантюр Деперье¹⁸, Поль Скаррон (1610-1660)¹⁹, Вашингтон Ирвинг (1783-1859))²⁰. Наибольший интерес, с нашей точки зрения, представляют произведения, относящиеся к первой и третьей категории.

Произведения, принадлежащие ко второй разновидности, интересны для исследователя университетского сообщества в том плане, что содержат любопытный материал, позволяющий составить представление о том, как видится внешний мир «из Латинского квартала». Обращаясь к подобным произведениям, исследователь получает возможность изучать «университетский взгляд» на общество, культуру, политику, человеческую личность, но эти произведения практически не могут помочь в изучении истории собственно университетского образования в силу того, что взгляд автора направлен вовне, за пределы университетского сообщества. Так как в XVI-XVIII вв. университеты всё ещё удерживали ведущие позиции в подготовке интеллектуальной и духовной элиты Европы и колоний, а именно представители этих элитарных групп чаще всего выражали себя в создании художественной литературы, то рассматриваемая категория оказывается весьма обширной, что в сочетании с уже сказанным, позволяет нам ограничиться самой беглой её характеристикой и сосредоточить внимание на литературе, относящейся к другим двум разновидностям.

Переходя к источниковедческому анализу произведений университетской художественной литературы, принадлежащих к названным двум категориям, обозначим ряд краеугольных тезисов, на которых базируется принятый нами подход к университетской художественной литературе Европы и колоний XVI-XVIII вв. как историческому источнику. В первую очередь, сведения, извлекаемые из памятников университетской художественной литературы, в значительной степени, отличаются низкой конкретностью. Однако указанный недостаток не только снимается, но и обращается в достоинство ввиду того, что в центре наших исследований находится

¹⁸ Деперье Б. Новые забавы и весёлые разговоры // Новые забавы и весёлые разговоры. Кимвал мира. – М., 1995.

¹⁹ Скаррон П. Саламанкский школяр или Великодушные враги. Трагикомедия в пяти действиях // Комедии. – М., 1964.

²⁰ Ирвинг В. История Нью-Йорка. – М., 1968.

система университетского образования, т.е. высокоуровневая историческая абстракция, для постижения которой как раз и необходимы неконкретные, абстрактные сведения. Фрагментарность же компенсируется применением контекстного анализа.

Второй тезис исходит из признания высокой степени аутентичной достоверности сведений, извлекаемых из сообщений университетской художественной литературы. Причина этого коренится в первую очередь в том, что рассматриваемые произведения были адресованы современникам, максимально приспособлены к их восприятию. Вторая немаловажная причина заключается в принадлежности этих произведений к так называемой «несерьёзной» литературе, юмористический и сатирический пафос которой мог достигаться только при условии узнавания читателями за конструкциями художественного вымысла реалий их собственной исторической действительности.

Смысл третьего тезиса сводится к ответу на известный вопрос П. Бурдые относительно свободы от привитых университетским образованием клише в высказываниях по поводу самого университетского образования. Очевидна невозможность в подобных рассуждениях уйти от прошлого опыта университетского самопредъявления и самопрезентации, избежать тавтологий, принятых взглядов на образование, т. е. представлений, полученных в процессе образования же. Как можно говорить об университете, не принося жертвы тому, что университеты считают само собой разумеющимся и потому применяют к себе мыслительные категории, произведенные ими самими же²¹? Авторы, принадлежавшие к университетскому сообществу, по сути, сформированные университетом, очень склонны думать о нем как о чем-то очевидном, т. е. универсальном, и абсолютизировать отдельный университет, продуктом которого они являлись. Для них характерна тенденция приписывать ему массу всяческих свойств, которые представляются для них разумеющимися сами собой, что весьма закономерно для тех, чьи категории восприятия сформированы объектом, к которому эти

²¹ Бурдые П. Университетская докса и творчество: против схоластических делений // *Socio-Logos* '96. – М.: Socio-Logos, 1996. - С. 8-31. (18 апреля 2002 г.) - <http://bourdieu.narod.ru/bourdieu/PBdoxa.htm>.

категории применяются²². Взгляд сквозь призму университетской доксы представляется правомерным и для тех произведений университетской художественной литературы, авторы которых не принадлежали к университетскому сообществу, только в данном случае вступает в действие механизм «зеркального отражения», в котором основным индикатором выступают университетские стереотипы, бытующие в общественном сознании, но сформированные если не благодаря осмысленной внешней активности университетчиков, то вопреки ей.

Четвертый тезис призван обосновывать увеличение объёма массива анализируемой литературы за счёт расширения географических рамок, в результате чего появляется возможность рассматривать произведения авторов, проживавших и творивших далеко за пределами Европы. В данном случае географический фактор подчиняется культурно-цивилизационному детерминизму, с точки зрения которого на протяжении XVI-XVIII вв. Европа, американские и азиатские колонии представляли собой единую суперцивилизацию, своего рода «большую Европу». В рамках этой «большой Европы», или «трансокеанического Запада», в XVI – конце XVIII вв., с нашей точки зрения, существовала единая система университетского образования, осознающее своё единство университетское сообщество, что создавало общий смысловой контекст для университетской художественной литературы, отдельные произведения которой были связаны с Испанией и Эквадором, Парижем и Нью-Йорком.

Основанный на названных положениях подход источниковедческого анализа позволяет достаточно успешно извлекать из произведений университетской художественной литературы XVI-XVIII вв. весьма разноплановые сведения, необходимые для исследований по истории университетского образования в Европе и колоний.

Самый обширный пласт информации, извлекаемой из сообщений университетской художественной литературы, имеет прямое отношение к изучению структур повседневности университетского сообщества Европы и колоний XVI-XVIII вв. Опираясь на сведения университетской художественной литературы и приёмы контекстного

²² Там же.

анализа, представляется возможность не только реконструировать «поле» повседневной жизни университетского сообщества, но и ввести в эти реконструкции человека, что достигается путём наложения внутренней иерархии университетского сообщества и индивидуальной истории («биографии») персонажей, являющейся своего рода социокультурным стереотипом.

Но информационная ценность университетской художественной литературы не ограничивается сведениями о структурах повседневности университетского сообщества. Используя приёмы контекстного и информативно-целевого анализа, из сообщений университетской художественной литературы можно извлечь сведения об организации учебного процесса в университетах, о структурировании университетского образовательного пространства Европы и колоний и системе отношений между субъектами образовательной деятельности высшего порядка, возникающих в его границах, о гуманитарных технологиях, использовавшихся в университетском образовании, об идеологических установках университетского сообщества, о социально-антропологическом облике корпорантов университетского сообщества. Подтверждением этому служат результаты, полученные П.Ю. Уваровым при сопоставлении данных нотариальных актов и сообщений романа Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль» относительно весьма известных в университетском сообществе Франции XVI в. лиц: ректора Парижского университета Пьера Голланда и декана факультета теологии Сорбонны Николя Леклерка²³.

Подводя итог рассмотрению вопросов, связанных с источниковой интерпретацией университетской художественной литературы в рамках исследований по истории университетского образования Европы и колоний XVI – конца XVIII вв., следует дать краткую характеристику специфике её функционирования в информационном поле реконструируемой системы университетского образования. Как было уже продемонстрировано, сообщения произведений университетской художественной литературы как исторических

²³ Уваров П.Ю. Университетский интеллект у парижского нотариуса (к вопросу о «нормальном исключении») // Средние века. Вып. 60. – М., 1997. – С. 57-71.

источников содержат информацию, характеризующую самые разнообразные стороны жизни университетского сообщества и многие аспекты университетского образования в Европе и колониях XVI – конца XVIII вв. Неконкретность и значительная абстрактность сообщений делают содержащиеся в них сведения более гибкими при встраивании их в информационный контекст исследования. В свою очередь, благодаря этому закладывается гибкость и полиморфичность процедур контекстного анализа. Использование информационных ресурсов университетской художественной литературы делает возможным преодоление традиционной закрытости сферы образования для широкой гласности, которая находит воплощение в значительной ограниченности доступа исследователей к массивам источников других видов, типов и классов. Конечным же итогом этого выступает повышение интегративных свойств производимых реконструкций, для которых обогащение информационного контекста не будет грозить разрушением, а, напротив, окажет содействие их дальнейшему совершенствованию.

Массив научной публицистики составляет совокупность сочинений мыслителей и учёных XVI – XVIII вв., носящих по преимуществу философский, политико-теоретический, правоведческий, экономический, педагогический или обществоведческий характер²⁴. Названную совокупность источников

²⁴ См.: Роттердамский Э. Оружие христианского воина // Философские произведения. – М.: Наука, 1986. – С. 90-217; Боден Ж. Метод лёгкого познания истории. – М.: Наука, 2000. – С. 7-331; Декарт Р. Правила для руководства ума // Сочинения в 2 т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1989. – С. 77-153; Егго же Разыскание истины посредством естественного света... // Там же. – С. 154-178; Мандевиль Б. Опыт о благотворительности и благотворительных школах // Басня о пчелах, или Пороки частных лиц – блага для общества. – М.: Наука, 2000. – С. 150-195; Беркли Дж. Трактат о принципах человеческого знания, в котором исследованы главные причины заблуждений и затруднений в науках, а также основания скептицизма, атеизма и безверия // Сочинения. – М.: «Мысль», 2000. – С. 115-213; Локк Дж. Мысли о воспитании // Сочинения: В 3-х т. – Т. 3. – М.: Мысль, 1988. – С. 407-608; Егго же Мысли о том, что читать и изучать джентльмену // Там же. – С. 609-614; Вольтер Философские письма // Философские сочинения. – М.: Наука, 1988. – С. 70-226; Егго же Назидательные проповеди, прочитанные в приватном собрании в Лондоне в 1765 году // Там же. – С. 374-400; Дидро Д. Прогулка скептика, или Аллеи // Сочинения: в 2-х т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1986. – С. 199-265; Егго же Письмо о слепых, предназначенное зрячим // Там же. – С.275-321; Егго же Продолжение апологии господина аббата де Прада, или ответ на пастырское

представляется допустимым разделить на две части. В первую из них войдут сочинения тех мыслителей и учёных, которые не только в своём научном творчестве обращались к университетским темам, но и сами обладали университетским образованием. Ко второй же части следует относить произведения тех интеллектуалов, которые затрагивали университетскую проблематику, не располагая университетским образованием.

Вплотную к названным совокупностям источников примыкает ещё одна, образованная произведениями эпистолярного жанра. Письма в то время являлись едва ли не единственным средством опосредованной коммуникации, действовавшей при том на весьма значительные расстояния. В связи с этим очень многие люди того времени выразили себя и своё время в многочисленной переписке. Здесь можно упомянуть целое назидательное сочинение в письмах графа Честерфильда к своему сыну, получившее название «Изящные искусства, подходящие для светского человека и джентльмена», написанное в 1746-1771 гг.²⁵. «Безмолвные вестники» той эпохи готовы сообщить нам множество полезной информации, отказываться от использования которой представляется ошибочным.

Все перечисленные виды источников отличаются рядом специфических черт, определяющих особенности извлекаемых из них сведений. К этим особенностям относятся: фрагментарность и мозаичность получаемой информации, а порой и принципиальная невозможность установления корреляции между данными источника и уже реконструированными реалиями системы университетского образования, высокая степень субъективности содержащейся информации. Сказанное позволяет ставить вопрос о непрезентативности источниковой базы нашего диссертационного исследования и подводит к необходимости поиска решения этой проблемы.

наставление его преосвященства епископа Осерского // Сочинения: в 2-х т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1991. – С. 3-43.

²⁵ Честерфилд Письма к сыну. – М.: Культура и традиции, 1993. – С. 5-175; Letters to his son by the earl of Chesterfield on the Fine Art of becoming a man of the world and a gentleman (15 ноября 2001 г.). - <ftp://sunsite.unc.edu/pub/docs/books/gutenberg/etext01/lcewk10.txt> .

Решение названной проблемы видится в обращении к корпусу источников, возникших в предыдущий период университетской истории Европы²⁶. Одновременно необходимо отметить, что средневековая университетская история в достаточной мере обеспечена опубликованными источниками. Исходя из непрерывности развития университетского образования в Европе, вполне допустимо выстраивать реконструкции, в основании которых будут лежать данные, извлечённые из средневековых источников, центральную часть составит информация, полученная при анализе массива источников XVI – конца XVIII вв., а вершина будет формироваться за счёт сведений, относящихся к периоду до середины XIX столетия. Использование этого приёма позволит, во-первых, преодолеть фрагментарность и мозаичность сообщений источников XVI – XVIII вв., и, во-вторых, снять с этих сообщений налёт субъективности и художественного вымысла.

Дальнейшая обработка извлечённой из источников информации производится при использовании инструментария контекстуального анализа, который, в свою очередь, обращается к уже описанной выше конструкции. Здесь же следует обратить внимание на то, что контекстуальный анализ подразумевает использование данных историографии. Данные эти используются двояким образом. Первый способ заключается в обращении к историографии как готовому реконструктивному материалу. Второй же способ состоит в использовании историографических материалов в качестве вторичных источников.

Содержащиеся в диссертационном исследовании материалы могут быть использованы для разработки специальных курсов по истории университетского образования. основополагающие идеи и ключевые выводы работы могут найти применение при разработке научно-теоретической базы, стратегии и тактики очередного этапа

²⁶ См.: Документы по истории университетов Европы XII-XV вв. – Воронеж, 1973; Антология педагогической мысли христианского средневековья: В двух томах. – Т. II. Мир преломился в книге. Воспитание в средневековом мире глазами учёных наставников и их современников. – М.: АО «Аспект Пресс», 1994; Послушник и школяр, наставник и магистр. Средневековая педагогика в лицах и текстах. – М.: Изд-во РОУ, 1996; Лирика вагантов // Лирика вагантов. Немецкая народная поэзия в переводах Л. Гинзбурга. Колесо фортуны. – М.: Зеркало-М, 1998. – С. 17-133.

реформирования системы образования не только в России, но и за рубежом.

Материалы исследования были представлены в докладах и публикациях на вузовских, региональных и международных научных и научно-практических конференциях и семинарах в 1997-2004 гг. Основные идеи и выводы работы изложены в 7 публикациях объёмом 2,5 п.л.

Внешняя структура диссертации представляется традиционной. В состав работы входят введение, три главы основной части, заключение, список использованных источников и литературы. Во введении даётся обоснование актуальности исследования, характеристика тематической историографии и источниковой базы исследования. Кроме того, во вводной части формулируются цель и задачи исследования. Отдельное внимание во введении уделено характеристике теоретической базы работы и комплекса методов, использованных в процессе работы над диссертационным исследованием. В заключительной части диссертации подводятся итоги исследования и делаются обобщающие выводы по всему содержанию работы.

Глава 1

Формирование системы университетского образования в Европе XVI – конца XVIII вв.

1.1 Состояние университетского образования в Европе к началу XVI века

К началу рассматриваемого периода история университетского образования в Европе насчитывала без малого три с половиной столетия. Ключевым понятием для периода со второй половины XII – до конца XV вв. в университетской истории Европы выступает средневековая европейская система университетского образования. Именно с вехами её становления, развития, кризиса и многочисленных трансформаций связано содержание названного периода. Избранный нами подход представляется правомерным потому, что принципиально неверным оказывается отделение событийной составляющей истории университетского образования от истории структур, осуществлявших названную образовательную деятельность²⁷. Сочетание этих компонентов задаёт границы особого рода поля, в котором, накладываясь друг на друга, фиксируются основные этапы и вехи раскрытия внутреннего потенциала системы университетского образования в Европе от зарождения и до рубежа XV-XVI вв. и результаты творческой деятельности отдельных лиц, групп и коллективов, активность которых происходила как в самой сфере университетского образования, так и в ряде смежных областей.

Историю средневековой европейской системы университетского образования от возникновения до конца XV в. представляется возможным разделить на несколько периодов: 1) середина – конец XII в. – время зарождения университетского образования в Европе; 2) начало XIII – конец семидесятых годов XIV в. – период становления системы университетского образования в Европе, получивший в историографии название «универсального века»; восьмидесятые годы XIV – конец XV вв.: содержание этого периода определили тенденции интенсификации и специализации университетского образования,

²⁷ Баткин Л.М. Странная тюрьма исторической необходимости // Одиссей. Человек в истории. 2000. – М.: Наука, 2000. – С. 70.

развитие которых происходило на фоне стагнации и сползания системы к кризису, ставшему очевидным ближе к концу XV в., «эра национализации и регионализации».

Возникновение средневекового европейского университетского образования стало откликом на острую проблемную ситуацию, смысл которой заключался в явлении «перегрева» существовавшей системы школьного образования. Под перегревом в данном случае понимается лавинообразное увеличение числа школ всех видов и организационных форм. Результатом этого был рост числа школяров и схоляриев, что закономерно приводило, на фоне узости социальной ниши, предназначенной средневековым интеллектуалам, к возникновению острой конкурентной борьбы между образованными – *litterati* (гумантарно образованными интеллектуалами, представителями «средневековой интеллигенции»). Названные процессы происходили в условиях отсутствия действенного механизма контроля качества образования и содержания культивируемой образованности.

К рубежу I-II тыс. н.э. в Западной Европе функционировала сложная, многоуровневая система школьного образования, основу которой составляли заведения следующих типов: 1. монастырские: а) внутренние школы для мальчиков, готовившихся к пострижению в монахи; б) внешние школы для мальчиков-мирян; 2. соборные, или кафедральные - при епископских резиденциях: а) для подготовки будущих священнослужителей; б) для мирян; 3. приходские, которые содержались священниками. В XI в. сюда же присоединились магистратские (городские), цеховые, гильдейские и частные светские школы. По логике вещей все названные категории школ формально обладали одинаковым статусом, но на практике всё выглядело совершенно иначе. Некоторые из школ давали только начальное образование, другие обеспечивали более высокий уровень подготовки, а в третьих культивируемая образованность на полном основании претендовала на то, чтобы называться образованием высшего порядка. Собственно говоря, только магистратские школы могли похвастаться относительно более высоким статусом. Зачастую в одной местности существовали школы всех названных типов, что закономерно приводило к возникновению антагонистических отношений между

ними как собственно на педагогической, так и на экономической почве.

Появление очередной новой школы приводило к оттоку школяров из всех других, существовавших прежде. Реакция на это обычно бывала незамедлительной, а возмездие безжалостным, без малейшего стеснения в средствах. Ярким примером возникавших коллизий служит «дело Абеяра», судьба которого не сложилась бы столь печальным образом, существуй в его время Парижский университет.

Следует оговориться, что «вертикаль» в этой структуре обслуживалась также и «горизонтальными» процессами и институтами, среди которых можно выделить особую группу людей – вагантов и связанное с ними движение. Движение вагантов – бродячих школяров, представляло собой явление общеевропейского масштаба, которое, возникнув до появления университетов, продолжало существовать и одновременно с ними. Существование способствовало развитию интернационального характера средневекового университетского образования. Движение было столь мощным и продолжительным, что постепенно сформировалась определённая организация, подобие религиозного ордена²⁸. Эта организация не носила формального характера, а поддерживалась исключительно силой традиции и общностью образа жизни и этических норм её членов.

Принимая во внимание описанные обстоятельства, можно сформулировать задачи, решить которые предстояло как университетской организации в целом, так и отдельным её структурам. Упорядочивать организацию школьного образования надлежало артистическим факультетам. Со времени появления университетов определяющей характеристикой существования и работы школ свободных искусств стала степень их близости к университетской организации. Методический контроль и отслеживание содержания культивируемой в школах образованности, а так же право санкционирования преподавательской и воспитательной деятельности возлагались на университетскую

²⁸ Орден вагантов // Лирика Вагантов. Немецкая народная поэзия в переводах Л. Гинзбурга. Колесо фортуны. – М.: Зеркало-М, 1998. – С. 19-24.

организацию в целом. Данные полномочия сосредотачивались в руках руководства университетов, чаще всего представленного канцлером университета, который входил в правящую диархию *Alma mater* и иерархию епископальной администрации и осуществлял не только тесную взаимосвязь организации с церковными властями, но и выступал в качестве эмиссара последних в рамках организации. После появления университета вопрос о предоставлении *licentia ubique docendi* (разрешения - лицензии на преподавание) стал рассматриваться церковными властями при активном участии университетов. В новой ситуации за церковью оставалось только право формальной санкции, а прерогативы представления, рекомендации и определения степени достойности претендентов переходили к руководству университетской администрации. Получаемые ранее разрешения действовали в границах конкретного диоцеза, а *licentia docendi*, полученные в университетах, имели весьма основательные претензии на *studia generalia*, т.е. на право свободного преподавания в пределах всего христианского мира.

Университет, как профессионально-корпоративная, учёно-ученическая²⁹ организация интеллектуалов средневековой Западной Европы, создавал социальную нишу для всех желающих обучать и обучаться и регулировал отношения внутри этого специфического социокультурного субпространства. Создание такой организации позволяло интегрировать сообщество интеллектуалов в общинно-корпоративное общество средневековой Западной Европы, в котором человек не мыслил себя вне той или иной организации, а оказавшись вне её был беззащитен перед лицом социальных коллизий и подвержен опасному враждебному влиянию. Природа объединительных процессов, лежавших в основе университетского корпоративного строительства выглядит сходной с сущностью явлений гуманистического самоопределения в Италии эпохи Ренессанса, но только с учётом принципиальной поправки на то, что названные процессы в ренессансной Италии возникли как реакция на малоэффективность предложенных университетской организацией

²⁹ Рабинович В.Л. Исповедь книгочех, который учил букве, а укреплял дух. – М.: Изд-во «Книга», 1991. - С. 34-35.

подходов к интеграции новых компонентов в состав социокультурного универсума западноевропейского общества.

В этом же ключе следует понимать и роли, отводившиеся «старшим» факультетам университетов. В рамках трёх специальных факультетов: медицинского, юридического и теологического, - произошло отделение профессионального обучения от непосредственной профессиональной деятельности, приведшее к тому, что выделенный комплекс профессиональных знаний, умений и навыков быстрыми темпами эволюционировал в направлении научной теоретизации. В итоге возникли три специальные научные дисциплины и связанные с ними комплексы образовательных практик, которые составили фундамент учебно-научного процесса на медицинских, юридических и теологических факультетах. Отрыв профессионального образования высшего порядка от соответствующих производственных корпоративных организаций способствовал освобождению данных областей знаний от влияния профессиональных магическо-эзотерических комплексов.

Ещё одним штрихом дезорганизации, царившей в средневековом европейском образовании, было отсутствие практики строгого регламентирования сроков обучения, что создавало большие трудности в плане вовлечения всей образовательной системы в комплекс организационных структур обыденных практик общества. Источники сообщают, что в доуниверситетскую эпоху сроки обучения не только варьировались в зависимости от желаний схоларов и способностей школяров, но имели устойчивую тенденцию к увеличению, что накладывало ограничения на участие выпускников в общественном производстве, так как приобретение законченного образования совпадало по времени с наступлением физической дряхлости³⁰.

Развитие образования в средневековой Европе подготовило благоприятную почву, на которой во второй половине XII – начале XIII вв. возникают первые университеты. С этого времени в развитии системы интеллектуального образования наступает принципиально иной этап, ознаменовавшийся трансформациями как в

³⁰ Доброе, старое время // Лирика Вагантов. Немецкая народная поэзия в переводах Л. Гинзбурга, Колесо фортуны. – М.: Зеркало-М, 1998. – С. 48.

горизонтальной, так и в вертикальной плоскостях системы. Иерархические изменения состояли в переходе системной деятельности на следующий, более высокий уровень, в результате чего произошло конституирование практик, институтов и организаций образовательной деятельности высшего порядка.

Бытует мнение, что только в XIV-XV вв. университет становится отдельным академическим учреждением³¹, т.е., заканчивается процесс складывания сложного социокультурного образования, состоявшего из двух разнопорядковых компонентов – учебного заведения – *studium generale* и социальной организации, каковой являлся *universitas magistrorum et scholarium*. Следовательно, своеобразное «обрастание» *studium generale* соответствующей социальной организацией тех, кто в нём учит и учится растянуто во времени и достаточно далеко отстоит от момента создания самого учебного заведения.

Судя по всему, возникновение средневековой европейской системы университетского образования не было безальтернативным явлением, более того, несостоявшийся вариант развития университетского образования в средневековой Европе оказал влияние на формирование самой этой системы. Частным случаем проявления этого влияния следует считать так называемую «загадку» Монпелье. В литературе университет Монпелье относится к группе старейших университетов Европы, хотя, надо признать, существует крайняя неопределённость в плане уточнения времени образования этого университета. Надо полагать, что университетская организация сложилась в Монпелье в течение периода времени между 1181-1220 гг.

Как отмечает Н.С. Суворов, имеются веские основания утверждать, что в Монпелье сосуществовали два университета³². Истоки этого явления стоит искать в 20-30-х гг. XIII в., когда сначала папский легат даровал медикам новые статуты, а затем Людовик Святой предоставил местному епископу канцлерские прерогативы по отношению к лиценциатам и докторам обоих прав. На основании этого появляется возможность предполагать, что в Монпелье

³¹ Пиков Г.Г. Средневековая система образования и университеты. (10 июля 2002 г). – <http://gkclass.nsu.ru/koi/gum/medieval/univer.htm>.

³² Суворов Н.С. Средневековые университеты. – М., 1898. – С. 61.

происходило параллельное развитие двух университетских организаций: медицинской и юридической. Это обусловило складывание в Монпелье своеобразной конфигурации университетских структур. В первую очередь надо вести речь о медицинском университете, модель которого, видимо, была близка к медицинской школе Салерно. Во-вторых, нельзя игнорировать и юридический, а точнее, общий университет, так как в нём объединялись кроме собственно юристов ещё и артисты, а позднее теологи.

Системные отношения и связи закладывались на первичном уровне благодаря сосуществованию в одном локальном пространстве двух университетских организаций, каждая из которых в отдельности не полностью отвечала набору признаков, характеризующих такую организацию образовательной деятельности высшего порядка, как университет. Полностью соответствовать статусу университета могли две названные организации вместе, благо, обе корпорации формировались вокруг одной генеральной школы. С другой стороны, в общем университете корпорации артистов, а позднее и теологов играли второстепенные роли, что наводит на мысль об относительной слаборазвитости соответствующих школ в рамках *studium generale*, что делало необходимым налаживание связей с другими *Alma mater*, где названные школы были более развитыми и имели известный авторитет. Для осуществления подобных связей необходимо было создание и поддержание комплекса норм и институтов: академической экстерриториальности, изъятие из общей юрисдикции, институт академического пилигримажа и др., составлявших важный аспект средневековой европейской системы университетского образования.

Наибольший интерес с точки зрения изучения ранних этапов истории европейской системы университетского образования представляют старейшие *Alma mater* Европы: Болонский и Парижский университеты.

Во время рейхстага на ронкальских полях близ Пьяченцы в 1158 г. в тринадцатый титул кодекса Юстиниана была внесена новелла, получившая название “*Authentica Habita*”, или “*Habita*”. Хотя эта грамота и адресована «ученикам», путешествующим с целью

получения образования, и «профессорам божественного и священного права», преподающим в школах Болоньи, помимо этого она имела принципиальное значение для формирования средневековой европейской системы университетского образования. Грамота Фридриха I Барбароссы (1152-1190) приобрела более широкое звучание в связи с тем, что в тексте не содержится точной привязки её действия к болонским школам³³. С другой стороны, грамота Фридриха Барбароссы узаконивала ряд институтов и норм, без которых существование системы университетского образования было бы невысказано. Речь идёт о таких нормах и институтах, как экстерриториальность, изъятие из общей юрисдикции, принадлежность прав на изъятую юрисдикцию. Очевидно, что данная грамота заложила институциональные основы средневековой европейской системы университетского образования. Действие “Authentica Habita” распространялось не только на «учеников» и «профессоров», но и на их «посланцев», тем самым закладывая основы института университетских посланников, в результате чего возникал мощный общеевропейский канал связи, а отдельные университеты получали мощный источник доходов, так как в подобном качестве чаще всего выступали купцы, для которых присяга на верность университетской корпорации и связанные с ней отчисления в казну Alma mater означали приобретение широких льгот и значительных привилегий³⁴.

Заложенные “Authentica Habita” основы институтов межуниверситетского взаимодействия создали основу для складывания мощного канала академической коммуникации. Передача писем через университетских посланников долгое время оставалась если не единственным, то наиболее надёжным способом общения на расстоянии. Благодаря существованию этого канала формировался комплекс эпистолярных традиций университетского сообщества Европы.

³³ Грамота Фридриха Барбароссы ученикам и учителям болонских школ (1158) // Документы по истории университетов Европы XII-XV вв. – Воронеж: Изд-во ВГПИ, 1973. – С. 45-46.

³⁴ Уваров П.Ю. Университеты и идея европейской общности // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. – М.: Наука, 1993. – С. 118-119.

Ко времени создания “Authentica Habita”, надо полагать, могли образоваться студенческие товарищества по территориальному признаку, так как школяры, прибывавшие в Болонью из разных мест, стремились к объединению, позволившему бы действовать сообща и помогать друг другу. Однако прочной организации не сложилось даже к середине семидесятых годов XII в., что подтверждается обилием жалоб, направленных папскому легату во время его визита в Болонью³⁵. Причиной столь многочисленных обращений в адрес посланника престола апостола Петра был совершенно тривиальный, но весьма болезненный «квартирный вопрос». Слаборазвитые корпоративные организации не были способны эффективно регулировать вопросы, связанные с наймом жилья школярами, что приводило к тому, что более состоятельные из них перекупали помещения, уже занятые другими, но менее благополучными в финансовом отношении собратями.

Образование полноценной университетской организации в Болонье, по всей видимости, приходится на первую половину – середину XIII столетия. В это время малые землячества и ряд иных малых объединений слились в две большие корпорации-общины, получившие название – *universitas*. Обе университетские корпорации различались по национальному и географическому происхождению своих членов. В университет ультрамонтанов («загорцев» – с итальянской точки зрения) объединялись выходцы из заальпийских областей. В цитрамонтанский университет входили школяры из разных мест самой Италии. Оба эти университета состояли из более мелких союзов: «провинций» или «королевств». Так, например, в середине шестидесятых годов XIII в. университет ультрамонтанов состоял из тринадцати провинциальных союзов: галлов, пикардийцев, бургундов, выходцев из Пуату, Тура, норманнов, каталонцев, венгров, поляков, германцев, испанцев, провансальцев, англичан и гасконцев³⁶. Число «королевств» в университете цитрамонтанов достигало восемнадцати, однако необходимо иметь в виду, что здесь имела место тенденция к укрупнению союзов, в результате чего образовывались более представительные объединения и «нации».

³⁵ Суворов Н.С. Указ. соч. - С. 20.

³⁶ Там же. – С. 21.

Studium generale Болонского университета имел ярко выраженную юридическую специализацию, что приводило в конечном итоге к формированию весьма привилегированного положения юристов в университетской корпорации, и это нашло отражение в их исключительном праве замещать должности ректоров. Однако в обоих Болонских университетах имелись и те, кто преподавал и изучал как «свободные искусства», так и медицину. Болонские медики и артисты чрезвычайно тяготились подобной практикой. Названные обстоятельства не добавляли устойчивости университетским корпорациям, что выразилось в образовании самостоятельного университета артистов и медиков. Его возникновение встретило весьма негативную реакцию со стороны университета юристов, которые пытались бороться с ним руками городских властей Болоньи, инициировав издание запретительного акта в 1295 г.³⁷ Но уже в 1316 г. университет артистов и медиков был признан в мировом соглашении юридического университета с городом. Однако университетская организация Болоньи прирастала структурами вплоть до второй половины XIV в., когда в 1362 г в состав университета папой Иннокентием VI была включена теологическая школа, созданная по парижскому образцу, что существенным образом отличало её от всех иных структур болонской университетской организации.

Университетская организация Болоньи (в составе трёх университетов) в первую очередь включала в себя школяров и студентов, а профессора и магистры могли входить в корпоративный строй лишь косвенно, на основании своего происхождения из той или иной области, если не были болонскими гражданами. Согласно сложившейся традиции, в университетских корпорациях Болоньи наблюдалось исключительное доминирование школяров, иными словами, болонские университеты были организациями школяров – *universitas scholarium*.

В противовес студенческим университетам болонские профессора и магистры образовывали собственные корпорации – коллегии. Н.С. Суворов утверждал, что в Болонье существовали следующие профессорские коллегии: юристов, нотариального

³⁷ Там же.

искусства, медиков, артистов³⁸. С другой стороны, существование названных и подобных преподавательских организаций не подтверждается наличием у них формального правового статуса, информация о котором должна была содержаться в соответствующих документах³⁹. Одновременно необходимо учитывать то, что в Болонском университете *universitas scholarium* нанимали учителей по годовым контрактам⁴⁰ (и это находит косвенное подтверждение в статутах⁴¹), которые согласовывались с городскими властями, а коммуна, в свою очередь, была заинтересована в образовании преподавательских коллегий, так как они строго следили за порядком в организации экзаменов и присуждения степеней. Однако нельзя сбрасывать со счета известную степень мобильности преподавателей, которые могли переходить из одного университета в другой, из одного города в другой в поисках лучшего вознаграждения за труды, более почётной и выгодной вакансии, что делало их весьма мало привязанными к Болонскому университету как таковому, а продолжительность договорных отношений с ним имела тенденцию к сокращению до семестровых сроков⁴².

Таким образом, преподаватели Болонского университета могли образовывать особого рода организации – коллегии докторов, или профессоров, но они носили по большей части неформальный характер (близкий к статусу «ордена вагантов»). Несмотря на слабость связей конкретных преподавателей с университетом, на их полунеформальное объединение были возложены обязанности по организации и контролю за порядком при проведении экзаменов и присуждении степеней. Во втором случае, преподаватели выступали только в качестве внешних экспертов, а право санкции принадлежало представителям универсальной власти. Особым декретом папы Гонория III, изданным в 1219 г., право присуждения *licentia docendi*

³⁸ Там же. – С. 22.

³⁹ Роуг В. Университет как явление средневековой культуры // Вестник высшей школы (Alma mater). – 1991. - № 8. – С. 103.

⁴⁰ Верже Ж. Прототипы // Вестник высшей школы (Alma mater). – 1991. - № 10. – С. 102.

⁴¹ Статуты университета юристов в Болонье об обязанностях ректора (1317-1347) // Документы по истории университетов Европы XII-XV вв. – Воронеж, 1973. – С. 71.

⁴² Буркхард Я. Культура Возрождения в Италии. – М.: Юристъ, 1996. – С. 133-134.

правоведам цивилистам и канонистам, артистам и медикам, несмотря на относительно светский характер образования, закреплялось за архидьяконом болонского кафедрального капитула, а в теологии – болонским епископом. На этих церковных иерархов была возложена часть тех обязанностей, которые в других университетах, в том числе и Парижском, исполнял канцлер университета, а в Болонье они были разделены между архидьяконом и епископом, с одной стороны, и коллегиями преподавателей с другой.

Закономерности становления структур университетской организации в Болонье приобрели более широкое значение, найдя применение в процессе формирования университетов в других городах Южной Европы, однако их роль не была исключительной, так как на процесс становления средневековой европейской системы университетского образования оказал влияние комплекс принципов и норм, связанный с Парижским университетом.

Начало формирования университетской организации в Париже связано с тремя своеобразными школьными округами, сложившимися в более ранний период. Эти школьные округа, или области, получили названия от церковных учреждений, доминировавших над ними. Речь идёт об областях аббатств Сен-Виктор и Св. Женеьевы, кафедрального собора Парижской Богородицы. Затруднительно однозначно ответить на вопрос о том, какая именно школьная область стала местом зарождения Парижского университета. Основное соперничество развернулось между областью аббатства Святой Женеьевы и Собора Парижской Богородицы. По легенде, связанной с именем Пьера Абеляра, школы «независимых» магистров группировались именно вокруг аббатства Св. Женеьевы. С другой стороны, по всей вероятности, основы факультетской организации начали складываться в кафедральном округе. Этот спор можно было считать малосущественным, если бы не длительное соперничество между кафедральным канцлером и аббатом за право наделения лицензией на преподавание⁴³.

Есть основания настаивать на том, что в Париже в первой трети XIII в. происходило интенсивное развитие университетской организации и оформление её правового статуса. В это время

происходило параллельное формирование обеих суперструктур Парижского университета. Речь идёт о факультетской организации и «нациях».

Стоит отметить ряд факторов, повлиявших на становление в Париже факультетской организации. Во-первых, интересы кафедрального канцлера и преподавателей-магистров во многом совпадали. Во-вторых, перед канцлером стояла задача, не разрушая собственной лицензионной монополии в области школьного дела, добиться коренного улучшения ситуации в плане повышения качества преподавания и совершенствования, если так можно выразиться, «кадрового обеспечения». В-третьих, важной особенностью социального космоса средневековой Европы была склонность к образованию разнообразных общественных объединений по профессиональному или иным признакам. В-четвёртых, наибольшая авторитетность в европейском средневековье чаще всего принадлежала не единичному, индивидуальному субъекту, а корпорации. Последний фактор в сочетании с первым и вторым позволяют понять общую логику процесса становления факультетских структур как сугубо преподавательской организации.

Возникновение факультетской организации в *studium generale* Парижа находится в тесной связи с фигурой кафедрального канцлера, но укрепление её происходило в борьбе с ним при поддержке папской и королевской властей. Борьба эта происходила по следующим линиям напряжения: юрисдикция в отношении школяров и магистров при инцидентах с горожанами; право составлять собственные статуты; право иметь собственную печать; влияние магистров на выдачу канцлером лицензий на преподавание; привилегии в квартирном вопросе. К середине XIII в. университету удалось одержать верх по большинству из названных вопросов, а те, по которым было достигнуто компромиссное решение, и в таком виде вполне удовлетворяли корпорацию. Во второй половине 60-90-х гг. XIII в. формирование факультетского самоуправления было закончено в полной мере с введением поста декана. Юристы и медики получили

⁴³ Суворов Н.С. Указ. соч. – С. 45.

деканов в 1267 г, а печати, соответственно, в 1271 и 1274 гг., теологам же пришлось ждать до 1296 году⁴⁴.

Образование четырёх наций в Парижском университете связано с географией происхождения школяров и студентов этой *Alma mater*, которая указывает на границы ареала её прямого, преимущественного образовательного влияния. Парижские нации, подобно болонским «королевствам» и «провинциям», образовавшиеся из более мелких землячеств, получили следующие названия: французская (галльская), английская (позднее заменённая германской), пикардийская и норманнская. Каждая из них развилась в самостоятельную корпорацию, права на собственную печать были получены ими уже в сороковых годах XIII в., т.е. раньше, чем их получил университет в целом (1252 г.) и все факультеты, по отдельности.

Переплетение обеих университетских организаций происходило в связи со своеобразным порядком членства в нациях. Членами наций были школяры-студенты и магистры факультета свободных искусств. Кроме того, в состав парижских наций входили студенты трёх «старших» факультетов, так как являлись магистрами, либо лиценциатами искусств, и были приписаны к соответствующему факультету. Именно по этой причине появляется возможность с достаточной степенью уверенности говорить о том, что членство в парижских нациях могло распространяться и на профессоров «старших» факультетов. Для каждого профессора факультетов медицины, права и теологии обладание магистерской степенью, или лиценциатством в «свободных искусствах» было обязательным, что означало их формальную принадлежность к артистическому факультету, а следовательно, и к одной из парижских наций⁴⁵.

Когда в 1249 г впервые произошло избрание ректора Парижского университета, в выборах принимали участие исключительно прокураторы четырёх наций. Однако, если избирался глава университетской корпорации Парижа, охватывающей, в той или иной степени, всех учащихся и учащихся в местной *studium generale*, то делегирование властных полномочий должно было осуществляться

⁴⁴ Там же. – С. 36.

⁴⁵ Гештор А. Средневековый университет: управление и ресурсы // *Alma mater* (Вестник высшей школы). – 1996. - № 5. – С. 24.

прокураторами от лица университетского сообщества в целом. В нациях же удельный вес «артистов» был наиболее значительным, что объясняется традиционной многочисленностью их факультета. При таком раскладе, главой университета становилась креатура артистического факультета, что делало совершенно излишним пост декана соответствующего факультета. Ректор-артист стремился опираться на свой родной факультет, который сам, надо полагать, пользовался этим для повышения своего статуса по сравнению со «старшими» факультетами.

Положительной стороной системных исследований выступает возможность рассматривать разнообразные частные и исключительные случаи, не опасаясь размывания контуров изучаемого явления. Одним из таких частных и исключительных случаев рассматриваемого явления выступает образование Неаполитанского университета. Этот университет стоит особняком в ряду других себе подобных в связи с тем, что его создание и развитие неразрывно связано с государственной властью Сицилийского королевства.

Неаполитанский университет был учреждён сицилийским королём, императором Фридрихом II Гогенштауфеном в 1224 г. Кроме того, император брал на себя те обязанности, которые в других университетах исполнялись канцлером. Позднее эти обязанности были переданы великому королевскому канцлеру. Королевская администрация осуществляла по отношению к Неаполитанскому университету лицензионную политику, которую следует понимать как составную часть политики государства в области образования. Тем не менее, имелись и другие аспекты тесной связи между университетом и государством. Во-первых, император выступал гарантом безопасности для совершающих академический пилигримаж с целью обучения или преподавания в Неаполитанской *Alma mater*. Во-вторых, регентам Неаполитанского университета жалованье выплачивалось из средств королевской казны. В-третьих, магистры и профессора находились в прямой юрисдикции императора и рассматривались им как обыкновенные государственные чиновники. В-четвёртых, властью императора был установлен механизм урегулирования «квартирного

вопроса», при котором определялся жёсткий максимум цен на сдаваемые школярам помещения.

Неаполитанский университет создавался в качестве противовеса Болонскому, который, как известно, в большей степени специализировался по праву. Следовательно, Неаполитанский университет тоже должен был иметь юридическую специализацию. Из двадцати одного регента университета тринадцать являлись юристами, знатоками главным образом гражданского права⁴⁶. Таким образом, в середине двадцатых годов XIII в. в рамках Неаполитанского университета произошла консолидация именно правоведческих школ.

Однако есть основания полагать, что трансформационные процессы, связанные с образованием Неаполитанского университета, затронули не только те школы, которые специализировались в области юридического образования, но и школы свободных искусств. Косвенным образом в пользу этого свидетельствует то, что параллельно с учреждением университета император Фридрих II запретил своим подданным обучаться за рубежом. К этому следует добавить запрет на преподавание и обучение где-либо, кроме Неаполя. Так как все названные запреты касаются образовательной деятельности в целом, без специального указания на правоведение, то представляется возможным предполагать, что процессы формирования университетской организации в Неаполе были вовлечены и школы свободных искусств. Тем более, что либеральное артистическое образование выступало как основание фундаментальной университетской подготовки правоведов-цивилистов, и не противоречило основополагающей установке Неаполитанского университета, ориентирующей его на подготовку образованных чиновников для аппарата государственного управления.

В пользу участия структур либерального артистического образования в становлении Неаполитанского университета говорит то, что уже в 1234 г., в связи с восстановлением Неаполитанского университета император обращается с приглашением к следующим представителям университетского сообщества: докторам теологии,

⁴⁶ Абрамсон М.Л. Сицилийское королевство как особый вариант государственной структуры в Западной Европе // Средние века. Вып. 57. – М.: Наука, 1994. – С. 9.

профессорам права и магистрам свободных искусств. Принимая во внимание этот факт, можно говорить о том, что в воссозданном Неаполитанском университете, помимо юриспруденции, культивировались свободные искусства и теология, что означает включение в орбиту этого учебного заведения соответствующих школ. Конфигурация Неаполитанского университета имела следующий вид: три специализированных объединения-факультета, каждый из которых состоял из определённого количества школ соответствующего направления.

Предложенная конфигурация структур университетской организации в Неаполе может быть дополнена только путём рассмотрения учреждений академического самоуправления, сложившихся в данной Alma mater. С точки зрения устоявшегося подхода к истории Неаполитанского университета, сама постановка такого вопроса признавалась недопустимой. Однако даже в государственном, жёстко подконтрольном королевской администрации университете такие учреждения имели место. Регенты Неаполитанского университета составляли некий коллегиальный совещательный орган при главе университета. Членство школяров и студентов в университете оформлялось через принадлежность к школе того или иного магистра, который имел над учащимися своей школы полную юрисдикцию, ограниченную королевской юрисдикцией по отношению к нему самому.

Однако и сами школяры и студенты не были отчуждены от механизмов и рычагов самоуправления. Так, в комиссию по оценке помещений для жилья, помимо двух граждан Неаполя, входили два школяра⁴⁷. В связи с тем, что нет специального указания на принадлежность этих школяров к какой-либо организации, можно допустить, что подобных общественных объединений в Неаполитанском университете просто не существовало. Следовательно, школяры и студенты образовывали аморфную общность, структурированную по принципу принадлежности к школам тех или иных преподавателей.

Вариативность процессов трансформации и автотоморфозиса системы образования наталкивает на мысль, что для зарождавшегося

университетского образования было характерно достаточно широкое дифференцирование отдельных аспектов и гибкость схем исследуемых процессов в рамках общего направления, заданного жесткими алгоритмами. В итоге перед нами раскрывается картина комплекса процессов трансформации и аутометаморфозиса, имеющего сложную программу, которая обуславливает на выходе появление полиморфизма исторического бытования формирующейся европейской системы университетского образования.

Именно по этим схемам, в значительной степени, разворачивались события, связанные с большинством других *Alma mater* средневековой Европы. Хотя имела место ещё одна схема, связанная с тем вариантом трансформации, который подразумевает перенос университета либо миграцию всего университетского сообщества или его части. До конца XIII в. таким способом возникло шесть университетов. Стоит сказать, что перенос университета или переселение университетского сообщества не исключают того, что события, связанные с интеграцией «университетской прививки» в местное социокультурное пространство, разворачивались согласно одной из рассмотренных выше схем, в зависимости от иных условий конкретного места, составляющих локальный контекст.

К концу XIII в., а к этому времени уже возникли 22 университета, проявились общие контуры европейской системы университетского образования. Однако о сформированной системе университетского образования речь следует вести только к середине XIV в., когда общее число европейских *Alma mater* достигло 33-34-х⁴⁸. Но система университетского образования продолжала формироваться и далее, в силу того, что европейская система университетского образования – это перманентно формирующаяся система. Одновременно заметим, что более поздние этапы формирования этой системы следует рассматривать в ключе её развития и эволюции.

На самом нижнем уровне иерархической организации средневековой европейской системы университетского образования находится такой весьма своеобразный компонент, как школа. Школа

⁴⁷ Суворов Н.С. Указ. соч. – С. 50.

⁴⁸ Хронологическая таблица // Документы по истории университетов Европы XII-XV вв. – Воронеж, 1973. – С. 148.

представляет собой своего рода первичную ячейку университета. Университеты в целом и отдельные факультеты отождествлялись с комплексом регентских школ соответствующей специализации⁴⁹. В свете сказанного допустимо говорить о том, что, особенно на ранних этапах существования, в основе отдельных университетов, да и всей системы университетского образования, лежали простые совокупности школ известной специализации, магистры-схолары которых с течением времени разными путями становились членами университетов – регентами, а школы их приобретали статус регентских.

На уровне отдельных школ проходил водораздел между собственно университетскими, регентскими школами и внеуниверситетскими школами аналогичного уровня. Школы первой категории именуется законными, а принадлежащие ко второй – незаконными. Неотделимость магистра-схолара от его школы находит здесь своё выражение в следующей закономерности: в законных школах преподают «истинные» магистры («с титулом и занятием»), а в незаконных школах концентрируются магистры трёх видов: с занятием, но без титула; с титулом, но без дела; без титула и без дела⁵⁰.

В данном случае слово школа понимается в двух смыслах. Во-первых, школа – это преподаватель и группа его учеников. Во-вторых, это помещение, снимаемое регентом за свой счёт, в котором собственно и происходили учебные и научные занятия названной группы учеников под руководством магистра-регента. Вплоть до XV в. подобные помещения составляли основную категорию университетской недвижимости, пригодную для осуществления на её базе учебного процесса⁵¹. В состав «законных» регентских школ в обязательном порядке должны были входить три лица: магистр, бакалавр и ученик⁵². Следовательно, регентская школа занимала в

⁴⁹ О похвале клиру // Антология педагогической мысли христианского средневековья. – Т. II. Мир преломился в книге. Воспитание в средневековом обществе глазами ученых наставников и их современников. - М., 1994. – С. 214; 216.

⁵⁰ Там же. – С. 216-217.

⁵¹ Верже Ж. Средневековый университет: учителя // Alma mater. – 1997. - № 4. – С. 35.

⁵² О похвале клиру... - С. 218.

университетской организации нишу, аналогичную той, которая отводилась отдельной мастерской в ремесленном цехе. Статус подмастерья в предложенной схеме закреплялся за бакалавром («обладающим лаврами учёности» - от лат. *bacca laurea* – лавры учёности).

По отношению к регентским школам все остальные формальные организационные образования выступали в качестве иерархических надструктур. Между регентскими школами и надструктурами различных уровней существовали разноплановые динамические функциональные связи. Например, членство в университете начиналось только с момента регистрации в качестве учащегося в той или иной регентской школе. На уровне отдельных школ осуществлялся первичный учёт штудирующих, обязанность ведения которого была возложена на регентов. Именно в регентских школах брал начало один из основных источников самофинансирования университетов, состоящий в сборе студенческих взносов за обучение (*collecta*). Регенты выступали в качестве первой судебной инстанции по отношению к школярам и студентам, приписанным к их школам. Регентские школы были местом наибольшей концентрации учебной деятельности по сравнению с другими структурами университетской организации. На регентах лежала ответственность за принятие решений о готовности студентов из их школ к квалификационным испытаниям («определению»), предусмотренным бакалавриатом, а далее, к обладанию лицензией и магистерской, либо докторской степенями⁵³. Надо признать, что решение регента-схолара только инициировало процедуру присвоения академических степеней. Сама же названная процедура осуществлялась в рамках структур следующего уровня университетской организации, а конечная санкция на присуждение степени исходила от агента внешней по отношению к рассматриваемой системе, универсальной власти.

Таким образом, становятся очевидными институциональные предпосылки перехода к таким структурам следующего уровня университетской организации, каковыми являются факультеты. «Факультеты были институциональной организацией с коллегиальной ответственностью за *studium*. На факультетах преподаватели, которым

была гарантирована автономия, и студенты, изучающие данную дисциплину, были объединены в общую организацию»⁵⁴. Стоит отметить, что на так называемом «факультетском уровне» университетской организации находился ряд структур. Сюда относятся собственно факультеты: артистический, юридический, медицинский и теологический; монофакультетские, унитарные университеты-факультеты; коллегии докторов. Основной прерогативой структур этого уровня является обеспечение функционирования механизма реализации процедуры присвоения академических степеней.

Для удобства рассмотрения системных свойств структур среднего уровня университетской организации имеет смысл предложить условную типологию вариантов сочетания её отдельных компонентов. Тип А образуется сочетанием следующих компонентов: монофакультетских, унитарных университетов-факультетов, студенческих, преимущественно, «королевств» и «провинций», и профессорских (докторских) коллегий. Тип В характеризовался переплетением четырёхфакультетской организации и определённого числа «наций».

В рамках типа В наиболее представительным органом самоуправления являлось собрание, или совет, факультета. Практика строгого следования повестке дня подобных собраний⁵⁵ говорит о значительном влиянии этого органа и, кроме того, о его практической действенности, в связи с чем собрания эти были частыми.

Во главе теологического, медицинского и юридического факультетов стояли деканы. Кроме того, в администрацию факультета входили казначей (receptor), педели и «школьная стража»⁵⁶. Сроки исполнения должности декана значительно варьировались от одного университета к другому и зависели от норм законодательства конкретного факультета. Деканаты на факультетах медицины и права имели годовые сроки, у артистов декан-ректор исполнял свои обязанности от полугода до трёх месяцев, а декан теологов избирался

⁵³ Верже Ж. Указ. соч. – С. 36.

⁵⁴ Роуг В. Указ. соч. – С. 104.

⁵⁵ Статуты факультета искусств Пражского университета // Документы по истории университетов Европы XII-XV вв. – Воронеж, 1973. – С. 90.

⁵⁶ О похвале клиру... - С. 218.

сроком на два года. Каждый факультет имел свои устав (статуты) и печать.

Институт педелей был присущ как факультетской организации, так и «нациям». Так как источники допускают широкую трактовку вопроса о месте института педелей в структуре университетской организации, а в историографии также нет однозначного ответа на него, то представляется правомерным, исходя из обязанностей педела как своего рода координатора-распорядителя, курирующего внутрикорпорационную мобильность членов университета⁵⁷, говорить о педелях как об общеуниверситетских должностных лицах, осуществлявших оперативное управление всей организацией.

На теологическом факультете особым образом проявился диархический характер общеуниверситетской администрации. Здесь он проявился в разделении полномочий и функций между собственно деканом факультета, которым автоматически становился старейший доктор факультета, и синдиком, избиравшимся из числа самых активных и авторитетных профессоров⁵⁸. Функции декана при таком раскладе были чисто представительскими, а синдик, напротив, обладал дисциплинарными полномочиями и отстаивал интересы факультетской корпорации в её отношениях с внешним миром.

Комплекс университетских «наций», нормы и принципы их формирования и функционирования были аналогичны для обоих типов структур среднего уровня университетской организации. От типа к типу менялись лишь конфигурация комплекса наций и схема их переплетения с другими компонентами университетской организации. Принадлежность к той или иной нации определялась прежде всего родным языком, а затем, местом рождения, культурной или исторической общность⁵⁹. Членство в нациях в контексте типа В наступало только после инкорпорирования в факультетскую организацию путём приписывания к одной из университетских школ и

⁵⁷ Обязанности педелей парижских «наций» // Документы по истории университетов Европы XII-XV вв. – Воронеж, 1973. – С. 78.

⁵⁸ Уваров П.Ю. Университетский интеллект у парижского нотариуса (к вопросу о «нормальном исключении») // Средние века. Вып. 60. – М.: Наука, 1997. – С 70.

⁵⁹ Риддер-Симэнс Х. де Средневековый университет: мобильность // Alma mater (Вестник высшей школы). – 1997. - № 1. – С. 39.

занесения в списки университета⁶⁰. На наш взгляд, нет серьёзных препятствий для того, чтобы распространять действие данной нормы и на тип А⁶¹.

Тип В подразумевал строго фиксированное количество наций, чаще всего их было четыре. Тип А не отличался столь строгой регламентацией числа наций. Общее число и конкретные наименования наций зависели от географии ареала влияния того или иного университета. В рамках типа В нации охватывали студентов и регентов факультета свободных искусств, кроме того, совокупность студентов старших факультетов, которые имели степень магистра «в искусствах». Для типа А характерно то, что правом членства в нациях обладали исключительно только студенты соответствующего монофакультетского, унитарного университета-факультета. В обоих случаях в нациях имелось более дробное деление на «королевства», «провинции», «княжества» и землячества.

Каждая нация имела свои статуты, печати и должностных лиц. Во главе наций стояли прокторы или консулы, реже, ректоры, располагающие административными и финансовыми полномочиями и до некоторой степени юрисдикцией. Главы наций (а прокаторат длился всего месяц) участвовали в работе университетских органов в качестве советников ректора, хотя чаще эта должность замещалась другими членами наций. Иногда нации имели собственных казначеев (*receptores*) и всегда – нескольких педелей, один из которых был старшим. Тот факт, что обязательной принадлежностью педелей был жезл, свидетельствует о выполнении ими функций внутриуниверситетской полиции. На прокторов так же возлагались обязанности по поддержанию института нунциев, или курьеров. *Nuntii iolantes minores* занимались доставкой корреспонденции и денежных средств между членами наций и их семьями. *Nuntii maiores* же выступали в роли университетских финансистов, банкиров и менял.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о функциях и значении наций в жизни средневековой европейской системы университетского

⁶⁰ Из статутов Пражского университета (Вторая половина XIV в.) // Документы по истории университетов Европы XII-XV вв. – Воронеж, 1973. – С. 85.

образования. «Представляется очевидным, что в структуре внутриуниверситетских объединений последним принадлежало весьма важное место: помимо исполнения академических функций, нации обеспечивали социально-психологическую адаптацию школяров, способствовали регуляции возникающих в их среде конфликтов и споров, играли активную роль в борьбе за реализацию гарантированных членам университетской общины прав и привилегий. Благодаря этому достигалась дееспособность студенчества (а если шире, то и «университетчиков» в целом – Д.Л.) во всех сферах жизнедеятельности, начиная от учебно-профессиональной и кончая материально бытовой. Поддержка наций была необычайно важна для слушателей высшей школы не только на начальном этапе её истории (когда механизм взаимодействия университетских общин с внешним миром оставался во многом неотрегулированным, а статус работника умственного труда ещё не получил общественного признания), но и на исходе средневековья – в период болезненной ломки прежней системы студенческого самоуправления»⁶².

Основная интрига функционирования структур среднего уровня университетской организации типа А заключалась в сложных, противоречивых и весьма динамичных взаимоотношениях студенческих монофакультетских, унитарных университет-факультетов и докторских коллегий. Особенно жаркие баталии разворачивались по поводу проведения промоций, детерминаций, инцепций и инаугураций для тех студентов, которые жаждали получения учёных степеней. В этой борьбе студенческие университет-факультеты обращались за помощью к городским или иным внешним властям, в результате чего происходило оформление зависимости и подчинения университетской организации этим властям. Наиболее красноречивый пример такого хода событий даёт нам история Болонского университета⁶³.

⁶¹ Отрывки из статуты германской «нации» Болонского университета (1497) // Там же. – С. 71-72.

⁶² Нехаева С.В. Студенческие нации в позднесредневековых итальянских университетах // Традиции образования и воспитания в Европе XI-XVII веков. – Иваново, 1995. – С. 55.

⁶³ Суворов Н.С. Указ. соч. – С. 111-113.

Внешние власти, в частности, городские, смотрели на коллегии докторов как на составную часть городского корпоративного устройства, благодаря чему сложилась тенденция к исключительному закреплению прав на докторское звание за аристократическими слоями местного общества. Названная тенденция отягощалась традиционной для Италии партийной борьбой, разрушавшей единство докторских коллегий на фоне их «замыкания». Ещё одной особенной чертой типа А являлось неполное совпадение границ коллегии докторов с общностью преподавателей университета, более того, в коллегии в звании докторов пребывали городские нобили. Членство в коллегии докторов определялось обыкновенно тремя обстоятельствами: наличием докторской степени, преподавательской практики и гражданства в соответствующем городе. С течением времени значение первого и третьего, особенно третьего, обстоятельств гипертрофированно возросло. Устройство и внутренняя жизнь студенческих монофакультетских, унитарных университетов-факультетов определялись в значительной степени нормами, связанными с эталонными организационными моделями структур университетского образования, что представляется весьма символичным, так как подтверждает существование явления диффузии принципов структурной организации между двумя смежными уровнями рассматриваемой системы.

К структурам среднего уровня университетской организации относятся и университетские колледжи. Своеобразными прототипами университетских колледжей могли быть «скромные, благочестивые приюты» для немногочисленных студентов, происходящих из «бедных клириков», нормативная база и ниша в университетской организации для которых создавались законодательством отдельных факультетов, допускавшим членов орденов к возведению в учёную степень⁶⁴.

Первые колледжи появились в конце XII в. Их учредителями и содержателями могли выступать как частные лица, так и церковные и разнообразные общественные организации. Кроме того, в этой роли могли выступать государство и папство. Среди университетских

⁶⁴ Статуты факультета искусств Пражского университета // Документы по истории университетов Европы XII-XV вв. – Воронеж, 1973. – С. 116.

колледжей можно выделить три разновидности: для студентов, с проживанием, содержанием и предоставлением помещений для обучения; для студентов, с проживанием и содержанием; для преподавателей, с проживанием, содержанием и предоставлением помещений для занятий. Колледжи первой и третьей разновидностей были, по большей части, характерны для структур среднего уровня университетской организации типа В, а второй разновидности – для типа А. Хотя говорить о жёстком соответствии не приходится.

Каждый колледж обладал статутами и должностными лицами: провизором, или ректором, прокторами, педелями и др. Благополучие колледжей складывалось из средств пожертвований и доходов от разнообразного недвижимого имущества. К XV в. колледжи стали доминировать в структуре университетской организации, так как туда переместился основной объём учебной нагрузки, что позволило некоторым исследователям говорить о своеобразной революции, в результате которой колледжи стали основной единицей университетской организации⁶⁵.

Следующий уровень может быть назван уровнем отдельных, целостных университетских организаций. Наиболее продуктивным будет, на наш взгляд, обращение к рассмотрению эталонных организационных моделей, выступавших в качестве комплексов норм и принципов, определяющих структурную организацию этого уровня и общие контуры его функционирования.

Формирование набора эталонных организационных моделей, характерного для средневековой европейской системы университетского образования, восходит к её первоначальным паттернам. Первичные образцы университетской организации дали название соответствующим эталонным моделям: парижской и болонской⁶⁶. Эти модели представляют собой своеобразные крайние точки, определяющие пределы трансформаций комплексов организационных принципов, лежащих в основе внутреннего устройства тех или иных университетов. Воплощением средней линии выступает смешанная организационная модель.

⁶⁵ Суворов Н.С. Указ. соч. – С. 122-123.

⁶⁶ Роуг В. Указ. соч. – С. 107.

Доминирующим функциональным значением эталонных организационных моделей выступало создание комплекса механизмов и каналов распределения властных полномочий и актуализация абстрактной, но практически допустимой системы отношений власти и подчинения, сотрудничества и протеста, корпоративности и девиации. С этой точки зрения все иные функциональные значения носят подчинённый, служебный характер. Эталонные организационные модели играли роль своеобразных идеальных образцов организаций университетского образования, предназначенных для легитимации вновь создававшихся структур образовательной деятельности высшего порядка. Примером подобной практики служит упоминание в королевской грамоте об основании Пражского университета, организация которого строилась на принципах парижской эталонной модели, как названной, так и болонской модели⁶⁷.

Квазисистемный уровень рассматриваемой системы формируется в процессе взаимодействия отдельных университетских организаций в масштабах меньших, чем область всей системы. В первую очередь здесь следует вести речь об отдельных группах университетов - университетских провинциях, образовавшихся на основе определённых географических ареалов. В качестве университетских провинций правомерно рассматривать университетские общности Англии, Испании, Португалии и др. Внутреннее устройство подобных общностей и развитие университетских организаций в них было подчинено собственной логике, которая хоть и отражала общесистемные тенденции, но всё же имела множество оригинальных черт.

К квазисистемному уровню относится также комплекс отношений между рядом старейших *Alma mater* Европы и совокупностью более молодых университетов. Так, выходцы из старейших университетов: Парижского, Болонского, Оксфордского, Саламанкского, - имели преимущественное право преподавать без проведения дополнительных испытаний во всех *Alma mater*

⁶⁷ Грамота чешского короля Карла I (IV) от 7 апреля 1348 г. об основании Пражского университета // Документы по истории университетов Европы XII-XV вв. – Воронеж, 1973. – С. 60.

континента, тогда как магистры последних должны были подвергаться экзаменам, пожелай они преподавать в названных университетах. Кроме того, перечисленные университеты пользовались значительным интеллектуальным авторитетом, что позволяло им оказывать решающее влияние на формирование свода учебных текстов⁶⁸. Надо признать, что и в группе старейших *Alma mater* складывались определённого рода иерархические отношения.

На квазисистемном уровне существует такой структурный и институциональный компонент, который может быть выражен либо в категориях родства и семейственности, либо в колониально-филиационных терминах. Речь идёт о существовании особого рода «родственных» отношений между некоторыми университетами, возникновение которых связано с миграциями академических сообществ либо их части из одной местности в другую, в результате чего происходил перенос и университетской организации. К середине XIV в. при таких обстоятельствах возникло около семи университетов. Таким образом, представляется правомерным выделять такой специфический структурно-организационный компонент рассматриваемого уровня, как университетские квазиимперии. На начальном этапе существования «перенесённой» *Alma mater* её отношения с университетом-метрополией могли складываться весьма непросто. Динамика дальнейшего развития этих отношений, изменения их содержания выступают ключом к более полному пониманию функционирования не только компонентов квазисистемного уровня, но и всей системы университетского образования в целом.

На высшем уровне средневековой европейской системы университетского образования действовал комплекс институтов, благодаря которому возникало своеобразное явление, получившее название «республика учёных», хотя точнее было назвать его «европейским университетским сообществом». Названное явление базируется на двух институтах общесистемного уровня: академическом пилигримаже и конвертируемости ученых степеней и университетских званий. Эти институты создавали особого рода пространство, или «поле», в котором разворачивались процессы

⁶⁸ Статуты факультета искусств Пражского университета // Там же. – С. 115.

академической мобильности. Всё перечисленное, в совокупности, генерировало условия для конституирования средневековой европейской университетской общности, которая дополнялась и подкреплялась системой коллективной и индивидуальной идентификации и самоидентификации, мировоззренческими установками, стереотипами поведения, социальными и правовыми статусами, культурными ролями и функциями, экономическими возможностями и профессионально-корпоративным сознанием. В результате средневековая европейская система университетского образования приобретала законченный вид и становилась способной занять достойное место в ряду других социокультурных систем европейского средневековья.

Одним из «подводных камней» истории европейской системы университетского образования выступает изменяющаяся во времени ориентация отдельных университетов либо на унитарное европейское культурное пространство, либо на более локальные, национальные культурные ареалы. Изучение данного вопроса теснейшим образом связано с пониманием закономерностей социальной истории Европы. Преодолеть возникающее препятствие возможно путём создания модели, позволяющей интерпретировать возникающие региональные различия с помощью представлений о временном стадийном сдвиге⁶⁹. Основу модели образует деление Европы на «старую»: южная и северная Франция, Италия, часть Испании, территория Священной Римской империи западнее Рейна, Англия; и «молодую»: центр, восток и север Европы. На каркас предложенной модели накладываются временные отрезки, характеризующиеся общеевропейской ориентацией (универсальный период), либо более локальной ориентацией (национальный и региональный периоды) отдельных университетов.

Универсальный период в истории средневековой европейской системы университетского образования рассматривается в границах 1200-1380 гг. К концу универсального периода официальное признание университетского статуса было получено 29 организациями, осуществлявшими образовательную деятельность

⁶⁹ Морау П. Средневековый университет: карьера выпускников (Реферат) // *Alma mater* (Вестник высшей школы). – 1997. - № 6. – С. 36.

высшего порядка. При открытии почти всех этих университетов решающей стала инициатива властей весьма высокого уровня, в том числе церковных, но чаще светских. Не следует забывать также о дефиците легитимирующей санкции универсальных властей, отличавшем начальные этапы развития европейской системы университетского образования, благодаря которому складывались парадоксальные ситуации, когда университет уже существует, но его статус не признан властями в общеевропейском масштабе и влечёт за собой поражение в правах.

Национальный и региональный период в истории средневековой европейской системы университетского образования датируется 1380-1500 годами⁷⁰. Национальный и региональный период в «старой» Европе характеризовался следующими особенностями. В период резкого сокращения общей численности населения происходит относительный, а порой и абсолютный, рост числа студентов. Мобильность студентов в XV в. остаётся значительной. К концу XV в. появление новых университетов замедлилось. Старые университеты стремились сохранять свою монополию. К концу XV в. около дюжины более или менее успешно действовавших итальянских университетов образуют «провинцию», в рамках которой студенты переходят из университета в университет. На эту практику не повлияло и то, что сами университеты всё чаще вынуждены были идти на службу государству.

Для французских университетов этого периода характерна регионализация. Французские факультеты права достигли уровня профессиональных, в значительной мере светских, учебных центров. Под «профессионализмом» понимается не только готовность выпускников к практике, но и общая ориентация процесса обучения на формирование юридического мышления. Внушительный размер платы означал, что доступ к профессии был открыт только состоятельным людям. При этом предполагалось, что до поступления в университет будущий студент должен был получить дорогое подготовительное образование в школе или дома. «Общедоступные» курсы искусств к этому времени ушли далеко в прошлое. Полярные

⁷⁰ Морау П. Средневековый университет: карьера выпускников (Реферат) // *Alma mater* (Вестник высшей школы). – 1997. - № 8. – С. 37.

точки зрения на роль артистических факультетов предлагают видеть в них, с одной стороны, либо серьёзные философские школы, либо особого рода учебное заведение, обеспечивающее получение подготовительное образования, что делает их практически неотличимыми от обыкновенных школ, с другой стороны.

Перемены в жизни английских университетов XV в. носили незначительный характер. Контингент студентов вырос: если в 1400 г. в Оксфорде и Кембридже обучались 2000 человек, то около 1450 г. их было уже 3000⁷¹. Доля студентов среди населения здесь была выше, чем во Франции, и намного выше, чем в Центральной Европе. По сравнению с Францией или Италией большей архаичностью отличались связи английских университетов с церковью.

Незадолго до 1500 г. заметные перемены произошли в судьбах университетов Испании. В условиях быстрого экономического роста «новые» монархии испытывали острую потребность в квалифицированных чиновниках. В итоге число обладателей высших должностей с академическими званиями начало расти, достигнув 11,7 % в период правления Фердинанда и Изабеллы (1474-1516). В это время здесь учреждаются новые государственные университеты, призванные в первую очередь содействовать развитию юриспруденции.

Обобщая особенности развития средневековой европейской системы университетского образования в «старой» Европе в национальном и региональном измерении, правомерно выделять ряд общих его закономерностей. Во-первых, интеграция структур университетского образования в систему общественной жизни происходила под воздействием существенных изменений в области карьеры выпускников университетов, накладывавших отпечаток на сам университетский процесс обучения. Для людей с университетским образованием стали открыты многие области профессиональной деятельности: преподавание, адвокатура, врачевание и исполнение разнообразных должностей во властных органах как церковного, так и светского характера. Принципиально новым явилось то, что в это время можно говорить об определённой предпочтительности замещения должностей в названных и ряде

других областей из числа лиц имеющих университетское образование. В результате можно сделать вывод о возрастании утилитарного значения университетского образования, одновременно можно говорить о переносе данной характеристики на систему университетского образования в целом.

Во-вторых, подверглась изменению культурно-географическая ориентация университетов. Есть все основания говорить о двух вариантах названного изменения. Первый из них заключается в приобретении университетами национальной культурно-географической ориентации, а второй состоит в их региональной ориентации. Происхождение этих изменений связано не только с количественными характеристиками развития структур университетского образования в конкретных ареалах, или архитектурой каналов ресурсообеспечения, но и с особенностями политической ситуации, экономического и культурного тяготения, а также с типологией организаций, моделью связей внутри системы и статусностью отдельных организаций.

В национальный и региональный период число университетов в Германии неуклонно росло, ибо они пользовались поддержкой местных гражданских и церковных властей, а также населения, получая обильные пожертвования, особенно университеты Востока и Грейсфельда, снискавшие славу интеллектуальных центров. Такие университеты могли приглашать прославленных учёных, благодаря которым открывали новые научные направления и новые факультеты (новейшая астрономия – в Кракове, гуманизм – в Вене, номинализм – в Тюбнгене), что позволяло им давать образование по последнему слову науки своего времени. С 1348 по 1500 гг. в немецких университетах обучались 200 000 человек⁷². В конце этого периода ежегодный приём составил 2500 человек. С 1480 г. происходит стабилизация студенческого контингента. Поскольку общая численность населения Германии в 1500 г. приблизительно составляла не менее 15 млн. человек, эти данные означают, что доля студентов в центральной части Европы была намного меньше, чем на западе, но, несмотря на снижение численности (между 1348 и 1450-1470 гг.), этот

⁷¹ Там же. – С. 38.

⁷² Там же. – С. 39.

разрыв удалось сократить. Последнее стало возможным благодаря деятельности пятнадцати новых университетов, основанных до 1506 г.

Нечто подобное наблюдалось на севере и востоке континента, но, естественно, с временным запаздыванием и в более скромных масштабах. К этому времени относится основание университетов в Упсале (1477) и Копенгагене (1478). С возникновением этих Alma mater свершился очередной акт расширения система университетского образования, в результате которого её структуры распространились в североевропейском регионе.

Новые университеты были небольшими и бедными. Так как они черпали ресурсы исключительно в своих регионах, перед ними вставала проблема нехватки средств. В это время всё более ярко проявляется имущественная дифференциация студенчества, приводившая к радикализации деления студентов в зависимости от реально доступных для них путей карьеры. Студенты из аристократической группы тяготели к изучению права и могли совершить академический пилигримаж за границу. Большинство студентов второй группы, происходившие из небольших городов, а нередко и деревень, из средних классов и ремесленников, возвращались после окончания учебы домой, так как их карьерные перспективы в значительной мере зависели от включения в комплекс местных общественных связей. Особую роль эти «связи» стали играть во время кризиса университетского образования после 1480 г., вызванного «перегревом» системы, выразившимся в появлении избыточного количества университетчиков. К концу XV в. в Европе нарастает число обладателей университетского образования не нашедших достойного себя занятия.

В условиях «перегрева» европейской системы университетского образования усиливается возникшее ещё в конце XIV в.⁷³ отчуждение студенчества от механизмов корпоративного управления и происходит постепенное, скрытое расшатывание традиций идентификации и самоидентификации представителей университетского сообщества

⁷³ "Great" Moments in the History of University Scholarship (14 октября 1998 г.) - <http://quarles.unbc.edu/ideas/net/history/great.html> .

Важное различие между континентальной «старой» (за исключением Парижа) и «молодой» Европой состояло в том, что в последней доля студентов искусства оставалась крайне высокой (до 75-80 %) ⁷⁴. Безусловно, что преобладание обучающихся на факультетах свободных искусств в «молодой» Европе – свидетельство более низкого уровня развития этого региона. Несмотря на то, что для Центральной Европы на рубеже XIV-XV вв. характерно увеличение общего числа студентов, контингент студентов-правоведов возрос в минимальной степени. В то же время студенты-юристы выступали той группой, на которой сказалась частичная и не полная секуляризация не только университетского образования как такового, но и сфер профессиональной деятельности университетчиков, так как во второй трети XV в. происходит стремительное увеличение числа юристов с университетским образованием, занятых в различных судебных и административных органах.

С середины XIV в. возрастает активность медицинских факультетов, причина которой кроется в политике муниципалитетов, направленной на улучшение медицинского обслуживания городского населения во время и после «Чёрной Смерти» 1348-1350 гг., когда магистраты учреждают должности городских врачей и появляются коммунальные лечебные заведения.

Изменения в европейской системе университетского образования, произошедшие в 1380-1500 гг. в рамках национального и регионального периода завершили формирование фундамента, базе которого разворачивалась дальнейшая эволюция рассматриваемой системы на протяжении XVI-XVIII вв.

На рубеже XV-XVI вв. европейская система университетского образования представляла собой сложноорганизованный и динамично развивающийся комплекс структур образовательной деятельности высшего порядка, охватывающий Южную, Западную, Центральную и Северную Европу. Несмотря на нарастание кризисных явлений, система сохраняла способность к выполнению своих специфических социокультурных функций с достаточно высокой степенью эффективности. Трансформации системы университетского

⁷⁴ Морау П. Средневековый университет: карьера выпускников (Реферат) // *Alma mater* (Вестник высшей школы). – 1997. - № 8. – С 39.

образования и университетского сообщества Европы, произошедшие к концу XV в., свидетельствуют о наличии внушительного внутрисистемного творческого потенциала, призванного обеспечить дальнейшее саморазвитие университетского образования в Европе XVI – конца XVIII вв.

1.2 Организационные и структурные трансформации системы университетского образования в Европе XVI – конца XVIII веков

Наиболее продуктивным, с нашей точки зрения, путём рассмотрения организационных и структурных трансформаций системы университетского образования в Европе XVI – конца XVIII вв. следует признать тот, который берёт начало с анализа изменений, происходивших на среднем уровне исследуемой системы, т.е. с уровня отдельных университетов. Осуществлённые на этом уровне реконструкции и выявленные закономерности позволят по необходимости с лёгкостью переходить на другие иерархические уровни системы университетского образования и осуществлять широкие, развёрнутые исследовательские процедуры со структурно-организационными компонентами, составляющими данные уровни системы.

Справедливость избранного подхода становится очевидной в силу нескольких причин. В первую очередь следует признать, что средний уровень европейской системы университетского образования является её базовым компонентом, играющим роль своего рода центра тяжести всей системы. Во-вторых, компоненты этого уровня, в силу возможности представить их в качестве автономных подсистем рассматриваемой метасистемы, несут на себе признаки как всей этой системы в целом, собственные оригинальные признаки, а также резюмируют сумму признаков, элементов более низких уровней. В-третьих, медиальный взгляд на структурно-организационные трансформации системы университетского образования в Европе XVI – конца XVIII вв. не снимает необходимости учитывать влияние экономических, социальных, политических, религиозных и культурных факторов эпохи на данные изменения, но в то же время

вносит конкретность в производимые реконструкции в рамках всей рассматриваемой системы.

Среди глобальных факторов, оказавших влияние на структурно-организационную трансформацию европейской системы университетского образования XVI – конца XVIII вв., едва ли не первое место заслуженно принадлежит мощному движению церковных реформ, охватившему не только всю Европу, но и вышедшему далеко за её пределы. Основным результатом этих обоюдноразрушающих реформ стало разрушение ранее единого внешнего цивилизационно-религиозного пространства европейской системы университетского образования, которым для него служил социокультурный универсум средневекового христианского Запада. Кроме того, результатом церковных реформ и контрреформ стало появление в «поле» европейской системы университетского образования новых субъектов, активность которых в университетском секторе сферы образовательной деятельности высшего порядка, инициировала, в свою очередь, множественные, многомерные структурно-организационные трансформации рассматриваемой системы.

Другим немаловажным фактором, наложившим отпечаток на структурно-организационную трансформацию системы университетского образования в Европе XVI – конца XVIII вв., следует признать Великие географические открытия и ряд вызванных ими последствий. Среди непосредственных последствий Великих географических открытий особое место занимает значительное, радикальное расширение ойкумены Западноевропейской цивилизации, в результате чего сама эта цивилизация приобрела океанический характер и осуществила успешный выход за пределы европейского континента. Расширение внутреннего пространства Западной Европоцентрической цивилизации за счёт вновь открываемых земель и сопредельных территорий создавало благоприятные предпосылки для развёртывания там университетской организации.

Ещё одним фактором, определявшим структурно-организационные трансформации европейской системы университетского образования рассматриваемого периода, выступали

изменения в политических, социальных и экономических институтах и структурах внутри обществ и государств Европы. Наиболее значимыми представляются следующие тенденции: восходящее развитие капиталистических отношений в экономике и буржуазного общества как социокультурного явления; кризис и демонтаж институтов сословно-представительных монархий; консервация и гиперболизация сословно-корпоративной системы, происходившая на фоне возрастания динамики и разнообразия форм социальной мобильности; оформление национальных государств и становление абсолютизма.

Принимая в качестве ключа к пониманию структурно-организационных трансформаций европейской системы университетского образования гипотезу о принципиальной их идентичности изменениям, затрагивавшим структурную составляющую пространства политической подсистемы европейской цивилизации на заре нового времени, представляется возможность получить достаточно развёрнутую, но в то же время строгую картину преобразований, происходивших в области университетского сектора сферы образовательной деятельности высшего порядка. Осуществить названное представляется возможным путём обращения к отдельным теоретическим построениям Ш. Эйзенштадта⁷⁵.

В рамках анализа изменений организующих конструкций культурно-символического пространства западной европоцентрической цивилизации начала Нового времени, применительно к рассматриваемой нами системе, особый интерес представляют структура центров и характер отношений между центром и периферией с теми значительными вариациями, которые возникли в Западной и Центральной Европе. Картина этих изменений явила собой своеобразное сочетание имперских образцов и собственно феодальной системы институтов, отличное от простой децентрализации. Данные институты имели специфические характеристики, роднившие их имперскими обществами. Причины этого явления обнаруживаются в имперском прошлом средневекового христианского Запада (как собственном, так и более древнем,

⁷⁵ Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. – М., 1999. – С. 194-195.

связанном с Античным Римом) и имперских устремлениях той цивилизации, в рамках которой они возникли.

Важнейшее значение среди проявлений этих устремлений имела символическая и в известной степени организационная обособленность центра. Феодалным квазиимперским социальным системам и общностям была присуща множественность центров и подцентров, каждый из которых имел различные политические, культурные и экономические ориентации. Эти центры и подцентры образовывали сложную иерархическую систему, которая, однако, в принципе никогда не могла приобрести жесткий, унифицированный порядок, поскольку в ней не было отчётливого преобладания какого-либо одного из центров.

Кроме того, различные центры не были совершенно разобщены. Между ними существовали определённые структурные связи, и их объединяли политические и культурные ориентации. В этих условиях сообщества, организации, учреждения и отдельные лица, обладавшие какими-либо ресурсами, необходимыми для осуществления политического либо культурного ориентирования центров, получала особое преимущество в правомерном и самостоятельном доступе к уже существующим центрам системы. Не только церковь, но и многие другие территориальные и статусные общности также могли в той или иной степени самостоятельно переводить свои ресурсы из одной институциональной сферы в другую и из периферии в центр.

Наконец, Западная и Центральная Европа всегда отличались высокой степенью приверженности как центров, так и периферии рассматриваемой системы к общим идеалам и целям. Центры требовали от периферии поддержку для своей политики, а периферия воздействовала на их структуру и характер полномочий.

В контексте структурно-организационных трансформаций, происходивших в европейской системе университетского образования, особый интерес вызывают перемены в Пражском и Венском университетах, ознаменовавшие собой период XVI – конца XVIII вв. Изменения эти тем более любопытны, что структурно-организационные изменения, происходившие в Венском университете, находят продолжение по времени и содержанию в подобных явлениях из жизни Пражской *Alma mater*.

С началом Реформации Венский университет, ранее пользовавшийся меценатством императора Максимилиана I (1493-1519), оказался в весьма затруднительном положении, вызванном победой протестантской партии внутри академической корпорации и жёсткой прокатолической позицией, занимаемой приемниками Максимилиана Карлом V и Фердинандом I. Положение Венской Alma mater стало приобретать характер бедствия в связи с эпидемией чумы, обрушившейся на Австрию в 1521 г. В силу названных причин наблюдалось устойчивое сокращение численности студенческого и регентского континентов. В 1530 г. численность студентов на всех четырёх факультетах не превышала 30-ти человек, а из двенадцати магистерских кафедр артистического факультета заполнены были только три⁷⁶.

Продолжавшаяся в Священной Римской империи борьба между католиками и протестантами, сложность внутри- и внешнеполитической обстановки мешали властям приступить к широкомасштабному реформированию Венской Alma mater. Тем не менее, имевшаяся возможность осуществить подготовительные процедуры была использована. Первого января 1554 г. был обнародован новый университетский устав, который, хотя и не отменял прежних статуты, в то же время декларировал значительные перемены административного плана, продиктованные требованиями духа времени, новым пониманием значения университета и его отношений с верховной властью.

Содержание основных положений нового устава Венского университета сводилось к следующим четырём пунктам⁷⁷. Во-первых, университет признавался высшим государственным учебным заведением, созданным для подготовки учащихся в соответствии с потребностями государственной службы. Во-вторых, сохраняя свои корпоративные привилегии, университет переходил под контроль специально назначаемого государственными властями и подотчётного им супер-интенданта с чётко определённым кругом обязанностей и полномочий: а) наблюдение за точным исполнением распоряжений

⁷⁶ Игнатович В.В. Немецкие университеты в развитии их исторической и современной жизни. – Ч. 1. II период. – СПб., 1864. – С. 16.

⁷⁷ Там же. – С. 17-18.

правления; б) присутствие на всех университетских собраниях с правом совещательного голоса; в) сметное формирование бюджетной политики университета и контроль за соблюдением бюджетной дисциплины; г) наложение санкций на регентский контингент путём регулирования размеров академического жалования; д) дисциплинарный контроль над регентским и студенческим составом в области учебной деятельности и повседневного быта в стенах университетских помещений и др. В-третьих, все властные полномочия университетской администрации передавались консистории, образуемой на правах постоянных членов: ректором, канцлером, супер-интендантом, деканами четырёх факультетов, прокураторами четырёх наций, приором коллегии артистов и тремя старшими (старейшими) профессорами по одному от каждого из трёх высших факультетов. Кроме того, ректору и декану богословского факультета вменялась в обязанность цензура книг. И наконец, в-четвёртых, каждому факультету были определены число кафедр и профессоров, которым были назначены жалование, учебный предмет, круг рекомендуемой к изучению по предмету литературы и число часов для аудиторных занятий в неделю.

Однако полученный в процессе претворения в жизнь данной преобразовательной программы результат оказался несколько не соответствующим ожидаемому. Если артистический, медицинский и юридический факультеты, испытывая значительные трудности, всё же обеспечивали замещение вакансий на базовых кафедрах, теологический факультет испытывал жесткий дефицит квалифицированных преподавателей. В этих условиях «карманный» теологический факультет Венской *Alma mater*, обладавший в реформированном виде всего тремя профессорскими кафедрами, обратился в величину, стремящуюся к абсолютному нулю. Недостаточность преподавательского корпуса негативно сказывалась на популярности венских факультетов среди настоящих и потенциальных студентов.

Подобный результат университетской реформы подрывал выполнение стратегических планов императора Фердинанда I, одним из факторов успешного претворения которых в жизнь выступало восстановление интеллектуального господства Венского университета

над всеми землями монархии, призванного стать опорой католицизма. Стратегический характер планов императора становится очевидным в связи с тем, что разработка нового университетского устава была лишь частью большой преобразовательной программы. Ещё в 1536 г., согласно императорскому рескрипту, в студенческие общежития были назначены особые должностные лица (конвенторы и провизоры), призванные не только обеспечивать обучение и воспитание обитателей бурс, но и оберегать их от тлетворного влияния ложных учений. Едва ли не главным требованием к претендентам на занятие данных должностей выступала их твёрдая приверженность католицизму. Следующим шагом реализации программы ширококомасштабных образовательных преобразований явился перенос грамматического обучения из университета в помещения студенческих общежитий (бурс), в результате чего они приобрели облик подготовительных школ артистического факультета или гимназий. Далее последовал запрет на замещение в Венском университете вакантных кафедр докторами или магистрами, получившими степени в логове злокозненных ересиархов – Виттенбергском университете. В 1546 г. император повелевал своим подданным под страхом изгнания вызвать своих детей, обучающихся в протестантских университетах, и впредь не направлять их на обучение в другие *Alma maters*, кроме Венской, Фрейбургской и Ингольштадской. Нечто подобное произошло в Неаполе в середине 20-х гг. XIII в., а приобретённый опыт оказался полезным через три столетия. Завершением всего стало призвание в Вену в 1551 г. иезуитов.

Быстро растущая колония иезуитов в Вене продемонстрировала большую активность в деле организации образования. К концу 50-х гг. XVI в. они контролировали две кафедры теологического факультета Венского университета, а чуть позднее приступили в своей коллегии к чтению курсов теологического и артистического факультетов. С приобретением этими лекциями открытого, общедоступного характера и с началом проведения в Венской иезуитской коллегии студенческих и магистерских диспутов, а также промоций, позволявших получать степени в обход университета, академическая корпорация Вены посчитала себя глубоко

оскорблённой, а свои интересы, в том числе и материального плана, и прерогативы грубо поправными.

Так как протесты университетской администрации против бесчинства иезуитов оказывались без ответа со стороны императора и правительства, то было принято решение приостановить выплату стипендий студентам университета, посещавшим занятия в иезуитской коллегии. В данном случае преследовалась цель искоренить практику двойного ученичества. Но ответные действия коллегии, изменившей расписание занятий (теперь они по времени совпадали с университетскими лекциями) и пересмотревшей обеспечение учебного процесса необходимой литературой (отныне в коллегии использовались те же книги и пособия, что и в университете) только ожесточили конкуренцию, в которой фаворитами оказывались преподаватели Общества Иисуса. В итоге университет потерял больше половины студенческого контингента. Даже эта катастрофа не подвигла венских университетариев к поискам путей внутренней трансформации и обновления университета, напротив, демонстрировались полная деморализация и пугливый консерватизм, обожествлявший тени великого прошлого университетской корпорации и агрессивно отрицавший изменившуюся историческую реальность.

Перемены в жизни Венского университета произошли в правление императора Максимилиана II (1564-1576). Был отменён экзамен по католической догматике, ранее предшествовавший вступлению на университетскую кафедру и присуждению учёной степени. Эта мера способствовала притоку в университет протестантов. Последовавшая в 1573 г. петиция с жалобой на притеснения, чинимые иезуитами университету, имела результатом издание декрета, предписывавшего венским иезуитам: не производить промоций в ученые степени в каких бы то ни было науках; избегать совпадения времени занятий в коллегии и университетских лекций, а также используемых в учебном процесс пособий; не занимать в университете должностей и не получать учёных званий (это привело к потере святыми отцами одной из двух принадлежащих им кафедр теологического факультета; не переманивать к себе студентов

университета; демонстрировать по отношению к университету кротость и христианское смирение.

Однако Венский университет не спешил воспользоваться полученными преимуществами, а проводил время праздности и беспечном самолюбовании, плоды чего не заставили себя ждать. В 1588 г. в Венской иезуитской коллегии насчитывалось свыше восьми сотен учащихся, а в университете не более восьмидесяти. К 1593 г., когда университет разродился очередной жалобой, положение стало ещё более угрожающим: в коллегии обучалось более тысячи человек, а в университете (включая подготовительные латинские школы) – не более двухсот студентов. В данной ситуации университетская администрация обратилась к правительству за помощью. Последнее в 1610 г. сформировало для поисков пути решения этой проблемы специальную комиссию под руководством бывшего воспитанника иезуитов, канцлера Венского университета Клесля. Предложенный, первоначально, комиссией мягкий вариант интеграции университета и коллегии был отвергнут как академической корпорацией, так святыми отцами. Первые не желали внутренних преобразований, вторые не были согласны на полумеры, ибо лелеяли надежду получить всё по примеру католических университетов Кёльна, Ингольштадта и др., находившихся под контролем Общества Иисуса. В сложившейся патовой ситуации появился императорский патент от 25 февраля 1617 г., определивший основания слияния двух венских высших школ. В частности, святым отцам предписывалось: кроме двух кафедр богословского факультета, занимать на постоянной основе три (из 12) кафедр философского факультета; прекратить, за малым исключением, чтение курсов дисциплин философского факультета в коллегии; назначать профессоров по усмотрению орденского руководства, но информировать обо всех назначениях ректора университета и супер-интенданта; профессорам-иезуитам в факультетских собраниях занимать три кресла непосредственно после декана. Нововведения встретили отпор как со стороны университетской корпорации, так и со стороны иезуитов (которые уже в 1618 г. получили разрешение возобновить философские штудии в коллегии), а потому в 1620 г. были отменены.

Временные замедления, остановки и даже движение вспять не могли коренным образом изменить вектор развития событий. 22 октября 1622 г. императором Фердинандом II была учреждена комиссия для разработки проекта полного слияния Венского университета и иезуитской коллегии. Работа комиссии завершилась созданием документа, обнародованного 13 октября 1623 г. под названием Прагматической санкции (*Sanctio pragmatica*), основные положения которого заключались в следующем⁷⁸.

Во-первых, иезуиты отказываются от всякого активного и пассивного участия в должностных функциях и обязанностях ректора университета, его выборах, производящихся на прежних основаниях, и признают ректора полномочным и легитимным главой университета.

Во-вторых, ректор иезуитской коллегии сохраняет безусловную власть над своими коллегатами, вне зависимости от их членства в университете и профессорского звания. В консистории он занимает место непосредственно после супер-интенданта. В его ведении находится дисциплинарный контроль над теми студентами университета, которые посещают занятия преподавателей-иезуитов.

В-третьих, относительно выборов канцлера и деканов высших факультетов сохраняется прежний порядок, а на философском же факультете они основаны на принципах посеместрового чередования: в одном семестре декана представляет орден, в следующем факультет избирает в деканы не иезуита. Так как все учебные дела находятся в исключительном ведении ордена, то во втором случае Общество Иисуса назначает из своей среды вице-декана, который не только заведует учебными делами, но и созывает для их решения факультетские заседания, где и председательствует.

В-четвёртых, ректор коллегии иезуитов, её декан и вице-декан, по должности, являются членами соответствующих факультетов: первый – теологического, а второй и третий – философского. Точно так же и профессора-иезуиты, представившие от ордена свидетельства обладания учеными степенями, состоят в рядах того факультета, к которому они принадлежат по должности. За факультетами остаётся право самостоятельно проводить промоции и осуществлять выборы

⁷⁸ Там же. – С. 24-25.

для замещения вакантных профессорских должностей, в том числе и среди лиц, получивших учёные степени в других университетах.

В-пятых, в состав комиссии, экзаменующей соискателей степеней на артистическом факультете, на постоянной основе входят два профессора, не являющихся членами иезуитского ордена.

В-шестых, наблюдение за библиотекой передаётся Обществу Иисуса с тем условием, чтобы и другие преподаватели имели к ней свободный доступ.

В-седьмых, герцогские коллегии и бурсы передаются в собственность Обществу Иисуса, за исключением помещений собственно университета, консистории, канцелярии и архива, остающихся в собственности университета.

В-восьмых, руководство семинаристами и предоставление им стипендии признаётся прерогативой ордена.

Таким образом, семидесятилетняя борьба между Венским университетом и Венской коллегией иезуитов завершилась полным подчинением ордену двух факультетов философского и богословского, доминированию иезуитов внутри академической администрации и установлением орденского контроля над учебной и научной деятельностью всего университета (даже формально независимых от иезуитов юридического и медицинского факультетов). В этой ситуации все стороны жизни университета оказывались под неусыпным контролем со стороны иезуитов, обладавших весьма изощрёнными и эффективными средствами для решения возникавших проблем. На примере Венской Alma mater становится очевидной слабость университетской организации, элементы которой находясь между собой только в наружной связи, зачастую следовали противоположным тенденциям в теории и практике, науке и жизни, и потому оказывались практически беззащитными перед лицом столкновения с организацией, сконцентрированной на достижении своих целей, обладающей всеми необходимыми ресурсами и не испытывающей стеснения в средствах.

Справедливости ради следует отметить, что структурно-организационное решение предписанное Венскому университету Прагматической санкцией, всё же, выступает компромиссной мерой. Она позволила создать структурные и организационные условия для

решения актуальных задач, стоявших в то время перед Alma mater. Но одновременно была сохранена, пусть и в угнетённом виде, университетская организация. Компромиссный характер решения определил его гибкость и живучесть, но и создал условия, в которых университетская организация оказалась способной не только сопротивляться демонтажу, но и любым принципиальным качественным изменениям на протяжении последующих полутора столетий.

Особые черты в жизни Пражской Alma mater к началу рассматриваемого периода определялись четырьмя базовыми условиями. Во-первых, прямым следствием гуситского движения и связанных с ним войн стала политическая и культурная изоляция Чехии, отягощённая наложением в идеологии и практике гусизма антикатолических и антинемецких элементов. Во-вторых, известным дефицитом университетской организации в данном регионе. В-третьих, слабой интегрированностью структур Пражского университета в местное социокультурное пространство. В-четвёртых, изменением положения чешских земель в цивилизационном пространстве Европы, заключавшемся в преобразовании статуса из периферийного в срединный.

В правления Иржи Подебрада (1458-1471) и Владислава II Ягеллона (1471-1516) в силу объективных обстоятельств университет оставался своего рода дорогой игрушкой монархов, с которой они забавлялись, но привести его в порядок у них не было никакой возможности. Дававшая о себе знать скудость материальных средств Пражского университета сказывалась на качестве контингента университетских регентов. Отток из университета наиболее талантливых и прогрессивных преподавателей вызвал уменьшение числа студентов, которые отдавали предпочтение другим Alma maters.

Наступление лютеровской реформации привело к расколу Пражского университета на почве отношения к новому движению. Правда, раскол этот не был длительным⁷⁹. Студенчество Праги приветствовало учение Лютера, а профессора отнеслись к нему настороженно, или даже враждебно. Однако молодое поколение регентов, связанное образованием с итальянскими университетами и

Виттенбергом, со временем изменило расстановку сил и подготовило почву для присоединения Пражского университета к Реформации.

Когда король Фердинанд I Габсбург (1526-1564) в 1545 г. собрал представителей чешских сословий на сейм в Праге, две трети его депутатов были евангелическими утравкистами, что подарило университету надежду на реформирование в духе протестантизма. Для этой цели с согласия короля, который, хотя и был ревностным католиком, но в той ситуации не имел свободы рук, была создана комиссия, призванная произвести ревизию старинных статуты и привилегий университета, его материальных средств, и составить проект университетской реформы. Однако очередной конфликт чешских сословий и короля, разгоревшийся в 1547 г., похоронил надежды Пражского университета на реформу. В этом конфликте университет принял сторону сословий и даже предоставлял помещения коллегии Карла IV для проведения собраний представителей сословий. Реформа Пражского университета 1545-1547 гг. оказалась незавершённой, и в силу этого создала весьма щекотливую ситуацию, в которой протестантский университет оказался подчинённым католическому епископу Праги, исполнявшему в нём обязанности канцлера ещё со времён основания⁸⁰. Внутри университета значительно усилилась консервативно-реакционная группировка, объединившая соглашательски настроенных протестантов и католиков. Кроме того, прямым следствием конфликта короля-католика с чешскими протестантами всех направлений стало приглашение в Прагу иезуитов, состоявшееся в 1555 г.

Уже через семь лет, в 1562 г., под покровительством Фердинанда I в Праге была учреждена Клементинская академия ордена Иезуитов, под которую были отданы помещения одноимённого монастыря. Изначально в Клементинской академии отсутствовала факультетская организация. Собственно говоря, для этого не было структурных предпосылок, так как студенты академии первые три года слушали курсы либеральных искусств, а потом, по желанию, приступали к

⁷⁹ Там же. – С. 28.

изучению богословских дисциплин⁸¹. Преподавания медицинских и юридических наук в Клементинской академии не производилось. Так как иезуитская академия мыслилась, как противовес протестантскому университету⁸², ей следовало придать образовательные структуры квазиуниверситетского уровня. Для этого при академии была создана подготовительная школа - аналог университетской гимназии, в составе шести классов. Два старших её класса, поэтический и риторический, именовались *classes humanitatis*, три средние: *syntaxis*, *grammatica* и *principia* – грамматическими, начальный класс – *infima parvulorum*⁸³. С ростом числа студентов и увеличения степени их социальной неоднородности при Клементинской академии возникли конвикт (разновидность академического учебно-воспитательного заведения с проживанием) для шляхтичей и семинария для бедных школяров. Таким образом, Клементинская академия, в широком смысле, представляла собой сложный образовательный комплекс, состоящий из коллегии (структуры Ордена Иезуитов), высшей школы с отделениями свободных искусств и теологии, шестиклассной подготовительной школы, пансиона для шляхетской молодёжи и семинарии для малообеспеченных учеников, которому предстояло уравновешивать в сфере образования присутствие протестантского Пражского университета.

Однако о полноценной конкуренции Клементинума и Пражского университета не могло идти речи ещё в конце XVI в., не говоря уже о начале XVII в. Присоединение университета к реформационному движению повлекло за собой закрытие богословского факультета, который не удалось возродить вплоть до 1622 г. Юридический и медицинский факультеты самоликвидировались по причине отсутствия квалифицированных регентов. В связи с этим, от некогда могучего Пражского университета остался один философский (артистический) факультет и четыре коллегии (Речки, Карла IV,

⁸⁰ Булла папы Климента VI от 26 января 1347 г. об основании Пражского университета // Документы по истории университетов Европы XII-XV вв. - Воронеж, 1973. – С. 58.

⁸¹ Игнатович В.В. Немецкие университеты... – С. 29.

⁸² History of Charles University (15 июня 2002 г.) -

<http://www.cuni.cz/cuni/history/historie.html.en> .

⁸³ Игнатович В.В. Немецкие университеты... – С. 29.

Вацлава, Всех Святых⁸⁴), сохранилась ещё медицинская коллегия на Капровой улице, но она стала прибежищем городской бедноты⁸⁵.

Не было одинаковым и материальное положение Пражского университета и Клементинума. Пражский университет был оставлен правительством на произвол судьбы. В этой ситуации университет должен был сам заботиться о сохранности своих владений, на которые постоянно посягали местные церковные власти. Казна университета постоянно показывала дно, земельные владения частью уменьшались силами алчных прелатов⁸⁶, частью были убыточными, частные пожертвования были крайне незначительными. Иными словами Пражский университет был беден. Иезуитская академия же не испытывала недостатка в деньгах и поместьях. Кроме того, Климентинум мог черпать ресурсы из орденских источников в случае недостатка средств, получаемых на месте. Орден же не жалел средств на расширение своего присутствия в сфере университетского образования, не считаясь со средствами в поощрении развития учебной деятельности в ключе, определяемой политикой верховного руководства общества Иисуса.

Начало XVII в. ознаменовалось наступлением нового периода в истории Пражского университета, связанного с таким явлением, которое следует определять как реформационную одержимость, продолжавшемся до середины столетия. Период этот характеризовался обилием реформаторских начинаний и микроскопическими результатами преобразований.

Престолонаследный кризис 1608-1609 гг. обернулся для Пражской *Alma mater* очередным витком реформы. Королевский маэстат 9 июля 1609 г., дарованный чешским сословиям императором Рудольфом II (1576-1611), призван был разрешить противоестественную ситуацию, возникшую в силу незавершённости предпринимавшихся ранее попыток реформировать Высшую школу Карла IV. В результате внешнее управление Пражским университетом было передано коллегии из тридцати дефенсоров, избиравшихся от сословий. Большое значение для университета имело делегирование

⁸⁴ Винтер З. Магистр Кампанус. Исторический портрет. – М., 1953. – С. 7, 501.

⁸⁵ Там же. – С. 365.

⁸⁶ Игнатович В.В. Немецкие университеты... – С. 29.

дефенсорам права учреждать и управлять школами Праги и всего чешского королевства⁸⁷. В рамках реформы была предпринята попытка возродить три пришедших в упадок факультета, занятия на которых должны были возобновиться с ноября 1609 г. Однако очередную реформу постигла печальная судьба предыдущей, т.к. дефенсоры не озаботились подыскать подходящего источника средств для проведения реформы, тем более, что она должна была быть направлена на улучшение материального положения университета.

Только в 1612-1614 гг. администрации университета и дефенсорам удалось перейти от громких разговоров к конкретным делам на ниве реформирования. Эта реформа должна была затронуть не только университет, но и гимназии и латинские школы Праги, притом не только чешские, но и те из немецких, которые тяготели к протестантским общинам⁸⁸. В части, относящейся к университету, реформа предполагала освобождение профессоров и академической администрации от управления имениями *Alma mater* и ликвидировала препятствия для обзаведения профессоров семьями. Следствием этого преобразования должен был стать демонтаж традиционной коллежской организационной структуры, подразумевавшей совместное проживание профессоров в коллегиях, их общий стол. Предполагалось, что магистры университета отныне будут иметь большую свободу при выборе места для проживания. Университет же получал дополнительные помещения для учебных занятий и размещения студентов. На совместном заседании коллегии дефенсоров и совета университета только проректор Вацлавского колледжа, профессор Скала из Колинца выступал против, но при голосовании он остался в меньшинстве. Это нововведение притворялось в жизнь крайне непоследовательно, безбрачие школьных и гимназических учителей отменено не было⁸⁹, а некоторые профессора, в том числе – ректор, продолжали квартировать в коллегиях.

Другим пунктом реформы был тезис об упорядочении учебной деятельности регентов в ключе кафедрального принципа. Речь шла о

⁸⁷ История Чехии. – М., 1947. – С. 101.

⁸⁸ Винтер З. Указ. соч. – С. 106.

⁸⁹ Там же. – С. 153

том, чтобы каждый профессор имел свой предмет, читал определённые ему лекции и не отклонялся от основного содержания преподаваемой дисциплины⁹⁰. Предложение это было весьма любопытным, т.к. позволял модифицировать не только структуру университета, но и организацию учебного процесса в направлении увеличения соответствия передовым образцам того времени. Однако столь радикальное предложение дефенсоров вызвало сопротивление со стороны академической администрации и было отклонено.

Вызывает интерес предложение, сформулированное администрацией университета, заключавшееся в освобождении университетской корпорации от участия в публичных религиозных обрядах и процессиях. К подобным корпоративным акциям относились: общая исповедь в Тынском храме и торжественная процессия для принятия тела и крови Христовой, устраивавшаяся в страстной четверг и др. Но это предложение не получило поддержки и осталось только в проекте. Подобная судьба предложения, призванного дистанцировать Пражский университет от борьбы религиозных течений, приобретает просто трагический оттенок в перспективе грядущей Тридцатилетней войны.

Смысл последнего пункта реформы Пражского университета заключался в осознании необходимости замещать ректорскую должность из числа студентов, благо традиция предусматривала такую возможность. Новшество состояло в обязательном требовании знатности студенческого кандидата на ректорский пост. Сторонники такого шага указывали на пример университетов Иены, Альтдорфа и Виттенберга, где ректоры избирались из числа знатных студентов. При студенческом ректоре должен был состоять проректор из магистров. Таким образом, создавалась возможность подстраховки от радикальных и безответственных действий молодого ректора. Ректором-аристократом стал граф Юлий Шлик⁹¹. Время показало неэффективность этого шага: аристократический ректор-студент оставался декоративной фигурой, а ожидания притока материальных средств от щедрот чешского панства не оправдались. Поэтому

⁹⁰ Там же. – С. 110.

⁹¹ Там же. – С. 112, 128.

студенческий ректорат был упразднён, а новым ректором стал венгерский рыцарь, профессор-медик Ян Есенский.

Реформа 1612-1614 гг. оказалась непоследовательной и незавершённой. Только первый пункт реформы был воплощён в наиболее полном виде. Но и это нововведение было омрачено казнокрадством и мошенничеством университетских эконома и квестора, магистра Гиппиуса из Воднян, преступно расхищавших имущество и средства *Alma mater*⁹². Другие пункты реформы были реализованы в еще меньшей степени. Не будет преувеличением отметить, что данная реформа практически не внесла изменений в крайне тяжёлое положение Пражского университета.

В стане же конкурентов Пражского университета происходили более конструктивные перемены. В 1616 г. Клементинская академия получила дополнительный источник финансирования в виде ассигнований из королевского казначейства. Объём финансирования из этого источника ежегодно составлял 2000 талеров⁹³. Увеличение объёмов финансирования позволило иезуитам предпринять меры по улучшению содержания предоставляемого академией образования.

Революционные события 1618 г. затронули обе Пражские высшие школы. По случаю переговоров представителей чешских сословий и королевских советников в Чешской канцелярии было подготовлено обращение к заместителям, содержащее проект очередной реформы Пражского университета⁹⁴. По содержанию эта реформа, видимо, была идентична проводившейся в 1612-1614 гг., а, по сути, была только её продолжением, призванным довести до конца начатое ранее. Администрация университета лелеяла надежду на возможность проведения реформы с привлечением ресурсов государственной власти. Но переговоры 23 мая 1618 г., закончившиеся «Пражской дефенстрацией», похоронили эту надежду. Сформированное восставшими сословиями правительство в составе тридцати директоров издало постановление, предписывавшее отцам иезуитам в восьмидневный срок покинуть пределы Чешского королевства. Всё имущество Клементинской академии было передано в собственность

⁹² Там же. – С. 139-140.

⁹³ Игнатович В.В. Немецкие университеты... – С. 32.

⁹⁴ Винтер З. Указ. соч. – С. 228.

Пражского университета. Однако Белогорская катастрофа 8 ноября 1620 г. радикально изменила ход событий.

Возвратившиеся в Прагу отцы иезуиты возродили Клементинум. Советником наместника Чешского королевства, князя Карла Лихтенштейнского Михной было предложено слить Клементинум и Пражский университет, но отцы иезуиты изначально отклонили столь заманчивое предложение. Вторым вариантом правительственных инициатив предполагалось трансформировать Пражскую Alma mater в католический университет, но сохранить за ним статус светского учебного заведения. Следует сказать, что развитие событий согласно второму варианту трансформы Пражского университета создавало патовую ситуацию, которая определялась сосуществованием в одном локальном образовательном, социокультурном пространстве двух католических университетов, которые обречены были бы на взаимное угнетение, так как конструктивного взаимодействия между ними быть не могло по причине структурно-организационной модели, положенной в основу Пражского университета.

Для претворения в жизнь распоряжений администрации наместника, определённо в ключе общего подхода, отработанного ещё на примере Венской Alma mater, были назначены три комиссара-администратора Пражского университета: доктор Даниэль Капр, пан Михаил Печек из Радостиц и магистр Иржи Моллер⁹⁵, которые, воспользовавшись церемонией передачи академических должностей 30 апреля 1622 г., произвели изъятие печатей и ключей от университетских помещений и приостановили деятельность университета. В подобном шаге администрации наместника Чешского королевства можно усматривать развитие подхода, предложенного ещё королями Арагона, развитого Арагонской династией и явно унаследованного испанскими Габсбургами, заключавшегося в назначении для университетов *conservadores* – опекунов–«охранителей»⁹⁶, с той только разницей, что в Испании на эти должности назначались священнослужители, а в Чехии – светские чиновники. Последние два комиссара-администратора принялись

⁹⁵ Там же. – С. 502.

красть и разбазаривать университетское имущество и, возможно, преуспели бы в этом, но императорский декрет и приказ высших иерархов Общества Иисуса положили этому предел, передав Пражский университет со всем имуществом в ведение отцов иезуитов.

Вместе с щедрым, но весьма хлопотным даром отцы иезуиты в ноябре 1622 г. получили поручение представить императору Фердинанду II (1620-1637) свои предложения по слиянию двух пражских высших школы. Предложения иезуитов содержали восемь пунктов:

«1) Оба университета сливаются в один под названием Карло-Фердинандового университета.

2) Ректор иезуитской клементинской коллегии есть вместе и ректор нового университета. Его принадлежности суть: а) право суда над всеми членами университета, б) промоция, с) главное направление как университетского, так и вообще школьного образования в целом королевстве, и замещение учительских должностей в низших школах.

3) Профессора юридического и медицинского факультетов назначаются из посторонних учёных с производством определённого жалования из доходов от фондушей бывшего каролинского университета. Кафедры же по богословскому и философскому факультетам, а равно и в академической гимназии, занимают члены иезуитской коллегии.

4) Все старые коллегии каролинского университета имеют быть проданы, а взамен их куплены лучшие здания для квартир светских профессоров, и для юридических и медицинских аудиторий.

5) Устроятся две бursы для совместного жительства в одной – студентов юридического, в другой – медицинского факультетов, под надзором отцов иезуитов.

6) Каждый вновь назначенный профессор, предварительно вступлению в должность, обязывается подтвердить клятвою, что он католического вероисповедания.

7) Порядок старшинства между факультетами следующий: богословский факультет, юридический, медицинский, философский.

⁹⁶ Денисенко Н.П. Испанские университеты в XIII-XV вв. // Университеты Западной Европы. Средние века. Возрождение. Просвещение. – Иваново, 1990. – С. 99-100, 102.

8) Орден определяет учебные предметы для чтения по каждому факультету»⁹⁷.

Следует признать, что данные предложения отцов иезуитов носили весьма взвешенный и привлекательный характер, так как предполагали достаточно мягкую трансформацию существующей в Праге университетской организации в направлении упрочения господства в ней Общества Иисуса. Осторожность иезуитов была продиктована многими обстоятельствами, среди которых такие, как опасения приобрести одиозную репутацию в условиях непредсказуемости военного времени; желание заполучить как минимум лояльность самых широких слоев чешского населения; стремление продемонстрировать свою высокую конструктивность ввиду того, что Чехия в экспансионистских планах Иезуитского ордена играла не только роль экспериментального полигона, но выступала своего рода демонстрационной витриной. Дальнейшие события показали, что в Обществе Иисуса далеко не все придерживались умеренной точки зрения, полагая, что излишняя жесткость и форсирование темпов только повредят миссии ордена. Однако, несмотря на жесткую внутреннюю дисциплину, Иезуитский орден не был един. В ордене были как умеренные, так и экстремисты. Последним, скорее всего, удалось перехватить инициативу в процессе дальнейшей трансформации Пражского университета. Забегая вперед отметим, что необузданность экстремистского крыла неоднократно приводила к катастрофическим последствиям, ставившим под угрозу выполнению миссии ордена как в Европе, так и за её пределами. Ярчайшим примером этого могут служить события, предшествовавшие изгнанию христианских священников с территории Японии в начале правления сёгуната Токугава.

Как только программа трансформации из восьми пунктов, носившая предварительный характер, была утверждена императором, орденское руководство подыскало подходящие кандидатуры профессоров для факультетов права и медицины, и занятия в Карло-Фердинандовом университете были возобновлены на всех четырёх факультетах. Одновременно с этим сторонники более жесткого подхода среди отцов иезуитов подготовили подробный проект окончательного

⁹⁷ Игнатович В.В. Немецкие университеты... – С. 32-33.

переустройства Пражского университета, содержащий двадцать пунктов. Смысл этого документа сводился в установлении полного господства ордена над университетом, охватывающего все сферы его жизни и деятельности. Фердинанд II не решился взять на себя ответственность за подобное решение и передал это дело на обсуждение наместников королевства.

Обсуждение выявило самого непримиримого противника иезуитской диктатуры в Пражском университете, каковым оказался архиепископ Праги граф фон Гаррах, увидевший в притязаниях иезуитов прямую угрозу своим канцлерским прерогативам по отношению к местной *Alma mater*. Благодаря своим университетским связям пражский архиепископ сумел заблокировать принятие решение римской курией, парализовать деятельность университета приостановкой промоций и добиться специальной папской буллы, запрещавшей иезуитам самостоятельно проводить процедуры, связанные с присвоением учёных степеней.

Такое положение вещей просуществовало до второй половины тридцатых годов XVII в., когда новый император Фердинанд III (1637-1657) принял решение вернуть Пражскому университету ту организационную структуру, которую он имел до революционных событий 1618 г. Были восстановлены Карлов Пражский университет и Клементинская академия. Первый в составе юридического и медицинского, а вторая – философского (артистического) и богословского факультетов. Каждая высшая школа имела собственную администрацию во главе с ректором. Однако подобное решение очень быстро продемонстрировало свою непродуктивность, создававшую почву для бесконечных конфликтов между администрациями, регентами и студентами двух университетов. Действительно, в новой организации единый университетский образовательный процесс оказался разорванным между двумя антагонистическими структурами, что ставило под вопрос нормальное функционирование в первую очередь Карлового Пражского университета, так как его факультеты оказались оторваны от квазиуниверситетской и подготовительной ступеней академического образования.

Закономерным выходом из создавшейся ситуации стало новое объединение Пражского университета и Клементинума, состоявшееся в 1653 г. В основу трансформы была положена программа, содержание которой может быть передано шестью тезисами:

«1) В новом Карло-Фердинандовом университете четыре факультета, из которых в двух, составлявших клементинскую коллегию (богословский и философский), членами были исключительно иезуиты, а в двух, составлявших каролинский университет (юридический и медицинский), членами светские профессора.

2) Ректор выбирается ежегодно по очереди из четырёх факультетов. Профессора всех факультетов участвуют в выборе, который решается большинством голосов. По философскому и богословскому факультетам только три члена клементинской коллегии имеют право быть избраны в ректоры университета. Выбранный ректор представляется на утверждение императору. По делам другого рода в общих собраниях университета голоса подаются по факультетам, в случае равенства голосов, дело представляется на разрешение императора.

3) Профессорские кафедры в двух светских факультетах замещает сам император по своему усмотрению. Светские профессора удовлетворяются жалованьем из доходов каролинских имений. По философскому и богословскому факультетам профессора назначаются начальством иезуитского ордена и утверждаются в должности императором.

4) Со званием пражского архиепископа соединяется звание канцлера университета, который, впрочем, удерживает за собой единственное право давать *licentiam docendi* при производстве в учёную степень.

5) Учреждается при университете должность суперинтенданта, замещаемая по высочайшему усмотрению... (чиновника, исполнявшего в университете полицейские и фискальные функции – Д.Л.).

6) Сенату университета принадлежит суд над всеми членами университетской корпорации. Сенат составляют ректор университета, суперинтендант, четыре декана и четыре сеньора, по одному от

каждого факультета. Ректор клементинской коллегии, если он в то же время не ректор университета, а только один из членов сената, занимает в нём третье место после ректора и суперинтенданта»⁹⁸.

Данная организационная структура с небольшими изменениями просуществовала вплоть до терезианских и йозефинских реформ второй половины XVIII в. Как показала практика, в организационной структуре 1653 г. гораздо больше властных полномочий имели сеньоры светских факультетов, нежели их формальные главы – деканы. Например, первым протектором светских факультетов Карло-Фердинандового университета стал лейб-медик императора Фердинанда III, профессор медицинского факультета Марк Марци из Кронланда (1595-1667)⁹⁹. Учёный с европейским именем, протестант по религиозным убеждениям, влиятельный человек при венском дворе, профессор Марци обладал достаточными ресурсами для эффективного действия в сфере внутрикорпоративной политики. Следует отметить, что участие столь влиятельных и авторитетных людей во внутриуниверситетской политике придавало устойчивость всей организации и подкрепляло её жизнеспособность. В результате формировались традиции конструктивного сосуществования «под одной крышей» бинарной университетской организации, нашедшие применения уже во второй половине XIX в.

Структурно-организационные трансформации европейской системы университетского образования, рассмотренные на примере двух *Alma maters* Центральной Европы - Венской и Пражской, с учётом упоминавшихся ранее теоретических построений Ш. Эйзенштадта, позволяют структурировать внутреннее пространство данной системы и, помимо того, дать специфическую качественную характеристику каждой выделенной структурной части. Названная структура имеет не строгий трёхчастный вид.

Центры системы представляют собой области распространения передовых организационных принципов, организационных компонентов, моделей и схем реализации практической деятельности и теоретической рефлексии в сфере образовательных практик

⁹⁸ Там же. – 35.

⁹⁹ Мыльников А.С. Эпоха Просвещения в Чешских землях. Идеология, национальное самосознание, культура. - М., 1977. – С. 51-52.

высшего порядка. Кроме того, центрам присущи наиболее рафинированные, совершенные, и даже с оттенком вычурности, формы, в полной мере воплотившие в себе качественные признаки всей европейской системы университетского образования. Центры выступают сосредоточением эволюционного потенциала системы, в виде ресурса грубой динамической силы, не обладающей творческим началом.

Срединная зона европейской системы университетского образования XVI – конца XVIII вв. характеризуется сложным сочетанием форм, свойственных различным этапам развития системы. Срединная зона – это очаг наиболее плодотворного социокультурного синтеза, почва для качественных рывков и перехода системы на новые фазы своего развития. Отличительной чертой срединной зоны выступает генерирование в ней значительного творческого потенциала, реализующегося в предопределении направления развития как системы в целом, так и её отдельных частей.

Периферия представляет собой те части системы, где её основные признаки в наибольшей степени деформированы, распространены локально и соседствуют со структурами и институтами, характерными как для иных стадий развития, так и для иных профильных систем, связанных зачастую с другими социокультурными суперсистемами. Обычно периферийность проявляется в структурном или пространственном отношениях. В то же время периферия преподносит образцы весьма оригинальных эволюционных ходов, создававших прецеденты решений, находивших применение в процессе дальнейшего развития системы в рамках актов её эволюции, разворачивавшихся в частях с более высоким системным статусом. Кроме того, по отдельным параметрам развития периферия могла даже превосходить центры и срединную зону.

Правомерность предложенной схемы и её основных характеристик подтверждается примерами, иллюстрирующими уровень развития университетского образования во Франции и Латинской Америке к концу XVIII в. Можно принять как достоверное сообщение о количестве университетов во Франции ко времени Великой Французской буржуазной революции, которых в стране

насчитывалось четырнадцать¹⁰⁰. Данные по Латинской Америке говорят о том, что в регионе к концу XVIII в. существовало двадцать шесть университетов¹⁰¹. Подобная картина представляется совершенно закономерной в свете указанных характеристик периферии европейской системы университетского образования, статусом которой латиноамериканская университетская провинция к концу XVIII в., несомненно, обладала.

Однако приведённые примеры теряют свою выразительность с учётом разницы в используемых типологических эталонах при характеристике уровня развития университетского образования во Франции и Латинской Америке. Применительно к Франции в качестве эталона использовалась Сорбонна¹⁰², что привело к занижению количественного показателя развития университетского образования в стране ко времени Великой Французской буржуазной революции. Снять данную проблему представляется возможным путём обращения к типологии учреждений университетского образования, функционировавших в рамках европейской социокультурной суперсистемы XVI – конца XVIII вв.

С точки зрения организационной структуры на протяжении всего рассматриваемого периода оставались в ходу едва ли не все унаследованные от средневековья модели университетов. Однако степень востребованности традиционных моделей в значительной мере варьировалась. Болонская модель продолжала формально функционировать только в «старых» университетах, где ей следовали больше в качестве дани традиции, нежели по насущной необходимости. Вновь основываемые университеты болонской модели не придерживались. Главной причиной снижения актуальности болонской модели выступала фактическая невозможность успешной студенческой самоорганизации в сфере университетской администрации. Болонская модель постепенно перерождалась в направлении нарастания олигархических черт (доминирование состоящего из докторов-регентов университетского

¹⁰⁰ Головкин С.А. Высшее образование Франции. Актуальные проблемы и противоречия. - Мн.: Выш. шк., 1980. - С. 7.

¹⁰¹ Высшая школа Латинской Америки. - М.: Наука, 1972. - С. 51.

¹⁰² Головкин С.А. Указ. соч. - С. 7.

сената) или прямого управления внешними властями через специально назначаемых комиссаров.

Гораздо большее распространение в XVI – конце XVIII вв. получает парижская эталонная модель, бытование которой предполагала известную вариативность. Следует вести речь о трех её вариантах¹⁰³.

Первым вариантом парижской эталонной модели подразумевался университет преподавателей, основанный на системе факультетов с централизованным обучением. В рамках этой субмодели преподаватели группируются по преподаваемым дисциплинам и присуждаемым степеням, точно описывающим содержание соответствующей научной области. Обучение ориентировано на подготовку специалистов.

Вторая парижская субмодель предусматривала коллегиальный или тьюторский университет, построенный согласно оксфордским образцам. Обучение здесь децентрализовано, существуют многочисленные учреждения, созданные для совместного повседневного проживания магистров и студентов. Факультетская организация присутствует, но обучение нацелено на приобретение общих знаний.

Третья парижская субмодель, носившая промежуточный характер, предполагала форму колледжа-университета, объединяющую преимущества централизованной организации обучения и комплекса колледжей, чаще всего, небольшого размера, что позволяло довольно просто осуществлять эффективный контроль над студентами и учебным процессом. Этот тип университетской организации создавал идеальные условия для власти, желающей расширить контроль над университетским образованием.

Однако названными моделями круг структурно-организационных решений на базовом уровне европейской системы университетского образования XVI-XVIII вв. не ограничивался. Следует обратить внимание на модель Меланхтона-Штурма, охватывающую как базовый, так и квазиуниверситетский уровень системы. Данная модель включала в себя, с одной стороны, университет,

¹⁰³ Фрийхоф В. Европейский университет начала Нового времени: паттерны (реферат) // Alma mater (Вестник высшей школы). – 1999. - № 4. – С. 42-43.

образовательная деятельность высшего порядка которого осуществляется на специализированных кафедрах (новация профессора Ф. Меланхтона), и, с другой стороны, гимназию, представлявшую собой латинскую школу продвинутого уровня, испытавшую на себе влияние гуманистических нововведений в части программы обучения и выполняющую функцию артистического факультета. Возникновение данной модели приходится на вторую половину - конец 30-х гг. XVI в., когда И. Штурм занимался преобразованием городской латинской школы Страсбурга, явилось реакцией на лавинообразный процесс создания гуманистических латинских школ, в рамках которого с 1510 по 1695 гг. было основано около 150 подобных учебных заведений на территории, охватывающей пространство от Лондона до Дубчака в Польше и Риги, от Дании и Швеции на севере до государств Южной Германии¹⁰⁴.

С нашей точки зрения, в генетическом родстве с моделью университета-гимназии находится аналоговая схема семинарии-университета. Подобные учебные заведения, призванные готовить будущих философов и теологов, с одной стороны, походили на протестантские университеты-гимназии, а, с другой стороны, были близки образцам, представленным, например, в иезуитских коллегиях-университетах.

Подводя итог рассмотрению типологии структур основных уровней университетской организации Европы XVI-XVIII вв., следует отметить крайнюю диверсификацию аналоговых образцов и эталонных моделей, степень которой возрастает по отношению к предшествующему периоду истории европейской системы университетского образования. На протяжении рассматриваемого периода эволюция типологии университетских структур определяется противоречивыми по смыслу тенденциями. Одна из них была направлена на преодоление сращивания университетской организации со школьным образованием, другая же заключалась в стремлении максимально расширить квазиуниверситетский уровень системы за счёт интеграции учреждений школьного образования. Третья

¹⁰⁴ Шмидт К. История педагогики, изложенная во всемирно-историческом развитии и в органической связи с культурною жизнью народов. - Т. 3. История педагогики от Лютера до Песталоцци. - М., 1880. - С. 126-128.

тенденция была направлена на преодоление присущей системе статусной недостаточности, вызванной типологической закостенелостью, характерной для предшествующего периода, неадекватность которой приобретала гипертрофированные формы на фоне Реформации и становления национальных государств. Каждая из названных тенденций объективно мотивирована. Однако реальное историческое бытование европейской системы университетского образования XVI-XVIII вв. значительно шире и многообразнее любых типологических абстракций и обобщений, так как реальный облик конкретных университетских структур определялся компромиссом влияния внутренних сил системы и внешними агентами, наделёнными властными полномочиями, так как в данный период университетами (университетскими структурами других уровней соответственно) признавались все учреждения образовательной деятельности высшего порядка, которые рассматривали себя в качестве таковых и были признаны таковыми предоставлением права присуждать конвертируемые степени санкционированным носителями властных полномочий, реализующих их на данной территории.

Характерной чертой, отличающей рассматриваемую переходную эпоху, стал коллапс до этого практически единой организационной структуры университетского образовательного пространства в рамках Западной Европы. Инициированное «виттенбергским еретиком» доктором Лютером реформационное движение в Германии в 20-40-х гг. XVI в. нанесло сокрушительный удар по существовавшей организации. Тем самым создавались условия, при которых участие местных городских властей в организации и управлении университетским образованием значительно возрастало. Уже в начале 1524 г. профессор Лютер обратился к представителям властей «всех городов земли немецкой» с призывом взять на себя ответственность за исправление дел в школах и университетах их городов. Он убедительно доказал, что ответственность за состояние школьного и университетского образования лежит не только на городских административных органах – «городских советах и властях», но и на

всём городском сообществе – «городской корпорации»¹⁰⁵. Лютер указывал на источник финансирования образовательных программ муниципалитетов, предлагая использовать на эти цели средства, сберегаемые в результате отмены ряда церковных сборов. Он определял размер пожертвований на содержание школ в пределах от 10 – до 1 % бюджета¹⁰⁶. По мысли Лютера большую часть пожертвований следовало направлять на содержание образовательных заведений для бедной молодёжи. Таким образом, им был предложен способ решения проблемы доступности образования для наименее обеспеченных слоев городского населения, вставшей с наибольшей остротой в связи с ликвидацией, либо глубоким и затяжным кризисом старых церковных (соборных и монастырских) школ начального, среднего и высшего уровня, обеспечивавших образованием именно эти слои.

Несмотря на наступление Реформации, в переходную эпоху продолжали действовать некоторые тенденции, наметившиеся ранее. Сюда следует отнести устойчивую тенденцию регионализации университетского образования, сочетавшуюся с начавшимся процессом национализации в образовании. Особенно ярко они проявили себя в странах Северной Европы, где университетские структуры сложились относительно поздно. Например, в Шотландии в XVI в. существовали три университета: в Сент-Эндрюсе, Глазго и Абердине. Только в конце столетия университет появляется в шотландской столице Эдинбурге. В этом ключе заслуживает внимания политика городских властей Эдинбурга. Городское правительство, в лице совета во главе с мэром и бейлифами, подходило к организации и управлению школами и университетом, руководствуясь особым видением положения вещей, предполагавшим существование в Эдинбурге особого рода образовательного комплекса. Вся область образовательной деятельности была строго поделена на муниципальный и частный секторы. В 1519-1520 гг. городской совет запретил горожанам отдавать своих детей в частную школу, рекомендуя определить их в городскую грамматическую

¹⁰⁵ Лютер М. К советникам всех городов земли немецкой. О том, что им надлежит учреждать и поддерживать христианские школы // Школа и педагогическая мысль Средних веков, Возрождения и начала Нового времени. – М., 1991. – С. 200.

школу¹⁰⁷. За подобным шагом эдинбургского муниципалитета, скорее всего, стоят практические рекомендации, оценочные стереотипы субъектов университетского образовательного пространства, изложенные в трактате XIV в. «О похвале клиру»¹⁰⁸. В 1585-1586 гг. городские власти Эдинбурга усложнили процедуру открытия частных школ, введя обязательную процедуру получения согласия городского совета и церковной сессии.

Благодаря активной и действенной политике муниципалитета в Эдинбурге сложился трёхуровневый локальный образовательный комплекс, объединявший начальные школы, высшие грамматические школы латинского и французского языков, певческие школы и университет. Основанный в 1583 г. университет Эдинбурга также носил на себе отпечаток комплексного подхода муниципалитета к организации и управлению образованием. Эдинбургский университет был городским университетом в полном смысле этого слова, так как, не обладая академической автономией и корпоративным самоуправлением, находился в административном подчинении муниципалитета. Канцлерские функции в университете по указанию короля были возложены на бейлифа Эдинбурга¹⁰⁹. Городские власти производили конкурсный отбор претендентов на регентские должности. Для претендентов проводились публичные испытания в форме диспута. Городские власти определяли размеры ежегодной оплаты труда регентов университета. В 1583-1586 гг. оплата труда преподавателей Эдинбургского университета колебалась от 40 марок – до 20 фунтов в год. На питание и материальную помощь регентам расходовалось от 20 – до 4 фунтов в год¹¹⁰. В это время ежегодный бюджет университета составлял 3 тысячи фунтов. Две трети этой суммы собирали горожане, а оставшуюся часть субсидировал король. С учётом приведённых цифр, закономерным представляется поиск университетскими регентами Эдинбурга дополнительных источников материальных средств, ведущим из которых выступало преподавание

¹⁰⁶ Там же. – С. 197.

¹⁰⁷ Китайгородская Л.И. Политика городских властей Эдинбурга – столицы Шотландии в области образования в XVI в. // Школа и педагогическая мысль Средних веков, Возрождения и начала Нового времени. – М., 1991. – С. 236.

¹⁰⁸ О похвале клиру... – С. 215-217.

¹⁰⁹ Китайгородская Л.И. Указ. соч. – С. 243.

в муниципальных городских школах среднего уровня. Анализ названных обстоятельств делает очевидным существование сложного локального образовательного комплекса муниципального подчинения, в котором, с применением административных и законодательных рычагов, снимались противоречия между школьным и университетским образованием, свойственные для многих других районах Европы в XVI-XVIII вв.

Большой интерес в плане влияния городских властей на организацию университетского образования представляет кальвинистская Женева. Начиная с 1541 г. Жан Кальвин методично реализовывал в городе план создания Нового Иерусалима. За двадцать три года диктатуры Кальвина в Женеве сформировалась идеально устроенная система учебных заведений. Центральное место в кальвинистской системе образования в Женеве занимала открытая в 1559 г. Академия. Женевская академия представляла собой сочетание двух учебных заведений – гимназии и университета. Структура кальвинистской академии Женевы носила инновационный характер в связи с тем, что включала как элементы факультетской организации – факультет свободных искусств, так и отдельные специализированные кафедры, в частности, кафедры права и медицины¹¹¹. Формирование в Женеве локального образовательного комплекса вокруг такого сложноорганизованного учреждения, каковым являлась академия, выглядит весьма показательным, так как демонстрирует инновационный подход к конструированию подобных структур. Результатом следования данному подходу стало складывание автаркичного образовательного комплекса, сумевшего успешно конкурировать не только с традиционной католической системой университетского образования, но и с университетскими организациями других реформационных течений.

Не оставались в стороне от происходивших в переходную эпоху процессов и университеты более южных районов Европы. Университеты Италии и Южной Франции изначально были связаны с городскими коммунами и правителями государств более тесным

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Хаммерштейн Н. Университет в Новое время: отношения с властью (Реферат) // Alma mater (Вестник высшей школы). – 1999. - № 10. – С. 49.

образом, чем *Alma maters* всей остальной Европы, за исключением Англии. Примером появления новых тенденций в отношениях университета и города могут служить перипетии судьбы *Alma mater* Монпелье. На рубеже XV-XVI вв. происходит «муниципализация» Монпельезского университета. Увеличение интереса городских властей к университету проявилось в предоставлении финансовой поддержки для оплаты труда приглашаемых профессоров права и строительстве для него новых зданий¹¹². В тоже время университету не удалось обеспечить своим представителям доступ к высшим должностям в городской администрации, в результате чего академическое сообщество не располагало рычагами воздействия на муниципальную политику через каналы корпоративной организации. Интегрированная в европейскую систему университетского образования, *Alma mater* Монпелье выступала в качестве посредника между городом и внешними властями, особенно королевской властью. По мере наступления абсолютизирующейся королевской власти на права городского самоуправления и демонтажа корпоративной автономии университетов, возникает осознание общности судеб и интересов города и университета. В переходную эпоху происходит смена парадигм взаимоотношений университета Монпелье и города. Партнёрские отношения заменяются покровительством. С последней четверти XV в. университет провозглашает себя неотъемлемой частью корпоративной организации города. В переходную эпоху университет Монпелье попадает под финансовую и административную опеку города.

В противоречии с распространённой точкой зрения на борьбу университета и города находятся реалии конфликтных взаимоотношений Тулузского университета и местных властей. Согласно общепринятым представлениям наибольшая интенсивность противоборства университетов и городских властей приходится на XIII-XIV вв., результатом чего стало завоевание университетами значительных гарантированных привилегий. Несмотря на то, что университетским юристам удалось проникнуть в высшие эшелоны

¹¹² Тушина Е.А. Монпелье: город и университетский центр // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. – Т. 2. Жизнь города и деятельность горожан. – М., 1999. – С. 337.

местных административных органов, в Тулузе в первой половине XVI в. зафиксирован ряд ожесточенных столкновений между членами университетского сообщества и городскими властями и населением. Наиболее активной частью университетского сообщества закономерно являлось студенчество. Формы студенческих «буйств» возможно типологизировать следующим образом: пародирование и высмеивание городского совета и Тулузского парламента во время праздников; высокомерие по отношению к бюргерству; вооружённые столкновения с ремесленными союзами – корпорациями мясников, каменщиков, союзом подмастерьев; инциденты с городской стражей¹¹³. И через триста лет город продолжал «мстить» насильно водворенному в нём университету. В первой половине XVI в. студенческие землячества запрещались в Тулузе пять раз, а сходки студентов, расценивавшиеся как незаконные, запрещались трижды. Постоянной заботой городских властей было разоружение студенчества. С этой целью одиннадцать раз издавались постановления, запрещавшие студентам ношение оружия, и три раза налагался запрет на продажу местными оружейниками своей продукции студентам¹¹⁴.

Грубое вмешательство властей во внутренние дела университета сопровождалось гонениями на передовых преподавателей, придерживавшихся гуманистических и реформационных взглядов. Закономерным результатом такого рода целенаправленной политики тулузских властей, с одной стороны, стала ликвидация вольностей университета и исход университетских гуманистов в поисках более безопасных мест для жизни и работы, с другой. В итоге власти получили послушный «карманный» университет с низким интеллектуальным потенциалом и комплексом порочных, анахронистических традиций, что на фоне бурных религиозно-политических процессов способствовало провинциализации Тулузы и

¹¹³ Уваров П.Ю. История средневековых университетов во франко-бельгийской историографии начала 80-х годов XX в. (Обзор) // Средние века. Вып. 50. – М., 1987. – С.327.

¹¹⁴ Молдавская М.А. К вопросу о студенческих волнениях и борьбе гуманистической интеллигенции против феодально-католической реакции в Лангедоке первой половины XVI в. // Средневековый город. Вып. 4. – Саратов, 1978. – С. 167.

всего Лангедока в целом в плане уровня и содержания университетского образования.

Тенденция превращения университетов в подконтрольные государству или государственные высшие учебные заведения нашла своё отражение в устойчивой практике прямого участия местных властей в университетском управлении. В XVI-XVIII вв. обычным явлением становится вмешательство властей в решение кадровых вопросов, напрямую связанных с формированием регентского контингента той или иной *Alma mater*. В Лувейне профессоров назначал муниципалитет, в Павии – сенат Милана, в Падуе – сенат Венеции¹¹⁵. Замыкание преподавательской корпоративной организации вызывало соответствующие ответные действия. Так, в тридцатых годах XVI вв. Парламенту Парижа пришлось принять специальное решение, согласно которому публичные испытания учёности и преподавательского мастерства должны были проводиться в присутствии представителей этого органа. В Италии и Австро-Венгрии жёсткое вмешательство городских властей в дела университетов создавало благоприятную почву для упрочения позиций вездесущего общества Иисуса, которому удалось заполучить в управление ряд крупных университетов, например, Венский и Пражский.

Особым пластом взаимоотношений между университетом и городом в переходную эпоху выступает сфера повседневной жизни. Структуры повседневности университетского сообщества были настолько переплетены с различными сторонами городской жизни, что не будет преувеличением характеризовать эту область взаимодействия как наиболее важную и значимую. Как бы не складывались взаимоотношения между городом и университетом в рассматриваемую эпоху, взаимовыгодность сосуществования была очевидна. В Англии старейшие университеты настолько подчинили себе всю жизнь городов, что всякая деятельность их обитателей прямо или косвенно оказывается подчинена интересам бинарной образовательной квазимперии Оксбриджа. В переходную эпоху в области повседневной жизни существовали коммуникативные

¹¹⁵ Вандермеш П.А. Преподаватели (Реферат) // *Alma mater* (Вестник высшей школы). – 2000. - № 7. – С. 47.

каналы, обеспечивавшие циркуляцию преобразовательных импульсов между университетским сообществом и городом, в результате чего обе части этой системы получали возможность для параллельного протекания многоплановых и динамичных трансформаций.

Подводя итоги, следует отметить, что взаимодействие университета и города в переходную эпоху отличалось многоплановостью. Значительное влияние на их взаимоотношения оказало реформационное движение, выдвинувшее идеи активного участия городских властей и общественности в образовательной политике. Городские власти и общественность влияли не только на университетскую администрацию и внутренний политический климат, но могли также предопределять характер динамики развития интеллектуального потенциала университетской организации. Следует признать, что муниципализация университетского образования выступала закономерным этапом сложного и длительного процесса смены парадигм в области образования высшего порядка.

Вплоть до середины XVII в. взаимоотношения университетской организации с церковными властями и государством строились на принципах, возникших на заре эпохи церковных преобразований в первой трети XVI в. К началу XVI в. государство уже не могло игнорировать «полезность» университетской организации, но и поставить это «орудие» под свой полный контроль тоже способно не было. С наступлением Реформации в церковном поле возникают новые «игроки», представленные различными протестантскими конфессиональными организациями, с появлением которых прежние отношения между университетами и католической церковью теряют свой абсолютный характер. Университетская организация же стремилась извлечь максимальную выгоду из нарастания интереса к себе со стороны внешних властей, но максимально сохранить в неизблемости свой привилегированный статус, унаследованный от предшествующей эпохи. Все заинтересованные «лица» осознавали невозможность скоротечного демонтажа университетских вольностей, тем более, проявляя временами излишнюю настойчивость, они нередко создавали помехи друг другу. Таким образом, вплоть до середины XVII в. университетской организации, несмотря на

увеличивавшуюся опеку со стороны государства и церковных властей, удавалось сохранять хрупкую, но значимую независимость, маневрируя на постоянно сокращающемся пространстве¹¹⁶.

Наиболее впечатляющих успехов в деле контроля над университетским образованием, бесспорно, достигла кальвинистская церковь. Секрет Ж. Кальвина и его последователей был прост. Первым слагаемым успеха выступало то, что кальвинисты выстраивали свою систему образования с Женевской академией во главе буквально на пустом месте. Второе условие, с нашей точки зрения, заключалось в восходящем направлении организационного воздействия в рамках кальвинистского образовательного комплекса. Имело место «вошколение» университета, а не университетизация школы. На уровне подхода к проблеме это организационное решение восходит к «центрам высшего обучения», основанным в Цюрихе, Берне и Лозанне в конце 20-х гг. XVI в. не без влияния У. Цвингли. Образовательный комплекс Женевской академии лишь только послужил воплощением развития данного подхода. Оглушительный успех Академии Женевы имел последствием широкое заимствование её модели, согласно которой были устроены протестантские академии в Герборне, Бремене, Штейнфурте, Седане и Саумуре¹¹⁷.

Однако руководство некоторых кальвинистских университетов избрало путь, отличный от указанного главой Женевской академии Т. де Безом (1519-1605). Гейдельбергский и Лейденский университеты придерживались более традиционной модели и сохраняли значительно большую свободу от власти консистории. Благодаря этому «либерализму» Гейдельбергский университет в 1570-1610 гг. входил в число ведущих кальвинистских университетов Европы, программа обучения в которых была в большей степени свободна от наслоений теологического «интеллектуального мусора» и схоластических по характеру штудий Аристотеля, а в большей мере несла на себе отпечаток влияния гуманистического наследия.

В организационном отношении большой интерес вызывают ответные шаги католической церкви и поддерживающих её светских

¹¹⁶ Хаммерштейн Н. Университет в Новое время: отношение с властью (Реферат) // Alma mater (Вестник высшей школы). – 1999. - № 10. – С. 49-50.

¹¹⁷ Там же. – С. 49.

правителей, вызванные успехами кальвинистов в Швейцарии и Нидерландах. Миланским архиепископом, кардиналом К. Борромео и главой Люцерна Л. Пфффером были предприняты меры по нейтрализации «кальвинистской заразы». В Люцерне, в помещении, предоставленном городскими властями, на деньги, пожертвованные папой, испанским и французским королями и герцогом Савойским, была основана школа Общества Иисуса, в которой подготовку учащихся осуществляла команда квалифицированных преподавателей. Подобные проповеднические учебные заведения возникли во Фрибуре, Золотурне и других местах. «Надзиравший» за Швейцарией Борромео в Милане основал Коллегиум Гельветикум – семинарию, ежегодно обучающую 40-50 юношей из Швейцарии, готовящихся пополнить ряды католических священников. Стараниями Карло Борромео в Милане был создан антипод Женевской академии, не уступающий ей в своей непримиримости¹¹⁸.

Однако в XVI в. подобные случаи составляли скорее исключение, нежели правило, хотя игры контроля и набирали обороты, но развивались они чаще не по структурно-компенсаторному сценарию, а по тем, что предусматривали активное органо- и нормотворчество. Представители светских и церковных властей всех уровней ощущали себя ответственными за правильную организацию учебного процесса в университетах и оздоровление их образовательной практики. В основе действий властей лежали принципы систематичности, контроля и управляемости. Излюбленным средством претворения в жизнь данной политики выступали издание правительственных декретов и инструкций, а также инспекционные посещения учреждений, входивших в университетскую организацию. Другим средством реализации этой политической линии служили создаваемые весьма часто и в большом количестве специальные контрольные комиссии. Ещё одно средство носило сугубо гуманитарно-технологический характер, так как подразумевало оформление разного рода письменных заверений, касающихся многих вопросов принципиального значения: о верности

¹¹⁸ Володарский В.М. Культура Швейцарии в конце XV-XVI в. // История культуры стран Западной Европы в эпоху Возрождения. – М.: Высш. шк., 1999. – С. 173.

вере, о принятии обязательств, о принесении при начале либо по окончании университетского курса клятв Деве Марии¹¹⁹. Следует признать, что в XVI в. формы и методы контроля властей над университетским образованием носили ещё весьма несовершенный характер.

Едва ли не первыми тяжёлую длань, изменяющего свой характер монархического государства, ощутили на себе английские университеты. Среди причин, обусловивших бедственное положение английских университетов к началу XVI в. и в значительной мере сделавших их весьма восприимчивыми к разного рода действиям со стороны государственных властей, следует назвать последствия затяжной, тридцатилетней Войны Алой и Белой розы (1455-1485); ненадлежащее управление собственностью коллегий (колледжей); галопирующую инфляцию денежных средств, вызванную открытием Америки.

В начале XVI в. в старейших английских университетах, составивших двуединую университетскую квазимперию – Оксбридж, с наибольшей полнотой проявились итоги так называемой коллегиальной революции, отодвинувшей на задний план факультетские структуры университетской организации и сделавшей колледжи её доминирующим компонентом. Колледжам оказались поглещены не только факультеты, но и свободные университетские подворья, дававшие приют большому числу студентов. Приобретённый статус отделений соответствующих колледжей в первую очередь накладывал отпечаток на дисциплину и внутренний распорядок в этих заведениях, согласно полумонастырским нормам коллегиальной жизни. Следующим шагом в этом направлении стало умиротворение буйств частно квартирующих студентов, которым с этих пор вменялось в обязанность проживать исключительно при колледжах. Заслуживает внимания то обстоятельство, что для приведения к покорности буйных частно квартирующих схоляриев, университетской администрации пришлось обратиться за помощью к королю, церкви и парламенту, ибо своих собственных сил оказалось недостаточно¹²⁰. Таким образом, создавался прецедент вмешательства

¹¹⁹ Хаммерштейн Н. Указ. соч. – С. 49.

¹²⁰ Игнатович В.В. История английских университетов. – СПб., 1861. – С. 92.

внешних властей во внутренние дела университетской корпорации, с одной стороны, свидетельствовавший о слабости корпоративной академической администрации, и создававший задел для дальнейшего расширения участия внешних властей в решении внутриуниверситетских административных вопросов, с другой стороны.

В первой половине XVI в. Оксбриджу пришлось столкнуться не только с тюдоровским абсолютизмом, достигшем при Генрихе VIII (1509-1547) крайних пределов деспотического произвола, но и с реформационным движением, отдельные идеи которого упали на благодатную почву, подготовленную многовековой традицией схизматической традицией Альбиона, ядром которой являлась идея церковного верховенства носителей английской короны, в чём следует видеть реализацию сакральных прерогатив монарха. В свою очередь английские университеты искали средства в традиции, а именно в институте канцлерства, приобретшем характер вельможного патронажа.

В период нарастания реформационных настроений Оксфордский и Кэмбриджский университеты предложили канцлерское достоинство лорд-канцлеру Томасу Уолси (1475-1530), в чём первый преуспел, а инициатива второго пропала втуне¹²¹. Как и Винчестерский епископ, Фокс, основавший в 1516 г. в Оксфорде для двадцати феллоу и двадцати студентов-стипендиатов колледж Тела Христова в составе трёх кафедр: греческого и латинского языков и богословия, кардинал Уолси в 1518 г. усилил патронируемый университет кафедрами риторики и греческого языка. В 1524 г., благодаря усилиям своего канцлера, Оксфордский университет получил подтверждение своих привелегий, подкреплённых соответствующим королевским распоряжением. В том же году Уолси выступил с проектом нового колледжа, его планировалось назвать Кардинальской коллегией, в составе семи кафедр: латинского, греческого и еврейского языков, богословия, канонического и римского права и медицины. В колледже предполагалось разместить шестнадцать каноников, сорок священников из белого духовенства, а так же шестьдесят студентов-стипендиатов и своекоштных студентов.

Для содержания нового колледжа определялся источник средств состоящий из доходов от 22 упразднённых приорий и женских монастырей в размере не менее 2000 фунтов в год. Одновременно в Ипсвиче была основана грамматическая школа, находившаяся в подчинении Кардинальской коллегии. Проект Уолси был уже близок к завершению и в Оксфорде и в Ипсвиче, когда лорд-канцлер был вынужден удалиться от дел, и отправиться в изгнание.

Само падение кардинала Т. Уолси связано с обстоятельствами, подарившими королевской власти возможность грубым образом вмешаться во внутренние дела университетской корпорации Оксфорда. В связи с разводом с Екатериной Арагонской, для выработки общей линии поведения в отношении Римской курии и подкрепления собственной позиции авторитетным мнением университетского учёного сообщества, Генрих VIII обратился к Оксфордской Alma mater с просьбой высказать своё суждение. На общем собрании университета разгорелась ожесточённая межфракционная борьба, в которой старшие члены университета высказывались о намерениях короля в оправдательном плане, а младшие – порицали монарха. Затянувшаяся перепалка между названными фракциями вынудила короля направить вице-канцлеру университета собственноручное письмо, в котором, путём упрёков и угроз, осуществлялось давление на главу корпоративной администрации в направлении немедленного решения дела. Результатом такого давления стало исключение младших членов университета из общего собрания, которому после этого удалось принять благоприятное для короля решение.

Последовавший в 1534 г. разрыв церковных отношений с Римом, ознаменовался для английских университетов усилением влияния королевской власти на их внутренние дела, что в условиях главенства монарха в англиканской церкви создавало предпосылки для доминирования государства в вопросах внутриуниверситетской политики и управления. Важнейшей инициативой государства в этот период являлась предпринятая в 1539 г. визитация академического законодательства¹²². В структурно-организационном отношении

¹²¹ Там же. – С. 98.

¹²² Там же. – С. 99.

интерес представляют четыре результата данной критической проверки университетской законодательной документации. В-первую очередь, всем колледжам вменялось в обязанность учредить за свой счёт кафедры греческого и латинского языков, богословия и римского права. Во-вторых, студентам малоимущих колледжей, где иметь собственные кафедры не представляется возможным, разрешалось посещать занятия в других коллегиях. В-третьих, в колледжах отменялись наиболее изнурительные и затяжные церковные службы, в чём следует видеть удар по традиционной университетской корпоративности густо замешенной на совместном отправлении культа. В-четвёртых, в каждом университете Оксбриджа следовало организовать пять кафедр: богословия, греческого и еврейского языков, римского права и медицины, и назначить их профессорам по 40 фунтов из средств королевской казны. В Кэмбридже генриховы нововведения дополнили комплекс из четырёх постоянных кафедр философских наук: математики, философии, логики и риторики, основанных ещё в 1524 г. лордом верховным судьёй Ридом.

Была решена судьба и проекта покойного кардинала Уолси. На базе Кардинальской коллегии был основан новый кафедральный собор с епископской резиденцией, который был присоединён к Оксфордскому университету на правах коллегии в составе трёх кафедр: богословия, греческого и еврейского языка. В этом колледже, получившем позднее название Коллегии Христовой церкви, предполагалось содержать сотню постояльцев. В это же время Генрих VIII выступил с инициативой учреждения в Кэмбридже новой коллегии – Тринити колледжа, проект устройства которого был разработан самим королём, но претворить его в жизнь ему уже суждено не было.

Предпринятая в Англии секуляризация имуществ и доходов религиозных братств (1547 г.) не только ухудшила материальное положение университетов, поставила на грань нищенского существования многих представителей университетского сообщества, принадлежавших к подобным корпоративным религиозным организациям, но и привело к уменьшению общей численности университетчиков Оксбриджа.

Усиление позиций протестантизма при юном короле Эдуарде VI (1547-1553) потребовало преобразования английских университетов «в главе и членах» в соответствии с реформационным духом. Для достижения указанной цели в 1549 г. была проведена новая визитация. Среди её итогов интерес вызывают: 1) сокращение индивидуальной финансовой поддержки студентов; 2) разрушение библиотечной инфраструктуры Оксбриджа и разграбление собраний памятников материальной и духовной культуры, хранившихся при университетах; 3) ревизия университетских статутов, ориентированная на изживание академической корпоративности и замену схоластической педагогики гуманистической системой образования; 4) организация дисциплинарного обеспечения учебных занятий по религиозному всеобучу в духе протестантизма. Главным итогом эдвардинской визитации стало значительное ослабление учебной деятельности и снижение интеллектуального потенциала английских университетов.

Наступление католической реакции в период пятилетнего правления Марии I связано с деятельностью кардинала Поля, в качестве канцлера Оксфордского и Кэмбриджского университета. Основной его заботой были ликвидация последствий визитации 1549 г. и водворение в университетах схоластики самого консервативного образца. В Оксфордский университет были приглашены испанские доминиканцы. В сложившихся обстоятельствах регенты, принадлежащие к протестантскому лагерю, были вынуждены удалиться в изгнание. Тем не менее, к положительным достижениям пятилетнего периода католической реакции следует отнести: учреждение и преобразование четырёх колледжей, по два в Оксфорде и Кэмбридже; пожалование университетам несколько церковных патронатов и поместий.

Последующее столетие в истории английских университетов стало временем умеренного реформирования в протестантском духе, результатами которого стали: 1) превращение *Alma materes* в светские корпорации; 2) улучшение материального положения университетов и колледжей путём закрепления за ними всех имеющихся у них владений в виде земли, движимого и недвижимого имущества, освобождённого от повинностей и налогов (1571 г.) и гарантий уровня

дохода от привратностей колебания стоимости капиталов в драгоценных металлах за счёт взимания выхода (1/3 от продукции со сдаваемых в аренду наделов) с земельной собственности в натуральной форме, или денежной форме, с учётом рыночной стоимости продукта (1575 г.); 3) получение университетами обновлённых статуты (1570 г. – Кэмбридж, 1636 г. – Оксфорд); 4) было создано мощное средство вмешательства государства в жизнь университетов – чистка рядов членов факультетов, применявшееся в рассматриваемое время трижды (1559, 1648, 1661 гг.); 5) получение университетами Оксбриджа мест в нижней палате парламента (по два места на каждый) и права земещения всех бенифиций, зависящих от католических церковных иерархов. Кроме того, была значительно расширена сеть высших грамматических школ и школ со статусом колледжей и улучшена инфраструктура библиотечного обеспечения образовательной деятельности высшего порядка в Оксфордском университете (1598-1613 гг.).

К числу неудач этого времени, возможно, отнести две не увенчавшиеся успехом попытки основать университет в Лондоне, чему, от части, препятствовали школы Судебных Иннов, отчасти, заполненность остального пространства в поле образовательной деятельности высшего порядка учреждениями, связанными с неортодоксальными течениями в английском протестантизме – академиями, усилия которых практически перекрывали предложением имеющийся в обществе спрос на образовательную деятельность высшего порядка. Таким образом, во второй половине – конце XVII в. в Англии сложилась весьма устойчивая инфраструктура университетской организации, просуществовавшей без значительных изменений на протяжении последующих полутора столетий. Организационная модель английской университетской организации, сложившаяся в XVI – середине XVII вв., характеризуется сочетанием таких особенностей как: устойчивость, тесная связь с государственными органами и англиканской церковью и широкая автономия самоуправления. Не будет преувеличением полагать английский опыт взаимодействия университетской организации и абсолютистского государства редким, если не уникальным, примером

процесса, непосредственные результаты которого отличаются высокой степенью конструктивности в долгосрочной исторической перспективе.

Взаимоотношения университетской организации, церкви и государства во Франции XVI-XVIII вв. предоставляют возможность рассмотреть факторы, определившие их специфику, и проанализировать заданные ими тенденции эволюции этих связей. Ограниченность средств контроля и давления вынуждали государство и церковь действовать на структурно-организационной периферии системы университетского образования Франции. Королевская власть, в частности, достаточно успешно действовала на уровне учреждения новых кафедр и высших учебных заведений коллегиального характера, противопоставленных университетской организации. Именно в этом ключе следует рассматривать образовательные инициативы Франциска I, венцом которых стало основание в 1530 г. Коллежа королевских лекторов. Это сиятельное учреждение, созданное, с одной стороны, для упорядочения преподавательской деятельности ученых мужей, обслуживавших интеллектуальные потребности монарха в качестве королевских чтецов, и, с другой стороны, в качестве оплота гуманистического образования, избавленного благодаря своему положению, от сковывающего действия университетской организации, представляет своего основателя в образе ренессансного просвещённого правителя¹²³. Вплоть до середины XVI в., не без участия Франциска I, государству удавалось экранировать университетскую организацию от влияния религиозного конфликта, сдерживая наиболее ретивых как из числа протестантов, так и католиков.

То же можно сказать и о церковных властях католического лагеря. Даже «всемогущие» иезуиты были вынуждены в это время довольствоваться возможностью управлять в своих интересах только отдельными подразделениями университетской организации. Более того, Орден Иисуса был крайне ограничен в отношении создания альтернативных университетской организации учреждений образовательной деятельности высшего порядка. Единственным в своём роде являлся иезуитский университет в Лотарингии,

¹²³ Клулас И. Повседневная жизнь в замках Луары в эпоху Возрождения. – М.: Мол. гвардия, 2001. – С. 139.

основанный в 1571 г., сразу же после основания вставший на тропу войны с кальвинистскими школами и академиями¹²⁴. К этому времени становятся видны результаты активности ордена в сфере университетского образования, т.к. ему удалось поставить под контроль преподавание предметов теологического и гуманитарного циклов.

Несмотря на то, что государство в XVI в. ещё не могло эффективно реализовывать свои властные prerogatives в сфере университетского образования, оно всё же могло изменять внешние условия существования университетской организации, особенно в ситуациях социальной нестабильности и потрясений. Эпоха религиозных войн во Франции 60-х – конца 90-х гг. XVI в. предоставило для этого прекрасную возможность. За это время правительство дважды изменяло направление проводимой политики, пересматривало базовые параметры внешних условий существования университетской организации. В первый раз это произошло после того, как в Орлеане в 1561 г. и в Блуа в 1579 г. были подписаны соответствующие королевские эдикты, требовавшие от университетов подтверждения индоктринации в духе ортодоксального католицизма. Вторая волна перемен связана с принятием Нантского эдикта в 1598 г. Хотя, надо признать справедливости ради, наступившая следом ограниченная духовная либерализация для университетов уже не имела решающего значения, так как подрыв в ходе религиозных войн традиционной системы ресурсообеспечения отдельных структур и учреждений университетской организации привёл к снижению научного и образовательного потенциала университетов, падению их социальной престижности и влияния, а также ускорил процесс замыкания университетских корпораций, выразившийся в явлении «семейственности» регенства.

Уже в самом начале рассматриваемого периода произошла кардинальная трансформация университетской администрации, нанеся ощутимый урон её корпоративному характеру. Являясь, на первых порах, королевским уполномоченным – ректор Парижского университета, к 1560 г. окончательно становится чиновником

¹²⁴ Хаммерштейн Н. Университет в Новое время: отношение с властью (изложение) // *Alma mater* (Вестник высшей школы). – 1999. - № 12. – С. 45.

короля¹²⁵. В аналогичном направлении эволюционировала академическая администрация и других французских университетов, хотя формы и методы подчинения, применявшиеся к провинциальным *Alma maters* оказывались более жесткими.

К концу периода религиозных войн сложилась ситуация, в которой государство уже не нуждалось политических ресурсах, обеспечиваемых опорой на сословно-корпоративную систему, сложившуюся на излёте средневековья в рамках сословно-представительной монархии. Парламент и университет были компонентами одной системы, и их собственные интересы в политических и юридических аспектах совпадали. В изменившейся ситуации политическая активность сословно-представительных учреждений и университетов рассматривались государством как нежелательный фактор, действие которого необходимо свести к крайне малому значению, которым можно беспрепятственно пренебрегать. Сословно-корпоративная система была «мумифицирована» с сохранением исключительно хозяйственно-экономических функций. Для университетской организации Франции это имело последствием высокую степень функциональности университетского образования. Во Франции наличие высокой образованности (но не всегда университетской) становится залогом и непременным условием успешной карьеры на высоких должностях в государственных и церковных органах.

Параллельно с этим происходит ослабление интереса церкви к университетской организации, что связано с переносом центра подготовки священнослужителей в специализированные учебные заведения – семинарии, и, как следствие, деполитизацией университетской теологической науки, утратившей, таким образом, свои позиции в рамках взрывоопасной и напряжённой религиозной жизни.

Однако столь замечательные перемены не получают, практически, сколько-нибудь ощутимого развития на протяжении без малого всего XVII в., напротив, складывается парадоксальная

¹²⁵ Шмидт К. История педагогики, изложенная во всемирно-историческом развитии и в органической связи с культурною жизнью народов. - Т. 3. История педагогики от Лютера до Песталоцци. - М., 1880. – С. 210.

ситуация, когда, наконец то, государство сделало университет своим орудием и избавилось от необходимости делить рычаги управления (хотя по большей части и косвенного характера) с церковными властями, оно оказалось совершенно неготовым к тому, чтобы распорядиться этой «дорогой игрушкой» подобающим образом.

Начинания «эталонного» французского абсолютизма в области университетского образования выглядят жалкими и ничтожными, а достижения лишь только логичными, но не более того. Видимо, в этой демонстративной «слабости и пассивности» и заключалась главная отличительная черта политики французского абсолютизма в области университетского образования. Наиболее заметным событием первой половины XVII в. стало появление в 1629 г. особого королевского регламента, оформившего в наиболее законченном виде университетское образовательное кредо французского абсолютизма. Согласно этому документу, университетам Франции было предоставлено исключительное право осуществлять подготовку соискателей учёных степеней (минимальной признавалась трехгодичная образовательная программа), а также предоставлять свидетельства об уровне образованности, необходимые для участия в устраиваемых правительством испытаниях претендентам на получение чиновных должностей. Однако принятые меры не были эффективными применительно и к самим университетам, остававшихся во власти систематических злоупотреблений внутреннего характера. Даже самый выдающийся университетчик Франции первой половины XVII в. – кардинал Ришелье, внёсший большой вклад в университетскую идеологию, в своих преобразовательных начинаниях был вынужден следовать манере, выработанной ещё при Франциске I. В его деятельности прослеживаются две противоположно направленные тенденции. Кардинал одновременно ослаблял университетскую организацию и подвергал университетское сообщество терапевтическому социальному инжинирингу. В 1635 г. по инициативе кардинала были основаны Французская Академия, ставшая внеуниверситетским национальным центром наук и литературы, и парижская военная школа (академия) для молодых дворян, культивировавшая практику

сословного образования¹²⁶. Эти шаги подрывали, и без того далеко не блестящие позиции университетской организации в образовании, науке и культурной жизни страны.

В то же время доктор теологии А.Ж. дю Плесси де Ришелье проявляет нежную заботу о своей родной Alma mater – Сорбонне, поручив Ж. Лемерсье начать реконструкцию здания коллежа, а в мае 1635 г. государственный министр открыл строительство церкви Сорбонны, избранной им для места своего вечного приюта. Уже после смерти кардинал облагодетельствовал Сорбонну своей библиотекой. Французская Академия же нередко служила прибежищем отверженным университетчикам, пользующимся филантропией литературного секретаря Его Высокопреосвященства аббата де Буаробера, который, подкармливая за казённый счет неимущих служителей Парнаса, выполнял программу по умиротворению разочарованных университетских интеллектуалов¹²⁷, нищета и злой гений которых чреват катастрофическими последствиями.

В середине сороковых годов XVII в. во взаимоотношениях университетской организации и государства во Франции складывается парадоксальная ситуация. Правительство открыло для себя весьма эффективный рычаг управления университетским образованием – финансовые субвенции. Активности в этом направлении способствовало постепенное обнищание университетских учреждений, связанное с подрывом традиционной системы ресурсообеспечения, возникшим в связи изменениями в хозяйственно-экономической жизни общества, потрясениями, сопровождавшими многочисленные войны того времени. Но бюджетно-финансовая сфера деятельности французской монархии была сама столь далека от какой-бы то ни было системности, а с учетом того, что на долю всего образования приходилось не более тысячной доли от всех получаемых доходов государства, становится очевидным положение на грани выживания, характерное для структур университетской организации и

¹²⁶ Андреев А.Р. Гений Франции, или Жизнь кардинала Ришелье. Документальное историческое исследование. А.Ж. Ришелье. Политическое завещание. – М.: Белый волк, 1999. – С. 125.

¹²⁷ Уваров П.Ю. Университеты Российской империи глазами медиевиста (в защиту «идола истоков») // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 7. – М.: Эдиторал УРСС, 2001. – С. 221.

отдельных университетских образовательных программ, финансировавшихся за счёт государственной казны.

К середине XVII в. в рамках университетской организации Франции (не будет преувеличением говорить об особом роде организованном пространстве) выделяется группа протестантских академий: Монтбанской, Сомюрской и Седанской¹²⁸, пользовавшихся известностью и за пределами страны. В условиях разрушения политической и военной организации протестантской общины страны, осуществлённой Ришелье в конце 20-х гг. XVII в., названные академии играли не только роль интеллектуальных центров французского кальвинизма, но и выступали цементирующим фактором в среде последователей реформации. Следует отметить, что эта «большая академическая тройка», действуя в университетском поле, всё же в структурно-организационном плане была противопоставлена остальной системе, патронируемой католической церковью и абсолютизирующимся государством.

Только во второй половине XVII в., после более чем сорокалетнего перерыва, правительство проявляет интерес к университетскому образованию, что следует связывать с программой социального инжиниринга, выдвинутой Ж.-Б. Кольбером. С этого времени правительство осуществляет непосредственное вмешательство в организацию университетского образования: регулируя преподавание и содержание обучения. Регламентом 1679 г. была произведена реорганизация юридического образования в университете, заключающаяся в учреждении профессорской кафедры в области французского права. Следующими шагами в этом направлении стало законодательное закрепление в 1700 г. строгих сроков обучения и принятие в 1701 г. программы мер по реформированию медицинского образования, имевшему особое значение для университетов Монпелье и Парижа¹²⁹. Однако в ходу оставались и старые приёмы воздействия. Государство не гнушалось манипулированием параметрами условий внешней среды университетской организации. Такое весьма чувствительное изменение произошло в 1685 г. в связи с отменой Нантского эдикта. В

¹²⁸ Губер П. Мазарини. – М.: КРОН-ПРЕСС, 2000. – С. 105.

¹²⁹ Хаммерштейн Н. Указ. соч. – С. 45.

результате был нанесён серьёзный удар по университетскому сообществу, потерявшему многих выдающихся представителей-протестантов, вынужденных отправиться в эмиграцию. Таким образом, оценивать этот этап взаимоотношений университетской организации и государства во Франции следует в негативном плане, так как эффективность предпринятых мер в аспекте решения поставленных задач оказалась весьма ограниченной, что приводило к увеличению числа нерешённых проблем, а деструктивные последствия оказывались очевидными и вопиющими.

К достижениям во взаимоотношениях абсолютизма и университетской организации во Франции на рубеже XVII-XVIII вв. следует отнести разжигание антагонизма между академическими корпорациями и местными парламентами и штатами. Причиной столкновения местных сословно-представительных учреждений и университетской администрации стала, с одной стороны, устойчивая практика продажи должностей в административном, судебном и церковном аппаратах и, с другой стороны, нарастание семейственности при замещении регентских вакансий в университетах. Местные сословно-представительные собрания требовали от университетской корпоративной администрации предоставления информации об открывающихся регентских вакансиях, не столько из соображений примата личных качеств и заслуг над фактом происхождения, сколько, скорее всего, из-за принципиального нежелания видеть разницу между академическими должностями и всеми другими, находящимися в процессе практически свободной купли-продажи. Университетская корпорация придерживалась противоположной точки зрения, опять же, из-за приверженности к культуре академической исключительности, сословной замкнутости и традиции олигархического правления, болезненной реагирующих на любое вторжение «варягов». Соображения сохранения интеллектуального потенциала в расчёт обеими сторонами не принимались.

Самым впечатляющим, на наш взгляд, достижением французского абсолютизма в сфере университетского образования в XVII-XVIII вв. явилось формирование централизованной организационной структуры национального образовательного

комплекса, носящей устойчиво иерархический характер. Доминирующее положение занимал Парижский университет. Получение образования в нём считалось хорошей предпосылкой для блестящей карьеры, в том числе и занятия наиболее значимых должностей в государстве. Благодаря своему положению Парижский университет сохранял в полной мере традиционную четырёхфакультетскую структуру, подразумевающуюся его эталонной моделью. Кроме того, Парижская *Alma mater* в это время оставалась самым многочисленным университетом Франции. На ступень ниже в образовательной иерархии располагался Орлеанский университет, обладавший общенациональным статусом только в области юридической науки и образования¹³⁰.

Положение же других французских университетов в XVIII в. было менее благополучным. Они были малочисленными. Немногие из них могли похвастаться четырёхфакультетской структурой. В одних университетах не было медицинских факультетов, в других не имелось факультета права. Происходит заметное снижение статуса провинциальных и периферийных университетов. Они оказываются всё более и более связанными в научно-образовательном и ресурсном отношении с теми областями, в которых находятся. Провинциальные университеты приобретают характер образовательных учреждений, осуществляющих образовательную деятельность высшего порядка на уровнях, не превышающих средний. Обучение в них подразумевала академический пилигримаж в университеты, обладающие более высоким статусом.

Итогом взаимоотношений французских университетов с государством и церковью в XVI-XVIII вв. стало возникновение ситуации, в которой от *Alma maters* требовалось только добросовестно решать поставленные перед ними задачи, что чаще всего и происходило. Университетская организация, сохраняя некоторую внешнюю и внутреннюю свободу (в пределах, устанавливаемых сословно-представительными учреждениями), могла, к собственному удовольствию, более или менее сносно существовать. Никаких больших целей она уже для себя не определяла и ничего не желала кроме сохранения самой себя.

¹³⁰ Там же. – С. 46.

Таким образом, к концу XVIII в. университетская организация Франции под влиянием таких внутренне сложных факторов как государство и церковь, приобрела централизованную, иерархическую структуру, максимально отвечающую задачам, стоящим перед ней как перед орудием по улучшению человеческого материала в направлении, определяемом политикой абсолютизма. Отношения между университетской организацией и внешними властями окончательно приобретают ярко выраженный односторонний характер, подразумевающийся субъект-объектной парадигмой. Данное структурно-организационное решение, с одной стороны, определялось тенденциями в развитии университетской идеологии, кои претворяло в жизнь, и, с другой стороны, воплощало в себе кризис университетской корпоративности, который не мог быть ни изжит, ни преодолен в существующих системных условиях. Этой конфигурации было под силу лишь законсервировать на какое-то время процесс распада системы и подготовить её разрушение в огне Революции. Хотя нельзя игнорировать живучесть французской университетской организации, выразившейся в длительной её «агонии», продолжавшейся с 29 июля 1789 по весну-лето 1792 гг.¹³¹. Более того, жизнеспособность начал университетской организации будет наглядно продемонстрирована в явлении «прорастания» университетских структур, характерном для развития высшего образования в XIX в.

Примером альтернативного подхода к взаимоотношению абсолютистского государства с университетским образованием служат реформы второй половины XVIII в., осуществлявшиеся в землях Габсбургской империи. Мария Терезия (1740-1780) и Иосиф II (1780-1790) воплотили в жизнь идеологические установки «просвещённого абсолютизма». Спецификой австрийского «просвещённого абсолютизма» выпала его генетическая связь с носителями верховной власти – императорами, особенности личностей которых накладывали отпечаток на все начинания, продиктованные данной идеологической платформой.

Опыт предшествующих преобразований в области организации университетской образовательной деятельности высшего порядка,

¹³¹ Суворов Н.С. Указ. соч. – С. 234-235.

учтённый при разработке программы реформ, осуществлённых в царствование императрицы Марии Терезии, определил две их ключевые особенности: макросистемный подход и параллельное выстраивание структурно-организационных новаций относительно существующей системы образования, представленной, в данном случае, университетской организацией. Названные особенности были характерны и для йозифинистских реформ, базовые принципы которых были весьма отличны.

Интересующий нас аспект терезианских реформ берёт начало 25 сентября 1775 г., со времени подписания императорского декрета о преобразованиях в латинских школах, или гимназиях¹³². Целью этого этапа реформ было создание организационного обеспечения государственного контроля над учебными заведениями квазиуниверситетского уровня. Этот шаг следует признать скорее вынужденным, т.к. стимулом к усовершенствованию организации государственного контроля над квазиуниверситетским уровнем имперской системы образования послужила ликвидация в 1773 г. ордена иезуитов и необходимость заполнения возникшей лакуны альтернативным субъектом контроля и управления.

В рамках реформы гимназиям предписывалась пятиклассная иерархическая структура, включающая два неравновеликих уровня: три грамматических и два гуманистических класса. Программа обучения помимо традиционного гуманитарного цикла включала предметы математического и естественнонаучного профилей. На гимназии возлагалась обязанность не только обеспечивать достаточное образование (на уровне общего среднего) молодёжи из привилегированных сословий, но и готовить чиновников для нужд государства. В административном отношении гимназии австрийской монархии подчинялись светским властям в лице директоров (инспекторов) земских школьных комиссий. Тем не менее, сохранялась связь гимназий с университетами. Во-первых, корпус гимназических преподавателей пополнялся выпускниками университетов. Во-вторых, предполагалась преемственность между гимназическим и университетским образованием, основанная на

¹³² Кузьмин М.Н. Школа и образования в Чехословакии (конец XVIII – 30-е годы XX в.). – М.: Наука, 1971. – С. 58.

принципе непрерывности. Хотя о прямом переходе из гимназии на университетские факультеты речи быть не могло, напротив, реформой вводился промежуточный двухлетний философский курс, выступающий преддверием собственно университетскому обучению. Философскому курсу предшествовал экзамен по программе гимназического образования, испытаний по окончании проуниверситетского цикла не предусматривалось.

Терезианские реформы коснулись и университетов. Были организованы новые кафедры, курсы дисциплин были регламентированы путём введения программ, в то же время содержание обучения было расширено диверсификацией как комплекта программ, так и их внутренней организации, была введена система переводных экзаменов, а в качестве языка преподавания постепенно утверждался немецкий язык. Учебная деятельность университетов передавалась в ведение специальных правительственных чиновников – директоров, призванных наблюдать за тем, чтобы преподаватели придерживались учебных программ и официальных учебников. Таким образом, можно говорить о том, что терезианские реформы способствовали демонтажу университетской академической автономии.

Другим направлением реформ организации образовательной деятельности высшего порядка, предпринятых императрицей Марией Терезией стало выстраивание параллельно университетской организации комплекса элитарных учебных заведений, которые хоть формально и не входили в состав университетских учреждений, всё же испытывали на себе влияние структурных и организационных принципов, сформировавшихся в рамках университетской традиции. Это влияние прослеживается уже на примере второго столичного высшего учебного заведения для благородного юношества – Земельной академии (Landesakademie), основанной в конце XVII в. в Вене¹³³. В данном случае к университетской традиции (через посредство дворянских высших школ Германии) отсылает название учебного заведения – академия. Однако следование в ключе

¹³³ Хаванова О. Реформа элитарного образования в монархии Габсбургов в эпоху Марии Терезии и Иосифа II: общие цели – взаимоисключающие принципы //

сословности образовательной деятельности высшего порядка сыграла с Земельной академией злую шутку. Отрицание базовых ценностей и ключевых принципов университетского образования привело к чрезмерной милитаризации образовательного продукта академии, не способного ни конкурировать с университетским, ни оправдать возлагавшихся на него правительством надежд. Видимо и вторая попытка привить на австрийской почве ветку от древа германского сословно-дворянского высшего образования не увенчалась успехом, удовлетворяющим амбициозные ожидания, так как основанная в 1744 г. в бенедиктинском аббатстве Кремсмюнстер дворянская академия, призванная готовить молодых дворян для государственной службы, даже приобретя известную популярность, не удержала правительство от поиска более эффективных решений.

Во второй половине 40-х – 50-х гг. XVIII в. в Вене открылось несколько элитарных учебных заведений. В феврале 1746 г. в торжественной обстановке был открыт подчинённый иезуитскому ордену колледж – Терезианум. Однако правительство вовсе не желало усиления образовательного влияния Общества Иисуса, а потому были предприняты шаги, призванные компенсировать перекося в балансе сил. В том же году в столице была основана Савойская академия, сумевшая принять первых воспитанников только в 1749 г., к организации учебного процесса в которой были привлечены давние соперники иезуитов – орден пиаристов. Чуть позже, в 1755 г., пиаристы, развивая достигнутый успех, открыли в венском Йозефштадте дворянский конвikt. Следует обратить внимание на то, что, с организационной точки зрения, для конструирования данного комплекса внеуниверситетских учреждений образовательной деятельности высшего порядка использовались структурные решения, возникшие в рамках университетской традиции – форма колледжа, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Создавая комплекс высших учебных заведений для дворянских отпрысков, императрица намеревалась решить две задачи: добиться большей управляемости образовательной деятельности высшего порядка, а следовательно, предсказуемости её конечных результатов и

Европейский альманах, 2001. История. Традиции. Культура: Реформы и реформаторы. – М.: Наука, 2002. – С. 66.

обеспечить финансовую независимость учреждений образовательной деятельности высшего порядка, выступающую залогом стабильности их функционирования. Для решения поставленных задач в ключе социальной и культурной политики австрийского просвещённого абсолютизма использовались средства стипендиальной поддержки. Можно говорить о своего рода системе, основанной на фондовой схеме финансирования и принципах отбора претендентов на получение стипендий, учитывающих заслуги их рода в целом перед династией.

В 1751 г. для обслуживания нужд венского Терезианума был создан специальный учебно-стипендиальный фонд, накапливавший средства получаемые с доходов богатых аббатств Нижней Австрии и южной Венгрии, а также проценты с капитала в 80 тысяч гульденов, размещённого в Городском банке Вены¹³⁴. На эти средства содержалась дорогостоящая школа верховой езды, выплачивалось содержание профессорам и классным наставникам, а также полностью покрывалось обучение десяти воспитанников, пять из которых по положению должны были происходить из венгерских дворян (Батасекский фонд), но на деле стипендии распределялись среди немцев, чехов и итальянцев. Распределение стипендий контролировалось австрийскими властями, а венгерские от этого были практически отстранены.

Несмотря на указанные шероховатости, с точки зрения государственных интересов положительный эффект использования этой модели оказался настолько удачным, что приписка аббатства, отошедшего государству, к учебному заведению впоследствии была повторена в Венгрии, где открывшаяся в 1777 г. Будапештская Терезианская академия получила в качестве независимого источника дохода южновенгерское аббатство Печварад.

В части элитарного образования высшего порядка терезианские реформы были направлены на решение насущной проблемы, стоявшей в во второй половине XVIII в. перед всеми подобными учебными заведениями – ежедневной борьбы за финансовое выживание, поиска средств на покрытие неизбежных и всё возрастающих затрат. Оказание финансовой помощи учебным

заведениям позволяло государству вмешиваться в организацию учебного процесса, контролировать исполнение, сформулированного им социального заказа. Нарастание присутствия государства в области образования высшего порядка позволило Марии Терезии не только сформулировать претензии к образовательной практике иезуитов, но и успешно потеснить Общество Иисуса в этой области. Разделение венского Терезианума в 1755 г. на два независимых друг от друга учебных заведения: иезуитский колледж и Терезианскую рыцарскую академию явилось не только попыткой создать финансово независимое высшее учебное заведение под управлением государства (попытка закончилась провалом в 1758 г.), но и прообразом структурно-организационного решения, вызванного к жизни роспуском ордена иезуитов в 1773 г.

С точки зрения структурно-организационной эволюции образовательной деятельности высшего порядка, терезианские реформы отличались двойственностью. С одной стороны, трансформации подвергалась устоявшаяся университетская организация в тех её частях, которые были наиболее восприимчивы к изменяющим воздействиям. В первую очередь речь идёт об квазиуниверситетском уровне организации, хотя не оставались без внимания и другие уровни. С другой стороны, происходило конструирование комплекса внеуниверситетских учреждений образовательной деятельности высшего порядка, но построенных согласно нормам и принципам, сформировавшимся в рамках университетской организации. Без преувеличения можно сказать, что терезианские реформы в области образовательной деятельности высшего порядка составили содержание целой эпохи в истории европейского университетского образования XVIII в.

Все более активное вмешательство государства в сферу образовательной деятельности высшего порядка во второй половине XVIII в. становится общеевропейской тенденцией. Не осталась в стороне от этого и Империя Габсбургов. Однако, и на примере йозифинистских реформ это отчетливо видно, дефицит финансовых средств, испытываемый абсолютизмом в общеевропейских масштабах, накладывал отпечаток на инициативы государства в

¹³⁴ Там же. – С. 67.

области образовательной деятельности высшего порядка. С уверенностью можно говорить об относительном сворачивании долгосрочной программы нововведений, предложенной в рамках реформ предшествующего царствования.

Тенденция к свёртыванию затронула в первую очередь квазиуниверситетский уровень системы образовательной деятельности высшего порядка. В 1776 г. в Чехии на фоне 27 закрытых было оставлено всего 14 гимназий, в Моравии – 7, а в Силезии – 3¹³⁵. Подобные шаги мотивировались дефицитом финансовых средств и нехваткой учительских кадров. Массовости квазиуниверситетских образовательных учреждений в империи отныне был положен конец. Делалось это двояким способом. Сокращалось не только количество гимназий, но и численность контингента учащихся путём увеличения платы за обучение в размере 12 флоринов в год. Промежуточный философский курс стоил от 24 до 30 флоринов в год. В отношении системной однородности и непрерывности образовательного комплекса йозифинистская реформа была направлена на проведение более чётких границ между различными уровнями системы образования. С этой целью были введены вступительные экзамены в гимназии с особой программой, подразумевавшей более высокий уровень, нежели были способны обеспечить тривиальные школы. Экзамен был обязателен и для выпускников главных, или нормальных, школ, но они всё же имели возможность успешно его сдать. Подобные меры, в частности, были продиктованы соображениями социальной селекции, в чем следует видеть проявление кризиса австрийского абсолютизма как системы.

В подобном ключе Иосиф II подошёл и к реформированию университетского уровня системы образовательной деятельности высшего порядка. Программы университетских курсов подвергались жесткому пересмотру в направлении дальнейшей функционализации, ориентированной на подготовку государственных чиновников. В кильватере базовых принципов реформы находилось также и сокращение сроков обучения. В секвестрированном виде университетская организация австрийской части империи

¹³⁵ Кузьмин М.Н. Указ. соч. – С. 62.

ограничивалась тремя Alma maters: Венской, Пражской и Львовской. Остальные были понижены до разряда лицеев.

Интересы иозифинистских реформаторов простирались и на комплекс образовательных учреждений, созданных в правление императрицы Марии Терезии. Справедливо признать их действия по отношению к этому образовательному комплексу целенаправленным и систематическим демонтажем. В 1782 г., после назначения главой Венского Терезианума бывшего директора Оломоуцкой гимназии барона Эммануила Штильфрида, произошло слияние Терезианской академии с гимназией в Брно, позволившее обновить контингент преподавателей, за счет лично преданных новой учебной администрации людей.

1783-1784 гг. стали роковыми для терезианской системы высших учебных заведений. Были ликвидированы Терезианумы в Вене и Буде. Здание Венского Терезианума было передано Инженерной академии. Часть венских терезианумцев смогли продолжить образование в колледже Св. Барбары. Большинство благородных воспитанников венгерского происхождения из венской и будайской Терезианских академий переместились в Пресбургский (Братиславский, Пожоньский) университет.

Важным этапом йозифинистских реформ в области организации образовательной деятельности высшего порядка явилась трансформация систем финансирования учебных заведений и стипендиальной поддержки учащихся. Предложенную схему перераспределения финансовых средств отличала высокая степень централизации, максимально допустимая в рамках дуалистической монархии. Произошло слияние всех существовавших ранее фондов в двуединый национальный фонд (отдельно для Австро-Чешских провинций и для Венгрии). Созданный фонд находился в ведении Наместнического совета.

Основанная на милом сердцу императора Иосифа II принципе единообразия новая система организации финансирования образовательной деятельности высшего порядка интересна, во-первых, комплексным охватом образовательных учреждений всех типов, находящихся квазиуниверситетском и университетском уровнях системы образования империи, как в иерархическом, так и в

пространственном отношении, а во-вторых, интеграцией в рамках одной финансовой схемы структур внесословного, открытого и общедоступного (насколько это возможно в условиях хоть и просвещённого, но всё же абсолютизма), либерального университетского образования и элитарных внеуниверситетских учебных заведений, носящих сословный характер. В организационном отношении система состояла из двух компонентов: документирования успеваемости учащихся и студентов и трёхуровневое стипендиальное обеспечение. Размеры стипендий были следующими: для первой категории – 260 флоринов в год (они предоставлялись по преимуществу дворянам, и только в исключительных случаях – представителям других сословий); для второй категории – 200 флоринов, а для третьей – 160. Стипендии последних двух категорий выдавались представителям всех сословий в зависимости от их успеваемости. На получение государственной стипендии могли претендовать только те учащиеся, чья успеваемость оценивалась как отличная, или соответствовала первому классу.

Подводя итог рассмотрению йозифинистских реформ в области организации образовательной деятельности высшего порядка, необходимо отметить их общую нацеленность на улучшение управляемости системы образования в Австро-Венгерской империи и закрепление управляющего и организующего присутствия государства в данной области. Собственно говоря, предложенные в рамках этих реформ структурно-организационные решения воплотили в себе конструктивное содержание финальной фазы австрийского просвещённого абсолютизма. Их бесспорно можно признать венцом эволюции организационного подхода к решению проблем образовательной деятельности высшего порядка, присущего правительству просвещённой Австро-Венгерской монархии и лежащего в конструктивной плоскости. Политика австрийских императоров середины – второй половины XVIII в. в области высшего образования продемонстрировала передовой по тем временам, но всё же весьма ограниченный в исторической перспективе, опыт, аналог которого будет приобретён Францией – известной европейской законодательницей моды, только в годы революционных потрясений конца XVIII – начала XIX вв. С другой стороны, австрийский опыт в

значительной мере предвосхищает и тем самым оттеняет достижения прусского правительства в этой области начала XIX в., ставшие на целое столетие примером для подражания в любых преобразовательных начинаниях, затрагивавших сферу образовательной деятельности высшего порядка.

Однако серьёзные перемены в области университетского образования, инициированные абсолютистским государством, имели место не только в габсбургской монархии. С середины XVIII в. в Пруссии предпринимались шаги, призванные способствовать улучшению положения дел в сфере университетского образования. Просвещённая университетская политика короля Пруссии Фридриха II Великого (1740-1786) имеет некоторую предысторию, восходящую к концу XVII в.

В период с середины до конца XVII в. университеты протестантской части Германии испытывали на себе последствия бедствий Тридцатилетней войны, приведших их к упадку. Утратив статус «прибежища учёных», университеты становились предметом глубокого общественного презрения. Оказавшись на периферии интеллектуальной и культурной жизни своего времени, университеты, на какое-то время, выпадают из поля зрения правительств государств протестантской части Германии и неправительственных инициативных групп, сосредоточивших своё внимание на учреждениях образовательной деятельности высшего порядка, воплощающих в себе сословную альтернативу университетской внесословности.

Речь в первую очередь идет о рыцарских академиях и рыцарских (высших) школах, появившихся впервые ещё в конце XVI в. Своего рода «золотой век» учреждения сословного высшего образования феодального дворянства переживают после окончания Тридцатилетней войны, когда в 1653-1746 гг. в немецких землях было основано двенадцать учреждений подобного рода¹³⁶. Рыцарские академии не обладали факультетской организацией, в структурном отношении напоминая высшие научные (латинские) школы,

¹³⁶ Паульсен Ф. Рыцарские академии в Германии // Свядковский И.Ф. Хрестоматия по истории педагогики. – Т. I. Античный мир. Средние века. Начало нового времени. – М.: Учпедгиз, 1936. – С. 247.

построенные согласно модели Штурма-Меланхтона, подразумевавшей в качестве одного из базовых компонентов специализированные предметные кафедры. В конечном итоге, именно в этой организационной особенности следует видеть предпосылку их дальнейшей эволюции в направлении университета. Вторая предпосылка организационного свойства заключалась в необходимости создать условия для получения выпускниками соответствующих учёных степеней, являвшихся в то время едва ли не единственным универсальным символическим выражением не только научной, но и соответствующей профессиональной квалификации. Не удивительно потому, что рыцарские академии в Галле и Эрлангене со временем были преобразованы в университеты.

Поворотным моментом в университетской Германии, без преувеличения, следует признать основание университетов в Галле – 1694 г. (королевство Пруссия) и Гёттингене – 1737 г. (княжество Ганновер). В структурно-организационном плане внесённые названными прогрессивными *Alma maters* новации заключались в следующем. Была осуществлена «эмансипация» философского факультета путём повышения его статуса в рамках университетской корпоративной организации. Ранее, как известно, артистический факультет считался «младшим», обеспечивающим подготовительную, общегуманитарную подготовку перед обучением на «старших» факультетах. Видимо, с этого времени в обиходе закрепляется его новое название – философский факультет. Другое нововведение состояло в практическом применении принципов свободы преподавания и исследования¹³⁷. Принципы эти не только декларировались, но и были обеспечены гарантиями со стороны государства. В этом следует видеть известный результат трансформации норм традиционной университетской академической автономии и универсальности, предпринятой с целью адаптации базовых компонентов университетской организации к условиям, формируемым политикой абсолютистского государства, придерживающегося подходов, подразумевающих учрежденческо-институтское преобразование поля образовательной деятельности высшего порядка.

В 20-30-х гг. XVIII в. дальнейшее развитие университетского образования в Пруссии столкнулось с препятствием, заключающимся в проводимом правительством режиме строгой экономии, призванной сэкономить казённые средства для обслуживания массивной военной организации. В правление короля Фридриха Вильгельма I (1713-1740) Кёнигсбергский университет не мог похвастаться годовым бюджетом в размере девяти тысяч талеров¹³⁸. Финансовая скупость и «солдафонский обскурантизм» короля и правительства способствовал оттоку из страны многих авторитетных учёных, что так же препятствовало стабильному поступательному развитию университетского образования.

Ситуация изменилась при короле Фридрихе II Великом, покровительствовавшем научному образованию и науке. Ведущим принципом своей политики в области университетского образования он провозгласил функционализм. Однако, трезво оценивая перспективы прямого вмешательства государства в дела университетских корпораций, Фридрих II сосредоточил свои усилия на преобразовании структур квазиуниверситетского уровня системы. По распоряжению короля реформированию были подвергнуты латинские школы в наиболее крупных городах королевства: Кёнигсберге, Штетине, Берлине, Бреславле, Магдебурге и др.¹³⁹.

В то же время, король Фридрих II не был бы абсолютным монархом, не имея его политика в области университетского образования и негативного аспекта. Последний состоял в запретительных мерах принятых королём, ограничивающих академическую мобильность его подданных¹⁴⁰. Запрещая уроженцам Пруссии обучаться в иностранных университетах, Фридрих II прикладывал массу усилий для привлечения в высшие учебные заведения своей страны лучших учёных Европы. Не оставались в

¹³⁷ Демков М.И. История западноевропейской педагогики. – М., 1912. – С. 373.

¹³⁸ Гульга А.А. Кант. – М.: Соратник, 1994. – С. 8.

¹³⁹ Именной указ короля Пруссии Фридриха I министру барону Зедлицу от 5 сентября 1779 г. // Шмидт К. История педагогики, изложенная во всемирно-историческом развитии и в органической связи с культурною жизнью народов. - Т. 3. История педагогики от Лютера до Песталоцци. - М., 1880. – С. 558.

¹⁴⁰ Шмидт К. История педагогики, изложенная во всемирно-историческом развитии и в органической связи с культурною жизнью народов. - Т. 3. История педагогики от Лютера до Песталоцци. - М., 1880. – С. 556.

стороне от этого и университеты Пруссии. Значительный подъём, переживаемый в это время университетом Галле, был в значительной мере обусловлен именно заботой монарха о пополнении его преподавательского контингента лучшими европейскими умами.

Начинания Фридриха II в области университетского образования не только являются одним из многих возможных вариантов политики европейского абсолютизма в этой сфере, их значение гораздо шире. Благодаря усилиям короля и правительства в Пруссии формировалась инфраструктура мощного интеллектуального центра, способного изменить расстановку сил действующих в культурном пространстве не только немецких земель, но и Европы в целом. В результате Пруссия занимала позицию интеллектуального лидера, которую ей предстояло удерживать на протяжении последующих полутора столетий. Кроме того, при Фридрихе II был заложен фундамент грядущих гумбольтовских реформ. С учётом всего сказанного не будет преувеличением утверждение об эпохальном значении преобразований Фридриха II не только в масштабах истории одной страны, но и в пределах мировой истории.

Важной особенностью XVI-XVIII вв. стал переход процесса пространственного развертывания организационных структур европейской системы университетского образования на качественно новый уровень. Переход этот был связан с началом становления внеевропейских субсистем университетского образования, происходившего в рамках раннеколониального периода. Великие географические открытия и последовавшие за ними колониальные захваты создали предпосылки для переноса структур постсредневековой европейской цивилизации в новые географические ареалы. Нормальное же функционирование обществ в колониях и полуколониальных владениях не могло осуществляться без развития образовательной сферы. Следовательно, формирование устойчивых колониальных обществ делало крайне насущным, в том числе и развитие местных структур университетского образования.

К началу рассматриваемого периода в рамках европейской системы университетского образования уже был накоплен определённый опыт строительства филиальных субсистем. Ключевой особенностью данного массива социокультурного опыта выступало

то, что пласт теоретических рекомендаций в нём в значительной мере превосходил пласт, связанный с реальной образовательной практикой. Хотя пространственная экспансия европейской системы университетского образования и названный массив опыта и принадлежат к периодам, достаточно отстоящим друг от друга в хронологическом плане, однако стадияльно они оказываются вписанными в контекст двух разных этапов расширения западноевропейской христианской цивилизации. Следует отметить, что формирование упомянутого опытного массива связано с актом расширения средневековой западноевропейской христианской цивилизации, нашедшем воплощение в серии крестовых походов на Восток. Необходимость организации образовательного комплекса на отвоеванных у византийцев и мусульман территориях делала насущной разработку теоретических рекомендаций, а так же формирования устойчивых профильных практик.

Уже в 1205 г. папа Иннокентий III обратился к магистрам и студентам недавно возникшего Парижского университета с призывом к тому, чтобы многие из них «отправились в Грецию и работали там над реформой изучения священного писания», «получая помимо приходящих богатств и почестей как высшую награду вечную славу»¹⁴¹. То, что уже на столь ранней стадии своего существования Парижский университет рассматривался амбициозным понтификом как действенное средство проведения в жизнь образовательной политики священного престола в завоеванных византийских землях, говорит о значительном экспансионистском потенциале, генетически присущем университетской организации. Но инициатива императора Балдуина I и папы Иннокентия III основать в Константинополе католический университет в то время так и осталась нереализованной. Причину этого следует видеть в отсутствии на тот момент у европейской системы университетского образования необходимых внутренних ресурсов, наличие которых обязательно для осуществления эффективного акта экспансии в пределы нового культурно-географического ареала. Тем не менее, эта нереализованная

¹⁴¹ Письмо Иннокентия III магистрам и студентам парижских школ (1205) // Документы по истории университетов Европы XII-XV вв. – Воронеж, 1973. – С. 48-49.

экспансионистская попытка имела последствием учреждение в Парижском университете Греческой Константинопольской коллегии, в которой обучались принявшие католицизм выходцы из Романии¹⁴², с целью подготовки к проповеднической, преподавательской и административной карьере на территории Латинской империи.

Примерно столетие спустя, в 1306-1307 гг. французским публицистом и правоведом Пьером Дюбуа был написан трактат «De recuperatione Terre Sancte» (Об отвоевании святой земли), в котором даётся развернутый проект локального образовательного комплекса и формулируются теоретические рекомендации по реформированию организации и управления образовательной деятельностью на территории ближневосточных провинций тамплиерского и госпитальерского орденов.

Уже в этой ранней модели проявили себя большинство тенденций, характерных для всей последующей истории колониального университетского образования. В первую очередь, речь идёт о так называемой «университетизации» всего локального колониального образовательного комплекса. В этих условиях закономерно происходило «омоложение» университетского контингента за счет учащихся школ квазиуниверситетского уровня, помещавшихся в эти училища едва достигнув четырёх-шести лет от роду¹⁴³. Завершить же полный курс университетского образования, при благоприятном стечении обстоятельств, можно было вплотную приближаясь к финалу третьего десятилетия жизни. Диалектика бытования рассматриваемого университетского колониального образовательного комплекса определялась мобилизационным подходом к организации обучения, накладывавшем отпечаток и на его содержание. Колониальный университет был призван обеспечивать получение широчайшей образованности по ряду профилей, притом делаться это должно было в самые сжатые сроки.

¹⁴² Карпов С.П. Культура Латинской Романии // Культура Византии XIII – первая половина XV в. – М., 1991. – С. 158.

¹⁴³ Дюбуа П. Об отвоевании святой земли // Антология педагогической мысли христианского средневековья: В двух томах. – Т. II. Мир преломился в книге. Воспитание в средневековом обществе глазами ученых наставников и их современников. /Сост., ст. к разделам и коммент. В.Г. Безрогова, О.И. Варьяш. - М., 1994. – С. 194.

Помимо названных черт, обращает на себя внимание декларирование принципов закрытости школяров в процессе обучения в отношении внешних влияний и связей. Неоднократно повторяется мысль о том, что ученики всех школ колониального университетского образовательного комплекса никогда не возвратятся к своим родителям¹⁴⁴. Таким образом, подводится организационная основа под создание особого рода человеческого капитала, выступающего плацдармом для новой волны колонизации. Для достижения этой цели обеспечивался доступ женщин к профессиональному хирургическому и университетскому медицинскому образованию¹⁴⁵.

Новшеством следует признать отказ от жёстких структурно-организационных клише, подразумевающих строгий набор факультетов либо требующих внушительного числа высококвалифицированных, остепенённых преподавателей. Модель колониального университетского образовательного комплекса предполагала более гибкую структуру, призванную компенсировать ограниченность преподавательских кадров, обеспечивать реакцию на изменения социокультурной конъюнктуры и появление научных новаций, а так же поддерживать необходимые условия для реализации практик многоуровневой образовательной деятельности, охватывающей общую школьную подготовку, квазиуниверситетское и профессиональное образование и собственно университетскую образовательную деятельность высшего порядка. В рамках данной организационной структуры её основной базовый элемент – школа, представляла собой гибрид академического колледжа, богословской и педагогической семинарий и совокупности автономных университетских кафедр. Для начала XIV в. подобное сочетание, объединившее элементы, характерные для ячеек университетской организации, оформившихся и в европейской метрополии только к середине XVI в., было явлением, намного опередившим свое время. Несмотря на то, что прямых свидетельств о связи между моделью колониального университетского образовательного комплекса для ближневосточных приорствах военно-рыцарских орденов и колониальным университетским образованием XVI-XVIII вв. нет, тем

¹⁴⁴ Там же. – С. 192, 194.

¹⁴⁵ Там же. – С. 193-194, 202-203.

не менее, сам факт появления этой модели уже представляет значительный интерес. Эта модель воплотила в себе квинтэссенцию структурно-организационных решений, ставших возможными уже в ближайшем будущем. С нашей точки зрения, за последующие два – два с половиной столетия европейская система, видимо, так и не смогла предложить потенциально более эффективный подход к построению колониальной подсистемы университетского образования. Таким образом, можно с уверенностью говорить о существовании европейской системы университетского образования XVI-XVIII вв. особой традиции структурно-организационного решения внеевропейских филиаций, сохранявшей актуальность и в колониальных условиях.

В конце XV – начале XVI вв. в результате перехода процесса расширения европейской цивилизации на качественно новый уровень произошло её превращение из континентальной в океаническую. Появление массы колонизируемых территорий поставило перед метрополией ряд социокультурных задач, среди которых вопросы организации образовательной деятельности занимали не самое последнее место. «Образовательная прививка», т.е. перенос в колонии и квазиколонии актуального европейского образовательного опыта, хотя и была осложнена влиянием внутриевропейских процессов и событий, тем не менее, сумев прижиться в поликультурной, подчас агрессивной среде, дала начало, в том числе и колониальной системе университетского образования, на протяжении XVI-XVIII вв. выступавшей в качестве дочерней подсистемы по отношению к европейской системе университетского образования.

Наиболее часто упоминаемой в историографии формой переноса системы образования из метрополии в колонии выступает экспорт моделей. Экспорт моделей вызывал большой интерес у исследователей университетской истории, так как позволял реконструировать ранние этапы становления университетского образования, опираясь на него как на основной детерминирующий фактор. Данная точка зрения нашла отражение в четырехтомном коллективном исследовании «История европейского университета»¹⁴⁶.

¹⁴⁶ Робертс Дж., Родригес Круз А.М., Нербет Ю. Экспорт моделей (Реферат) // Alma mater (Вестник высшей школы). – 1999. - № 7. – С. 48-52.

Однако следует признать, что реконструкции университетской истории Америки, построенные исключительно с учётом экспорта моделей, не отличаются чёткостью и мало способствуют достижению конечных целей исследования. Экспорт моделей не может использоваться в качестве ключа к ранним этапам университетской истории Америки в силу двух обстоятельств. Во-первых, рассматриваемый период отличался значительной диверсификацией комплекта эталонных моделей, функционировавших в европейской системе университетского образования. Во-вторых, экспортируемые модели на американской почве претерпевали весьма существенные изменения, выступавшие залогом их жизнестойкости в новых условиях. Кроме того, надо учитывать действие традиции структурно-организационных решений колониальных филиаций, принятой в рамках системы университетского образования в европейской метрополии. Например, для испанских колоний была характерна заимствованная у Саламанкского университета пятифакультетская модель¹⁴⁷, но в действительности, в связи с нехваткой материальных и интеллектуальных ресурсов, структура университетов принимала вид комплекса профильных, «выпускающих» кафедр: философии, латинского языка, теологии, гражданского и канонического права, медицины¹⁴⁸. Следует признать, что кафедральная модель университета отличалась большей гибкостью, позволявшей своевременно реагировать на запросы общества или появление соответствующих специалистов. Отличительной чертой основанного в 1678 г. университета Сан-Карлос в Гватемале выступали кафедры естественных наук («экспериментальной физики») и индейских языков¹⁴⁹.

Особую роль на ранних этапах университетской истории Америки и других очагов европейского присутствия выступает изучение комплекса связей между университетской Европой и колониями. Рассматриваемые связи отличались многофакторностью и многоаспектностью. Результатом коммуникаций между

¹⁴⁷ Там же. – С. 49.

¹⁴⁸ Беляев В.П., Ермолева Э.Г. Народное образование // Культура стран Центральной Америки. – М., 1993. – С. 71.

¹⁴⁹ Кузьмищев А.В. На землях «Королевства Гоатемала» (культура колониального периода) // Там же. – М., 1993. – С. 41.

университетской Европой и американскими колониями стало, с одной стороны, формирование университетского сообщества колоний, носившего характер особой обособленной группы в рамках европейского университетского сообщества, с другой стороны, создание предпосылок для более полной интеграции «университетчиков» Европы и колоний в социокультурный универсум европоцентрической западной цивилизации нового времени.

Структура и организация колониальной субсистемы университетского образования в XVI-XVIII вв. представляются весьма сложными. Специфика организации рассматриваемой системы определяется рядом факторов. Колониальная субсистема университетского образования раннеколониального периода функционировала при деятельном участии разнообразных религиозных организаций, возникших в Европе на волне церковных реформ и контрреформ. Южноамериканские колонии входили в приоритетную зону образовательной деятельности католических религиозных организаций, среди которых особое место занимает Общество Иисуса. Североамериканские колонии стали полигоном апробации образовательных инициатив протестантских организаций. Помимо общинно-орденского сектора в рамках колониальной субсистемы университетского образования существовал и сектор классических университетских структур.

1.3 Новая университетская идеология.

Глубокие и многомерные изменения в организации и структуре европейской системе университетского образования, происходившие в XVI – конце XVIII вв., сопровождались, а во многом и предопределялись, действиями, интеллектуальными усилиями, направленными на выработку университетской идеологии, не только отвечавшей реалиям времени, но и создававшей задел для дальнейшего развития университетского образования.

Изменения структурно-организационного плана, происходившие в европейской системе университетского образования рассматриваемого периода, направленные на углубление социальной детерминированности содержания образовательных практик,

приводили к ужесточению сословного характера осуществляемой образовательной деятельности высшего порядка. Подобные нововведения приводили к расшатыванию традиционных устоев университетской корпоративности. Ослабление корпоративных начал жизни и деятельности университетского сообщества Европы потребовало действенной замены, в качестве которой выступила новая университетская идеология. Следует отметить, что подобный шаг оказывается выдержанным совершенно в духе своего времени, так как XVI-XVII вв. вошли в историю как «эпоха «гранд-нарративов», эпоха доктрин и идеологий»¹⁵⁰.

Под университетской идеологией нами понимается система взглядов и идей, в которых выражаются отношение к действительности, интересы, цели, намерения, умонастроения как отдельных представителей университетского сообщества Европы XVI – конца XVIII вв., его групп и слоёв, а также всего университетского сообщества в целом. «Идеи... могут стоять в двойном отношении к реальности: они могут относиться либо к фактам реальности, либо к стремлениям, вызванным этой реальностью или, скорее, реакцией на неё»¹⁵¹. В силу названной двойственности университетскую идеологию следует рассматривать в качестве специфической грани системы университетского образования или продукта этого образования, но и как своего рода чудесный магический кристалл, разрушающий мороки иллюзий, скрывающие истинный вид вещей.

В историографии укрепилась точка зрения, согласно которой речь об университетской идеологии можно вести лишь с первой половины XIX в., т.е. со времени появления первых концепций университета, предложенных крупнейшими теоретиками и реформаторами университетского образования кардиналом Джоном Генри Ньюменом (1801 - 1890) и немецким гуманистом Карлом Вильгельмом фон Гумбольдтом (1767-1835). Однако в действительности университетская идеология как самостоятельное явление возникла едва ли не одновременно с самим университетским образованием. Становление университетского образования и

¹⁵⁰ Согомонов А.Ю., Уваров П.Ю. Открытие социального (парадокс XVI века) // Одиссей. Человек в истории. 2001. – М., 2001. – С. 210.

университетской идеологии шли параллельно в средневековье. Названный параллелизм сохранился и в XVI-XVIII вв.

Точка зрения о позднем появлении университетской идеологии как самостоятельного явления исходит из примата политики в области образования над идейно-теоретическими исканиями вокруг насущных вопросов, связанных с Университетом. Восприятие университетской идеологии в качестве «служанки» образовательной политики представляется нам непростительным упрощением настоящего положения вещей.

В действительности, университетская идеология препятствует перерождению образовательной политики в разновидность механического практиза. Без преувеличения, университетская идеология служит едва ли не главным смыслообразующим фактором образовательной политики. В то же время конструкции университетской идеологии, как и всякой другой разновидности идеологии, носят внутренне некритический, нерелексивный, эмоционально окрашенный характер. Кроме того, для университетской идеологии XVI – конца XVIII вв. не чужда выразительная образность, играющая двоякую роль. С одной стороны, ей создаётся иллюзия доступности и убедительности, но и обуславливается трудность понимания ускользающего конечного смысла ключевых конструкций университетской идеологии, с другой стороны.

Данные характеристики относятся к университетской идеологии как одной из разновидностей идеологии. Специфика же университетской идеологии заключается в том, что её производителями и потребителями являются люди, принадлежащие к интеллектуальной и духовной элите общества, а потому она отличается значительным смещением акцентов базовых характеристик, изощрённостью конструкций и форм, актуализацией иных коммуникативных механизмов.

Европейская университетская идеология XVI-XVIII вв. представляет собой комплекс взглядов и идей, отличающийся сложной внутренней структурой. В первую очередь следует отличать

¹⁵¹ Гирц К. Идеология как культурная система // Новое Литературное Обозрение. - № 27 (18 июля 2002 г.). - <http://nlo.magazine.ru/philosoph/inostr/3.html> .

три взаимосвязанных аспекта университетской идеологии рассматриваемого периода: идеологию университетского сообщества, идеологию университетского образования и концептуальный пласт, управляющий организацией и структурированием самой системы университетского образования. Идеология университетского сообщества выступает в качестве корпоративной социально-мировоззренческой платформы профессионального сообщества людей, являющихся резидентами социокультурного поля системы университетского образования. Идеология университетского образования представляет собой пласт идей, определяющих не только содержание его практик и массива культивируемой образованности, но и ряда специфических особенностей, коренным образом отличающим его от всех иных видов образовательной деятельности. Наличие собственной идеологии позволяет атрибутировать университетское образование как образовательную деятельность высшего порядка, но в то же время отличать его от образовательной деятельности высшего порядка, осуществляемой другими агентами. Третий компонент университетской идеологии – концептуальный пласт – не только выступает связующим звеном между двумя другими компонентами, но, содержа в виде идей, особого рода конструкции, определяющие структурные и организационные изменения на перспективу в разные сроки, оказывается способен действовать с директивных позиций по отношению к названным компонентам университетской идеологии.

В тесной связи с первым и третьим аспектами университетской идеологии находится пласт идей и представлений представителей университетского сообщества, связанный с социальными преобразованиями и управлениями различными сферами жизни общества. Без преувеличения, данный пласт идейного наследия университетского сообщества Европы XVI – конца XVIII вв. заслуживает того, чтобы именоваться идеологией университетской социальной инженерии.

Таким образом, университетская идеология сама по себе является интегративным компонентом европейской системы университетского образования XVI-XVIII вв., обеспечивающим целостность рассматриваемой системы. Силовые линии от университетской

идеологии тянутся к повседневной жизни университетского сообщества, содержанию университетского образования, комплексу гуманитарных технологий университетского образования и ко многим другим сторонам и граням системы университетского образования.

Формирование новой университетской идеологии наиболее эффективно рассматривать путём выделения комплекса устойчивых изменений в идеологическом поле системы университетского образования, т.е. при помощи анализа ключевых тенденций её эволюции. Помимо этого постоянно следует учитывать то, к какому компоненту университетской идеологии принадлежит рассматриваемая идеологическая конструкция, каковы её связи с другими компонентами.

Едва ли не доминирующими и самыми, с нашей точки зрения, трагическими тенденциями эволюции идеологического поля европейской системы университетского образования XVI-XVIII вв. необходимо признать те, условное название которых можно определить как неоднозначность границ университетской организации и принципов взаимоотношений с внешними властями. Смысл данных тенденций становится очевиден при знакомстве с результатами их воплощения в жизнь. «Во время империи в 1808 г. учебная система всей страны (Франции – Д.Л.) была сосредоточена в университет; «публичное обучение во всей империи поручается исключительно университету; ни одна школа, ни одно учебное заведение не могут быть открываемы помимо императорского университета и без ведома его начальника; никто не вправе открыть школу, не будучи членом императорского университета и удостоен учёной степенью в одном из его факультетов». Учебники, методы, личные должности и организации состояли под ведомством главного попечителя и университетского совета»¹⁵². Хотя приведённый пример из начала XIX в. и несколько выходит за пределы хронологических рамок нашего исследования, тем не менее, он превосходно иллюстрирует конечный результат идеологической борьбы, на фоне бурной дискуссии 1791-1793 в Национальном собрании и

¹⁵² Шмидт К. История педагогики, изложенная во всемирно-историческом развитии и в органической связи с культурною жизнью народов. - Т. 3. История педагогики от Лютера до Песталоцци. - М., 1880. – С. 759

Национальном конвенте по вопросам образования, проходившей в условиях коллапса университетского образования в стране. Отсутствие волевых шагов со стороны правительства в период с 29 июля 1789 г. по 28 апреля 1793 г., направленных на получение необходимого результата, а напротив постоянные словесные баталии не только объясняют мотивы и идеологическую подоплёку инициатив императорского режима, но и подводят к вопросу о понимании университетчиками, вовлечёнными в водоворот Великой французской буржуазной революции, личной и корпоративной социальной ответственности, выступающей ключевым компонентом идеологии университетского сообщества XVI-XVIII вв.

Атмосфера хаоса в университетском образовании разрушала динамическое равновесие в рамках гуманистическо-технократического синтеза, довлевшего над университетским образованием XVI-XVIII вв. В новых условиях баланс смещался в сторону технократических идеологических установок университетского образования. В связи с этим не будет преувеличением отметить, что регулятивные инициативы Первой Империи во Франции в области университетского образования основывались на механистическом понимании университетского образования и принципе единообразия, каковые следует признать конструктами технократической идеологии университетского образования. Последствия технократического перерождения университетской идеологии во Франции на рубеже XVIII-XIX следует оценивать в амбивалентном ключе. «Университет был всецело и вполне орудием в руках правительства; он пользовался не свободой преподавания, а одной только монополией, он достиг, правда, великолепного единства и такой же правильности относительно устройства школ»¹⁵³.

Предваряя дальнейшее рассмотрение тенденций формирования новой университетской идеологии, необходимо обратить внимание на два принципиальных замечания, с учётом которых воссоздаваемая нами картина будет более полной. В первую очередь речь идёт о многомерности тенденций развития университетской идеологии, как в содержательном, так и в культурно-географическом плане.

Магистральное направление развития университетской идеологии определяется сравнительно небольшой группой супертенденций высокого уровня абстрактности, а содержательная и культурно-географическая специфики зависят от ряда тенденций более низкого уровня. По этой причине даже господство тенденции к технократической метаморфозе университетской идеологии проявляется не только в той форме и виде, которые были характерны для Франции рубежа XVIII-XIX вв.

Во-вторых, изучение конечных результатов позволяет воссоздать только статичную картину, своего рода срез университетской идеологии, а так как наша задача заключается в исследовании формирования новой университетской идеологии, т.е. в получении динамичной картины, своего рода «отпечатка процесса», то особое внимание будет обращать не только на идеологические феномены финального этапа, но даже в большей мере на те из них, которые имели место на ранних этапах рассматриваемого периода.

В отношении концептуального аспекта университетской идеологии представляют интерес взгляды представителей университетского сообщества Европы XVI – конца XVIII вв. на организацию и содержание образовательной деятельности, осуществлявшейся на квазиуниверситетском уровне рассматриваемой системы. С начала XVI в. в охваченной Реформацией Германии многие университетские профессора всё чаще, обращаясь к проблемам школ квазиуниверситетского уровня, выступают с новациями, затрагивающими как их организационные принципы и нормы, так содержание обеспечиваемого ими образования. Весомый вклад в идеологию квазиуниверситетского образования (обеспечиваемого высшими научными, латинскими школами или гимназиями, мыслящимися как младшая, пропедевтическая ступень собственно университета) внесли такие представители университетского сообщества, как М. Лютер (1483-1546), Ф. Меланхтон (1497-1560), И. Бугенгаген (1485-1558), Камерарий (1500-1574), Э. Гесс (1488-1541), Я. Мицилл (1503-1558), М. Неандер (1525-1595), И. Вольф (1516-1580), Ф. Тротцендорф (1490-1556), И. Штурм (1507-1583) и др. Ведя речь о данном аспекте идеологического

¹⁵³ Там же.

наследия представителей университетского сообщества, связанных с реформационным движением, следует отметить ряд исходных установок, определивших специфику содержания сформулированных ими идейно-теоретических концептов.

В первую очередь надо иметь в виду ренессансные образовательные идеалы, определявшие содержание культивируемой образованности, ориентированной на овладение классическим античным наследием, которое мыслилось как базис и конечный результат рафинированных гуманистических штудий. В то же время ренессансный образовательный идеал содержал в себе два взаимно противоречивых компонента: призыв к внесловности образования и стремление к своего рода гуманистической исключительности, основанной на обладании определённым символическим капиталом (культурным багажом), происхождение которого связано со способностью к неким, особым занятиям.

Второй исходной посылкой рассматриваемого массива идеологии квазиуниверситетского образования, выступает потребность в обеспечении широкого и, по возможности, общедоступного религиозного просвещения, высшей формой которого следует признать своего рода публичную (доступную для народа и ориентированную на широкие массы верующих) теологию. Теология уже не воспринималась как исключительная принадлежность монашеско-священнического сословия, а потому должна была в максимальной мере войти в программу тех школ, содержание обучения в которых способно обеспечить ей необходимое основание. Университетские идеологи гимназического образования признавали, что высшие латинские школы не должны и не могут осуществлять образовательную деятельность высшего порядка, т.к. обучение в них носит всё же репродуктивный характер. Но в рамках репродуктивного по характеру обучения формируются поисковые, аналитические, творческие и прочие умения и навыки, которые оказываются востребованными в период обучения в университете.

Неожиданный, на первый взгляд, отклик теоретические воззрения Я.А. Коменского находят в «Истории Нью-Йорка» Вашингтона Ирвинга (1783-1859). В беглой характеристике американских колледжей рубежа XVIII-XIX вв. Ирвинг сравнивает существующий

подход к артистическому образованию с работой «патентованной машины»¹⁵⁴. В сообщении «Истории Нью-Йорка» явным образом присутствует указание на своеобразную идеологическую традицию университетского образования, раскрыть содержание которой представляется возможным благодаря сообщаемым автором дополнительным сведениям.

Идеологическая традиция так называемого «машинного подхода» к университетскому образованию в области свободных искусств не являлась детищем американских колонистов, а была перенесена на американскую почву из Голландии в рамках системы коммуникаций, сформировавшейся между Новыми Нидерландами и метрополией. Ирвинг указывает на то, что традиция подготовки в университетах носителей императивного знания в самые форсированные сроки восходит к голландским городским «прославленным школам»¹⁵⁵, среди которых особенно выделяется Гаагская академия¹⁵⁶.

В рассматриваемой идеологической традиции можно выделить ряд компонентов: господство в культивируемой образованности императивного знания, ориентирующего на репродуктивное использование – буквоедство; сокращение сроков обучения, в котором можно усмотреть синоним поверхностности; установка на междисциплинарность и широту образованности, обеспечивавшая в сочетании со вторым компонентом формирование особой разновидности университетчиков.

Причины возникновения данной идеологической традиции следует усматривать во влиянии буржуазных трансформаций на университетское сообщество и образование. Актуализация буржуазных ценностей в их достаточно вульгаризированном и агрессивном варианте привела к смещению акцентов в сторону практической применимости полученного образования и его обращения с целью наживы собственного человеческого капитала, принимающего форму объёма непосредственно доступной образованности. В условиях буржуазного общества университетское образование (образованность) превращалось в человеческий капитал,

¹⁵⁴ Ирвинг В. История Нью-Йорка. – М., 1968. – С. 109.

¹⁵⁵ Зюмтор П. Повседневная жизнь Голландии во времена Рембрандта. – М.: Мол. гвардия, 2000. – С. 144.

приращение которого находилось в прямой зависимости от возможности его практического применения, и как можно в наиболее короткие сроки. И хотя представления о временной составляющей в инфляции человеческого капитала в эту эпоху ещё известны не были, но грубый практицизм предопределил формирование данной традиции в университетской идеологии.

Рассмотренная традиция приобретала характер проблемы, переплетаясь с тенденцией символизации интеллектуального образования, ранние попытки преодоления которой восходят к Блаженному Августину. Ещё в начале XVI в. марбургский профессор Э. Гесс не только дал наименование и определение актуальному для его времени воплощению симбиоза названной античной традиции с современной организационной и идейной косностью высших городских школ, но и указал средство преодоления образовательного филистерства. По его мнению, действенным средством от этой напасти выступает подчинение гуманистического либерального образования нуждам фундаментального теологического исследования, понимаемого, в данном случае, как публичная теология протестантского толка. Для своего времени предложение Гесса представляется весьма целесообразным, но уже семнадцатое столетие убедительно продемонстрировало ограниченную эффективность данного решения, т.к. публичная теология, превратившись в орудие политической борьбы, утратила изначально заложенные в неё высокие принципы, а потому была не способна препятствовать втягиванию университетской образованности в процесс спекуляции на рынке символического капитала эпохи.

В свете рассмотренных тенденций формирования университетской идеологии XVI – конца XVIII вв. и её функционирования как составной части европейской системы университетского образования, возникает интерес к комплексу представлений о месте и роли университетского сообщества и восприятию социокультурной миссии университетского образования в обществе. Собственно говоря, понимание университетской идеологии как корпоративной системы взглядов и представлений делает возникновение подобного интереса весьма закономерным.

¹⁵⁶ Ирвинг В. Указ. соч. – С. 109.

Удовлетворить возникший интерес возможно путём рассмотрения концепций и воззрений мыслителей, теоретиков и практиков университетского образования, содержащих взгляды по самому широкому кругу вопросов теории и практики образовательной деятельности высшего порядка, отражаемая которыми точка зрения детерминирована смысловым полем университетского сообщества, вне зависимости от принадлежности к нему индивида, являющегося носителем интересующих нас идей и представлений.

В новых условиях формирование корпоративных воззрений на место и миссию университетского сообщества происходило в антропоцентрическом ключе. В этой ситуации допустимо ставить знак равенства между идеологизированием, обращённым как на всё университетское сообщество в целом, так и на отдельного университета. Подтверждение справедливости сделанного умозаключения обнаруживается в антропологической концепции Шарля де Бовеля (1478-1556), получившую наиболее полную разработку в трактате «О мудреце», опубликованном в 1511 г. в Париже.

Воззрения де Бовеля несут на себе отпечаток ренессансного оптимизма в оценке миссии носителя университетской образованности в обществе. Обращаясь к заимствованному из античной философии образу мудреца, он наделяет его узнаваемыми чертами современного себе университета. Шарль де Бовель практически ставит знак равенства между мудростью и образованностью¹⁵⁷, под которой в первую очередь следует понимать университетскую образованность. Образованность выступает в его рассуждениях в качестве подлинной ценности, обладание которой отделяет человека от непросвещённого окружения.

«Перегрев» системы университетского образования предопределил меритократические черты воззрений де Бовеля, но унаследованная от ренессансного гуманизма оптимизм оказывал на его позицию смягчающее воздействие. Краеугольная идея его концепции сводится к мысли о позитивном значении для общества перспективы постоянного увеличения количества носителей

¹⁵⁷ Кудрявцев О.Ф. «Множество мудрых – спасение миру». Антропология Шарля де Бовеля // Человек в культуре Возрождения. – М., 2001. – С. 189.

университетской образованности. Справедливости ради следует отметить, что де Бовель ведёт речь только об умножении числа носителей университетской образованности, судьбу университетского сообщества как такового он обходит молчанием, в чём допустимо видеть влияние ренессансного индивидуализма, предопределявшего предпочтение личных стратегий реализации социальной миссии корпоративным.

Если в центре внимания парижского универсанта-гуманиста находилось осмысление социальных перспектив представителей артистических групп университетского сообщества, отражающее их стремление к экспансии в смежные предметные области, особенно в область теологии, что выступает отличительной особенностью поля идей, связанного со стратегиями профессиональных практик университетчиков позднего Возрождения, то в Испании первой четверти XVII в. оптимистические взгляды вытесняются пессимистическими, а идеи, имевшие в прошлом самый общий вид, конкретизируются и получают большую привязку к реалиям университетского социума. Следует признать, что рассматриваемые идеи берут своё происхождение в Германии XIV в., где были впервые изложены в анонимном трактате «О похвале клиру». Идеи, о которых идёт речь, изначально касались всего регентского контингента без учёта специализации преподавания. Выделялись четыре категории университетских магистров: 1) с титулом и занятием; 2) с занятием, но без титула; 3) без занятия, но с титулом; 4) без занятия и без титула¹⁵⁸. При таком раскладе, только магистры первой из названных категорий признаются легитимными.

В Испании первой четверти XVII в. данные представления претерпели метаморфозу, в результате чего оказались привязанными к контингенту университетских юристов. Кеведо приводит следующую классификацию университетских правоведов: первые – законники по роду занятий; вторые – для самовозвеличения; третьи – по образованию; четвёртые – по той причине, что имеют дело с людьми совсем уж незаконными¹⁵⁹. Принадлежность юристов всех названных видов к университетскому сообществу подтверждается тем, что все

¹⁵⁸ О похвале клиру... – С. 216.

¹⁵⁹ Кеведо Ф. Сон о смерти // Избранное. – Л., 1980. – С. 360.

они удостоиваются учёных степеней в юриспруденции и располагают возможностью совершить великолепную академическую карьеру, пройдя все ступени от бакалавра до доктора права (а то и обоих прав). Симпатии Кеведо явно на стороне представителей, немногочисленной по сравнению с другими, группы юристов – по образованию.

Кеведо приходит к мысли о существовании взаимозависимости между неудовлетворительным состоянием университетского юридического образования и негативными явлениями в правовой сфере испанского общества. Следует отметить на двусторонний характер этой зависимости, т.е. имеет место не только влияние негативных факторов правовой сферы общества на университетское юридическое образование, но влияние несовершенного юридического образования на возникновение и сохранение негативных явлений в правовой сфере общества.

Явления, послужившие отправной точкой для рассуждений Кеведо, им не называются, но могут быть определены путём анализа содержательно-смыслового контекста эпохи. Речь идёт о «перегреве» системы университетского образования, функционализации и символизации университетского образования. Показательно то, что на протяжении полутора веков – с рубежа XV-XVI до первой четверти XVII вв. произошла постепенная диффузия названных негативных явлений из области артистического образования в другие подразделения университетской организации, образовательная деятельность высшего порядка которых отличается большей профессиональной направленностью. Совершенно закономерным представляется то, что подобное явление нашло отражение в университетской идеологии.

Обрисовав контуры проблемы, обозначив свою позицию, тем не менее, Кеведо остался в стороне от поисков решения вскрытой им проблемы, тем самым оставаясь в рамках излюбленного университетскими идеологами критического дискурса. Подтверждением принадлежности рассматриваемых взглядов Кеведо к университетской идеологии служит всё-таки предложенное им решение, кажущееся весьма простым, на первый взгляд. Он утверждает, «уж лучше для Испании саранча бессрочно, чем

лиценциаты на срок»¹⁶⁰. При первом приближении может возникнуть впечатление, что Кеведо предлагает просто уменьшить число университетских юристов, обладающих низкокачественным базовым юридическим образованием, не указывая способа, как сделать это. Однако более пристальный взгляд на его идеи позволяет понять истинный их смысл. В действительности, Кеведо предлагает регулировать количество практикующих остепенённых университетских юристов в зависимости от реальных потребностей общества. Оптимальным сроком прохождения полного цикла действия регулятивной процедуры признаётся время наибольшей профессиональной активности одного поколения универсантов. Может показаться, что Кеведо несколько лукавит, не указывая ту силу, которой следует осуществлять названное регулирование. Однако поступив иначе, он, во-первых, отошёл бы от нормы дискурса университетской идеологии, а, во-вторых, изменил бы своему литературному кредо. В то же время, не составляет труда понять, какая сила, по мысли Кеведо, могла осуществить рекомендуемые шаги. «Недужный Испанией» Ф. Кеведо, безнадежно находясь во власти своих гуманистических идеалов, видел в качестве такой силы государство – абсолютизирующуюся испанскую монархию.

Сходные идеи обнаруживаются в социально педагогической концепции самого незаурядного университетчика Франции первой половины XVII в. – Армана Жана дю Плесси де Ришелье (1585-1642). Его взгляды вызывают тем больший интерес, что ему выпало сыграть не только роль реформатора сложившейся во Франции системы образования, но и потому, что воплощение в жизнь некоторых его идей предопределило наступление таких событий, назвать которые катастрофическими не будет преувеличением.

В первой части своего «Политического завещания» (1637-1642) доктор теологии, член коллегии докторов Сорбонны, кардинал Ришелье помещает весьма развёрнутую социально-педагогическую концепцию, которую следует признать едва ли не первой в своём роде, так как в центре её внимания находится именно университетское образование. Забивая первый гвоздь в крышку гроба, упокоившего с миром идеи, связанные с корпоративными началами университетского

¹⁶⁰ Там же.

образования, он обращается к антропологическим основаниям человеческих организаций и контролируемых ими практик. «Слабость существа человеческого требует во всех вещах равновесия, а в том и состоит основание истины»¹⁶¹. В другом месте Ришелье заходит в своих метафорических рассуждениях ещё дальше: «И как тело человека, если бы имело глаза на всех частях своих, было б безобразно, так и государство было бы такое же, ежели б все жители оного были учёные, ибо в нём столь же бы мало было послушания, сколько много гордости и тщеславия»¹⁶². Отождествление общества со слабым, неспособным бороться собственными недугами человеческим организмом, а государства, попустительствующего ему в этом, с не эстетически выглядящим монстром, подводит основу под вмешательство государственных властей во внутрикорпоративную жизнь университетского сообщества.

Обосновав необходимость вмешательства государственной власти в жизнь университетского сообщества и регулирование университетских образовательных практик высшего порядка, Ришелье излагает идейное кредо абсолютистского подхода к решению наиболее острых проблем в этих сферах. Для него было очевидным, что «перегрев» системы университетского образования как в одной, отдельно взятой стране, так и в пределах всего европейского трансокеанического культурного пространства, со временем может привести к сильнейшему социальному взрыву, вызванному накоплением критического объема «лишних людей с университетским прошлым». Осознавая это, Ришелье приходит к мысли: «Хотя же сведение учения необходимо обществу, однако же то подлинно, что не всякого без разбору обучать должно»¹⁶³. В подтверждение своей мысли он приводит пример неконструктивного и безответственного поведения излишне образованных членов общества – университетчиков: «И ежели бы книжное учение всякому уму без разбору дано было, то было бы больше таких людей, кои бы наделали

¹⁶¹ Политическое завещание кардинала герцога де Ришелье французскому королю // Андреев А.Р. Гений Франции, или Жизнь кардинала Ришелье. Документальное историческое исследование. А.Ж. Ришелье. Политическое завещание. – М., 1999. – С. 157.

¹⁶² Там же. – С. 156.

¹⁶³ Там же.

сомнений, нежели таких, кои бы их решили; и многие были бы способнее противится истине, нежели защищать оную»¹⁶⁴. Кроме того, излишнее усердие на ниве университетского образования наполнило бы Францию ябедниками, более способными разорять дома горожан, и возмущать общественный покой, нежели принести какое-либо добро государству»¹⁶⁵.

Упоминания о сомнениях и противлении истине отсылают нас и к острой гугенотской проблеме, возникшей в связи с неудовлетворённостью сторон условиями религиозного мира, установленного Нантским эдиктом Генриха IV от 13 апреля 1598 г. Согласно эдикту, французским кальвинистам (гугенотам) запрещалась проявлять доктринальное своеобразие в сфере образования, за исключением ряда специально оговорённых анклавов. Скорее всего, университеты-гугеноты оказывали давление на университетское сообщество, особенно на академические власти, стремясь к учреждению протестантских подразделений в рамках контролируемой католиками университетской организации Франции.

Пассаж о возмущении общественного порядка, сутяжничестве и волокитстве, скорее всего, возник под впечатлением от обычного времяпрепровождения «обездоленных» университетчиков, которые либо буйствовали на улицах, либо доводили до изнеможения судебную систему Франции бесконечными судебными разбирательствами с их участием. Естественно, что подобное поведение вызывало раздражение и оценивалось крайне негативно.

Обозначив стоящие перед университетской Францией проблемы и обосновав свою позицию по отношению к ним, Ришелье формулирует краеугольные принципы, которые должны быть положены в основу государственной политики в сфере университетского образования. Заботясь о благе государства, «политики хотят, чтобы в порядочном государстве было больше учителей художеств рукодельных (т.е. ремёсел – Д.Л.), нежели учителей наук свободных (магистров свободных искусств – Д.Л.), для обучения книжной мудрости»¹⁶⁶. Для достижения поставленной цели

¹⁶⁴ Там же. – С. 156-157.

¹⁶⁵ Там же. – С. 156.

¹⁶⁶ Там же. – С. 157.

предлагалось использовать три средства. Во-первых, университетскому образованию рекомендовалось придать элитарный характер, с обеспечением доступа к нему наиболее интеллектуально одарённых молодых людей вне зависимости от их социального происхождения. Во-вторых, Ришелье настаивал на необходимости структурно-организационной перестройки системы образования во Франции, подразумевающей создание внеуниверситетского комплекса высших учебных заведений, обеспечивающих подготовку к военной службе, занятиям коммерцией, сельскохозяйственным производством. Третье средство, простираясь в области социального управления и во многом входя в противоречие с первым из предложенных принципов инструментирования достижения поставленной цели, подразумевает ограничение достатка народного сословия с целью изменения приоритетов в инвестировании его представителями с университетских но внеуниверситетские программы специализированного профессионального образования высокого уровня. Последнее положение следует рассматривать как принцип, обратный идее, воплотившейся в теоретических конструкциях, связанных с социальным предназначением так называемого «праздного класса».

Необходимо признать, что вклад А.Ж. Ришелье в университетскую идеологию заключается не только в том, что ему удалось создать законченную и оригинальную социально-педагогическую концепцию университетского образования, но и в том, что ему удалось в своих теоретических построениях в наиболее полном виде выразить три смысловых линии, определивших специфику новой университетской идеологии. В первую очередь речь идёт об настойчивых призывах к реформированию университетского образования и многочисленных предложениях проектов этих реформ. Во-вторых, укоренившаяся традиция представлений о корпоративной природе университетской организации и осуществляемой ею образовательной деятельности высшего порядка была решительным образом заменена представлением об университете как о государственном учреждении, призванном удовлетворять общественную потребность в высшем образовании. В-третьих, абсолютистское государство начинает восприниматься как

единственный субъект образовательной политики, самостоятельно организующий рабочее пространство для учреждений, осуществляющих образовательную деятельность по его поручению и по установленным им «правилам игры».

На протяжении XVI-XVIII вв. одним из ключевых компонентов университетской идеологии оставался вопрос о содержании культивируемой образованности. Вопрос этот представлялся весьма сложным, т.к. обнаруживал, при более детальном рассмотрении, свой интегративный характер и сложносоставную внутреннюю структуру. Он находился в тесной связи не только с осмыслением содержания университетской образовательной деятельности высшего порядка, представлениями о миссии университетского образования, но и корпоративной идеологией университетского сообщества, а также с традициями сословности образования. В известной мере, идеи сословности профессионально ориентированной образовательной деятельности высшего порядка, заявленные Ришелье, получили развитие во второй половине XVIII в. в связи с разработкой теоретических аспектов образовательной подготовки мещанской молодёжи.

Ф.Г. Розевиц (1725-1805) в сочинении «Воспитание мещанина к употреблению здравого ума и к общепользней деятельности» (1773) не только предложил проект мещанского учебного заведения, в создании которого имелась острая потребность, но сформулировал своего рода «образовательное кредо» мещанской высшей школы, обозначившее водораздел между научным университетским образованием, с одной стороны, и «деловым» образованием, максимально ориентированным на нужды повседневной жизни буржуазных слоёв¹⁶⁷.

Следует отметить, что организационные принципы, положенные в основу проекта Розевица, приближаются к университетским. Мещанское училище представляется как комплекс школ разного уровня подготовки и руководствующихся программами разного содержания. Принципиальные различия между университетским и «деловым» образованием определяются в содержательном плане. «Учёный должен доискиваться истины и выводить её из лабиринта, в

котором до него искали её другие; деловой человек должен воспринять найденную истину и уметь воспользоваться ею. Учёный учится многому лишь для того, чтобы знать и тем восполнять свой досуг; деловому же некогда заниматься досужей наукой, ему лишь бы знать то, чем он может воспользоваться, как человек или как гражданин. Учёный возносится в высокопарное, общее, хитроумное и со своими исследованиями он парит над миром, часто вовсе не заботясь о том, пригодны ли его изобретения в действительности и применимы ли они к данным обстоятельствам; дельный же мещанин обязан помышлять лишь о действительном мире, лишь о том кружке света, где он вращается, и мысли его должны быть направляемы и применяемы к предметам непосредственных его занятий»¹⁶⁸. Столь ярко выраженное противопоставление научного и «делового» образования, осуществлённое на фоне завуалированного признания за мещанским сословным образованием статуса образовательной деятельности высшего порядка, представляется весьма символичным.

Во-первых, без преувеличения можно вести речь о манифесте немецкой торговой, промышленной и ремесленной буржуазии, выразившем её идеи и чаяния относительно не только университетского образования, но и обновления системы профессиональной подготовки, обслуживающей потребности данных слоёв третьего сословия. Миф о единстве третьего сословия в очередной раз подвергся серьёзному испытанию.

Во-вторых, критический (возможно, просто трезвый) взгляд на вещи вскрыл неадекватность изменившимся условиям социальной интеграции университетского образования, архаичность его профессиональных ориентаций. Университеты поставляли обществу ученых, преподавателей, пополняли ряды обслуживающей абсолютизм бюрократии и его потенциальных ниспровергателей, т.е. тех, кто живёт за счёт общества, но не тех, кто позволяет этому обществу нормально функционировать в любой конкретный момент времени.

¹⁶⁷ Шмидт К. Указ. соч. – С. 676-677.

¹⁶⁸ Цит. по: Шмидт К. История педагогики, изложенная во всемирно-историческом развитии и в органической связи с культурною жизнью народов. - Т. 3. История педагогики от Лютера до Песталоцци. - М., 1880. – С. 677-678.

В-третьих, намечается альтернативный, внеуниверситетский путь развития высшего образования, максимально ориентированного на решение прикладных задач. Уже на самом истоке этого направления были заложены основы дальнейшей эволюции так называемых «институтских» учреждений высшего образования в направлении приближения к университетским образцам. Одновременно закладывалась основа обогащения содержания университетской образовательной деятельности высшего порядка и университетской образованности в плане ориентации на решение прикладных задач.

В XVI-XVIII вв. редкий университетчик не задумывался над вопросами социального переустройства. Реформация, Абсолютизм, Просвещение имели своих идеологов и теоретиков в университетской среде. Лютер, Кальвин, Ришелье, Гоббс, Локк – ряд можно продолжить. Однако для нас важным представляется другое, а именно, насколько принадлежность к университетскому сообществу, актуальный личный университетский опыт наложили отпечаток на высказываемые теми или иными мыслителями идеи социального преобразования и управления.

С учётом сказанного, особого внимания заслуживают теоретико-идеологические построения Томаса Гоббса (1588-1679), несущие на себе глубокий отпечаток университетской доксы. Интерпретация наследия Гоббса в ключе предложенного П. Бурдые доксового подхода представляется, с нашей точки зрения, весьма правомерной, в связи с возможностью в рамках существующей интеллектуальной традиции рассматривать университет как общество, а общество как своего рода университет. И дело здесь далеко не в игре слов (*universitas* (лат.) – университет, вселенная, совокупность, общество). Таким образом, создаются предпосылки, позволяющие университетчику осуществлять теоретическую рефлекссию над обществом сквозь призму свойственных университетскому сообществу представлений о самом себе, т.е. сквозь призму университетской доксы¹⁶⁹.

¹⁶⁹ Бурдые П. Университетская докса и творчество: против схоластических делений // Socio-Logos'96. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии Российской Академии наук. - М.: Socio-Logos, 1996. - С. 8-31. (18 апреля 2002 г.) - <http://bourdieu.narod.ru/bourdieu/PBdoxa.htm> .

Предложенное выходцем из Оксфордского университета Т. Гоббсом теоретически обоснованное и цельное видение общества является не только продуктом механистического типа учёности того времени, но и воззрений на мир сквозь призму математически точно выстроенного университетского социального пространства, задающего параметры поведения населяющей его общности людей¹⁷⁰.

Таким образом, социальные механизмы большого и малого университетов (общества и университетского сообщества) могут быть представлены в виде упорядоченной совокупности однородных по своей природе «деталей» – человеко-атомов, индивидуальность жизненной траектории которых определяется их разноматричностью. В представлениях об атомистической организации человеческого общежития и принципе «войны всех против всех», с нашей точки зрения, следует видеть проявления компенсаторного механизма, заложенного в идеологии и практике университетской корпоративности. Внутренняя боевая напряжённость сообщества (в чём следует видеть результат интериоризации «войны всех против всех») поддерживается определённым числом социально-психологических факторов: страстью к соперничеству, недоверием, любовью к славе и др., которые не только приобретают ценностную окраску, но и технологическое, социально-педагогическое значение.

Длительная и непростая история становления особого политико-правового статуса английских университетов, традиции их внутрикорпоративной жизни нашли отражение во взглядах Гоббса на механизм складывания государства, его взаимоотношения с обществом и отдельной личностью. Очевидно, что стремление к поддержанию социального мира и ограничение индивидуальной свободы действия воспринимались мыслителем не только как естественные законы человеческого общежития, но и как главные условия бытования университетского сообщества в Англии. Без преувеличения, в университетском законодательстве, особенно в статутах, следует видеть воплощение идеи общественного договора,

¹⁷⁰ Василькова В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: (Синергетика и теория социальной самоорганизации). – СПб.: Издательство «Лань», 1999. – С. 109-112.

понимаемой двояким образом: как документально оформленное соглашение между университетской корпорацией и внешним миром и как внутреннее соглашение между самими корпорантами.

Однако Т. Гоббс не был бы сыном своего времени, обойдя вниманием взаимоотношения университетского сообщества и государства. Созданное в порыве рационально осмысленного стремления к самосохранению рукотворное божество Левиафан выступает верховным сувереном, гарантом всех договоров, правовых норм и социального мира. Страх и наказание – два ресурса беспримерного могущества этого антропогенного монстра. Для нас всё же важно другое. Гоббс не только обосновывает примат государства над церковью в плане контроля над университетами, но и утверждает политический характер власти академической администрации, представляющей собой Левиафана в миниатюре.

Явно университетские корни имеют представления Гоббса о социальных группах. Предложенное им учение о группах отражает новое видение традиционной университетской организации. Гоббс утверждает подчинённый характер университетской организации, находящейся на службе у независимого и самодостаточного в системном отношении государства. Сама университетская организация включает в себя объединения политического характера, чьи полномочия делегированы верховной властью, и объединения частного характера, возникшие самостоятельно, но действующие в рамках, установленных законом. За объединениями обоих типов признаются политические функции. Разделение структур университетской организации по источнику и объёму компетенции, а также в зависимости от выполняемых функций выступает у Гоббса основанием для выстраивания иерархии, покоящейся на принципах законности, единоличного или коллегиального представительства, что позволяет включать университетскую организацию в обеспечиваемую государством систему социального порядка.

Изъятые из контекста английской университетской традиции, идеи Т. Гоббса могут показаться прообразом подходов к взаимоотношениям с университетским сообществом, продемонстрированных жёсткими авторитарными и тоталитарными режимами на протяжении всей последующей истории. Однако это

больше похоже на раскрытие тайны полишинеля, чем на подлинное научное открытие, ибо Гоббс и не скрывал конечного смысла своих идей, а применительно к университетской идеологии совершенно осознанно выступал выразителем идейного кредо английского абсолютизма в момент его апогея.

В то же время следует отметить одно слабое место в теоретических построениях Гоббса, тем более что оно имеет большое значение в плане практического социального инжиниринга и управления университетским образованием. Университетское сообщество представляется Гоббсом в статичной форме, не предусматривающей момент развития. Как и государство, университетское сообщество, с его точки зрения, возникает не как закономерный итог предшествующего развития, а в результате акта учреждения. Это положение оправдывает устойчивое игнорирование начал самоорганизации и саморазвития, генетически присущих образовательной деятельности высшего порядка в европейской университетской традиции.

Конструирование абсолютизма как системы во Франции в XVII – начале XVIII вв. происходило при деятельном участии ряда выдающихся представителей университетского сообщества, внёсших значительный вклад в идеологию социальной инженерии французского абсолютистского монархического государства, которая, в свою очередь, несла на себе отпечаток окружения, оказавшего принципиальное влияние на формирование их образа мысли и действия. Возьмём на себя смелость высказать мысль о том, что адекватное восприятие современного понимания французского абсолютизма, утверждающего его системный характер и социогенетическую природу, возможно исключительно сквозь призму университетского идеологического опыта людей, волею судеб создававших, эксплуатировавших и поддерживавших работоспособность (в самом широком смысле этого слова) данной хитроумной машинерии.

С точки зрения отношения университетчиков к идеологии социального инжиниринга французского абсолютизма их можно разделить на две группы: апологетов и критиков. Среди апологетов в XVII в. особое место занимают два государственных министра

Франции - кардинал А.Ж. Ришелье и Дж. Мазарини. Созданный ими (первый его лишь «спроектировал», а второй сделал осязаемым) механизм господства и подчинения, при не самом бережном с собой обращении, сумел без существенной перенастройки просуществовать без малого полтора столетия, прежде чем погибнуть под натиском революционной бури. С точки зрения созидателей-апологетов абсолютизм следовало понимать как умеренную, ограниченную монархию, политический режим, действующий в рамках норм, определяемых комплексом обычаев, привычек и содержанием предшествующей законодательной традиции. В остальном абсолютизм сводился к четырём принципам: 1) наследственной передаче королевской власти (обыкновенно по мужской линии); 2) неприкосновенности королевского владения (чаще на словах, чем на деле); 3) обязательности исполнения священной коронационной клятвы (уважение «сакрального контракта» на обладание империумом); 4) признание прав подданных на известную степень самоопределения и социальной самоорганизации¹⁷¹. Университетские идеологи французского абсолютизма видели залог устойчивости своего детища в необходимости использования во благо ему таких сил, как сообщество юристов (не только канонистов и цивилистов, но и «практиков», специализирующихся на актуальной законодательной традиции), система церковного права, местные представительные и судебные органы.

Рассмотренная модель, несущая на себе отпечаток корпоративной университетской идеологии, предполагала разумное сочетание управляемости и жесткости средств её обеспечивающих. Деформация заложенного механизма управления произошла позднее, под воздействием неумелой адаптации данного инструмента политического господства к запросам и индивидуальным особенностям пользовавшихся им носителей верховной власти, с одной стороны, и как конечный результат реакции системы на неконструктивное вмешательство в её функционирование критически настроенных университетских идеологов социального инжиниринга (хотя и не их одних), с другой.

¹⁷¹ Губер П. Мазарини. – М., 2000. – С. 77.

Без преувеличения скрытым восприемником и тайным пестуном Французской революции в идеологическом отношении следует признать Франсуа Салиньяка де Ламота де Фенелона (1651-1715), архиепископа Камбре, воспитателя герцога Бургундского. Фенелон представляется едва ли не самой выдающейся и самой противоречивой фигурой среди университетских идеологов социального инженерига, принадлежавших к лагерю критиков абсолютной монархии в том её виде, который она приобрела на рубеже XVII-XVIII вв. Оппоненты прозвали Фенелона «лебедом Камбре»¹⁷², и это весьма символично, ибо лебедь олицетворяет собой совершенство, чистоту и невинность, но в то же время и лицемерие, поскольку его белоснежное оперение скрывает чёрное тело. Для него было очевидным, что ответственность за бедственное положение королевства лежит на Их Преосвященствах – крёстных отцах французского абсолютизма как системы, младший из которых, кроме того, оказался банкротом в деле подготовки из Людовика XIV квалифицированного правителя. Фенелона извиняет, однако, то, что и ему пришлось пережить глубокое разочарование, став свидетелем крушения своих самых сокровенных надежд и искренних упований на благополучное развитие событий в дальнейшей судьбе монархии, погибших вместе со смертью его верного ученика дофина Людовика.

Позитивная идеология насущных преобразований изложена Фенелоном в «Рассуждении об обязанностях короля с позиции совести». С его точки зрения, спасение французской монархии заключалось в обуздании деспотизма; регулярном (раз в три года) созыве Генеральных Штатов; равенстве всех сословий перед законом; отмене фискального иммунитета дворянства и духовенства; практической веротерпимости¹⁷³. Предложенная программа могла предотвратить грядущую катастрофу, но время для её воплощения в жизнь было безвозвратно упущено.

Без преувеличения, в идеологических аспектах университетского социального инжиниринга кроются альфа и омега грандиозного проекта эволюционной социальной трансформы, предложенной

¹⁷² Там же. – С. 474.

¹⁷³ Ленотр Ж. Повседневная жизнь Версаля при королях. – М.: Мол. гвардия, 2003. – С. 89.

европейским Просвещением. Провал просвещенческого проекта не был чем-то неожиданным, напротив, он был предопределён многими выдающимися университетскими интеллектуалами того времени. Тенденцию к нарастанию скептических настроений относительно способности науки оказать положительное влияние на установление общественного благоденствия наглядно продемонстрировал Ж.-Ж. Руссо, пришедший к выводу: «Прогресс наук и искусств, ничего не прибавив к нашему истинному благополучию, только испортил нравы»¹⁷⁴. Скепсис Руссо не только подрывал устои идеологии Просвещения, но и разрушал ренессансную мифологию, утверждавшую в качестве абсолютной ценности культурный и общественный прогресс, опирающийся на всестороннее изучение наследия европейской древности¹⁷⁵. Данная идеологическая установка приписывала «антикварным» штудиям значение горнила освобождения человеческой природы и духа, а также общественных и культурных новаций. Естественно, университетское сообщество видело себя в качестве главного действующего лица в этой лаборатории социального переустройства.

Замешенное на христианском подвижничестве и приправленное соусом ренессансной исключительности, социальное мессианство европейского университетского сообщества во второй половине XVIII в. у магистра Кёнигсбергского университета И. Канта получает трактовку, в которой обращается в свою противоположность. Кант развенчивает социальное мессианство университетского сообщества следующим образом: «Вред, приносимый наукой людям, состоит главным образом в том, что огромное большинство тех, кто хочет себя в ней проявить, достигает не усовершенствования рассудка, а только его извращения, не говоря уже о том, что для большинства наука служит лишь орудием для удовлетворения тщеславия... Учёные думают, что всё существует ради них. Дворяне думают так же»¹⁷⁶. Таким образом, обозначены границы, за которыми проекты социальных преобразований и усовершенствования общественной жизни, опирающиеся на фундамент университетской образованности

¹⁷⁴ Цит. по: Гулыга А.А. Кант. – М.: Соратник, 1994. – С. 50.

¹⁷⁵ Найдыш В.М. Философия мифологии. От античности до эпохи романтизма. – М.: Гардарики, 2002. – С. 410-411.

и возникшие в недрах университетского сообщества, приобретают негативный характер, а претворение их в жизнь становится чревато катастрофическими последствиями. Не будет слишком мрачной мысль о том, что университетская образованность, не отягощённая представлениями о разумных пределах дозволенного и гуманностью, в приложении к общественным преобразованиям оказывается способной порождать демонов и чудовищ. Сон разума, наполненного идеями университетского социального инжиниринга, породил в конечном итоге и технократический новый порядок и диктатуру меритократии, и это ещё не предел его возможностей.

Подведём итоги. Анализ, рассмотренных в рамках данной главы изменений в структурно-организационной и идеологической сферах европейской системы университетского образования XVI – конца XVIII вв., позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, с полным основанием можно утверждать, понятие – европейская система университетского образования, - выступает адекватным исследовательским концептом, пригодным для характеристики содержания развития университетского образования в Европе и колониях на протяжении рассматриваемого периода.

Во-вторых, предложенное разделение рассмотрения тенденций эволюции университетского образования на два аспекта: структурно-организационный и идеологический, представляется оправданным шагом и эффективным с исследовательской точки зрения.

В-третьих, ключевой тенденцией эволюции европейской системы университетского образования XVI-XVIII вв. в структурно-организационной сфере являлась учрежденческая трансформация, заключавшаяся в преодолении корпоративной природы университетской организации и замене автономных структур образовательной деятельности высшего порядка высшими учебными заведениями сходного статуса. Главные цели, преследовавшиеся в ходе трансформации, сводились к совершенствованию управляемости сферы образовательной деятельности высшего порядка и интеграции университетских учреждений в структуру государства современного типа.

¹⁷⁶ Цит. по: Гулыга А.А. Кант. – М., 1994. – С. 72.

В-четвёртых, структурно-организационная эволюция европейской системы университетского образования в рассматриваемый период определялась действием двух факторов: с одной стороны, вызванной Реформацией секуляризацией, и, с другой стороны, генезисом государства современного типа, происходившим в рамках моделей монархического правления, предусматривавшихся вариативностью, присущей европейскому абсолютизму. Ослабление влияния церкви происходило одновременно с усилением роли абсолютистского государства.

В-пятых, следует в целом положительно оценивать роль корпоративных религиозных организаций в эволюции европейской системы университетского образования XVI – конца XVIII вв., способствовавших не только её пространственному распространению, но и сохранению начал университетской корпоративности, подвергавшихся в данный период целенаправленному искоренению.

В-шестых, проводимые в XVI-XVIII вв. реформы университетского образования, являвшиеся частью осуществляемой абсолютизмом социальной и культурной политики, по отношению к преобразуемой системе носили флуктуационный характер, в силу чего возникали предпосылки для её компенсаторной реакции, чем в значительной мере обусловлена мало эффективность названных реформационных начинаний. Система университетского образования, стремясь к равновесному состоянию, сводила на нет действие большей части предпринимавшихся реформ. Эффективные реформы университетского образования в рассматриваемый период следует признать скорее исключением, нежели правилом.

В-седьмых, XVI-XVIII вв. стали временем формирования новой многоаспектной университетской идеологии, в отдельных своих частях приобретающей подлинно научный характер. В рассматриваемый период можно вести речь о трёх основных аспектах университетской идеологии: идеологии (теории) университетского образования, идеологии университетского сообщества и университетской идеологии социального инжиниринга. Названные основные аспекты университетской идеологии интегрируются при участии концептуального аспекта, содержащего базовые принципы и

нормы, определяющие структуру и организацию системы университетского образования.

В-восьмых, высокий интеллектуальный статус как создателей университетской идеологии XVI-XVIII вв., так её носителей и потребителей, выступает предпосылкой принципиального отличия университетской идеологической метасистемы от иных феноменов подобного рода. Университетская идеология рассматриваемого периода генетически теоретична и научна (как минимум в соответствии с представлениями своего времени).

В-девятых, содержание университетской идеологии, сформировавшейся в XVI-XVIII вв., определялось проблемами, стоявшими не только перед европейской системой университетского образования, но и перед обществами Европы в целом, на поиски путей решения которых, были нацелены усилия мыслителей, разрабатывавших положения университетской идеологической метасистемы.

В-десятых, подчас положения университетской идеологической метасистемы находились в противоречии с тенденциями эволюции структурно-организационной составляющей европейской системы университетского образования XVI-XVIII вв., как это происходило со структурами квазиуниверситетского уровня системы, в организационном плане дрейфовавшими в сторону от остальной университетской организации, а в идеологическом отношении сохранявшими с ней самую тесную связь.

В-одинадцатых, положения университетской идеологической метасистемы XVI-XVIII вв. в значительной степени опережали развитие структурно-организационной и гуманитарно-технологической составляющих университетского образования своего времени, предлагали решения, оказавшиеся востребованными только позднее. В рамках университетской идеологии рассматриваемого периода намечались перспективы дальнейшего прогрессивного развития европейского университетского образования, актуализация которых приходится на последующие периоды истории.

В-двенадцатых, структурно-организационные и идеологические аспекты исторического опыта XVI-XVIII вв., вошедшего составной частью в европейскую университетскую традицию, могут быть

востребованы при разработке самых разноплановых решений, в рамках современного реформирования не только высшего образования, но и всей системы образования в целом, и в том числе в наиболее глобальном понимании системного характера образовательной деятельности.

Таким образом, нами определены контуры и параметры структурно-организационного и идеологического каркаса европейской системы университетского образования XVI – конца XVIII вв., опираясь на который представляется возможным обратиться к исследованию социальных функций университетского образования, особенных черт университетского сообщества и его структур повседневности, а также содержания университетского образования и комплекса университетских гуманитарных технологий.

Глава 2

Социокультурная эволюция университетского образования в Европе XVI – конца XVIII вв.

2.1 Изменение социальных функций университетского образования.

Период XVI – конца XVIII вв. характеризовался глубокими и полифоничными изменениями социальных функций университетского образования, т.е. комплекса ролей, исполняемых отдельными университетами и системой университетского образования в целом в обществе, а также оценок обществом этой деятельности.

Ведя речь об изменениях социальных функций университетского образования, необходимо учитывать неоднозначность понимания содержания самого понятия – «социальная функция» – применительно к университетскому образованию. По отношению к взятому вне временного (исторического) контекста университетскому образованию социальная функция определяется следующим образом. Во-первых, это роль, которую выполняет университетское образование как элемент социальной системы в её организации как целого, а также реализации интересов различных социальных групп, имеющих к нему прямое либо косвенное отношение. Во-вторых, в качестве зависимости между различными социально обусловленными параметрами, определяющими реализацию социокультурной миссии университетского образования. В-третьих, как социальное действие (образовательная практика высшего порядка), ставшее стандартизированным, регулируемое определёнными нормами и контролируемое социальными институтами. Последняя трактовка социальной функции университетского образования подводит к интерпретации самого университетского образования в качестве социального института, т.е. исторически сложившейся, устойчивой формы организации совместной деятельности людей.

Понимание университетского образования как социального института, в наиболее абстрактном своём виде выполняющего характеризующие названным образом функции, делает очевидным основание феноменологического подхода к функциональному анализу

университетского сектора образовательной деятельности высшего порядка. Введение в построенное на данном фундаменте функциональное исследование временных и пространственных координат, а значит и фактора исторической специфичности, позволяет получить теоретическую конструкцию, вполне удобоупотребимую в рамках университетской историографии.

Утвердившийся в историографии феноменологический подход к истории университетского образования в Европе стал основой для попытки сформулировать содержание социальной функции университетского образования на примере европейского средневековья. «Социальная функция средневекового университета сводилась, прежде всего, к подготовке людей к выполнению различных обязанностей, связанных с деятельностью учреждений церкви, правительства и функционирования общества»¹⁷⁷. Однако университетские степени не давали своим обладателям особых прав на какую-либо конкретную профессиональную деятельность. В действительности, университетское образование только облегчало доступ к соответствующей практической деятельности.

Феноменологический подход к определению содержания социальных функций университетского образования оставался в ходу и в новое время. В эту эпоху сформировались представления о трёх функциях, выполняемых университетским образованием в обществе. В первую очередь университет выступает как очаг научного знания, обеспечивающий непрерывность научного творчества через организацию преподавания. Во-вторых, университет играет роль учебного заведения, дающего высшее научное образование через приобщение учащихся к исследовательской деятельности¹⁷⁸. Сюда же следует отнести организационную функцию, позволяющую университету выступать институциональным учреждением формального упорядочивания поля научной деятельности.

Таким образом, вырисовываются задачи, решение которых составит основное содержание данного раздела. Необходимо проследить цепочку эволюционных изменений социальных функций

¹⁷⁷ Роуг В. Университет как явление средневековой культуры // Вестник высшей школы (Alma mater). – 1991. - № 8. – С. 101.

университетского образования в европейском культурном пространстве на протяжении XVI-XVIII вв. Сделать же это необходимо с позиций не феноменологического, а системного подхода, что делает предметом рассмотрения не столько функции университетского образования как социального института, сколько системы университетского образования как части социокультурной метасистемы своей эпохи.

Необходимо отметить, что рассмотрение эволюции социальных функций европейского университетского образования XVI-XVIII вв. в системном ключе, в качестве своих базовых компонентов подразумевает преодоление, с одной стороны, крайностей, присущих названному выше феноменологическому подходу и, с другой стороны, сциентизма и учрежденческих интерпретаций, связанных с функциональной рефлексией, характерных для исследований университетского образования Нового времени. Функциональная эволюция университетского образования в Европе XVI – конца XVIII вв. может быть представлена в наиболее наглядном виде, только путём встраивания полученных данных в более широкий исторический контекст, что невозможно без осуществления названных процедур.

С известной степенью условности можно вести речь о пяти функциях университетского образования как социального института, исполнившихся им в Европе XVI – начале XVIII вв.¹⁷⁹, приобретающих с системной точки зрения следующее значение.

Европейская система университетского образования в XVI – конце XVIII вв. обладала функцией восходящей витальной организации. Речь идет о том, что система оказывала решающее организующее влияние на протекание одного или нескольких этапов жизненного цикла, связанных с ней индивидов. Особенно проявляла себя эта функция в той части системы, которая была тесным образом связана со структурами, осуществлявшими образовательную деятельность квазиуниверситетского уровня. С учётом

¹⁷⁸ Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. – М., 1995. – С. 316.

¹⁷⁹ Фрийхоф В. Европейский университет начала Нового времени: паттерны (реферат) // Alma mater (Вестник высшей школы). – 1999. - № 4. – С. 44.

индивидуально-биографического фактора можно говорить о постоянном и переменном характере данной функции.

Другая функция европейской системы университетского образования рассматриваемого периода заключается в культивировании социально значимой образованности на уровне минимально достаточном для полноправного «членства» в обществе, ориентированного на широкий спектр видов интеллектуального труда, не требующего дополнительной специальной квалификации. Кроме того, в этой функции предусматривалось обеспечение широкого доступа к названному массиву образованности.

Эволюция унаследованной от средневековья базовой функции выразилась в пересмотре части её содержания. В XVI-XVIII вв. данная функция трансформировалась в подготовку квалифицированных специалистов для ряда сфер профессиональной деятельности. Эта трансформация повлекла за собой изменение программы университетского образования в плане обогащения её специальными дисциплинами. Однако развитие базовой функции средневекового университетского образования предполагало и создание условий для развития научного знания, но уже не в средневековом значении этого слова, а согласно понятиям рассматриваемой исторической эпохи. Нет особой нужды говорить, что принципы профессионализма и научности нередко вступали в острое противоречие при реализации данной функции.

Функция социализации, присущая европейской системе университетского образования, в XVI-XVIII вв. приобрела специализацию на формировании элитарных групп. Применительно к университетскому образованию речь в первую очередь следует вести об интеллектуальной элите, лишь отчасти совпадающей с господствующей политической элитой. Для рассматриваемого периода эта функция не являлась монопольной принадлежностью системы университетского образования, которой приходилось соглашаться с присутствием в данном символическом поле других агентов.

Воспитательная функция европейской системы университетского образования XVI – конца XVIII вв. выступала гармоничным дополнением к двум первым из названных выше функциям.

Содержание её сводилось к формированию умения жить в обществе и созданию для этого, при помощи структурно-организационных средств, особой ниши, призванной интегрировать университетчиков в ткань внешнего социального универсума. Данная функция играла особую роль в жизнь тех подразделений университетской организации, которые обеспечивали университетчикам проживание внутри особого рода, закрытого университетского социального и географического пространства.

Названные функции европейской системы университетского образования XVI – конца XVIII вв. соответствуют обобщённому перечню функций социального института образовательного назначения¹⁸⁰, за одним небольшим исключением. Исключение составляет функция «обеспечения социальной интеграции, устойчивости общественной жизни»¹⁸¹, которая, хоть и подразумевается, пусть и косвенным образом, несколькими из названных выше, однако заслуживает отдельного упоминания. Дело усложняется тем, что в рассматриваемый период эта функция угнеталась действием внешних сил. Реализация данной функции в изменившихся условиях придавала университетскому сообществу новый облик. Вопрос о достоверности исторического бытия университетской наднациональной и надгосударственной, а где-то и надконфессиональной *respublica eruditorum* в рассматриваемый период остаётся открытым. Тем не менее, университетское сообщество эпохи, в структурно-организационном отношении, давно переросшее узкие рамки отдельных университетов, охватывало большую часть Европы и колонии, формировало идеалы гражданственности, цивилизованности и культуры, в распространении которых виделись высшие цели университетского образования¹⁸².

Непосредственно к рассмотренной выше функции примыкает другая, получившая название диалоговой. Функция эта по природе своей синтетическая, поскольку подразумевает диалог не столько в

¹⁸⁰ Моргунова А.Г. Образовательные пространство: процессы институционализации и структурирования (27 января 2003 г.). - <http://old.ssu.samara.ru/research/philosophy/journal9/14.html> .

¹⁸¹ Там же.

¹⁸² Руогг В. Европейский университет на пороге Нового времени (реферат) // *Alma mater* (Вестник высшей школы). – 1999. - № 2. – С. 48.

качестве излюбленного эпохой инструмента научного познания, сколько как открытое пространство межкультурного взаимодействия. Диалоговая функция приобрела особую актуальность в условиях вызванного Реформацией и Контр-реформацией дробления пространства христианского Запада и активизацией межцивилизационного взаимодействия связанного с Великими географическими открытиями и колониальной экспансией.

С учётом содержания рассмотренных функций европейской системы университетского образования, можно говорить о существовании в XVI – конце XVIII вв. функциональной многомерности, которая, однако, имела устойчивую тенденцию к свёртыванию, так как не вписывалась в идеологию господствующих подходов к организации сферы высшего образования, взятых на вооружение властями (и в первую очередь государством). Преодоление функциональной многомерности европейской системы университетского образования происходило главным образом в направлении изживания академической корпоративности, выступавшим препятствием для развёртывания учрежденческого подхода к организации и управлению университетским образованием, позволяющего интегрировать его в регулятивную систему, являющуюся приводом между государством и обществом и охватывающую все сферы жизни общества.

Наглядной иллюстрацией результата изживания функциональной многомерности европейской системы университетского образования может служить уже упоминавшаяся выше триада, в рамках которой произошло не только слияние ряда функций, но и принципиальный отказ от использования ресурсов академической корпоративности. Справедливости ради следует признать, что эта триада выступала лишь только упрощённой моделью, вероятно, наиболее возможным вариантом отображения реального состояния функционального аспекта университетского образования, допускаемым господствующим подходом к организации и управлению высшим образованием. Всё, что осталось за пределами модели, вошло в состав европейской университетской традиции, высокая степень актуальности которой становится очевидной с учётом активности теоретических исканий, продемонстрированной учёными

последующих исторических эпох в функциональной сфере университетского образования¹⁸³.

Без преувеличения идейно-теоретические построения в части видения функций университетского образования созданные в XX в. несут на себе глубокий отпечаток европейской университетской традиции, содержание соответствующего компонента которой было обогащено историческим опытом европейской системы университетского образования XVI – конца XVIII вв. Отрадно осознавать, что в настоящее время на идейно-теоретическом уровне создаются предпосылки для формирования адекватной современным условиям функциональной многомерности, учитывающей использование фактора академической корпоративности и подразумеваемых им ресурсов. Для понимания причин подобного рода реактуализации в рамках европейской университетской традиции представляется необходимым обратиться к рассмотрению особенностей университетского сообщества Европы XVI – конца XVIII вв.

2.2 Характерные черты университетского сообщества Европы XVI – конца XVIII веков.

Подходя к анализу характерных черт университетского сообщества Европы XVI – конца XVIII вв., следует учитывать известную размытость его границ. К началу рассматриваемого периода университетское образование на протяжении уже трёх с половиной столетий интегрировалось в социокультурный универсум обществ Европы. Результатом этого явилось проникновение университетариев в самые разнообразные сферы деятельности. В XVI-XVIII вв. присутствие университетчиков наблюдалось не только в традиционных для них областях: медицина, комплекс практик правовой сферы, управление, церковь, школьное и собственно университетское образование, но и в ряде других областей: военной,

¹⁸³ Шульман М.М. О социокультурных функциях университетов (исторический взгляд) (20 июня 2002 г.) - <http://www.mis.rsu.ru/conf/1999a/1-3.htm> ; Акулич Ю.В. Функции высшего библиотечного образования (06 июня 2002 г.). - http://msuc.edu.ru/conf_06/part6/doc1.html .

политической, дипломатической, коммерческой, авантюристической и др.

Механизм, лежавший в основе проникновения университетариев в нетрадиционные для них сферы социально значимых практик, базировался на традиционном понимании конечных целей университетского образования в Европе.

В конце 80-х гг. XV в. французский вельможа Филипп де Коммин в своих «Мемуарах» писал о том, что «при всех сеньорах непременно состоят, как положено, клирики и люди длинной мантии»¹⁸⁴, которые, будучи добронравными, оказываются на месте, в противном случае – становятся опасными. Слова Филиппа де Коммина находят на первый взгляд странное созвучие с одним известным произведением Ньюно Гонсалвеса, запечатлевшим португальского принца Энрике (1394-1460), прозванного Мореплавателем, в первой половине - середине XV в. в окружении родственников и свиты¹⁸⁵. Позади принца Гонсалвес изобразил стоящими в напряжённом молчании людей в тёмных, длиннополых, весьма просторных одеждах со стоящими воротниками и цилиндрических головных уборах. По мизансцене, запечатлённой Ньюно Гонсалвесом можно делать предположения о статусе и занятиях этих людей. Они могли быть либо советниками принца, либо преподавателями основанной им в 1419 г. Школы навигаторов, но абсолютно очевидно, что это «люди в длинных мантиях», т.е. представители европейского университетского сообщества того времени.

Прийти к данному выводу оказалось возможным благодаря совпадению приводимых в сообщениях столь разных по форме и содержанию источников описаний особого рода характеристик представителей университетского сообщества, совокупность которых в социально-исторической антропологии получила названия габитуса. С одной стороны, габитус понимается как особого рода директивная схема, оказывающая воздействие принуждения на складывание комбинаций внешних признаков, характерных для вещей и тел, объединённых общим контекстом, но, с другой стороны, выступает

¹⁸⁴ Коммин Филипп де Мемуары. – М., 1986. – С. 64.

¹⁸⁵ Histoire de l'Art. Vol. IV. № 53. - ALPHA DIFFUSION. Paris, 1973 – P. 97.

как система организующих принципов действия, порождающая различные практики¹⁸⁶.

Принято выделять ряд детерминант габитуса, к которым относятся: 1) тип и объемы доступного капитала; 2) определяемая через профессию, род занятий позиция в отношениях производства; 3) тип социальной связи, в которую включён носитель; 4) история группы, к которой принадлежит индивид; 5) индивидуальная история, т.е. биография. Учитывая названные обстоятельства, необходимо отметить, что попытка уместить всё социально-антропологическое многообразие университетского сообщества Европы XVI-XVIII вв. в границы одного универсального габитуса чревато угрозой упрощения, последствия которого окажутся весьма трагическими. Более правомерным представляется вести речь о комплексе габитусов европейского университетского сообщества рассматриваемого периода.

Содержание комплекса габитусов университетского сообщества с наибольшей полнотой раскрывается путём анализа его функционального значения. Важнейшим частным случаем реализации комплекса габитусов университетского сообщества в практической плоскости следует рассматривать процессы идентификации и самоидентификации, возникающие как внутри самого сообщества, так и между его членами и внешней средой. Идентификация и самоидентификация выступают базой для механизмов восполнения сообщества, среди которых главенствующее место занимают операции кооптации. Именно в операции кооптации практическая реализация габитусного комплекса приобретает полифоническое звучание.

Интерпретация социокультурной реальности университетского сообщества в указанном П. Бурдьё ключе, делает очевидным то, как операции кооптации предоставляют возможность обнаружения и признания компетенции и этических диспозиций, манеру держаться, а также предполагают веру в базовые ценности институтов, которую требует каждый из них. Вера эта почти никогда не выражается открыто, в форме развернутых по содержанию деяний или сформулированного кредо (Университетская организация не требует

¹⁸⁶ Козлова Н.Н. Социально-историческая антропология. – М., 1998. – С. 39-40.

от своих корпорантов исповедовать веру в университет, а некая непринужденность в отношении к отдельным институтам может даже расцениваться как доблесть, признаваемая ею самой). Напротив, здесь требуется некоторая позиция, корпоративный образ бытия (послушание), т. е. целая совокупность диспозиций, в том числе и телесных, вписанных в манеру держаться, указывающую на академическое достоинство (понимаемое как определенная манера письма, уважение к форме и форма выражения уважения и т. п.); в формы восприимчивости и категории понимания, в ментальные структуры, глубоко приспособленные и к структурам академической организации (её делениям и иерархиям), и к социальным структурам, которые данные ментальные структуры воспроизводят¹⁸⁷. Таким образом, габитусы университетского сообщества обретают социокультурное бытование «работая» в регулировании практик формирования и пополнения корпуса университетчиков.

О реальности существования теоретически выделенного комплекса габитусов представителей университетского сообщества Европы XVI-XVIII вв. свидетельствуют описания случаев социальной идентификации университетчиков по внешним признакам членами других групп городского населения. Бонавантюр Деперье в первой половине XVI в. повествует о том, как торговке селёдкой с Малова моста в Париже хватило одного взгляда и обмена парой фраз, чтобы не только определить принадлежность покупателя к университету, но и идентифицировать его с группой студентов, состоявших на положении домашних слуг у своих профессоров¹⁸⁸. Усложняющим ситуацию фактором выступает то обстоятельство, что данный студент принадлежал к разряду «кочующих», и торговка, скорее всего, впервые имела с ним дело.

Подтверждение реальности существования теоретически определяемого комплекса габитусов представителей университетского сообщества Европы XVI – конца XVIII вв. делает актуальным решение задач, связанных с детализацией предложенных

¹⁸⁷ Бурдые П. Университетская докса и творчество: против схоластических делений // *Socio-Logos* '96. – М.: Socio-Logos, 1996. – С. 8-31. (18 апреля 2002 г.). - <http://bourdieu.narod.ru/bourdieu/PBdoxa.htm>.

¹⁸⁸ Деперье Б. Новые забавы и весёлые разговоры // Новые забавы и весёлые разговоры. Кимвал мира. – М., 1995. – С. 130.

конструкций. В первую очередь возникает вопрос о внутренней структуре рассматриваемого комплекса. Решение этого вопроса видится в соответствии между структурой рассматриваемого комплекса габитусов и структурой самого университетского сообщества. При таком раскладе, каждой группе или слою университетского сообщества закономерно соответствует определённый габитус. Габитус не является постоянной характеристикой, напротив, университетчик на протяжении своей жизни мог неоднократно менять габитус, но оставаясь в пределах комплекса, определяемого университетским сообществом.

Следом закономерно возникает интерес к частным элементам каждого габитуса комплекса. Так как под элементом обычно понимается нерасчленимая далее часть целого, то отвечая на данный вопрос, речь следует вести о крайнем многообразии элементов габитусов университетского сообщества Европы XVI – конца XVIII вв. Отдельные элементы габитусов европейского университетского сообщества этого времени будут носить интегративный характер, так как оказываются свойственными не только собственно университетскому сообществу, но и различным группам и слоям городского, реже сельского населения. Хотя, история не знает «университета в деревне», тем не менее, сельские элементы в социально-антропологическом облике университетского сообщества присутствовали уже в силу того, что среди студентов значительной была доля крестьян. П.Ю. Уварову, например, удалось установить, что в 1539-1559 гг., по данным архива Парижского Шатле, на долю крестьян приходилось 9% зарегистрированных актов дарения студентам местного университета¹⁸⁹. Следуя за Жаном Жерсоном, можно предполагать, что эта цифра в известной мере выражает долю крестьян среди парижского студенчества.

Далее вызывают любопытство отношения координации и субординации, существующие между габитусами, входящими в рассматриваемый комплекс. Даже самое беглое знакомство с внутренним содержанием отдельных габитусов университетского сообщества раскрывает их противоречивость. В связи с этим

¹⁸⁹ Уваров П.Ю. Университетская Франция 1539-1559 гг. (Опыт социальной истории) // Одиссей. Человек в истории. 1994. – М., 1994. – С. 197.

целостность университетского сообщества становится проблематичной. Только более детальное изучение механизмов мобильности в рамках габитусного ряда (на примере одной индивидуальной истории) позволяет представить, как связаны между собой в вертикальном плане габитусы «регента», «добропорядочного студента» и «дикого студиозуса», как последние два связаны в горизонтальной плоскости.

Ещё одним немаловажным вопросом, требующим отдельного внимания, выступает изменение, как отдельных габитусов университетского сообщества, так и всего комплекса в целом на протяжении рассматриваемых без малого трёх веков. Очевидно, что образы жизни, действия и мысли последнего ректора Пражского университета первой четверти XVII в., магистра Яна Компануса из Воднян принципиально отличаются от того, как жил, думал и действовал последний ректор «старой» Сорбонны Дюмушель, отдавший себя в руки представителей «восставшего народа» 29 июля 1789 г¹⁹⁰. Если первый из них, осознавая себя главой автономной корпорации преподавателей и студентов, в отношении университета с внешним миром действовал как политик, использовал ресурсы манёвра, то последний, по сути являясь королевским чиновником, отождествляя себя с частью государственного аппарата, и потому не мыслил себя вне его рамок. Старая университетская Франция прекратила своё существование в первые дни революции в частности потому, что бюрократизированное университетское сообщество утратило тот институт, служение которому придавало смысл его существованию.

Использование габитусов университетского сообщества Европы XVI – конца XVIII вв. при анализе содержания практик, осуществлявшихся в рамках университетской организации с точки зрения игровой парадигмы, предоставляет возможность осуществлять интерпретации на уровне поведенческих стратегий. «Габитус, в качестве социального, вписанного в тело, в биологического индивида, позволяет производить бесконечность актов игры, которые вписаны в игру как возможность и объективная необходимость. Принуждения и требования игры, хотя они и не заключены в коде правил,

навязываются тем (и только тем), кто, в силу имеющегося у них чувства игры, т.е. имманентного игре чувства необходимости, подготовлен к их восприятию и выполнению»¹⁹¹. В результате, игра как форма и организационный принцип отдельных проявлений деятельности включается в более широкий контекст, определяемый не только индивидуальной историей вовлечённого в неё индивида, но и предшествующим опытом бытования организации, особенностями формирования и функционирования отдельных институтов.

Принимая во внимание сведения, полученные из косвенных источников, допустимо выдвигать гипотезу относительно состава габитусного комплекса университетского сообщества Франции и специфики его функционирования на протяжении длительного периода времени с конца XV – до конца XVIII вв. Ряд компонентов данного габитусного ряда демонстрируют устойчивость на протяжении трёх столетий, что, без сомнения, следует признать выдающимся достижением на фоне эпохи глубоких и разноплановых трансформаций, и активизации процессов культурного и социального творчества.

К разряду наиболее устойчивых обобщённых социально-антропологических образов представителей университетского сообщества Франции конца XV – конца XVIII вв. следует отнести тот, название которого может быть определено как белый клирик высокого сана (например, архидьякон, викарий епископа или управляющий одним-двумя благочиниями). Содержание данного социально-антропологического образа определялось следующими чертами. Лицо суровое, замкнутое и мрачное. За счёт редящих, обильно тронутых сединой волос и обширных залысин, широкий и высокий лоб казался ещё более обширным, что придавало особую рельефность бороздившим его морщинам. Единственным «живым» местом на лице были глубоко посаженные, постоянно затенённые глаза, в которых сверкали необычайный юношеский пыл, жажда жизни и, даже порой, затаённая страсть. Эти люди были весьма сентиментальны и несли на себе печать «мировой скорби». Они часто

¹⁹⁰ Суворов Н.С. Средневековые университеты. – М., 1898. – С. 234.

¹⁹¹ Бурдые П. От правила к стратегиям // Начала. – М.: Socio-Logos, 1994. – С. 99-100.

вздыхали и охали, а улыбка у них была исполнена скорби и печали. Носители этого габитуса обычно выглядели старше своих лет, на рубеже четвёртого и пятого десятилетий жизни им можно было дать на десять-пятнадцать лет больше. В одежде носителей данного габитуса преобладали темные цвета. Поведение их отличалось склонностью к драматическим позам, жестам и эффектам.

Носители габитуса «белый клирик высокого сана» развивались в рамках университетского социокультурного пространства из числа прилежно учащихся и быстро усваивающих знания студентов, на которых постоянно лежала печать грусти и недетской серьезности, а поведение отличалось изрядной степенностью. В студенческие годы они вели тихий и размеренный образ жизни, избегали участия в коллективных «акциях» студенческой молодежи, а всю свою энергию направляли на учебные занятия и чтение, которые воспринимались ими как вид высокого служения. Для них не было большего греха, чем опоздание или пропуск занятия, как бы рано они ни начинались, и какие бы природные катаклизмы не происходили на улице.

С образовательной точки зрения они скорее принадлежали к интеллектуальной элите университетского сообщества, так как в своём активе располагали не только магистерской либо лицензиатской степенями в свободных искусствах, но были также докторами теологии либо канонического права, а то и обладали обеими названными степенями. В профессиональной сфере за ними закреплялась репутация обладателя высокой квалификации, выдающейся образованности и мощного, пронизательного интеллекта, что позволяло носителями рассматриваемого габитуса занимать достаточно высокое положение в обществе, связанное с регулярным оказанием разного рода интеллектуальных и организационных услуг представителям власти. Однако даже столь высокое положение и обширные связи не были гарантией от обвинений в пристрастии к осуждаемым обществом и церковью занятиям и чернокнижию. Напротив, носители габитуса «белый клирик высокого сана» часто умело использовали возникающую вокруг них атмосферу таинственности и отчуждения, в чем сказывалось их пристрастие к драматическому пафосу в поведении.

Ориентация на получение высокой учёности и достижение вершин профессиональной квалификации у носителей данного габитуса объясняется, в частности, их социальным происхождением. Обычно по своему происхождению они принадлежали либо к мелким дворянам, либо к именитым горожанам. Видимо, со второй половины XV в. и вплоть до конца XVIII в. эволюция фактора социального происхождения носителей габитуса «белый клирик высокого сана» происходила по нисходящей траектории в плане снижения базовой общественной статусности. Если во второй половине XV – первой половине XVI вв. носители этого габитуса происходили из семей мелкого дворянства, то в конце XVIII – начале XIX вв. – аристократических слоёв городской буржуазии.

Бросятся в глаза параллели, возникающие между отдельными компонентами габитуса представителей университетского сообщества Франции конца XV – конца XVIII вв. «белый клирик высокого сана» и характеристиками социально-антропологического облика университетариев, содержащихся в «Мемуарах» Филиппа де Коммина и упоминавшемся уже живописном произведении Ньюно Гонсалвеса. Выявление данной корреляции позволяет установить с достаточной степенью достоверности временные рамки преимущественного доминирования среди представителей университетского Франции габитуса «белый клирик высокого сана», период которого приходится на вторую половину XV – первую половину XVI вв. Позднее этот габитус теряет статус преимущественно доминирующего и постепенно вытесняется на географическую и структурно-организационную периферию университетского сообщества Франции. Но на рубеже XVIII-XIX вв. в связи с революционными потрясениями создаются условия для изменения статуса этого габитуса, он снова занимает позиции, приближающиеся по своим характеристикам к преимущественному доминированию.

На фоне длительной устойчивости рассматриваемого габитуса следует отметить определённую эволюцию его внутреннего содержания, связанную с известной синхронизацией изменений, происходивших как в университетском сообществе Франции, так и в среде священнослужителей. Наложение этих сдвигов обусловило изменение внутреннего содержания ряда компонентов габитуса

представителей университетского сообщества Франции XVI-XVIII вв. «белый клирик высокого сана». Кроме того, сам габитус в целом послужил, в значительной мере, отправной точкой формирования ряда габитусов и отдельных социально-антропологических признаков, вошедших в габитусный комплекс университетского сообщества Франции XIX в.

Другой, не менее устойчивый габитус представителей французского университетского сообщества XVI-XVIII вв. может быть назван «поэт-философ по найму». Происхождение этого габитуса напрямую связано с утверждением позиций ренессансного гуманизма как в содержании университетского образования, так и в среде представителей университетского сообщества Франции.

Внешний облик носителей габитуса «поэт-философ по найму» определялся следующими чертами: высокий рост, худоба, бледность лица, так что они совершенно заслуженно производили впечатление долговязых и худощавых (а порой даже – тощих) особ. Щёки и лоб «поэтов-философов по найму» бороздили морщины. Волосы их были несколько длиннее принятой нормы, причёска не отличалась излишней аккуратностью. Черты французских университетчиков этой социально-антропологической группы складывались в образ, наполненный внутренней творческой энергией и несущий на себе отпечаток социальной девиации.

Индивидуально-биографическое время доминирования данного габитуса приходится на третье десятилетие жизни. В дальнейшем социально-антропологический облик носителей этого габитуса эволюционировал, что делало их носителями других габитусов. Только в двух случаях происходила консервация в рамках рассматриваемого габитуса. Во-первых, если «поэту-философу по найму» удавалось занять благоприятную нишу в сфере профессиональной деятельности, когда специфика их ремесла диктовала определённую заданность того социально-антропологического облика, которому они вынуждены были соответствовать. Во-вторых, при нисходящей направленности социальной мобильности, тем более при маргинализации, присущие данному габитусу навыки, уровень образованности, поведенческие стереотипы, специфический образ мысли и действия становились

основой вырабатываемой стратегии «выживания» в неблагоприятных и чуждых университарию условиях жизни.

В плане исторической эволюции данного габитуса следует отметить, что скорее всего именно на его базе происходило формирование отдельных модификаций социально-антропологического облика представителей новой интеллигенции эпохи Просвещения. Ряд общих черт обнаруживаются при сравнении социально-антропологического и биографического аспектов у «поэтов-философов по найму» и теми французскими просветителями, которые втягивались в сотрудничество с государством и господствующей элитой в художественной и образовательно-воспитательной областях деятельности.

Несколько к иной категории представителей университетского сообщества Франции XVI-XVIII вв. принадлежали носители габитуса «офицер королевской службы из мелкофеодальной аристократии». На рубеже XV-XVI вв. этот габитус мог показаться пережитком предшествующей эпохи, так как корнями своими он уходил во времена Столетней войны. Тем не менее, с развитием огнестрельного оружия, наёмного механизма формирования армий и значительного прогресса в направлении массовизации войн, данный социально-антропологический облик переживает реактуализацию в первой половине XVII в., сохраняющуюся вплоть до конца рассматриваемого периода. Наличие среди представителей университетского сообщества Франции носителей этого габитуса позволяет конструировать систему связей как с другими секторами профессионально ориентированной образовательной деятельности высшего порядка, так и с родственными социальными общностями, функционирующих в иных национально-культурных ареалах, либо дистанцированными во времени.

Внешний облик носителей габитуса «офицер королевской службы из мелкофеодальной аристократии» включал в себя следующие черты: представительность, сочетающаяся с фатоватостью и самодовольством; приятное и даже привлекательное лицо с небезосновательной претензией на отражения героической природы его обладателя. При необходимости героизм подчёркивался усами, которым придавалась наиболее лихая и разухабистая форма из всех

допустимых модой в данный конкретный момент. Основной род занятий накладывал отпечаток не только на фигуру, придавая ей выправку, но и на одежду. Представители данной группы французских университетчиков чаще всего носили форменную одежду – военный мундир, монашескую рясу, или кардинальские одеяния. Следует отметить, что носимая «офицерами королевской службы из мелкофеодальной аристократии» одежда отличалась хорошим качеством и содержалась ими в приемлемом порядке.

Характер «офицеров королевской службы из мелкофеодальной аристократии» был непостоянным, вкус пошловатым, а благоприобретённые изящные манеры стремительно тускнели и стирались о казарменно-конторскую повседневность. Язык у этих университетчиков адаптировался к командам, приказам, указаниям, разносам и ругательствам.

В биографическом плане период доминирования габитуса «офицер королевской службы из мелкофеодальной аристократии» приходится на третье десятилетие жизни. Несмотря на относительную молодость носителей данного габитуса, они уже в двадцать с небольшим лет были достаточно потёрты и потрёпаны жизнью, проходившей, по большей части, между казармой, кабаком и улицей Глатиньи. Предопределяемый габитусом образ жизни подрывал позиции «офицеров королевской службы из мелкофеодальной аристократии», занимаемые ими в университетском сообществе Франции.

В образовательном отношении носители габитуса «офицер королевской службы из мелкофеодальной аристократии» отличались тем, что их соприкосновение с университетом было в значительной мере быстротечным, и происходило чаще всего на квазиуниверситетском уровне. «Офицеры королевской службы из мелкофеодальной аристократии» обычно получали образование в коллежах, тяготевших к большим университетам. Наиболее предпочтительным местом получения ими образования выступали многочисленные коллежи Латинского квартала Парижа. Избираемый колледж должен был отличаться известным аристократизмом, но в плане ресурсообеспечения быть связанным с провинцией. В подобной ситуации «офицер королевской службы из мелкофеодальной

аристократии», дослужившийся до чина капитана королевских стрелков, вполне мог получить начатки университетского образования в стенах Отенского коллежа.

Социальное происхождение «офицеров королевской службы из мелкофеодальной аристократии», связанное с обедневшим дворянством, подталкивало их к необходимости служить. Наиболее привлекательным видом службы для них была военная. На этом поприще они могли выслужиться до полевого маршала или бригадира. Собственно говоря, до появления в первой половине XVII в. специализированных учебных заведений, обеспечивавших получение высшего военного образования, университетское сообщество участвовало в формировании корпуса профессиональных военных именно за счет той своей части, которую составляли носители габитуса «офицер королевской службы из мелкофеодальной аристократии». Однако перед носителями рассматриваемого габитуса открывались и альтернативные пути службы, церковной и гражданской, но достижения здесь были весьма ограниченными, т.к. имела место конкуренция с представителями других групп университетского сообщества, обладавших гораздо более высоким образовательным статусом. Редким примером высоких достижений на поприще государственной и церковной службы может служить судьба сына главного прево Франции Франсуа дю Плесси. После преждевременной смерти главы семейства, вдова и пятеро несовершеннолетних детей оказались на пороге бедности. Именно эта нужда не позволила младшему сыну Арману Жану стать добрым воякой и стяжать ратную славу во имя Франции и рода, а вынудила пойти путём доктора богословия Сорбонны, епископа Люсонского, кардинала, первого министра Франции¹⁹².

Наконец, обзор избранных фигур из ряда социально-антропологических образов представителей университетского сообщества Франции XVI – конца XVIII вв. будет не полным если обойти молчанием габитус, носителей которого можно назвать «молодыми университетскими повесами из младших сыновей мелких дворян и почтенных горожан». Собственно говоря, габитус «молодой

¹⁹² Андреев А.Р. Гений Франции, или Жизнь кардинала Ришелье. Документальное историческое исследование. – М.: Белый волк, 1999. – С. 25-27; 31-32.

университетский повеса» как часть входил в более обширный социально-антропологический комплекс, именуемый «парижским школяром». В свою очередь у «парижского школяра» имелись две разновидности: «добрый школяр» и «дерзкий (буйный) школяр», именно с последней разновидностью практически полностью совпадает рассматриваемый габитус.

Внешность носителей габитуса «молодой университетский повеса» определялась следующими чертами: лицо приятное, но с признаками природного лукавства, богатая мимика. По телесному складу носители этого габитуса в Аполлоны не годились, но при этом были достаточно гибкими, подвижными и энергичными. В плане физической силы они не были богатырями, но превосходили средний уровень своих сверстников.

Принимая во внимание их достаточно буйный нрав, воинственность и активное жизнелюбие, а также весьма неустойчивое материальное положения и как следствие нерегулярный характер организации и содержания питания, представляется интересной демонстрация «молодыми университетскими повесами» высоких достижений в физическом противоборстве с выходцами из более ресурсообеспеченных слоёв населения (провинциальное и столичное дворянство, зажиточное крестьянство). В активе у носителей данного габитуса имелись такие физические данные, как громкий голос, способность переносить голод, невосприимчивость к неудобствам ночлега на мостовой, на куче мусора, в придорожной канаве и все это под открытым небом.

Носители габитуса «молодой университетский повеса» составляли одну из самых многочисленных групп внутри университетского сообщества Франции XVI-XVIII вв. Будучи чаще всего связанными со структурами квазиуниверситетского уровня они представляли собой не только едва ли не самую многочисленную группу французских университетариев, но и самую молодую в возрастном отношении, так как в биографическом измерении время доминирования этого габитуса приходилось на вторую половину второго – начало третьего десятилетия жизни. Образовательный багаж носителей этого габитуса ограничивался тем, что могли дать коллеги факультета свободных искусств, либо тяготеющие к этому

факультету, с учётом крайне низкого прилежания и неудовлетворительного поведения. Социальные связи «молодых университетских повес» были достаточно развитыми как внутри университетского сообщества, так и за его пределами, но это не могло служить гарантией устойчивости их статуса, тем более залогом восходящей социальной мобильности. Отличительной особенностью носителей этого габитуса было практически полное отсутствие развернутых жизненных стратегий. Создавалось впечатление, что они живут исключительно настоящим моментом и не допускают возможности наступления перемен.

Следует отметить склонность носителей габитуса «молодой университетский повеса» к весьма нездоровому образу жизни. Те из них, которые обучались в коллежах Парижского университета в начале XVI в. уже в шестнадцать лет оказывались завсегдатаями питейных заведений Латинского квартала и улицы Глатиньи. Бичом «молодых университетских повес» были азартные игры, имевшие самые катастрофические последствия для их наличных финансовых средств. Возможно, в перечисленных обстоятельствах следует видеть фактор снижения эффективности функционирования системы университетского образования, тем более если учесть массовость этой группы представителей университетского сообщества Франции.

Габитусный ряд испанского университетского сообщества конца XVI – первой половины XVII вв. включал, в частности, и тот социально-антропологический образ, который определялся следующими чертами: похоронное выражение лица, демонстративное желание выглядеть и слыть интеллектуалом, постоянные жалобы на слабость памяти и приступы меланхолии, вечное недовольство собой и окружающим, нежелание владеть собой¹⁹³. Устойчивость названного набора черт обуславливалась общественными ожиданиями форм и характера внешних проявлений носителя университетских образованности, образа жизни и образа действия.

Габитус представителей испанского лиценциатства конца XVI – начала XVII вв., связавших свою профессиональную деятельность с католической церковью в качестве приходских священников, определялся следующими чертами: «глаза живые, рыскающие словно

блех высматривают; кулачищи – бронза коринфская», «туг на ухо», «руки – фертом; пальцы – граблями; по жалостному голосу судя, не то кается, не то плоть умерщвляет; голову набок склонил, словно добрый стрелок, что в сердце мишени, в самое белое целится (особливо если это белое сеговийского или мексиканского происхождения)», «взгляд вперен в землю, как у скупца, что чаёт там затерявшийся грошик найти; мысли устремлены горе; лицо в морщинах и бледное; к мессам склонности не питает, но зато к мясу – превеликую; прославленный заклинатель бесов, чуть ли не одними духами своё брненное тело и поддерживающий; знает толк в заговорах и, осеня кого-нибудь крестным знаменем, кладёт кресты побольше тех, что несут на своём горбу несчастливые в браке», «рассказывает, какие ему были откровения, и если кто-нибудь по неосмотрительности ему поверит, начинает распространяться о том, какие он творит чудеса, так что тошно становится его слушать»¹⁹⁴.

Яркими чертами внешнего облика испанских университетариев-медиков конца XVI – первой половины XVII вв., особенно практикующих врачебную профессию, предписанными соответствующим габитусом выступают: длинная борода, гладкая и блестящая кожа лица¹⁹⁵. Отсутствие этих черт могло самым ощутимым образом отразиться на объёме материального вознаграждения за оказанные медицинские услуги.

Социально-антропологический образ испанских правоведов с университетским образованием в конце XVI – первой половине XVII вв. содержал следующие черты: обладание пышной бородой и усами; громкий, хорошо поставленный голос; речь, сопровождаемую выразительной жестикуляцией, словоохотливость¹⁹⁶. Помимо перечисленных черт, габитус испанского университетария-юриста предписывал ряд черт морально-психологического характера, без которых профильная профессиональная деятельность могла оказаться

¹⁹³ Кеведо Ф. Мир изнутри // Избранное. – Л., 1980. – С. 320.

¹⁹⁴ Кеведо Ф. Бесноватый альгуасил // Избранное. – Л., 1980. – С. 253.

¹⁹⁵ Кеведо Ф. Книга обо всём и ещё о многом другом, составленная учёным и многосведущим во всех предметах единственным в своём роде наставником Мальсавидильо, написанная дабы удовлетворить любопытство прониры, дать пищу болтунам и потешить старушонок // Избранное. – Л., 1980. – С. 400.

¹⁹⁶ Кеведо Ф. Час воздаяния, или разумная Фортуна // Избранное. – Л., 1980. – С. 431.

весьма и весьма малопродуктивной. Речь идет о профессиональной беспристрастности и внешней невозмутимости практикующего испанского юриста рассматриваемого времени.

Внешней отличительной чертой профессоров факультета свободных искусств Пражского университета начала XVII в. выступала горделивая, степенная походка, сообщавшая их облику важность и авторитетность. Студенты же, благодаря этому, видели в их облике сходство с образом «царствующего» в курятнике петуха. Сатира здесь заключалась не только во внешнем сходстве, но также и в том, что неразумная, но распутная птица была гораздо свободнее университетского профессора в удовлетворении своих естественных потребностей.

Особую группу среди пражского студенчества начала XVII в. составляли выходцы из Словакии, выделявшиеся в немалой степени своим социально-антропологическим обликом, имевшим известную этнокультурную обусловленность. Выходцы, как считалось тогда, из менее просвещенной, Словакии были весьма чувствительны ко всякому возможному сравнению с чехами. Словаки из среды пражского университетского сообщества не гнушались воспользоваться любым средством, лишь бы не выглядеть социальными аутсайдерами на фоне университетчиков других национальностей. Бывали случаи, когда студенты-словаки, исчерпав все допустимые и одобряемые университетским сообществом возможности достижения успеха в жизни, прибегали к весьма сомнительным средствам восходящей социальной мобильности. Избранный ими путь, обычно, начинался с того, что они становились неформальными лидерами студенчества, авторитет которых основывался на таких ресурсах, как физическая сила, превосходство в возрасте, хитрость и алчность, комбинаторский склад ума, контактность богатый личный опыт девиации.

Социально-антропологический облик подобных представителей пражского студенчества может быть назван «студенческим авторитетом». Носители данного габитуса в начале XVII в. отличались следующими чертами: плотным, крупным телосложением, говорящим о значительной физической силе, но в то же время и о неводержанности в еде и питье, отчего тело их было отягощено

жировыми отложениями, а кожа лица несла на себе отпечаток частых и обильных возлияний. Но, всё же носителей этого габитуса нельзя было назвать толстяками. Лицо их было бесстрастным и удачно скрывало настроение и эмоции. Взгляд у них был лукавым, вообще, глаза, часто совершенно не большие по размеру, являлись едва ли не единственным «живым» местом на бесстрастно-отстранённом лице. Некоторая пухлость, свойственная носителям данного габитуса, проявляла себя и в форме пальцев рук, походивших на сосиски. Всё это дополнялось обильной растительностью на лице, груди, ногах и руках.

Внешний облик носителей габитуса «студенческий авторитет» отличался крайней неопрятностью. В одежде предпочтение отдавалось просторности и удобству, в жертву которым приносились эстетизм и гигиеничность. Однако причёска и форма бороды говорили о том, что их обладатель не чужд последним веяниям щёгольской моды. В начале второго десятилетия XVII в. обязательной принадлежностью носителей габитуса «студенческий авторитет» выступали спадающий на лоб чуб и козлиная бородка (возможно влияние испанской моды).

С психологической точки зрения, носители габитуса «студенческий авторитет» сочетали в себе два противоположных начала. С одной стороны, они обладали пламенным темпераментом и азартностью, но с другой стороны, могли концентрироваться на достижении поставленной цели и методично двигаться к ней, не проявляя внешне никаких эмоций. Подобное сочетание делало из них великолепных игроков в карты и опасных врагов, когда им представлялся случай поквитаться за прошлые обиды. Неустойчивость их психологического склада делала их весьма уязвимыми в отношении манипуляций. С отменой безбрачия магистров Пражского университета, носители данного габитуса часто оказывались послушными орудиями в руках своих амбициозных жён.

Отдельного внимания заслуживает социальное пространство, служившее местом пребывания основной массы университетского сообщества Европы XVI – конца XVIII вв. Нет нужды останавливаться на том, что формирование особого университетского социального пространства берёт начало ещё в средневековье. В

Париже формальное начало юридическому закреплению особых прав университетского сообщества на занимаемую им территорию, своё жизненное пространство было положено в 1358 г. дофином Карлом, будущим королём Франции Карлом V Мудрым (1364-1380), разрешившим магистрам и школярам факультета свободных искусств закрыть для посторонних свободный доступ на улицу Соломы, где располагались школы этого факультета¹⁹⁷. Таким образом, в рассматриваемый нами период можно говорить об университетском территориальном пространстве не столько как о метафоре, сколько как о юридическом понятии. С точки зрения И.П. Кулаковой, под университетским пространством понимается та городская среда, в которой проходили «работа, учеба, быт, вся повседневность университетской публики, определявшаяся связями с Университетом и его подразделениями», а также сфера «одновременно протекающих материальных и интеллектуальных процессов»¹⁹⁸. С одной оговоркой, заключающейся в том, что исключительная укоренённость университетской организации в городе не является абсолютным, безусловным правилом и потому подобное утверждение требует дополнительных доказательств применительно к каждому конкретному университету, тем не менее определение, предложенное И.П. Кулаковой, представляется возможным принять и использовать.

В старых университетских центрах социальное пространство универсантов приобретало форму так называемого «латинского квартала». В рассматриваемый период, особенно на его начальной стадии, латинский квартал выступал в качестве едва ли не доминирующей формы организации социального пространства университетского сообщества в странах Европы. В континентальной Европе в XVI в. появляются города, специально созданные в качестве университетских. Примером подобного градостроительства служит Алькала-де-Энарес в Испании, так как этот небольшой город к востоку от Мадрида был заложен в XVI в. с целевым назначением

¹⁹⁷ Разрешение дофина Карла закрыть улицу Соломы (1358) // Документы по истории университетов Европы XII-XV вв. – Воронеж, 1973. – С. 142-143.

¹⁹⁸ Кулакова И. У истоков высшей школы: Московский университет в XVIII веке // Отечественные записки. – 2002. - № 2. (26 июля 2002 г.) - <http://magazines.russ.ru/oz/2002/2/kulak.html> .

университетского города¹⁹⁹. Собственно говоря, когда речь идёт об эволюции форм организации социального пространства университетского сообщества Европы XVI – конца XVIII вв., в глаза бросается явное разрастание границ традиционной формальной организации, в результате чего университетские города, в первом приближении, приобретают вид «разбухших» латинских кварталов старых университетских центров.

Классическим примером образцового университетского пространства заслужено считается Латинский квартал Парижа, в коллегиях, школах и монастырях которого селились и работали студенты, школяры, преподаватели, торговцы книгами, переплётчики, иллюстраторы, писцы, печатники и др. Данное социо-профессиональное пространственное объединение продемонстрировало поразительную устойчивость и жизнеспособность. На планах Парижа 1572²⁰⁰, 1575²⁰¹ и 1615²⁰² гг. можно видеть занимаемое Университетом левобережье Сены в центральной части города. На плане

Брауна (1572) Университетский квартал представляет собой органическую часть города, внешняя граница которой совпадает с линией городской стены²⁰³. План Бельфора (1575) демонстрирует примерно ту же картину, но Париж уже организует пространство вокруг Университета путём распространения городской инфраструктуры на предместья, примыкающие к Университетскому кварталу²⁰⁴. На плане Мериана (1615) Университетский квартал хотя всё ещё и сохраняет характер обособленного района, но уже со всех сторон окружён Парижем. В «Словаре Истории Города Парижа и Окрестностей», изданном в 1779 г., помещён план, на котором видны

¹⁹⁹ Алькала-де-Энарес. Испания (29 июля 2002 г.). - <http://www.unesco.ru/heritage/Objects/876.htm> .

²⁰⁰ The Map by Braun - 1572 (29 июля 2002 г.). - <http://www.paris.org/Maps/Map1/map1.e.html> .

²⁰¹ The Map by Belleforest - 1572 (29 июля 2002 г.). - <http://www.paris.org/Maps/Map2/map2.e.html> .

²⁰² The Map by Merian - 1615 (29 июля 2002 г.). - <http://www.paris.org/Maps/Map5/map5.e.html> .

²⁰³ The Map by Braun - 1572 (29 июля 2002 г.). - <http://www.paris.org/Maps/Map1/map1.e.html> .

²⁰⁴ The Map by Belleforest - 1572 (29 июля 2002 г.). - <http://www.paris.org/Maps/Map2/map2.e.html> .

последствия поглощения городом Университетского квартала²⁰⁵. На плане из «Словаря...» можно видеть только слабую тень бывшего Университетского квартала. После разрушения старой городской стены граница между Университетом и городом стала исключительно символическим явлением. Мембрана между городом и университетским пространством в Париже перестала существовать. В разрушении парижского центра университетской корпоративности, без преувеличения, следует видеть пролог драмы университетов Франции «старого порядка» разыгравшейся в первые дни Революции.

Опираясь на имеющиеся в литературе описания Латинского квартала Парижа и сообщения социально топографического характера, содержащиеся в сочинениях первой трети XVII в., представляется возможным воспроизвести стереотипическую модель социального пространства университетского сообщества с учётом изменений при переходе от латинского квартала к университетскому городу. Наилучшим, с нашей точки зрения, способом сделать это выступает рассмотрение реконструируемой модели с особой точки зрения, предполагающей своего рода взгляд «с высоты птичьего полёта».

Социальное пространство локального университетского сообщества XVI-XVII вв. представляло собой отдельную, обособленную и, желательнo, достаточно обширную часть города. В Париже Университет занимал левый берег Сены, которая служила одновременно и естественной преградой, отделявшей его от двух других частей города. Обязательной принадлежностью университетского квартала являлись ворота. В Париже на рубеже XV-XVI вв. Университет имел шесть ворот, построенных ещё при короле Филиппе-Августе, принимавшем активное участие в становлении Парижской *Alma mater*. Речь идёт о воротах: Сен-Виктор, Борделль, Папских, Сен-Жак, Сен-Мишель и Сен-Жермен. Следует отметить, что это были самые настоящие ворота по числу и крепости не уступавшие аналогичным фортификационным сооружениям расположившегося на правом берегу реки Города. Ворота Университета должны были быть не очень широкими, но хорошо

²⁰⁵ Dictionary of the History of the City of Paris and its Surroundings – 1779 (29 июля 2002 г.). - <http://www.paris.org/Maps/Map4/map4.e.html> .

охраняемыми. Пройти сквозь ворота Университетского квартала можно было лишь доложив о себе и испросив пропуск²⁰⁶. От внешнего мира Университет отгораживала самая настоящая стена, которая, помимо всего прочего, наряду с воротами имела не маловажное значение в фортификационном отношении, что делало Парижский университет влиятельной территориальной общиной, от позиции и благосостояния которой зависела обороноспособность всего Парижа. Стены с воротами могли отделять университетское пространство и от остального города, при условии, если не имелось какой-либо естественной преграды.

Воротами другого плана служили Университету мосты. В Париже Университет с островом Сите соединяли два моста: каменный Малый мост и деревянный Сен-Мишель. Эти «речные ворота» Университета отчётливо видны на плане Парижа Джорджа Брауна, отражающем облик города в конце 20-х гг. XVI в²⁰⁷.

Университетская сторона казалась сплошной глыбой. Из конца в конец это была однородная и плотная масса. Тысячи частых остроугольных, сросшихся, почти одинаковых по форме кровель казались с высоты кристаллами одного и того же вещества. Прихотливо извивавшийся ров улиц разрезал на почти пропорциональные ломти этот пирог домов. Коллежи Университетской стороны были расположены довольно равномерно и заметны были повсюду. Если на рубеже XV-XVI вв. их в Париже было только сорок два, то уже в первой половине XVII в. Университетская сторона, помимо Сорбонны, насчитывала шестьдесят коллежей²⁰⁸. Разнообразные и забавные коньки крыш всех этих прекрасных зданий были произведением того же самого искусства, что и скромные кровли, над которыми они возвышались; в сущности, они были не чем иным, как возведением в квадрат или куб той же геометрической фигуры. Итак, они лишь усложняли целое, не нарушая его единства; дополняли, не обременяя его. Над живописными чердаками (в Париже - прибрежной части)

²⁰⁶ Коменский Я.А. Лабиринт света и рай сердца // Сочинения. – М., 1997. – С. 39.

²⁰⁷ The Map by Braun – 1572 (29 июля 2002 г.). - <http://www.paris.org/Maps/Map1/map1.e.html> .

²⁰⁸ Мань Э. Повседневная жизнь в эпоху Людовика XIII. – СПб.: Издательская группа «Евразия», 2002. – С. 15.

Университетского квартала то тут, то там величественно выступало несколько величественных особняков и подворий, принадлежавших монашеским орденам и территориальным университетским корпоративным объединениям выходцев из различных городов и областей не только данной страны, но и всей Европы. Органической частью Латинского квартала являлись монастыри, среди которых частым явлением были весьма крупные – аббатства. На Университетской стороне в Париже располагались аббатства Бернардинцев, Августинцев, Кордельеров, а также монастыри Св. Женевиевы и др.

Обязательным компонентом социального пространства университетского сообщества в Европе XVI-XVII вв. были бани. Парижский Университетский квартал мог похвастаться весьма древними банными сооружениями – термами Юлиана. Другим аксессуаром университетского пространства выступали места хранения и пользования книг. В Университетском квартале присутствовали библиотеки и читальни. Предполагалось, что библиотеки и читальные залы должны быть весьма обширными и просторными, но реальные условия не всегда позволяли сделать это. Главным препятствием в этом служила ограниченность территориального расширения университетского пространства, замкнутого со всех сторон городской инфраструктурой, или жёско регламентированного старыми городскими оборонительными сооружениями. Бани и библиотеки бесспорно служили местами внутрикорпоративной коммуникации.

В ряду монументальных зданий Университетского квартала коллежи, являющиеся, собственно говоря, соединительным звеном между монастырём и миром, по суровости, исполненной изящества, по скульптуре, менее воздушной, чем у дворцов, и архитектуре, менее строгой, чем у монастырей, занимали среднее место между особняками и аббатствами.

Особое место в университетском пространстве занимали церкви, господствовавшие над кварталом. Подобное положение вещей выглядит весьма символичным не только как напоминание о присутствии в Университете церковного начала, но и как свидетельство проявления в территориальном центре университетской

корпоративности норм, свойственных другим социальным пространствам Европы того времени, в том числе, городского, где общественная жизнь концентрировалась вокруг местных церковных учреждений.

В старых университетских центрах, где университеты возникли значительно позже самого города, в процессе развития *Alma mater* академическое сообщество осваивало пространственную периферию, т.е. те участки земли, которые город нашёл для себя малопривлекательными. Поэтому Университетский квартал мог отличаться холмистым ландшафтом. В Париже главную возвышенность Университетской стороны – холм Св. Женьевьевы, вздувавшийся как огромный пузырь, покрывало множество узких и извилистых улиц, скопления домов, разбросанных по всем направлениям на его вершине и в беспорядке, почти отвесно устремляющихся по его склонам к реке. Холмистость географической среды социального пространства университетских сообществ Европы, судя по всему, выработала со временем специфическую традицию, заключающуюся в предпочтении холмистых местностей для размещения Университетских городков, нашедшую воплощение в обустройстве университетского пространства в Североамериканских колониях, а позднее – в США.

Важной характеристикой социального пространства университетских сообществ Европы XVI-XVII вв. выступает значительная густо населенность Университетского квартала. С поправкой на специфику занятий и происхождения обитателей Латинского квартала Парижа, к нему могут быть отнесены заключения, касающиеся смежного с ним центрального района города – острова Сите, количество населения которого не поддаётся точному определению²⁰⁹. Таким образом, отсутствие точной информации и численности населения Университетских кварталов и городков на фоне их густонаселённости, подводит к мысли о перенаселённости университетских городских ареалов, что, при всей парадоксальности, не противоречит тенденции к сокращению студенческого

²⁰⁹ Уваров П.Ю. Города средневековой Франции // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. - Т. 1. Феномен средневекового урбанизма. – М., 1999. – С. 68.

контингента, т.к. университетское сообщество не ограничивается студенчеством, что позволяло ему не только поддерживать свою численность на достаточно высоком уровне, но и увеличивать её.

Университетское пространство, центры университетской корпоративности играли значительную роль и в политической сфере, выступая своего рода базисом для политических и управленческих практик академической администрации в лице ректора, канцлера и сената (совета), являлись ценным ресурсом для проведения разнообразных акций как внутрикорпоративного плана, так и интегрированных в процесс коммуникации с внешними властями. В судебной системе Парижа суд ректора университета стоял на одном уровне с судом парижского прево в Шатле, а всё различие заключалось в территориальных границах юрисдикции. Пока территория Университета защищалась судебным иммунитетом корпоративной администрации, городская судебная бюрократия была практически бессильна по отношению к универсамтам. Юридически закреплённое и освящённое традицией социальное пространство университетских сообществ Европы XVI-XVII вв. было своего рода внешней оболочкой, призванной, с одной стороны, служить защите корпоративной жизни, а с другой стороны, обеспечивать полноценную интеграцию университетского сообщества в окружающий социокультурный универсум.

С развитием строительства специализированных зданий, максимально приближенных к потребностям университетского образования, происходит изменение представлений о социальном пространстве университетского сообщества. Университет-квартал постепенно превращается в университет-здание. Естественно, что подобная трансформация сопровождалась изменениями социальной природы организаций университетского образования и социальной самоидентификации членов университетского сообщества. Университет как автономная корпорация уступал место университету, понимаемому как учреждение.

В плане изменения университетского социального пространства речь следует вести о высокой степени расплывлённости очагов университетской корпоративности внутри соответствующей городской среды. В Праге начала второго десятилетия XVII в. очагами

университетской корпоративности, а следовательно, микроареалами университетского социального пространства выступали университетские коллегии, имевшие в своём распоряжении небольшой комплекс зданий, создававших в известной мере эффект обособленности от внешнего мира.

Таким образом, эволюция университетского социального пространства в Европе XVI – конца XVIII вв. определялась такими тенденциями, как расширение квартальной формы и становление на её основе университетских-микрорайонов, с одной стороны, и распылением обособленных очагов университетской корпоративности в пространстве городских центров, с другой. Надо признать, что названные тенденции не только не входили в противоречие, но, напротив, переплетаясь, дополняли и поддерживали друг друга. Кроме того, сочетание этих тенденций положительно сказывалось на углублении и расширении социальной интеграции университетского образования.

В типологическом плане к системе социальных отношений, действовавшей в рамках европейского университетского сообщества XVI-XVIII вв., вполне применимы теоретические положения о флуктуациях общественных отношений в Европе рассматриваемого периода, сформулированные П.А. Сорокиным. Согласно этим положениям, эволюция университетского сообщества Европы XVI-XVIII вв. связана с прохождением трёх этапов флуктуации, на каждом из которых изменялось содержание системы социальных отношений в данном сообществе в формальном и типологическом планах. Проследив содержание флуктуаций на протяжении трёх названных этапов, охватывающих в совокупности – XIV – начало XX в., представляется возможность наглядно представить себе траекторию развития университетского сообщества Европы, изменения его внутреннего устройства и внешнего облика.

В XIV-XVI вв. в системе социальных отношений университетского сообщества Европы (особенно во Франции и Германии), на фоне смешения трёх основных форм социального взаимодействия – семейственной, принудительной и договорной, происходит ослабление семейственных связей в пользу

принудительных и договорных (но в меньшей степени)²¹⁰. Ослабление и упадок семейственных отношений приводили к дезинтеграции, расстройству и, в крайних случаях, разрушению всей системы социальных связей внутри университетского сообщества. Следствием этого стало нарастание беспорядков как внутри сообщества, так и на его границах. Примером явлений подобного рода служит серия выступлений студенчества Тулузского университета в первой половине XVI в.²¹¹.

Период с XVI по вторую половину XVIII вв. в истории университетского сообщества Европы особенно сложен и противоречив в рассматриваемом отношении, полон самых причудливых кратковременных потрясений абсолютно противоположного свойства. Главная его особенность заключалась в значительном увеличении принудительных отношений за счёт семейственных и частично даже договорных форм отношений, характерных для предыдущего периода. Другая особенность этого времени состоит в укреплении договорными отношениями своих позиций в рамках университетского сообщества, происходившем за счёт отношений, построенных на семейственных принципах²¹². Неудивительно, что в наиболее законченном виде названные тенденции проявили себя среди французских университетариев. Данный период наполнен порой драматическими взаимоотношениями крепнущего абсолютизма и университетского сообщества. Находясь в фарватере социальной инженерии абсолютизма, университетское сообщество Европы, особенно во Франции, подвергалось внутренним трансформациям, приводившим, в свою очередь, к изменениям в системе социальных отношений, действовавшей в нём.

В период со второй половины XVIII до начала XX вв. принудительные отношения в европейском университетском сообществе стремительно идут на спад, а договорные резко

²¹⁰ Сорокин П. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. – СПб.: РХГИ, 2000. – С. 528.

²¹¹ Молдавская М.А. К вопросу о студенческих волнениях и борьбе гуманистической интеллигенции против феодально-католической реакции в Лангедоке первой половины XVI в. // Средневековый город. Вып. 4. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1978. – С. 166-168.

²¹² Сорокин П. Указ. соч. – С. 529.

возрастают и усиливаются²¹³. Подобная картина могла возникнуть только благодаря кризису абсолютизма, ударам по нему, нанесённым волнами революционного движения и целенаправленному воплощению в реальность идей и принципов гражданского общества, выкристаллизовавшихся в наследии эпохи Просвещения.

Отличительной чертой представителей университетского сообщества XVI – конца XVIII вв. выступает овладение специфическими навыками устной речи. Так как в конце XVI – первой половине XVII вв. устная коммуникация выступала наиболее доступной и распространённой формой общения в университетской среде, то риторические способности и знание языков, особенно греческого, расценивались как средство для достижения материального благополучия и социального влияния. Потеря же способности говорить или же утрата языковых навыков воспринимались как страшное бедствие²¹⁴.

На рубеже XVI-XVII вв. испанское лицензиатство всё более и более пауперизировалось, что не могло не казаться на его социально-антропологическом облике. Определённая часть испанских лиценциатов приобретала черты белого городского духовенства. Некоторое представление о моральных и человеческих качествах этих людей даёт возможность составить Франсиско де Кеведо-и-Вильегас. «Человек этот был из тех, кого Христос назвал гробами поваленными: снаружи – резьба и краска, а внутри тлен и черви. По внешнему виду его можно было решить, что это сама скромность, но в глубине души человек этот был распутник с весьма гибкой и покладистой совестью, а сказать напрямик – отъявленный лицемер, воплощённый обман, одушевлённая ложь и говорящий вымысел»²¹⁵. Принимая во внимание основной род занятий лиценциата Калабреса, душевные качества которого здесь описаны, совершенно очевидным становится ответ на вопрос о религиозности представителей его социально-профессиональной группы. В свете приведённых сведений её следует характеризовать как весьма поверхностную и функциональную. Религиозность такого вида и уровня предполагала в качестве

²¹³ Там же. – С. 533.

²¹⁴ Кеведо Ф. Сон о преисподней // Избранное. – Л., 1980. – С. 311.

²¹⁵ Кеведо Ф. Бесноватый альгюасил // Избранное. – Л., 1980. – С. 253.

обыденного явления отношение к обязанностям священника как разновидности ремесленной практики, занятие которой сулит определённые материальные выгоды и ряд правовых льгот.

На рубеже XVI-XVII вв. испанские универсанты-католики в лице артистического лиценциатства демонстрируют любопытные стереотипы восприятия представителей протестантской общественности. Из массы видных протестантских деятелей их внимание привлекают именно представители университетского сообщества: Лютер, Меланхтон и Кальвин²¹⁶. В образе Лютера персонифицируются все качества злейшего врага христианства и христианского общества Европы, что позволяет испанскому католикам из среды артистического лиценциатства отводить ему достойное место в ряду с пророком Мухамедом и хриstopродавцем Иудой²¹⁷. Подобное соседство представляется весьма символичным, так как выступает развитием полемической традиции между христианством, иудаизмом и исламом, возникшей ещё в средневековье связи с необходимостью интеграции и интерпретации интеллектуальных и духовных достижений ближневосточных цивилизаций, с той только разницей, что появляется ещё один субъект диалога – протестантизм. Любопытно отметить, что применительно к образу духовного лидера протестантизма используется механизм позиционирования, отработанный ранее на восточных христианах, который после окончательного оформления раскола римской и греческой церковью формировал представление о противоположной стороне раскола как об иноверцах, носителях иной религии, а не как о представителях другой конфессии в рамках одной религии.

Данная характеристика религиозного сознания представителей университетского сообщества Испании рубежа XVI-XVII вв. свидетельствует о наличии в нем глубоко укоренившихся традиционных элементов. Кроме того, становится очевидным механизм освоения нового религиозного опыта, строящийся на переносе на новые явления стереотипов восприятия, сформировавшихся в предшествующую эпоху, но получивших в изменившихся условиях импульс к новой актуализации.

²¹⁶ Кеведо Ф. Сон о преисподней // Избранное. – Л., 1980. – С. 310-311.

²¹⁷ Кеведо Ф. Сон о Страшном суде // Избранное. – Л., 1980. – С. 244-245.

XVI – конец XVIII вв. ознаменовались значительными переменами в военной области, вызванными не только совершенствованием огнестрельного оружия, но и трансформацией всей военной организации европейских государств. На рассматриваемый период, точнее на первую половину XVII в., приходится радикальное изменение в характере войн в плане увеличения их массовости и разрушительности.

Названные перемены не могли не коснуться университетского сообщества Европы. Влияние войн на европейское университетское сообщество XVI-XVIII вв. проистекало по нескольким каналам и часто буквально противоположных направлениях. Среди каналов влияния можно назвать следующие направления: 1) через структурно-организационную разбалансированность системы университетского образования, вызванную чрезвычайными обстоятельствами войны, сменой социальных ориентиров и пристрастий, частичным или полным поражением юридически закреплённого и освящённого традицией статуса социальных групп, связанных с университетской организацией; 2) через подрыв традиционной системы ресурсообеспечения²¹⁸, в том числе и финансами; 3) путем диффузии между габитусными комплексами университетского сообщества и милитаристских социо-профессиональных групп.

Изменения в военной сфере обществ Европы, едва ли не в первую очередь, затронули представителей немецкого студенчества. В XVI – начале XVII вв. ухудшение экономической ситуации в немецких землях, имевшее причиной перемещение торговых путей, произошедшее под влиянием географических открытий, политическая нестабильность вынуждали многих студентов искать счастья в рядах наёмных войск²¹⁹. Становление наёмничества как открытой профессиональной ниши открыло перед немецким студенчеством возможность военной карьеры, не зависящей от сословной принадлежности и предшествующей профессиональной подготовки. Вообще представители университетского сообщества Германии

²¹⁸ Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. - Т. 1. Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. – М. – Л., 2001. – С. 66.

²¹⁹ Фукс Э. История нравов. – Смоленск: Русич, 2002. – С. 104.

занимали достойное место в контингенте своих земляков, пополнявших армии большинства европейских держав.

Едва ли не самые значительные потрясения университетское сообщество переживает во время Тридцатилетней войны 1618-1648 гг. Даже в относительно мирной Испании, которая в 1621 г. возобновила войну с Голландией, лицензиат искусств Франсиско Кеведо писал: «С войною приходит конец... ханжеству докторов и унимаются пролазы лисенсиаты»²²⁰. Слова эти звучат запоздалым предостережением собратям по университетскому сообществу со стороны весьма искушённого в политике коллеги. Эта мысль позволяет понять, что для испанских университетчиков первой половины XVII в., с одной стороны, были очевидны те последствия, которые может иметь для них очередная война, но, с другой стороны, бросается в глаза игнорирование ими угроз, которыми чревата для них уже бушующая в Европе Тридцатилетняя война, так как Кеведо характеризует начало 20-х гг. XVII в. как время всеобщего мира²²¹. Таким образом, напрашивается вывод о том, что университетское сообщество Испании (особенное его наименее обеспеченные, но наиболее многочисленные слои и группы) первой четверти XVII в. воспринимало войну как явление, чреватое для себя многими потрясениями и лишениями, но локальные внешние войны не затрагивают его интересов, а большая общеевропейская война в это время ещё не коснулась его жизненного пространства. Налицо ожидание того, что война будет оказывать влияние на университетское сообщество по двум первым из перечисленных выше каналов. Качественная оценка влияний размыта. Это наводит на мысль о распространённости среди испанских университетчиков надежды использовать сумятицу военного времени для кардинального улучшения своего социального положения и материального достатка.

Войны рассматриваемого периода были далеко не единственной причиной, вызывавшей расшатывание устоявшейся социальной структуры европейских обществ. Иерархически устроенное общество, придя в состояния взрывообразного расширения, практически утратило возможности для унификации разноуровневых структур

²²⁰ Кеведо Ф. Сон о смерти // Избранное. – Л., 1980. – С. 358.

²²¹ Там же.

социальной организации, результатом чего стало, с одной стороны, размывание сословных границ и статуса старых аристократических групп и, с другой стороны, формирование множества альтернативных квазиэлитарных групп. В итоге высшие слои университетского сообщества Испании конца XVI – первой половины XVII вв. получили возможность приблизить свой сословный статус к уровню феодальной аристократии, что нашло отражение в системе социального этикета²²². Университетская образованность делала обладателями аристократической приставки к имени «дон» не только юристов и богословов, но даже и рядовых священников. В то же время университетские медики избегали подобной аристократизации, что расценивалось как демонстративная приверженность к буржуазным ценностям, в свете которых их профессиональные навыки и наука рассматривались только как источник материальной наживы, обеспечивающей им соответствующий социальный статус и без каких бы то ни было словесных украшений.

Несмотря на широко известный академический интернационализм, локальные университетские сообщества отличались весьма настороженным отношением к преподавателям-«варягам». Нередко приглашённым преподавателям, приходилось испытывать на себе весьма настороженное, а порой даже враждебное отношение со стороны регентов-«старожилов». В начале второго десятилетия XVII в. преподаватели Пражского университета чурались и по возможности избегали контактов с тремя новыми профессорами: медиком Губерусом, юристом Судетусом и специалистом по древнееврейскому языку Каменкой. Магистра Альберта Каменку недолюбливали ещё и в связи с его иудейским происхождением.

В XVI-XVIII вв. происходило постепенное расширение границ университетского сообщества и обогащение его внутреннего содержания путём интеграции в него иноверцев, инородцев и женщин.

Ренессансными веяниями в жизни университетского сообщества Европы XVI-XVIII вв. обусловлено изменение места и роли женщины в нём. В начале второго десятилетия XVII в. в Пражском университете женщин ещё не было в рядах студентов либо регентов, но они уже

²²² Кеведо Ф. Сон о смерти // Избранное. – Л., 1980. – С. 348.

вплотную приблизились к его границам. Речь в первую очередь идёт об образованных дочерях университетских магистров, получивших свою учёность в домашних условиях. Особенно в этом преуспевали дочери магистров иудейского происхождения. В Праге того времени доступ к публичному преподаванию всё ещё оставался для них закрыт, но это не мешало им выступать в качестве научных консультантов для студентов во время автодидаскальных штудий либо «интеллектуального негра» на экзаменационных испытаниях. Однако столь активное участие образованных женщин в закулисной жизни университетского сообщества Праги вовсе не приводило их к особому общественному признанию. Напротив, ученые профессорские дочери воспринимались в околоуниверситетской среде как несчастные, а порой даже полоумные девицы.

Весьма распространённым явлением в жизни университетского сообщества Европы XVI-XVIII вв. выступала критика профессиональных и человеческих качеств представителей университетского сообщества. Критика эта была как внутренней, рожденной в недрах самого сообщества, так и внешней, возникавшей в околоуниверситетских кругах, а, порой, даже в более широком социальном окружении.

В начале второго десятилетия XVII в. профессора Пражского университета часто подвергались нападкам со стороны нигилистически настроенных представителей студенчества. Чаще всего подвергались сомнению интеллектуальные способности и научная компетенция регентов. На втором месте стояло недовольство человеческими качествами профессоров, которых, не без основания, подозревали скупости и педантизме. Вообще, обвинение в педантизме было излюбленным позорным клеймом, использовавшимся студентами в борьбе с регентами и администрацией университета.

Магистры в долгу не оставались и отвечали тем, что утверждали будто бы у многих студентов в мыслях и поступках всё абсолютно шиворот-навыворот. Многие из современных студентов, по мнению магистров, видимо, и на кровать ложились головой туда, куда обычно кладут ноги. Студенческая сатира представлялась регентам излишне холодной и негуманной.

Контуры университетского сообщества колоний, особенности его формирования и функционирования обуславливались не только уровнем развития системы университетского образования в самих колониях, но и в метрополиях, а также состоянием взаимоотношений между европейским университетским сообществом и его заокеанским подразделением.

Несмотря на сатирический пафос в «Истории Нью-Йорка», принадлежащей перу американского писателя В. Ирвинга, содержится великолепный материал, позволяющий составить представление о том, как виделись новонидерландские университетчики первой половины XVII в. своим землякам, жившим на рубеже XVIII-XIX вв. Следует отметить, что запечатлённый Ирвингом литературный образ второго губернатора провинции Новые Нидерланды Вильгельма Кифта, прозванного Упрямым, правившего в Новом Амстердаме в 1634-1647 гг., подтверждает тезис о том, что контуры университетского сообщества колоний, особенности его формирования и функционирования обуславливались уровнем развития системы университетского образования в метрополиях и состоянием взаимоотношений между европейским университетским сообществом и его заокеанским анклавом.

Опираясь на данные «Истории Нью-Йорка», можно составить небольшой социокультурный портрет голландо-американского университетчика первой половины XVII в. В первую очередь, необходимо отметить, что новонидерландские университетчики по происхождению были связаны с Голландскими *Alma mater's*, академиями и городскими «прославленными школами». Наличие такой близости позволяло, с одной стороны, университетчикам из колоний обеспечивать себе соответствующий социальный статус путём привлечения ресурса традиций метрополии, а университетскому сообществу метрополии получать дополнительный полигон для приложения сил и умений своих наиболее активных и маложеланных представителей, с другой стороны. Надо признать, что в Голландии представители университетского сообщества в XVI-XVII вв. пользовались множеством привилегий, а академический бомонд – факультетские преподаватели и профессора пользовались высоким

моральным авторитетом в государственных инстанциях²²³. Таким образом, со всей очевидностью перед обладателями университетского образования Голландии и её заокеанских провинций открывались перспективы политической и административной карьеры, но они не были им гарантированы в силу ряда веских причин.

Во-первых, политико-административное поле профессиональной деятельности привлекало по большей части тех из университетчиков, которые обладали известной учёностью (квалификацией) или степенями в области «семи свободных искусств»²²⁴, т.е. принадлежали к наиболее массовому слою университетского сообщества, в результате чего имела место достаточно жёсткая конкуренция.

Во-вторых, артистическое образование в XVI-XVIII вв. представляло собой наименее упорядоченный раздел университетской подготовки, в котором на фоне новейших филологических и ориенталистских штудий присутствовал объёмный пласт архаичной гуманитарной образованности, включавшей разнообразные сведения и навыки из области латинского и греческого языков, логики и метафизики, риторики и античной истории²²⁵. Надо признать, что к политико-административной карьере тяготели обладатели именно этого бесценного багажа.

В-третьих, в погоне за успехом университетски-артисты из заокеанских провинций Голландии приносили в жертву продолжительность времени обучения и, как следствие, систематический характер получаемой образованности, предопределявшие их ущербность на фоне коллег, получивших более добротное образование.

Архаичность содержания полученного образования, отсутствие в нём стройной системы, кратковременность пребывания в среде университетского сообщества метрополии, приводившая к поверхностному усвоению принятых в нём стереотипов поведения, мышления и профессиональной деятельности накладывали глубокий отпечаток на облик и все проявления университетчиков-артистов

²²³ Зюмтор П. Повседневная жизнь Голландии во времена Рембрандта. – М.: Мол. гвардия, 2000. – С. 148.

²²⁴ Ирвинг В. История Нью-Йорка. – М., 1968. – С. 109.

голландкой Америки первой половины XVII в., формируя тем самым специфический облик значительной части целого поколения представителей университетского сообщества, которое, сыграв свою роль, было вытеснено следующим, формировавшимся в иных условиях и под воздействием других социокультурных установок.

Однако следует оговориться относительно того места, которое занимают произведённые реконструкции в ряду других характеристики университетского сообществ и колоний первой половины XVII в. Сформулированные характеристики неразрывно связаны исключительно с определённой частью того поколения представителей университетского сообщества Голландии, период наивысшей социальной активности которого приходился на первую половину XVII в. Деятельность названной группы университетчиков происходила в заокеанской провинции Новая Голландия, т.е. в достаточно узких географических рамках. Кроме того, внутрикорпоративное положение представителей этой группы обеспечивалось наличием у них конкретного объёма символического капитала²²⁶ в виде соответствующей учености и приобретённой квалификации в области свободных искусств. Таким образом, рассмотренные черты определяют особенности социокультурного облика определённой группы университетчиков, действовавших в цивилизационном пространстве Голландии и её американских колоний, ограниченной как во временном и географическом, так и в корпоративно-статусном отношениях. Тем не менее, несмотря на известную частность выделенных характеристик, абсолютно невозможно игнорировать их в процессе исследования университетского сообщества Европы XVI – конца XVIII вв.

Изучение групп университетского сообщества, обладающих особой спецификой, в конечном итоге приводит к многомерности и полифоничности производимых макрореконструкций, что позволяет

²²⁵ Там же. – С. 109-110.

²²⁶ Бурдьё П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. - М.: Институт экспериментальной социологии, - СПб.: Алетейя, 1999. - С. 125-166. (18 апреля 2002 г.) - <http://bourdieu.narod.ru/bourdieu/PBetat.htm>, в интерпретации понятия в ключе: Бурдьё П. Поле науки. (18 апреля 2002 г.) - http://bourdieu.narod.ru/bourdieu/PB_champ_scientifique.htm.

использовать творческий потенциал хаотического начала при воссоздании динамической картины прошлого европейского университетского сообщества и анализе её узловых деталей.

Дальнейшее углубление исследования особенностей университетского сообщества Европы XVI – конца XVIII вв. подразумевает обращение к повседневной жизни университетского сообщества. Университетская повседневность, рассмотренная сквозь призму человеческого измерения европейской системы университетского образования и с учётом принципов её структурной организации, открывает новые горизонты изучения академического сообщества. Таким образом, на повестку дня становится исследование повседневной жизни университетского сообщества Европы XVI – конца XVIII вв., системный подход к которому, позволяет оттенить эволюционный и структурный аспекты проблемы и сконцентрировать внимание на трансформации структур повседневности европейского университетского сообщества рассматриваемого периода.

2.3 Трансформация структур повседневности университетского сообщества Европы XVI – конца XVIII веков

Система университетского образования в силу своей социокультурной природы не может быть сведена к совокупности абстрактных институтов, организаций, норм, практик и схем, напротив, у рассматриваемой системы имеются и антропологическое, и бытовое измерения. Названные измерения задают специфическую грань – сферу повседневной жизни, на которой наше внимание будет сосредоточено в настоящем разделе.

Главными смыслообразующими факторами исследования трансформации структур повседневности европейского университетского сообщества на заре нового времени выступают два обстоятельства принципиальной важности. Первое из них заключается в интеграции так называемых «параисторических сюжетов»²²⁷ в европейскую университетскую историографию. Здесь возникает значительная сложность, связанная с переносом понятий из

²²⁷ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. – Т. 1. – М.: Прогресс, 1986. – С. 36.

области широкоформатных исследований общеисторического характера в сферу более частных и узких реконструкций. В данном случае налицо терминологический конфликт между различными уровнями реконструкций исторической действительности.

Для широкомасштабных исследований наиболее удачным и продуктивным является определение «структур повседневности», предложенное Ф. Бродемом, согласно которому это понятие «объемлет всё то, из чего складывается собственно, жизнь человека: её условия, трудовую деятельность, потребности (жилище, питание, одежда и т.д.) и возможности их удовлетворения, технику и технологии, самого человека как существо биологическое. Но это также и весь спектр соответствующих человеческих взаимоотношений, поступков, действий, желаний, надежд, идеалов, ценностных ориентаций и правил, регулирующих и также определяющих в ту или иную эпоху «возможное и невозможное» в поведении человека, его индивидуальной и коллективной практике, формах коммуникации, общения»²²⁸. Сильной стороной данного определения понятия «структуры повседневности» выступает то, что оно хотя и с некоторыми оговорками, но всё же работает применительно к истории университетского сообщества.

Изучение повседневной жизни университетского сообщества Европы XVI-XVIII вв. отличается принципиальной спецификой по сравнению с исследованиями отдельных обществ, взятых в границах конкретных исторических эпох. Названная специфика обусловлена рядом причин. В первую очередь следует отметить, что университетское сообщество, насколько бы автономным оно ни было, не может считаться самодостаточной, самодовлеющей социальной общностью. Кроме того, взаимоотношения между университетским сообществом и внешней социальной средой носили обоюдосторонний характер, отличались многоуровневостью и сложной структурой. К специфическим особенностям повседневной жизни европейского университетского сообщества следует отнести большое искушение характеризовать это сообщество как многочисленное (десятки и сотни тысяч для всей Европы в целом), строго организованное в

²²⁸ Ястребицкая А.Л. Средневековая культура и город в новой исторической науке. – М.: Интерпракс, 1995. – С. 344.

иерархическом порядке и, главное, компактное. Наиболее важной, на наш взгляд, особенностью повседневной жизни университетского социума выступает то, что она во всём многообразии своих форм и проявлений объединена общим смыслом, заключающимся в создании необходимых условий для культивирования практики образования высшего порядка, т.е. для выполнения культурной миссии университета.

Здесь необходимо уделить внимание необходимым дополнениям и разъяснениям, позволяющим адаптировать универсальное определение понятия «структуры повседневности» к особенностям европейского университетского сообщества XVI-XVIII вв. Дело в том, что структуры повседневности университетского сообщества оказываются неразрывно связаны с образовательными практиками, научными занятиями и воспитательными воздействиями. Деятельность университетчиков в процессе обучения носила глубоко индивидуализированный характер и осмысливалась как разновидность частной деятельности. Поэтому образовательную практику университетчиков вполне правомерно относить к области структур повседневности, тем более, что являясь их профессиональной деятельностью, в качестве таковой вписывается в универсальное определение структур повседневности.

Второе из названных ранее обстоятельств заключается в происходивших в XVI-XVIII вв. трансформациях во всех областях жизни европейского университетского сообщества, связанных со становлением капиталистических отношений и формированием основ буржуазного общественного устройства. Названные трансформации также затрагивали и сферу повседневной жизни университетского сообщества Европы. Острота происходивших изменений связана в первую очередь с тем, что они затрагивали ту сферу индивидуального существования отдельных корпорантов университетского сообщества, которую можно обозначить как “modus vivendi”.

Основы повседневного уклада жизни корпорантов университетского сообщества были заложены и освящены нормами соответствующей традиции, сформировавшейся в недрах средневекового европейского общества конца XII-XIV вв. Следует учитывать то обстоятельство, что общественное положение, правовой

статус, общее благополучие университетчиков в значительной степени опирались именно на содержание этой традиции и напрямую зависели от продолжения её действия. Традиция, в основании которой лежали решения Ронкальского рейхстага 1158 г., зафиксированные в грамоте императора Фридриха Барбароссы²²⁹, имела вид перевёрнутой пирамиды, имевшей весьма рыхлое строение в своей наиболее массивной части. Рыхлость происходила оттого, что ключевые узлы традиции сформировались путём консервации определённого «status quo», возникшего в конкретных условиях, после упорной борьбы и многочисленных конфликтов. На рубеже XV-XVI вв. очевидными становятся деформации рассматриваемой традиции, приводившие к изменениям в повседневной жизни университетчиков.

Острота реагирования университетского сообщества на постепенное разрушение средневековой университетской традиции во многом обусловлена повышенной чувствительностью как отдельных корпорантов, так и всего социума в целом по отношению к гарантиям привычных для них образа жизни и условий деятельности. Средневековый университет как социальный институт был своего рода «гибридом феникса, чеширского кота и золотой лестницы в никуда», т.е., выступая в качестве мощного канала социальной мобильности, отличался известной степенью маргинальности своих сочленов. Надо отметить, что маргинальность была присуща не только студенчеству, но распространялась как на большинство категорий деинтегрированных университетчиков (т.е. университетской интеллигенции²³⁰), так и на регентский корпус.

В свете оригинального тезиса В. Мак-Нила о нормативной роли корпуса авторитетных текстов для образованных слоёв цивилизованных обществ²³¹ идея Маркса о взаимосвязи революционных социально-экономических явлений XVI в. в Европе и Реформацией приобретает принципиально новое звучание. Известная формула Маркса тесным образом связала начальные этапы

²²⁹ Суворов Н.С. Средневековые университеты. – М., 1898. – С. 5.

²³⁰ Уваров П.Ю. Университетское образование глазами французов XVI в. // Возрождение: гуманизм, образование, искусство. – Иваново: ИвГУ, 1994. – С. 104.

²³¹ Мак-Нил В. Цивилизация, цивилизации и мировая система // Цивилизации. Вып. 2. - М.: Наука, 1993. – С. 21 – 22.

становления капитализма с Реформацией, понимающейся в связи с этим как проявление религиозно-идеологических исканий крепнущей европейской буржуазии. В данном случае важно то, что за спиной «непобеждённого еретика» маячит тень Гиппонского епископа Аврелия Августина и заложенной им этико-педагогической традиции. Лютеру удалось по-новому прочесть учение Августина, положив тем самым в основу религиозного синтеза наступающей эпохи. Оказавшись актуальным для многих представителей «университетской интеллигенции» XVI в. и двух последующих столетий, он оказался способным предложить им простейший план «душеспасительной» организации повседневной жизни, игнорировать который в качестве ясного и доступного ценностного ориентира недопустимо. План этот состоит из соблюдения трёх условий: свободы, духовности и досуга, позволяющего иметь время расспрашивать, читать и слушать с целью своего духовного и интеллектуального совершенствования²³². Таков был идеал образцовой будничной жизни «одухотворённых интеллектуалов», с которым университетское сообщество Европы вступало в XVI в., открывавший эпоху больших перемен. Реальность же повседневной жизни университетского сообщества была насколько далека от идеала, настолько же богаче и насыщеннее, что наглядно свидетельствует о её значительном творческом социальном и культурном потенциале, способном воплотиться в новых этико-педагогических традициях и идеалах академического быта.

Весьма символичной выглядит история, помещённая А.-Р. Лесажем (1668-1744/47) в предуведомлении к роману «Похождения Жиль Бласа из Сантьяны» (1715-1735), в которой речь идёт о двух школярах, путешествующих с целью продолжения образования в Саламанкском университете. Во время привала они обнаружили камень со странной надписью, повествующей о том, что здесь заключена душа некоего лиценциата. Любопытно то, что «душой» оказался кошелек со ста дукатами, составившими наследство, во владение которым вступил наиболее смыслённый и упорный из двух

²³² Рабинович В.Л. Исповедь книгочая, который учил букве, а укреплял дух. – М.: Изд-во «Книга», 1991. – С. 249.

школяров²³³. Опираясь на данные о сравнительной стоимости и взаимопереводимости европейских валют, не составит сложности получить более развернутую характеристику полученного школяром состояния. К началу XVI в. один дукат примерно равнялся одному флорину, состоявшему из 140 солидов. Следовательно, сто дукатов примерно равнялись ста флоринам или четырнадцати тысячам солидов, что составляло семьсот лир, а к середине того же столетия равнялось примерно девяносто двум скудо. Обращает на себя внимание то, что лицензиат Педро Гарсиас пожелал оставить свое наследство именно в дукатах, так как, видимо, эта денежная единица была наиболее удобным и надёжным платёжным средством в его время.

Весьма привлекательной выглядит возможность установить, сколько же в действительности «весила» «душа» лицензиата, для чего следует обратиться к размерам вспомоществования и стипендий, предоставлявшихся студентам в коллегиях и бурсах итальянских университетов. В середине XVI в., на фоне стойкой тенденции к увеличению цен, иезуитский колледж в Сассари с большим трудом укладывался в сумму ежедневного содержания студента, составлявшую 3,2 солидов²³⁴. Таким образом, полученных средств школяру должно было хватить на более чем двенадцать лет обучения. Правда, такой размер ежедневного содержания следует признать более чем скромным. В более доходной падуанской коллегии Спинелли в 1575 г. на ежедневное содержание одного студента тратилось семнадцать солидов²³⁵. Такой размер ежедневного содержания позволил бы школяру пользоваться полученным наследством в течение почти двух с половиной лет. Но все возрастающая дороговизна приводила к увеличению суммы ежедневного содержания. В одном из студенческих общежитий Пизы, основанном уже в 1604 г., его патроном – местным архиепископом был установлен размер ежедневного содержания студента в 37

²³³ Лесаж А.-Р. Похождения Жиль Бласа из Сантьяны. – Мн.: Изд-во АН БССР, 1958. – С. 8 – 9.

²³⁴ Нехаева С.В. Студенческие коллегии в позднесредневековых итальянских университетах // Возрождение: гуманизм, образование, искусство. – Иваново: ИвГУ, 1994. – С. 62.

²³⁵ Там же.

солидов²³⁶. При таком раскладе, полученного наследства школяру должно было хватить чуть больше чем на год.

Столь значительный разброс полученных цифр свидетельствует как о динамике роста цен, так и об увеличении размера суммы ежедневного содержания студентов испанских и итальянских университетов в XVI – начале XVIII вв. Однако выявленная нами сумма наследства и его реальная стоимость проливают свет только на одну грань финансового состояния европейского студенчества, так как подобный способ приобретения материальных ресурсов был не единственным источником денежных поступлений. Размер наследства и объём расходной части бюджетов студенческих коллегий и бурс представляют собой характеристики двух различных сторон финансовой жизни европейского студенчества. Собственно, стипендии и вспомоществование в студенческих коллегиях и бурсах выступали дополнением к тем денежным средствам, которыми обладали студенты сами по себе. Несмотря на все различия между этими двумя сторонами повседневной финансовой жизни европейского студенчества, существуют и точки соприкосновения между ними.

Связь между состоятельностью студента и возможностью получить пищу и кров в студенческих коллегиях и бурсах заключалась в существовании комплекса требований к материальному благополучию кандидатов на получение стипендии. Так, постановления венгеро-иллирийской коллегии 1553 г. оговаривали необходимость предоставления стипендий тем «бедным» студентам, которые не были задавлены чрезмерной нуждой и имели возможность сами позаботиться обо всём, за исключением жилья и питания²³⁷. Рост цен и инфляционные процессы нанесли ощутимый удар по благотворительной деятельности городских правительств. В XVI в. сиенским школярам, ранее пользовавшимся наравне с нищими полным обеспечением в городском «доме милосердия», пришлось изыскивать средства для частичной компенсации затрат на их содержание. Вообще механизм частичной компенсации стипендиатами затрат на своё содержание представляется ключевым

²³⁶ Там же.

²³⁷ Там же. – С. 65.

обстоятельством, объясняющим заинтересованность руководства студенческими коллегиями в предпринимательской деятельности своих постояльцев.

Те же коллегии, которые предоставляли стипендии для действительно малоимущих студентов, определяли высшую границу ежегодных доходов кандидатов. С 1610 г. верхним пределом собственных ежегодных доходов обитателей павийской коллегии Борромео стала сумма в размере двухсот солидов²³⁸. Вообще, представления руководства коллегий и бурс о размерах доходах стипендиатов выглядят не очень реалистично. Имело место сознательное завышение верхних пределов максимально допустимых размеров доходов студентов, претендующих на право получать пансион в университетских заведениях «для бедных». С учётом традиций внутриколлегиального демократизма и механизма частичной компенсации расходов за счёт «псевдо-бедных» обитателей, создавались условия для обеспечения равных условий для всех студентов, пользующихся стипендиями коллегий и пансионом бурс вне зависимости от их материального положения. Именно в силу названных причин организация студенческих коллегий и бурс, особенно в Италии, сумела противостоять разрушительному воздействию революции цен. Но стремление обеспечивать условия для получения образования представителям более обеспеченных слоёв общества обусловило дальнейшие деформации функций организации студенческих коллегий и бурс в XVII-XVIII вв.

В схожих условиях с обитателями бурс находились некоторые студенты, квартировавшие в жилых помещениях, предоставляемых на условиях умеренной платы городскими обывателями. В середине XVII в. становится весьма распространённым явлением дефицит получаемого студентами денежного содержания в виде назначенного их родителями жалованья. Традиционной причиной возникновения названной недостаточности выступает чрезвычайно вольный образ жизни, которого придерживаются представители студенческой молодёжи. В это время дополнительная материальная помощь со стороны родителей и ближайших родственников в размере ста серебряных реалов у студентов Саламанкского университета,

оценивалась как проявление скупости²³⁹. Однако наличие подобной оценки скорее говорит о нерачительном отношении французского и испанского студенчества к наличным денежным средствам (черта явно дворянско-аристократическая, а не буржуазная), нежели о нежелании или невозможности родственников предоставить своим студентам достойное материальное обеспечение.

Более рациональным и бережным отношением к денежным средствам отличаются университетские регенты всех категорий и рангов. Связано это в первую очередь с тем, что преподавательский корпус состоял в основном из людей зрелых, обременённых социальной ответственностью. Во-вторых, наличные средства, находившиеся в распоряжении преподавателей, были весьма ограниченными, а источники их пополнения не отличались ёмкостью. В силу названных обстоятельств регенты университетов выработали привычку внимательного отношения к своим финансовым делам. В вопросах, связанных с деньгами, регенты и университетские служащие стремились к исключительной конкретности, переходящей порой в ограниченность. Подобное отношение к денежным средствам в разной степени и в силу разных причин было свойственно преподавателям и чиновникам европейских университетов не только протестантских странах, но и в католических.

Исследование финансового положения корпорантов университетского сообщества Европы XVI-XVIII вв. не может претендовать на законченность, обойдя вниманием источники получения материальных средств и их пополнения. Рассмотрение этих вопросов тесно связано с областью профессиональной деятельности корпорантов и коммерческим эффектом её сопровождающим. Взгляд на профессиональную и коммерческую деятельность университетчиков сквозь призму повседневности ставит ряд задач, для решения которых требуется отдельное исследование.

Наиболее тесным образом с финансовыми вопросами повседневной жизни университетского сообщества Европы XVI-XVIII вв. связаны те аспекты, от которых зависит нормальное самочувствие

²³⁸ Там же. – С. 64.

²³⁹ Скаррон П. Саламанкский школяр или Великодушные враги. Трагикомедия в пяти действиях // Комедии. – М.: Искусство, 1964. – С. 331-332.

и благополучие корпорантов как существ биологических. «Ближе» всего к человеку из структур повседневности находится сфера питания. Отправным пунктом рассмотрения системы питания корпорантов европейского университетского сообщества служат рекомендации по оптимальной организации потребления пищи, изложенные в начале XIV в. философом и врачом Арнольдом из Виллановы в «Салернском кодексе здоровья». Любопытно уже то, что поэма, излагавшая кредо Салернской медицинской школы IX-XIII вв. в области диетологии, была впервые опубликована, т.е. стало достоянием широкого круга читателей, только в 1480 г. Учитывая время создания как самого «Кодекса», так и его предшественников, послуживших в качестве источника для Арнольда из Виллановы, допустимо определять хронологические рамки периода исторически актуального бытования его норм началом XIII – началом XIV вв.

Предпринимая попытку перенести действие норм «Салернского кодекса здоровья» на ту среду, в которой он возник, необходимо учитывать, что его адресатом выступал некий английский венценосец (по всей видимости несостоявшийся английский король Роберт Норманский). Однако произвести подобное «опрокидывание» всё же представляется возможным, в силу того что и монарх и университетчик, хотя и в разной степени, должны были питаться так, чтобы предоставлять организму всё необходимое не только для физических, но и для умственных занятий. Кроме того, совершенно не исключено, что Арнольд из Виллановы, являясь регентом университета Монпелье, представлял себе королевский рацион сквозь призму диетических представлений университетской среды.

Рассмотрение организации питания корпорантов университетского сообщества будет более продуктивным при соблюдении поступательного порядка, согласующегося как с многоуровневым характером системы университетского образования, так и с иерархической структурой самого академического сообщества.

Следуя названной логике, организацию питания необходимо рассматривать начиная с низших уровней системы университетского образования, на долю которых приходится, без преувеличения, наибольшее число корпорантов. В данном случае речь идёт об университетских (регентских) латинских школах, или школах

свободных искусств, и заведениях других типов и организационных форм, в силу корпоративного статуса организаторов, содержателей и преподавательского корпуса, входивших в структуру артистических (философских) факультетов университетов.

В конце XVI – начале XVII вв. в рамках образовательной квазиимперии университета Алькала-де-Энарес существовали особого рода заведения, содержавшиеся выпускниками этой *Alma mater*. Некоторые из них в литературе того времени именовались пансионами²⁴⁰. Принимая во внимание то, что численность студентов университета Алькала-де-Энарес, происходивших из Сеговии и ближайших окрестностей, во второй половине XVI – первом десятилетии XVII вв. сохранялась в пределах 50-99 человек²⁴¹, существование заведений, подобных пансиону лиценциата Кабры, следует признать весьма правдоподобным. Поэтому вполне допустимо применять наименование «пансион лиценциата Кабры в Сеговии» для собирательного наименования образовательных заведений подобного рода, существовавших в указанных хронологических и пространственных границах.

Низшие уровни европейской системы университетского образования предоставляют богатый материал в плане изучения вопросов организации питания, отличительной чертой которого выступает высокая степень его типичности, что позволяет использовать для воссоздания наиболее полной картины даже весьма фрагментарные сведения, взятые к тому же в широком пространственном диапазоне: от Испании до Англии, включая Францию, и отчасти, германские государства. Так, все имеющиеся в нашем распоряжении источники и работы некоторых исследователей указывают на то, что схема ежедневного питания далеко не всегда содержала завтрак в качестве своего базового элемента. В пансионе лиценциата Кабры в Сеговии завтрак отсутствовал²⁴², в Лизьеской школе свободных искусств в Париже первой четверти XVII в.

²⁴⁰ Кеведо-и-Вильегас Франсиско де История жизни пройдохи по имени дон Паблос // Плутовской роман. - М.: Изд-во «Художественная литература», 1975. - С. 74.

²⁴¹ Kagan R.L. Students and Society in Early Modern Spain (19 мая 2001 г.) - <http://libro.uca.edu/students/map4-1.jpg:map4-2.jpg> .

²⁴² Кеведо-и-Вильегас Франсиско де Указ. соч. - С.77-78.

получение его зависело от настроения и «доброй воли» администрации этого учебно-воспитательного заведения или классного тьютора²⁴³. В этом отношении выделяется Вестминстерская школа (Англия) XVII столетия, в которой для завтрака ежедневно выделялось время между восьмью и девятью часами утра²⁴⁴. Судя по распорядку дня, в это же время завтракали и студиязусы гейдельбергского Педагогического института в начале XVI в²⁴⁵.

Отметим, что прохладное отношение к утренним приёмам пищи в университетских и квазиуниверситетских учебных заведениях свободных искусств оказывалось нормой в рамках диетологической традиции, заложенной ещё Арнольдом из Виллановы²⁴⁶. В большинстве учебных заведений свободных искусств придерживались двух-трёх разового режима питания. Четырёхразовое питание, подразумевавшее наличие полдника²⁴⁷, не только отличало Лизьескую школу, но и, видимо, должно было служить своего рода признаком почтенного возраста и следования лучшим традициям этого заведения.

Рацион воспитанников школ свободных искусств состоял из следующих блюд: жидкий гороховый суп, похлёбка с запахом сала, жаркое из овощей и мяса (либо баранины, либо козлятины), где абсолютно доминировали овощи, например, брюква, или из говяжьих костей, небольшой булочки без начинки. Раз в неделю в пансионе у лиценциата Кабры подавалась яичница, а в Лизьеской школе в дни отдыха учащимся подавали варёную птицу и жаркое, но эти деликатесы необходимо было дополнительно оплатить, вручив тьютору по золотому экю каждый²⁴⁸. Были и такие продукты, которые

²⁴³ Сорель Ш. Правдивое комическое жизнеописание Франсиона. – М.: Правда, 1990. – С. 143.

²⁴⁴ Уэстминстерская школа. Описание одного из её учеников // Сवादковский И.Ф. Хрестоматия по истории педагогики. - Т. I. Античный мир. Средние века. Начало нового времени. – М.: Учпедгиз, 1936. - С. 251.

²⁴⁵ Шмидт К. История педагогики, изложенная во всемирно-историческом развитии и в органической связи с культурною жизнью народов. - Т. 3. История педагогики от Лютера до Песталотци. - М., 1880. - С. 123.

²⁴⁶ Арнольд из Виллановы Салернский кодекс здоровья // Гласс Дж. Жить до 180 лет; Брэгг П.С. Чудо голодания; Салернский кодекс здоровья, написанный в четырнадцатом столетии философом и врачом Арнольдом из Виллановы. – Минск: Белэн, 1994. – С. 313.

²⁴⁷ Сорель Ш. Указ. соч. – С. 143.

²⁴⁸ Там же. – С. 144-145.

сознательно не вводились в рацион школяров. К таким продуктам относились репа, салат, горчица и уксус²⁴⁹. Уклонение от их использования объяснялось способностью названных продуктов питания разжигать аппетит.

Причину такого положения дел в области питания следует видеть в неудовлетворительном материальном положении либеральных школ. Рост дороговизны, отставание увеличения размера оплаты образовательных услуг и пансиона от их реальной стоимости, своекорыстие администрации школ, видевшей в них источник собственного обогащения и придерживавшейся по этой причине практики жёсткой экономии, - таковы обстоятельства, лежащие в основе неудовлетворительного материального положения подобных образовательных заведений. Однако на первый план выходит процесс обуржуазивания университетского сообщества, в отрицательной оценке которого рассмотренные источники проявляют устойчивое единодушие. Правда, буржуазный подход администрации либеральных школ к своим обязанностям сочетался с сохранением элементов феодального сознания.

Трапезы происходили в общем помещении, специально отведённом для этих целей. Столовая в таких заведениях могла иметь совершенно небольшие размеры. Приём пищи осуществлялся в присутствии и под присмотром либо классного тьютора, либо главы школы. Начинался же он с обязательного благословения воспитанников кем-либо из названных лиц. Процесс принятия пищи в школах свободных искусств был подчинён строгому сословному порядку. В первую очередь ели школяры дворянского происхождения и обеспеченные школяры недворянских кровей. Во вторую очередь к еде допускались слуги, хотя многие из них также числились школярами в этом заведении. Когда дела у школы шли не самым лучшим образом, тогда преподавателям приходилось довольствоваться тем же скудным рационом, что и учащимся. В более обеспеченных заведениях на обед каждому преподавателю подавали целого каплуна. Кроме того, тьюторы могли принимать пищу в своих

²⁴⁹ Там же. – С. 143.

комнатах, где среди чаще всего мучных изделий: пирожков и пирогов с мясной, либо иной начинкой, - в употребление шло и вино²⁵⁰.

Если школа свободных искусств не была закрытым заведением, то её воспитанники могли приобретать себе пропитание на стороне, пуская на это либо свои карманные деньги, либо те небольшие средства, которые им удавалось заработать своей «учённостью». За пять су можно было раздобыть несколько пирожков. Разнообразить рацион фруктами, особенно поесть сладостей можно было продемонстрировав свои знания перед гостями школы во время праздников.

Система наказаний также затрагивала сферу питания. За провинности тьюторы могли лишать школяров завтраков, обедов или ужинов полностью или частично по своему желанию. За более серьёзные проступки школяра помещали в карцер, где его пищу составляли хлеб и вода. Ш. Сорель указывает на то, что все эти экзекуции имели весьма отдалённое отношение к педагогическим целям, а чаще всего были продиктованы соображениями экономии²⁵¹. Изученные нами свидетельства современников позволяют составить представление об организации и содержании питания в учебно-воспитательных заведениях низшего уровня европейской системы университетского образования. Скучность и нерациональность питания, невысокое качество пищи не могли не сказываться на деятельности школяров во всех других сферах, особенно в учебной сфере. Учитывая то, что срок обучения в школах свободных искусств равнялся 5-10 годам, хотя многие проводили там меньшее время, не удивительно встретить среди выпускников артистических школ молодых людей с подорванным здоровьем, плохим образованием и исковерканной душой.

Изменения в организации и содержании питания происходят при переходе на следующий уровень системы университетского образования, а именно на тот уровень, на котором располагалась весьма разнородная и достаточно многочисленная студенческая страта академического сообщества. Своего рода студенческой аристократией оказывались обитатели бурс и коллегий. Наиболее

²⁵⁰ Там же. – С. 168.

²⁵¹ Там же. – С. 144.

престижным было положение стипендиатов, пользовавшихся всеми прелестями студенческих общежитий бесплатно.

В «доме студентов» Борромео университета Павии в конце XVI в. на приобретение продуктов расходовалось до 16,3% средств бюджета. По данным книги счетов стипендиат этой коллегии ежедневно потреблял 1,38 литра зерна, 1,36 литра вина, 4,21 г. солонины, 72,1 г. телятины, 7 г. свиного сала, 61,7 г. сливочного масла, 32,2 г. оливкового масла, 223 г. сыра²⁵². Рацион стипендиатов коллегии Борромео дополнялся некоторым количеством дичи, мёда, рыбы и яиц. Учитывая перечень продуктов, необходимо отметить, что ядром рациона стипендиатов являлась хлебно-молочная диета, на которую приходилось около 41% расходуемых средств²⁵³. Тем не менее, питание, получаемое в коллегии Борромео, в полной мере обеспечивало нормальные условия для жизнедеятельности студентов.

Характер получаемого стипендиатами питания позволяет говорить о том, что их рацион в общем соответствует диетологическим рекомендациям Арнольда из Виллановы. Но в то же время бросаются в глаза некоторые особенности их рациона, свидетельствующие о физическом здоровье студентов коллегии Борромео, которые, придерживаясь этой диеты, только ещё более укрепят свой организм и улучшат самочувствие. Для людей с ослабленным здоровьем хлебно-молочная диета с большим количеством сыра способна принести больше вреда, чем пользы. Обращает на себя внимание упоминание вина, да ещё и в таком большом количестве. Но подозревать студиязусов в алкоголизме нет оснований, так как вино выступает не только как горячительный напиток, но и как наиболее доступное терапевтическое средство. Совместное употребление хлеба и вина способствовало очищению зубов, улучшению зрения и нормализации обмена веществ²⁵⁴. Таким образом, студенты-стипендиаты конца XVI – первой трети XVII вв. дабы сохранить привлекательность и зрение, а также не превратиться в развалину, не только могли воспользоваться рекомендациями

²⁵² Нехаева С.В. Указ. соч. – С. 63.

²⁵³ Там же.

²⁵⁴ Арнольд из Виллановы Указ. соч. – С. 320.

«Салернского кодекса здоровья», но и имели для этого все возможности.

По-иному обстояли дела с организацией и содержанием питания студентов, проживавших вне стен студенческих коллегий. Показательным выглядит содержание одного из пунктов «привилегий и преимуществ старого студента», приводимых Кеведо. Пункт это гласит: «Да терпит он голод, как и мы все»²⁵⁵. Обыденной пищей большинства студентов, проживавших «на квартире», были первые блюда: похлёбки и бульоны. Такая практика была распространена в широких границах от Испании до Чехии. Мясной составляющей этих блюд могла выступать баранина или козлятина. Нередко первые блюда варились на основе одних только костей, абсолютно лишённых мяса. Ключевой характеристикой этого своеобразного ядра рациона квартирующих студентов была его исключительная постность. Отметим, что получение описанного питания входило в перечень услуг, предоставляемых студенту в счёт платы за пансион.

Внесение разнообразия в рацион всецело зависело от личных способностей студента и его материального положения. Не очень состоятельные, но весьма предприимчивые студенты могли разнообразить свою пищу за счёт мелкого домашнего скота и птицы, которых горожане XVI-XVII вв. разводили практически повсеместно. Таким путём к ним на стол попадала свинина и курятина. Раздобыв сырое мясо, студент был избавлен даже от необходимости самому готовить его. В Алькала за небольшую плату харчевник мог приготовить из трёх цыплят фрикасе для маленькой товарищеской пирушки.

Существовали и другие способы сделать стол более разнообразным. В данном случае речь идёт о краже. Воровство студентами продуктов на рынках и в лавках было делом обычным. По имеющимся у нас сведениям, чаще всего объектом кражи выступали фрукты, плоды и кондитерские изделия. Однако такой способ добывания пищи был в наибольшей степени присущ студентам младшей возрастной группы, сконцентрированным в основном на артистическом факультете.

²⁵⁵ Кеведо-и-Вильегас Франсиско де Указ. соч. - С. 86.

Нельзя обойти молчанием употребление студенчеством горячительных напитков. Приверженность студенческой молодёжи к вину и пиву уходит своими корнями в средневековье. Но в XVI-XVII вв., по всей видимости, происходит лавинообразное увеличение потребления алкогольных напитков среди студентов. Низкое качество и большое количество употребляемых напитков неизбежно приводили к алкоголизации студенческой молодёжи. На приобретение вина пускались не только собственные средства, но и деньги, полученные от продажи имущества младших товарищей. На общеевропейском фоне в этом отношении выделяется студенчество немецких университетов, причина чего видится в существовании тесной связи между этим слоем университетского сообщества и армейской средой, особенно с наёмничеством²⁵⁶.

Во время путешествий, а академический пилигримаж в рассматриваемое время всё ещё оставался актуальным компонентом университетской жизни, студентам приходилось пользоваться услугами таверн, харчевен и постоялых дворов, имевшихся в Европе повсеместно и в больших количествах. Ужин компании из десяти человек в Испании конца XVI – начала XVII вв. состоял из следующих блюд: салат, по меньшей мере три булки хлеба, жареный козлёнок, свинина кусками и несколько варёных голубей²⁵⁷. Для обеспеченных студентов аристократического происхождения главным в дороге было экономно расходовать столовые деньги, не увлекаясь меценатством по отношению к своим «бедным» собратьям. Сказанное справедливо и в отношении магистров, путешествующих по землям Германии, к услугам которых были придорожные гостиницы, готовые предоставить им стол и кров²⁵⁸.

Крайне бедственным становилось положение студента, оказавшегося вдали от родины и без средств. Своёкоштному немецкому студенту первой четверти XVI в., прибывшему в Рим и оставшемуся без материальной поддержки со стороны родителей действительно приходилось, уподобляясь «птице небесной» или

²⁵⁶ Шмидт К. Указ. соч. – С. 201

²⁵⁷ Кеведо-и-Вильегас Франсиско де Указ. соч. – С. 83.

²⁵⁸ Письма тёмных людей // Брант С. Корабль дураков; Эразм Роттердамский Похвала Глупости. Навозник гонится за орлом. Разговоры запросто; Письма тёмных людей; Гуттен У. фон Диалоги. – М.: Изд-во «Худ. лит-ра», 1971. – С. 451.

«скотскому быдлу», довольствоваться растительной диетой. Такие периоды могли быть весьма длительными. Во время подобных «постных» периодов рацион студента состоял из салата, лука, чеснока, бобовой похлёбки, но её удавалось отведать крайне редко, и зелени или шпината²⁵⁹. Эта «итальянская» еда мало удовлетворяла выходцев из германских земель, привыкших к более плотной пище.

Особый интерес вызывает питание сравнительно небольшого слоя студенчества, представители которого получили наименование фамулусов или профессорских студентов. В околоуниверситетской среде Парижа таких студентов называли Жоанами. Среди прочих привилегий из области повседневной жизни в данном случае необходимо отметить то, что они проживая в профессорских коллегиях и на их квартирах на правах личных слуг, пользовались также и профессорским столом. Помимо этого фамулусы занимались закупками продуктов. В первой половине XVI в. у обитателей парижских профессорских коллегий эти закупки имели совершенно незначительные объёмы, так как речь шла в основном о приобретении продуктов, являющихся дополнением к основному рациону. Чаще всего фамулусы приобретали для своих хозяев закуски. Так, во время Великого поста профессорский студент мог быть отправлен к торговкам Малого моста с целью приобрести у них треску²⁶⁰. Надо отметить, что парижские торговки с Малого моста, жившие за счёт продажи продуктов питания обитателям Латинского квартала, прекрасно были осведомлены о гастрономических пристрастиях университетчиков и их слабостях. Поэтому если такие дамы характеризовали своих постоянных клиентов обжорами и кутейниками, то так скорее всего оно и было.

Анализ гениальной мистификации в эпистолярном жанре, созданной группой немецких гуманистов – речь идёт о «Письмах тёмных людей» – показывает, что характеристики питания университетских преподавателей Парижа вполне применимы к диете их немецких единовверных коллег. Известно ещё со средневековья так называемое «Аристотелево застолье» – специальное угощение,

²⁵⁹ Там же. – С. 459.

²⁶⁰ Денерье Б. Новые забавы и весёлые разговоры // Новые забавы и весёлые разговоры. Кимвал мира. – М.: Республика, 1995. – С. 130.

устраиваемое новоиспечённым магистрами для своих коллег по факультету. Подобные застолья всегда отличались пышностью и нещадно били по кошельку. В начале XVI в. в немецких университетах, особенно в Лейпцигском или Кёльнском, в таких случаях вниманию участников предлагались по три кружки мальвазии на каждого, которые закусывались хлебным крошечком, затёртым на вине, шесть блюд из мяса, курицы и каплунов, одно рыбное блюдо, два вида вина и три вида пива²⁶¹. Обращает на себя внимание то, что все перечисленные напитки были немецкого производства, о чём можно судить по их названиям. Такие посиделки продолжались очень долго и заканчивались глубокой ночью. Даже при меньшем количестве и разнообразии напитков участники таких трапез, по их окончании находились «в изрядном подпитии».

По косвенным данным можно составить самое общее представление о питании некоторых групп регентского корпуса английских университетов. В XVII-XVIII вв., когда реформационные потрясения уходят в прошлое, среди преподавателей закрытых элитарных университетских колледжей сформировались столовые традиции, сохранившиеся в практически неизменном виде вплоть до второй половины XX столетия. Содержание гастрономических пристрастий джентльменов из Оксбриджа сводится к преимущественному употреблению в пищу жирных мясных и рыбных блюд, горячих и холодных алкогольных напитков. Приём пищи был максимально церемониален. Одной из центральных характеристик столового ритуала выступали внушительные объёмы употребляемой пищи. Закономерным результатом такого рациона являлись «фирменные» болезни аристократических колледжей Оксбриджа: болезни сердца и атеросклерозы.

Сравнение организации и содержания питания регентского контингента университетов Европы XVI-XVIII вв. с рекомендациями «Салернского кодекса здоровья» XIV в. позволяет сделать ряд любопытных наблюдений. Заложенная сочинением Арнольда из Виллановы диетологическая традиция продолжала своё существование в рассматриваемый период, хотя её нормы на практике подвергались значительной деформации. Пища стала более плотной,

²⁶¹ Письма тёмных людей... - С. 394.

но, как представляется, менее разнообразной. Увеличился объём потребляемой пищи. Возросло употребление горячительных напитков, но львиная доля приходилась на местную продукцию. Нельзя отрицать снижения качества употребляемых напитков. Употребление некоторых блюд, видимо, связано с приписываемыми им терапевтическими эффектами, но делалось это скорее в силу следования традиции, нежели по осознанному, самостоятельному решению.

Новые явления в питании членов университетского сообщества с наибольшей выразительностью проявились в восточной Германии в среде подданных Кёнигсбергского университета. Произошедшие изменения со всей очевидностью были связаны с победой реформационного движения, достижением буржуазной системой ценностей состояния известной зрелости и формированием новой университетской идеологии. Влияние названных обстоятельств на организацию и содержание питания членов университетского сообщества может быть проиллюстрировано примерами из жизни и творчества профессора И. Канта. Закладывая основы новой университетской идеологии, профессор Кант активно участвовал в творческом процессе создания новых образцов повседневного поведения. Его творческое созидание новых элементов повседневной жизни носило не только практический характер, но и восходило на теоретический уровень.

Всю жизнь философа занимал вопрос о возможности преодоления природных недостатков при помощи комплекса гигиенических и диетологических мер. Даже самые сокрушительные удары судьбы не смогли поколебать его уверенности в верности избранного им образа жизни²⁶². Благодаря своей настойчивости Кант, обладая от природы весьма слабым здоровьем, сумел прожить без двух месяцев и десяти дней восемьдесят лет. Подход Канта к повседневному питанию на практике возрождал принцип природосообразности, следовать которому призывал ещё Арнольд из Виллановы. Следуя особенностям своего организма, он предпочитал

²⁶² Кант И. Мысли, вызванные безвременной кончиной высокоблагородного господина Иоганна Фридриха фон Функа. 1760 // Сочинения: В 8-ми т. - Т. 2. - М.: Чоро, 1994. – С. 21.

принимать пищу один раз в день. Обед философа был достаточно плотным и продолжался три-четыре часа²⁶³. Еда запивалась хорошим вином, так как пива Кант не признавал. Блюда, подававшиеся на стол, были весьма разнообразными и хорошо приготовленными, так как сам хозяин был большим знатоком кулинарии и мог тягаться на равных с самыми изысканными гурманами.

Наше внимание было сконцентрировано только двух компонентах структур повседневности европейского университетского сообщества XVI-XVIII вв., на примере которых ставилась задача проследить происходившие в этой сфере процессы трансформации и дать характеристику явлениям, ими вызванными. Результатом такого рода подхода стала запрограммированная односторонность полученной картины. Произведённые реконструкции, в силу названных обстоятельств, приобрели характер кривого зеркала, в глубинах которого отразились особенности университетского сообщества, обычно ускользающие от взгляда исследователей, пользующихся для своих наблюдений «привычными оптическими приборами».

В начале раздела речь уже шла о социально-педагогическом аспекте повседневной жизни университетского сообщества. Тогда в центре внимания оказалась социально-педагогическая концепция Аврелия Августина, пережившая актуализацию на начальном этапе Реформации. Однако повседневная практика обыденной жизни не вписываясь в слишком узкие, слишком абстрактные, слишком «не от мира сего» рекомендации-наставления Августина, давала богатую пищу для мысли. Университетчикам как из среды протестантов, так и католиков, надо было «заново придумать некий смысл бытия», необходимо было создать прикладное пособие, позволившее бы объединить в общем контексте все новые явления в повседневной жизни университетского сообщества. Наиболее удачное и перспективное, на наш взгляд, решение поставленной задачи было предложено основателем Филадельфийской Академии, бостонским самоучкой и губернатором Пенсильвании Б. Франклином (1706-1790). В своих мемуарах Франклин сформулировал тринадцать буржуазных

²⁶³ Гулыга А. Революция духа: (Жизнь и творчество Иммануила Канта) // Кант И. Сочинения: В 8-ми т. - Т. 1. - М.: Чоро, 1994. - С. 7-8.

добродетелей, две из которых имеют прямое отношение к рассматриваемым нами аспектам структур повседневности европейского университетского сообщества. Речь идёт, соответственно, о первой и пятой добродетелях. Первая из них, «умеренность», имеющая отношение к питанию, заключается в простой максиме: «Не ешь до отупения, не пей до опьянения»²⁶⁴. Вторая же, «невзыскательность», определяющая отношение к деньгам, сформулирована следующим образом: «Не делай никакого расхода, как только для того, чтобы сделать добро другим или самому себе: это значит – не расточай ничего»²⁶⁵. Этико-онтологические положения Б. Франклина были дополнены специальным методическим аппаратом, обеспечивающим усвоение их содержания, что превращает оба компонента в целом не столько в этическую, сколько в социально-педагогическую концепцию. Социально-педагогическая концепция Франклина наглядно показывает зрелость буржуазной системы ценностей, которая, отразившись в его концептуальных построениях, стала способна оказывать организующее влияние на соответствующие сферы повседневной жизни университетского сообщества не только Северной Америки, но и европейского континента. Становление университетского сообщества в обеих частях американского континента происходило на базе и под влиянием европейских традиций университетского образования, в результате этого правомерно усматривать в формирующемся университетском сообществе Северной Америки своего рода полигон, на котором проходили апробацию разнообразные инновации в сфере повседневной жизни. В силу этого позволительно настаивать на принципиальном смысловом единстве структур повседневности университетских сообществ, сосуществовавших в границах западной европоцентричной океанической буржуазной цивилизации нового времени. Предложенная нами гипотеза выглядит перспективной, но требует дополнительного изучения. Особенно в этом нуждается механизм прямой и обратной идеологической связи между европейской и американской системами университетского образования, тем более,

²⁶⁴ Цит. по: Зомбарт В. Буржуа. – М.: Наука, 1994. – С. 95.

²⁶⁵ Там же.

что в рассматриваемый период вторая занимала по отношению к первой положение дочерней субструктуры. В настоящий же момент в «Тринадцати буржуазных добродетелях Б. Франклина» следует видеть закономерный результат осмысления практики повседневной жизни буржуазного общества, отразивший, в частности, и опыт накопленный в процессе трансформации структур повседневности университетского сообщества Европы XVI-XVIII вв.

Представители университетского сообщества Испании с лицензией на преподавание свободных искусств, связанные с Алькала-де-Энарес, в конце XVI – первой половине XVII вв. предъявляли к занимаемому ими жилищу ряд требований²⁶⁶. Во-первых, в этом помещении должно было быть достаточно тихо, чтобы посторонний шум не отвлекал молодого ученого от его занятий. Вторым условием было обеспечение в жилище лиценциата искусств покоя, т.е. отсутствия необходимости отвлекаться на другие виды деятельности, в том числе связанные с бытовыми вопросами. Ещё одним требованием к помещению для проживания выступала его просторность. Жилище лиценциата должно было предоставлять возможности для размещения его личной библиотеки, объём которой мог варьироваться, но чаще это были достаточно компактные собрания, специализированные в зависимости от интересов хозяина, что повышало ценность каждой отдельной книги и требовало обеспечения условий для как можно большей её сохранности.

Возможность проживать в стенах профессорских коллегий университета в Праге начала XVII в. была предоставлена и некоторым студентам, состоящих при регентах в качестве слуг. Комфортные условия проживания сочетались с рядом ограничений. Необходимо было получать разрешение для того, чтобы покинуть стены коллегии во время, свободное от занятий в университете, и по причине, не связанной с исполнением обязанностей фамулуса. Был установлен крайний срок возвращения студентов из города домой, в случае нарушения которого они могли лишиться ужина и подвергнутся соответствующему наказанию. Закономерно, что особенно тяготил студентов такой порядок в праздничные дни. Обязанностью

²⁶⁶ Кеведо Ф. Наслаждаясь уединением и учёными занятиями, автор сочинил сей сонет // Избранное. – Л., 1980. – С. 37.

фамулусов Каролинума было присутствие на ужине, на котором они должны были прислуживать своим профессорам. Подобные ужины, помимо всего прочего, играли роль средства контроля, осуществлявшегося профессором-пробстом над фамулусами.

Преподаватели Пражского университета в начале второго десятилетия XVII в. обычно проживали в коллегиях, хотя некоторые из них имели собственные дома в городе. Известное исключение составляли преподаватели иудеи. В распоряжение таких магистров предоставлялись комнаты в профессорской коллегии, но они предпочитали проживать вместе с семьёй в еврейском квартале.

Причастность представителей университетского сообщества Европы XVI-XVIII вв. к передовым достижениям учёности своего времени совершенно не гарантировало их от обращения к традиционным, ненаучным средствам сохранения здоровья. В начале второго десятилетия XVII в. студентам и преподавателям Пражской *Alma mater* в случае возникновения сильного сердцебиения и колющей боли в сердце (в том числе – по причине романтических переживаний), рекомендовалось действенное народное средство – отвар цветов шиповника в уксусе. Рекомендуемое средство следовало употреблять вовнутрь во время приступов и для профилактики.

Интерпретация структур повседневности университетского сообщества Европы XVI – конца XVIII вв. как части университетской субкультуры позволяет рассмотреть механизм того, как институты, структуры и учреждения образовательной деятельности высшего порядка в целом, т.е. университетская организация как панконтинентальная и даже трансокеаническая система, и каждая в отдельности формируют стратегические стереотипы повседневной жизни. Данный механизм использует в качестве базового компонента двойственную природу структур повседневности, заключающуюся в их социокультурном характере.

Механизм начинает действовать путём создания особой социальной реальности, выступающей «интерсубъективным, создаваемым во взаимодействии и диалоге контекстом...

деятельности»²⁶⁷, предопределённой принадлежностью к университетской организации. Повседневность же отличается тем, что в ней социальное и культурное слиты воедино. В повседневной жизни университетчики, в широком смысле этого слова, не только создают специфическую социальную реальность, но и «в процессе её осмысления присваивая ей некоторые значения»²⁶⁸, тем самым, создают ткань университетского культурного субпространства. Следовательно, входя в социальное пространство, формируемое университетской организацией, индивидум принакает и в культурную плоскость данного социокультурного континуума, делая её своим культурным субпространством. В результате индивидум приобретает, пусть даже отчасти, статус носителя университетской культуры, т.е. субкультуры университетского сообщества, но происходит это на дорефлексивном уровне. В силу того, что «носители культуры осознают тот мир, в котором они существуют, как данность»²⁶⁹, разнообразные индивидуальные субкультурные пространства, даже имеющие взаимоисключающие ценностно-мировоззренческие установки, оказываются объединены одним непротиворечивым контекстом. Используемые же «культурные артефакты (манера одеваться, общаться, способ выполнения трудовых операций) чаще всего очевидны, принимаются как должное и специально не рефлексированы, не осознаются»²⁷⁰, и потому могут быть навязаны университетской организацией, сформировавшей социальную составляющую социокультурного континуума повседневности. Кроме того, предписанными могут оказаться и сами способы применения данных культурных артефактов. Таким образом, становится очевидным механизм, при помощи которого университетская организация оказывает едва ли не решающее влияние на формирование структур повседневности университетского сообщества в таких областях, как коммуникация, одежда, профессиональная деятельность, удовлетворение интеллектуальных,

²⁶⁷ Романов П.В. Культурные символы в социально-антропологических исследованиях организаций // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2002. – Т. V. - № 3. – С. 201.

²⁶⁸ Там же. – С. 200-201.

²⁶⁹ Там же. – С. 200.

²⁷⁰ Там же.

духовных и физических (в том числе и физиологических) потребностей. В конечном итоге университетская организация корректирует жизненные поведенческие стратегии универсантов в той их части, которые соприкасаются со сферой повседневности.

Применительно к университетскому сообществу Европы XVI-XVIII вв. под коммерческой деятельностью будут пониматься все виды деятельности, направленные на получение определённой выгоды. Выгода эта могла принимать вид денежного капитала, движимого и недвижимого имущества, ресурса социального влияния и взаимодействия, научного и духовного авторитета, власти, дополнительных прав и привилегий. Вопрос о соотношении вкладываемого ресурса и получаемой отдачи представляется возможным вынести за скобки, так как весьма трудно подобрать универсальный эквивалент стоимости для всех тех случаев, когда речь не идёт о деньгах и имуществе.

Среди видов профильной коммерческой деятельности представителей европейского университетского сообщества особое место занимают те, которые генетически связаны с основными практиками профессиональной деятельности университетчиков XVI – конца XVIII вв. Собственно говоря, применительно к университетскому сообществу Европы XVI – конца XVIII вв., любая профессиональная деятельность его представителей, направленная на получение любых видов выгоды, может рассматриваться как коммерческая.

В методологии педагогических исследований разработано изучение продуктов деятельности учащихся²⁷¹ либо обучавшихся. Подходя в данном ключе к изучению профессиональной повседневности представителей европейского университетского сообщества XVI-XVIII вв., открываем для себя возможность исследования механизма обратной связи между академическим образованием и реалиями профессиональных практик университетчиков. Рассмотрение состояния профессиональной повседневности позволяет ясно представить себе то, как специфические черты университетского образования эпохи проявляли себя в последующие периоды жизни университетчиков. Не будет

излишне смелым тезис о том, что слабые и сильные стороны профессиональных практик университетчиков программировались университетским образованием, а оценка обществом этих аспектов создавала проблемную ситуацию, реакцией на которую выступала корректировка не только содержания, но и технологической составляющей университетского образования.

Высокая степень эротического напряжения эпохи открывала возможность для получения средств к существованию самому многочисленному отряду университетских медиков – странствующим студентам. Сведения, использованные Э. Фуксом, относятся к реалиям XV в.²⁷², однако, нет препятствий для распространения связанной с ними тенденции на последующее столетие, вплоть до начала Тридцатилетней войны. Таким образом, в XVI – начале XVII вв. странствующие студенты-медики добывали себе средства к существованию, в том числе изготовлением и продажей средств, призванных, в известной степени, восстанавливать утраченное женское целомудрие. Чаще всего данным средствам придавался вид мази, воспользоваться которой, после получения соответствующих инструкций, могла любая заинтересованная в этом женщина. Использование странствующими студентами-медиками фармацевтических средств для удовлетворения имеющегося спроса на услуги подобного рода представляется весьма показательным, т.к. специфика их профессиональной деятельности, по большому счёту, обуславливала недоступность иных подходов, в том числе и хирургического вмешательства. В указанное время данная практика имела бытование в самых широких, охватывающих практически всю Европу, границах.

Испанские медики с университетской степенью в первой половине XVII в. могли похвастаться тем, что прочно занимали достойную нишу в светском обществе. Профессиональные связи академически образованных медиков простирались в кругах если не элитарных, то весьма влиятельных, что способствовало их вхождению в круг бомонда испанского общества конца XVI – первой половины XVII вв. Обязательным атрибутом преуспевающего медика-

²⁷¹ Сластёнин В.А. и др. Педагогика. – М., 2000. – С. 107.

²⁷² Фукс Э. История нравов. – Смоленск: Русич, 2002. – С. 62.

академиста должен был быть мул, на котором тот добирался до своих пациентов²⁷³. В социальной иерархии медики стояли значительно выше представителей самого массового отряда испанских университетчиков – артистов, что делало их постоянными объектами для острословия последних. Тем не менее, характеристики профессиональной повседневности обладателей университетских степеней по медицине, оставленные их собратьями по университетскому сообществу, позволяют нарисовать весьма колоритную картину.

Традиция изучения на медицинских факультетах курсов науки о ядах в Испании рубежа XVI-XVII вв., на фоне плачевного состояния качества профессиональных практик университетских медиков, способствовало закреплению за ними репутации «отравителей с научной степенью»²⁷⁴. Хотя следует признать, что яд не был самым опасным оружием университетских медиков, о чем свидетельствуют реалии профессиональной деятельности медиков-универсантов.

Следует отметить, что реальное содержание практики врачебной профессии в Испании на рубеже XVI-XVII вв. всё ещё было далеко от стандартов университетского медицинского образования. Подобное положение сохранялось несмотря на улучшение медицинского обслуживания городского населения и увеличения числа медиков, занимающихся врачебной практикой. Возникает зловещее предположение, что наличие университетской степени или лицензии освобождало медиков от ответственности за конечный результат лечения. Защищённые авторитетом своих *Alma maters*, медики не боялись потерять клиентов из-за внушительных размеров статистического показателя смертности, они могли себе позволить полностью его игнорировать, справедливо полагая, что истинное число своих жертв они узнают не раньше чем на Страшном суде²⁷⁵.

С развитием в рамках университетской организации профессиональноориентированного образования, особенно по мере усвоения достижений ближневосточной медицины и античного наследия в области врачевания, происходит оформление особой

²⁷³ Кеведо Ф. Сон о смерти // Избранное. – Л., 1980. – С. 342.

²⁷⁴ Кеведо Ф. Сон о преисподней // Избранное. – Л., 1980. – С. 270.

²⁷⁵ Кеведо Ф. Сон о Страшном суде // Избранное. – Л., 1980. – С. 238; 240.

системы профессионально-корпоративного контроля в области медицинской практики. Основой данной системы служили весьма непростые отношения между медицинскими факультетами и профессиональными корпорациями врачей, аптекарей и цирюльников.

В Испании конца XVI – первой половины XVII вв. данный механизм контроля продолжал действовать, но произошедшее сближение медицинских факультетов и корпораций врачей-практиков в значительной мере сказалось на его эффективности. В такой ситуации обычным делом было то, что назначивший неправильное лечение медик покрывал аптекаря-отравителя и закрывал глаза на проделки цирюльника-ассассина, которые, в свою очередь, сохраняли в тайне достоверную информацию об уровне медицинского обслуживания населения, составлявшего общую клиентуру этих трёх уважаемых метров²⁷⁶.

Профессиональная повседневность практикующих университетских медиков в Испании конца XVI – первой половины XVII вв. вписывалась в достаточно простую схему. При посещении больного начинать следовало с вопроса о его состоянии, далее необходимо изучить его пульс, после чего происходила «эвристическая» беседа, в ходе которой врач задавал вопросы, а пациент отвечал на них. Делалось это для выявления, путём отсечения лишних, комплекса симптомов болезни. Полученная симптоматическая картина позволяла поставить диагноз и прописать лечение. При подборе процедур и препаратов исходили из правила «чем проще, тем надёжнее». Соображения гуманности в расчёт чаще всего не принимались. Уходя, особое внимание следовало уделить вознаграждению за оказанные услуги. Главным событием последующих посещений пациента становилось придирчивое изучение продуктов жизнедеятельности его организма (обычно – мочи²⁷⁷).

Главная задача практикующих университетских медиков, как и их коллег по профессии без университетского образования,

²⁷⁶ Кеведо Ф. Сон о Страшном суде // Избранное. – Л., 1980. – С. 245.

²⁷⁷ Кеведо Ф. Книга обо всём и ещё о многом другом, составленная учёным и многосведущим во всех предметах единственным в своём роде наставником Мальсавидильо, написанная дабы удовлетворить любопытство прониры, дать пищу болтунам и потешить старушонок // Избранное. – Л., 1980. – С. 399.

заклучалась в неограниченном продлении болезни, так как она позволяла им регулярно получать со своих несчастных пациентов изрядные барыши. Минимальная такса за единовременное посещение врачом равнялась одному кuarto, что составляло 1/4 серебряного или 2/8 медного реала.

Высокая степень конкуренции в цехе профессиональных медиков в Испании конца XVI – первой половины XVII вв. подталкивала к изобретению разного рода приёмов, направленных на расширение и качественное совершенствование клиентуры практикующих врачей. Постепенно сложилась особого рода традиция, нормы которой регулировали повседневное поведение медиков в сферах, смежных с областью профессиональной деятельности²⁷⁸. Тот факт, что под воздействием норм названной традиции происходило формирование поведенческих стратегий, свидетельствует о развитии в рамках профессионально-корпоративного сообщества испанских университетских медиков, занимающихся, в том числе, врачебной практикой, в конце XVI – первой половине XVII вв. складывался комплекс гуманитарных технологий по «продвижению» определённого набора медицинских услуг, направленных на обеспечение уровня материального благосостояния, соответствующего положению, занимаемому в обществе университетариями-медиками.

К элите университетского сообщества Испании конца XVI – первой половины XVIII вв. относились и юристы, профессиональные практики которых в той же мере подвергались критическим нападкам со стороны артистического лиценциатства²⁷⁹. Благодаря знаниям в области современного законодательства и основ адвокатской профессии носитель университетской образованности в области права мог успешно конкурировать с юристами, получившими подготовку вне университета. Сами адвокаты-юристы считали такое занятие весьма достойным и выгодным, а их сокорпоранты по университетскому сообществу оценивали его как суетное и малодобродетельное ремесло. И дело здесь не только в зависти со

²⁷⁸ Там же. – С. 400.

²⁷⁹ Кеведо Ф. Сон о Страшном суде // Избранное. – Л., 1980. – С. 248., а также: Кеведо Ф. Час воздаяния, или разумная Фортуна // Там же. – С. 431-433.

стороны артистов, для которых перспективы адвокатской или судебной карьеры ограничивались должностью секретаря, а в том, что увеличение практикующих университетских юристов в то время не привело к сколько-нибудь заметным положительным переменам в правовой сфере испанского общества.

Повседневная профессиональная деятельность испанских университетчиков-юристов конца XVI – первой половины XVII вв. происходила среди книг с законами и комментариями к ним, которые выступали самым надёжным средством для проведения квалифицированной правовой экспертизы, подготовки официальных бумаг, направляемых в различные судебные органы, и для оказания консультационных услуг²⁸⁰. Особым шиком среди испанских университетариев-юристов того времени считалось совмещение учёных занятий по специальности и правоведческой практики. Репутация учёного-юриста благотворно сказывалась на количестве и качестве клиентуры практикующего правоведа.

Как и у коллег – медиков, в среде испанских университетских юристов сложился специфический профессиональный язык. Основу его составляли фразеологические клише, наиболее часто употребляемые в практике судебных разбирательств. Минимальный набор подобных риторических формул универсального назначения мог содержать около полутора десятков фраз²⁸¹.

Признаком хорошего тона считался ритуальный отказ от вознаграждения за оказанные профессиональные услуги. Обычное вознаграждение университетчика-юриста за оказание разовой услуги равнялось одному дублону (около 7,5 г. чистого золота)²⁸².

К наиболее распространённым видам непрофильной коммерческой деятельности представителей университетского сообщества XVI-XVIII вв. относятся различного рода азартные игры. На рубеже XV-XVI вв. в Париже даже ректоры университета подчас подозревались в пристрастии к игре в кости. В начале XVII в. студенты и бакалавры Пражского университета позволяли себе

²⁸⁰ Кеведо Ф. Мир изнутри // Избранное. – Л., 1980. – С. 335.

²⁸¹ Кеведо Ф. Час воздаяния, или разумная Фортуна // Избранное. – Л., 1980. – С. 432.

²⁸² Кеведо Ф. Сон о смерти // Избранное. – Л., 1980. – С. 362.

развлекаться игрой в карты. Иные из них становились отъявленными картёжниками.

В XVI-XVIII вв. перед представителями университетского сообщества немецких государств открывались перспективы получения средств к существованию и, при благоприятном стечении обстоятельств, даже обогащению, связанные с карьерой наёмного солдата²⁸³. На протяжении рассматриваемого периода многие армии в Европе и колониях пополнялись обширными контингентами выходцев из немецких государств. Однако нельзя согласиться с тем, что карьера наёмника привлекала только «опустившихся студентов». Напротив, перегрев европейской системы университетского образования в XVI-XVIII вв. подталкивал к наёмной воинской службе даже представителей весьма привилегированных слоёв и групп университетского сообщества.

Общества Европы XVI – конца XVIII вв. вырастали на мощном средневековом фундаменте с присущими ему символизмом, ордеральностью (страстью всё упорядочить, подчинить строгой, желательно иерархической системе), экспрессивной демонстративностью. В силу этого большое значение приобретал повседневный облик человека, в котором особое место занимала одежда. В этом отношении не было исключением и университетское сообщество, представители которого придавали большое значение возможностям подчеркнуть свой статус и профессию, предоставляемым одеждой.

На рубеже XV-XVI вв. повседневная одежда студента-артиста коллежа Торши Парижского университета выглядела следующим образом. Рубашка без воротника, просторный полукафтан, короткий камзол²⁸⁴ или вамс²⁸⁵ до бедра (некоторые авторы ошибочно именуют его жилетом), кафтан с подбитыми мехом широкими рукавами, тонкие но, не очень обтягивающие штаны на завязочках, ботинки

²⁸³ Фукс Э. История нравов. – Смоленск, 2002. – С. 104.

²⁸⁴ Вейс Г. История цивилизации: архитектура, вооружение, одежда, утварь: Иллюстрированная энциклопедия в 3-х томах. Новое время (XIV-XIX вв.). Т. 3. – М., 1998. – С. 64.

²⁸⁵ Иллюстрированная энциклопедия моды / Сост. Л. Кибалова, О. Гербенова, М. Ламарова. – Прага, 1988. – С. 519.

(кожаные или матерчатые) и плоская, тарелкообразная шапочка с твердым околышем (берет)²⁸⁶.

Ношение оружия было строжайше запрещено студентам в Европе, тем не менее пояс с подвешенным к нему кинжалом был весьма символическим аксессуаром одежды студентов. Наличие оружия у пояса ставило студентов в один ряд с добропорядочными горожанами. Особое значение этот элемент костюма приобретал в условиях слабой интегрированности университета в местное социокультурное пространство или во времена неустойчивости сложившейся социальной организации. Вызывает интерес то, что вооружёнными ходили студенты, проживавшие в университетских коллегиях, так как перед ними постоянно стояла проблема сокрытия своего оружия от академической администрации. Особо остро эта проблема должна была стоять перед студентами небольших университетов, но их бедственное состояние поощряло вооружение студентов, гарантируя им полную или почти полную безнаказанность. Примером такого положения дел может служить Пражский университет начала второго десятилетия XVII в.

Прекрасный «портрет» представителя самого массового после студенчества, отряда университетчиков – лиценциатства, оставил для нас выпускник 1600 г. университета Алькала-де-Энарес Франсиско Гомес де Кеведо-и-Вильегас (1580-1645). Описанный лиценциатом Кеведо коллега принадлежал к тем испанским обладателям *licentia ubique docendi*, которые избрали для себя духовную карьеру, а именно, занятия священника в рядовой городской церкви²⁸⁷. Тем не менее его облик представляется стереотипным для всего слоя испанских университетчиков, персонифицированного в образе лиценциата Калабреса, о котором Кеведо пишет следующим образом: «Опишу его: шапка что твой трёхэтажный дом, смахивающий на мерку в полселемина (т.е. объёмом в 2,3 литра – Д.Л.); препоясан – не слишком туго – кромкой какой-то материи;... вместо воротника изпод сутаны ворот рубахи торчит; в руке – чётки, за поясом плеть; башмаки огромные, грубые;... рукава словно после драки, все

²⁸⁶ Вейс Г. Указ. соч. – С. 67.

²⁸⁷ Кеведо Ф. Бесноватый алыгуасил // Избранное. – Л., 1980. – С. 253.

подраны и в лохмотьях;... на плаще заплата по здоровому сукну; неряшливость возводит в святость;...»²⁸⁸.

Помимо перечисленных характеристик, испанских лиценциатов искусств конца XVI – первой половины XVII вв. отличала весьма просторная одежда²⁸⁹, служившая для них своего рода опознавательным знаком.

Обязательным аксессуаром одежды немецкого протестантского профессора-артиста, посвящающего себя теологическим штудиям выступал капюшон²⁹⁰, видимо, чёрного цвета. Данная традиция восходит к одеянию М. Лютера, которое стало объектом подражания со стороны его последователей.

Уважающий себя практикующий университетский медик в Испании конца XVI – первой трети XVII вв. должен был одеваться в широкую мантию, носить перчатки на подкладке, а летом покрывать голову шляпой из тафты²⁹¹. Желая подчеркнуть свою принадлежность к высшему слою горожан, медики-универсанты могли облачаться в длинную куртку с белоснежным воротником и накидкой²⁹². Костюм преуспевающего университетчика – врача или желающего показаться таким, дополнял перстень с изумрудом или другим драгоценным камнем.

Совершенно особое место в повседневном облике испанских университетских медиков конца XVI – первой половины XVII вв. занимали перчатки и сильнодействующие парфюмерные средства. Перчатки медика, символизирующие чистоту рук, носили чрезвычайно важную функциональную нагрузку, предохраняя своего владельца от прямого соприкосновения с предметами и веществами, соприкосновение с которыми, хотя и противоречило нормам личной гигиены, но было неотъемлемой частью врачебной профессии. Скорее всего, в повседневном использовании у медиков-универсантов находился целый набор перчаток, хотя это зависело от уровня личной

²⁸⁸ Там же.

²⁸⁹ Кеведо Ф. Мир изнутри // Избранное. – Л., 1980. – С. 321.

²⁹⁰ Кеведо Ф. Сон о преисподней // Избранное. – Л., 1980. – С. 311.

²⁹¹ Кеведо Ф. Книга обо всём и ещё о многом другом, составленная учёным и многосведущим во всех предметах единственным в своём роде наставником Мальсавидилью, написанная дабы удовлетворить любопытство прониц, дать пищу болтунам и потешить старушонок // Избранное. – Л., 1980. – С. 399.

²⁹² Кеведо Ф. Мир изнутри // Избранное. – Л., 1980. – С. 335.

гигиены медика и от его благосостояния. Ароматические средства также несли функциональную нагрузку, так как были призваны заглушать запах зловонных веществ, попавших на одежду медика во время исполнения им своих обязанностей.

Уважающий себя испанский юрист с университетским образованием в конце XVI – первой половине XVII вв. носил остроносые туфли, берет и плащ с капюшоном²⁹³. Наличие этих аксессуаров в одежде должно было подчёркивать профессиональную принадлежность и соответствующий социальный статус её обладателя. Над происхождением именно такого набора компонентов повседневного костюма представителей юридической профессии в то время не задумывались. Напротив, он считался едва ли не данным от бога.

Регенты университетов Голландии в конце XVI – конце XVII вв. носили одежду, призванную подчеркнуть их корпоративную исключительность. Повседневной одеждой преподавателей голландских университетов того времени выступала тога или «табарт» – торжественный халат черного цвета, ниспадавший до пят, образуя на спине одну или несколько вертикальных складок. Воротник этого одеяния имел квадратную форму и закрывал плечи. Завершала ансамбль чёрная шапочка²⁹⁴.

Одежда представителя «неформальной аристократии» пражского студенчества начала второго десятилетия XVII в. состояла из достаточно просторной, но и столь же поношенной рубах (обычно светлых тонов), куртки, к которой при необходимости пристёгивались брыжи, широких, свободных штанов. Карманы этих штанов бывали весьма вместительными и служили местом хранения шпаргалок, в роли которых выступали порой целые тома *in folio*. Гордостью студенческого неформального аристократа являлись подтяжки, внешний вид которых в расчёт не принимался. Особый шик костюму пражского студента-артиста этого времени (особенно праздничному)

²⁹³ Кеведо Ф. Книга обо всём и ещё о многом другом, составленная учёным и многосведущим во всех предметах единственным в своём роде наставником Мальсавидилью, написанная дабы удовлетворить любопытство прониц, дать пищу болтунам и потешить старушенок // Избранное. – Л., 1980. – С. 401.

²⁹⁴ Зюмтор П. Повседневная жизнь Голландии во времена Рембрандта. – М.: Мол. гвардия, 2000. – С. 94.

придавало ношение кинжала и необходимого для этого пояса. Престижность этой детали костюма обуславливалась существованием в Праге запрета на ношение холодного оружия студентами. Неудивительно, что оружие было обязательным компонентом праздничного костюма студентов, в котором они являлись на различные городские торжества и гуляния. Наличие рапиры у пояса делало пражского студента начала второго десятилетия XVII в. похожим на благородного кавалера и тем самым обеспечивало ему дополнительную привлекательность в глазах представительниц слабого пола. Выгоды от следования гендерной стратегии, подразумевавшей в качестве обязательного условия наличие предметов вооружения в праздничном костюмировании, затмевали в сознании пражских университетариев возможные неприятные последствия столь вопиющего нарушения строгого запрета на ношение студентами оружия.

Следует отметить, что запрет на ношение оружия студентами (без относительно места его действия) входил в противоречие с унаследованными от средневековья сословными привилегиями дворянства и приобретёнными правами укрепляющей свои позиции городской буржуазии. Поэтому щеголять на праздниках оружием могли не только студенты дворянского происхождения, но выходцы из бюргерской среды.

Рассмотрение гендерной сферы университетского сообщества Европы несёт на себе отпечаток примитивизации и излишней схематичности. Подобное положение вещей в первую очередь связано со спецификой источников, содержание которых страдает излишней экспрессивностью и отягощено множеством подробностей, перенос которых на страницы исследований шёл в разрез с этическими нормами и законами научного жанра. Другая причина кроется в господстве в историографии упрощённых представлений о природе университетского образования и университетского сообщества. Утверждалось, в частности, что университеты представляли собой исключительно церковное учреждение, а потому на представителей университетского сообщества распространялось действие тех норм, которые регулировали поведение католического клира.

В первую очередь следует отметить, что подобное утверждение не соответствует истине само по себе. Кроме того, даже по отношению к клиру безбрачие допускает весьма неоднозначные толкования. В свете тезиса о не тождественности безбрачия и запрета на общение с женским полом гендерная сфера университетского сообщества в той его части, которой традиция предписывала «академический целибат», может характеризоваться следующим образом. Отказ от брака не имел ничего общего с воздержанием, т.к. не предполагал отказ от половой жизни вообще. Напротив, по мере оформления специфического статуса университетских корпораций, улучшения их материального положения, само собой обеспечивавшегося механизмами, предусмотренными функционированием феодального общества, в среде университетского сообщества получают широкое распространение наименее «благородные формы пользования жизнью»: чувственность и сладострастие²⁹⁵.

Справедливости ради надо признать, что к началу XVI в. этот процесс уже был далёк от апогея, по крайней мере, в том качестве, которое определялось условиями феодального общества средневековой Европы. К началу рассматриваемого периода можно говорить об очередном витке гендерной активности в среде «целибатованных» университетчиков, обусловленном расширением влияния норм ренессансного стиля жизни. Именно с проникновением ренессансных веяний в среду университетского сообщества, проводником которого ещё на рубеже XIV-XV вв. выступал в том числе и Ж. Жерсон, связано формирование моральных установок, оправдывавших гендерную свободу университетчиков. Совет, данный в свое время Жерсоном похотливым священникам, справедлив и по отношению к университетчикам XVI – начала XVII вв.: «Старайтесь делать это тайком, не в праздничные дни и не в священных местах и с незамужними женщинами»²⁹⁶.

Главная проблема гендерной сферы университетского сообщества в XVI-XVIII вв., с нашей точки зрения, заключалась в ограничении возможности вступления в законный брак для

²⁹⁵ Фукс Э. Указ. соч. – С. 125.

²⁹⁶ Цит. по: Фукс Э. История нравов. – Смоленск, 2002. – С. 131.

представителей тех слоёв и групп университариев, которые были связаны с промежуточными этапами процесса получения университетского образования, а потому не имевших достаточной квалификации и не обладавших минимально необходимым символическим капиталом, позволяющими претендовать на получение внутри сообщества того иерархического статуса, принадлежностью которого выступает право вступления в юридически оформленные брачно-семейные отношения. Перегрев европейской системы университетского образования только усложнял и без того непростую ситуацию с брачными перспективами студенческо-бакалаврско-лиценциатской братии. Совершенно неудивительно, таким образом, что избыточная гендерная активность университетчиков, не находя себе другого выхода, канализировалась путём обращения к «продажной любви», благо сердечное согласие и взаимовыгодное партнёрство с её жрицами было освящено давней традицией, оформившейся благодаря событиям, произошедшим в школах артистического факультета Парижского университета в начале второй половины XIV в.²⁹⁷

Испанские универсанты-артисты конца XVI – первой половины XVII вв. крайне негативно оценивали большую свободу гендерных отношений, доступную университетчикам-протестантам. Брачно-семейные отношения профессоров-артистов протестантских университетов, занимающихся теологическими штудиями, воспринимались как смертный грех²⁹⁸.

В начале второго десятилетия XVII в. студенты артистического факультета Пражского университета испытывали на себе влияние расшатывания устоявшихся регламентаций гендерных отношений, принятых в университетской среде. Увеличение меры интеграции в социокультурное пространство города, известные успехи в секуляризации карьерных перспектив, ослабление сословных норм регулирования гендерных и матримониальных отношений и, не в последнюю очередь, желание подчеркнуть таким способом светский характер студенчества Пражского университета в противоположность

²⁹⁷ Разрешение дофина Карла закрыть улицу Соломы (1358) // Документы по истории университетов Европы XII-XV вв. – Воронеж, 1973. – С. 142.

²⁹⁸ Кеведо Ф. Сон о преисподней // Избранное. – Л., 1980. – С. 311.

иезуитскому Клементинуму - всё это обуславливало возникновение в этой области своеобразных явлений. Пражские студенты-артисты, происходившие из слоёв, близких к городскому патрициату, и, соответственно, нацеленные на наследование занятий и положения своих предков, могли себе позволить иметь весьма широкую сеть гендерных связей. Адвокатская практика в сочетании с владением пивоваренным промыслом и ростовщицеством, служили, с одной стороны, залогом достаточно высокого и стабильного положения в городском обществе и, с другой стороны, не накладывали жестких ограничений в гендерной области в качестве обязательного фактора карьерного благополучия. Благодаря этому среди студентов бытовало мнение о том, что отпрыски известных буржуазных фамилий являются обладателя внушительных реестров, содержащих необходимую информацию если не обо всём, то о большей части женского населения Праги и ближайших её окрестностей. Следует отметить, что особую гордость пражских студентов-артистов в начале второго десятилетия XVII в. составлял список «непорядочных девушек» и публичных женщин. Справедливости ради необходимо обратить внимание на то, что составление подобных списков и обладание ими не было изобретением пражских университетчиков, тем более их исключительной прерогативой. Эксклюзивной скорее являлась внешняя форма данного компендиума – рукопись. В появлении в повседневном обиходе пражского студенчества подобного сочинения проявилось влияние ренессансной культуры. В Риме, Венеции и других итальянских городах развлекательные «Каталоги» и «Тарифы», содержащие информацию о куртизанках, их изображения и цены на оказываемые услуги, получили широкое распространение ещё в начале XVI в²⁹⁹.

Едва ли не единственным местом известной гендерной свободы, доступным пражским универсамтам в начале второго десятилетия XVII в., были праздники, участие в которых принимало практически всё население города, особенно молодёжная его часть. Устраивавшиеся на праздниках танцы создавали прекрасную возможность для галантного ухаживания и флирта. Студенты редко

²⁹⁹ Неверов О.Я. От составителя // Любовные позиции эпохи Возрождения. – СПб.: «Продолжение Жизни», 2002. – С. 9.

скупались тратить деньги на оплату музыкантов, способных обеспечить всему предприятию соответствующее музыкальное сопровождение. Но даже это место не было свободно от власти господствующих в университетском сообществе иерархических отношений, хотя форма проявления этой власти явно несла на себе отпечаток гуманизма. Нередко, пользуясь случаем, магистры наставляли студентов в общении с женщинами, предостерегали их об грозящих опасностях, делились с ними своим жизненным опытом. Многоопытные магистры предупреждали о нежелательности знакомства с женщинами, пользующимися румянами и притираниями, свидетельствующими об их непорядочности и плутовстве. Без преувеличения, пражские реалии были закономерным явлением для всего региона.

В то же время предостережения по поводу общения непорядочными и плутоватыми женщинами не были лишены основания. В XVI – начале XVII вв. студенты, особенно иногородние и иностранцы, воспринимались горожанами немецких земель как источник пополнения своего материального благосостояния. Главная роль в механизме изъятия ценностей и денежных средств у обеспеченных студентов принадлежала женщинам, приходившимся жёнами, сёстрами и даже дочерьми, почитавшим себя добропорядочными, бюргерам. Нравы эпохи допускали в качестве нормы возможность того, чтобы и «честные и благочестивые» женщины оказывали платёжеспособным студентам услуги определённого рода, получая в замен деньги и другие ценности, которые не только пополняли семейный бюджет, но и могли быть потрачены ею на свои собственные нужды³⁰⁰.

Для пражского бакалавра или магистра христианского вероисповедания женитьба означала конец преподавательской карьеры не только в университете, но и где бы то ни было. Собственно, даже бакалавр свободных искусств мог выступать весьма представительным женихом, но в таком случае в Чехии начала второго десятилетия XVII в. ему следовало забыть не только о продолжении образования в университете, но и о научной и

³⁰⁰ Фукс Э. Указ. соч. – С. 116.

преподавательской деятельности как в самой Пражской Alma mater, так и во всех школах города и королевства.

В начале XVII в. в Пражском университете всё ещё продолжали следовать традиции, запрещавшей всем преподавателям вступать в брак. Подобное положение дел сохранялось благодаря, с одной стороны, существованию старинных запретов, формально остававшихся в силе, и, с другой стороны, традиционной ориентации пражских университетчиков на карьерные перспективы, связанные с церковными должностями и обязанностями. Даже начавшаяся Реформация оказалась бессильной вразломить сформировавшуюся в условиях духовного господства католицизма традицию безбрачия магистров Пражского университета.

Исключение составляли преподаватели нехристианского вероисповедания. Речь в первую очередь идёт о магистрах иудейского происхождения. В Пражском университете на философском факультете в начале второго десятилетия XVII в. преподавал магистр иудейского происхождения. Проблема состояла в том, что у него к началу преподавательской деятельности в университете уже имелась многочисленная семья, наличие которой шло в разрез с нормами, предписывавшими регентам безбрачие. Однако выход был, скорее всего, найден. С одной стороны, безбрачие распространялось только на преподавателей-христиан, а, с другой стороны, дабы не смущать коллег и студентов, семья магистра-иудея проживала вне стен университетских коллегий в еврейском квартале.

Во второй половине XVIII в. преподаватели прусских университетов уже вовсю вкушали плоды либерализации гендерной и матримониальных сфер жизни университетского сообщества. Некоторое представление об этом позволяют составить факты и события из жизни магистра Кёнигсбергского университета И. Канта (1724-1804). Единственным серьёзным препятствием на пути к счастливой семейной жизни для молодых преподавателей университета оставалась известная ограниченность в средствах, а говоря проще, бедность. С годами, став маститыми профессорами, университетчики оставались верны холостяцкому образу жизни уже в силу привычки, но нередко сказывались и физиологические причины. Сам Кант писал об этом следующим образом: «Когда мне могла

понадобиться женщина, я не был в состоянии её прокормить, а когда был в состоянии её прокормить, она уже не могла мне понадобиться»³⁰¹.

Однако не следует приуменьшать роль женщин в жизни прусских университетариев второй половины XVIII в. Приват-доцент Кёнигсбергского университета, даже обладающий весьма скромными внешними данными и материальными ресурсами, при известной изобретательности и обходительности мог снискать славу галантного кавалера. Согласно ряду свидетельств наибольшая активность магистра Канта в гендерно-матримониальной сфере приходится на 60-е годы XVIII в. Именно на это время приходятся романтические отношения с Луизой Ревеккой Фриц (по её собственным категорическим утверждениям) и Марией Шарлоттой Якоби (о чем свидетельствует её письмо к Канту). Если в первом случае о содержании и характере отношений ничего не известно, то во втором – «мои часы будут заведены»³⁰² – не допускают сомнений на сей счёт. Интимную связь между двадцатитрёхлетней красавицей и тридцативосьмилетним «галантным магистром» следует рассматривать скорее как обыденное явление, нежели как исключение. Что до внебрачного характера этих отношений, то для того времени это было делом весьма частым. Для мужчины той эпохи обычным было сочетание двух черт поведения: безбрачие и бонвиванство. Здесь можно усматривать проявление стиля жизни «галантного века», но для нас всё же важнее то, что и представители университетского сообщества оказывались его носителями, оставаясь при этом инкорпорированными, интегрированными членами данного сообщества.

В третьей четверти XVI в. у профессоров Венского университета недоставало ни дарования, ни учёности, ни любви к труду и своей профессии, тогда как их конкуренты – профессора иезуитской коллегии демонстрировали обладание всеми этими качествами в превосходной степени.

Случалось так, что студенты, явившиеся на занятия, прождав несколько часов у дверей университетского здания, зимой – на

³⁰¹ Цит. по: Гулыга А.А. Кант. – М.: Сортатник, 1994. – С. 64.

³⁰² Цит. по: Гулыга А.А. Кант. – М., 1994. – С. 65.

морозе, могли так и не удостоиться радости видеть своих наставников. Примером столь низкой дисциплины преподавателей может служить Пражский университет конца XVI - начала XVII вв., профессора которого в это время могли позволить себе читать одну или две лекции в семестр, а нередко и вообще обходиться без лекций³⁰³. Естественно, что студенты, видя подобную халатность своих наставников, сами предпочитали посещение трактиров и кабаков университетским студиям. Даже ужесточение норм дисциплинарного воздействия, произошедшее при ректоре Кампанусе (возглавлял университет вплоть до 1622 г.), безжалостно сажавшем студентов в карцер за пропуски лекций, не привело к ощутимому улучшению положения дел с посещаемостью занятий и учебной дисциплиной. Тем более, что принимаемые меры носили половинчатый характер, так как посадить под замок в университетское узилище студента ректор мог, а вот заставить профессора Есенского, например, проводить занятия по анатомии и хирургии, а не колесить по Европе с дипломатическими поручениями, было выше его власти, тем более медицинский факультет Пражского университета к этому времени практически самоликвидировался.

Немаловажной помехой в учебной деятельности служили разного рода празднества и приуроченные к ним корпоративные акции студенчества. В 1612 г. экзаменационные испытания для соискателей степени бакалавра свободных искусств на философском факультете Пражского университета начиналась 28 сентября, а 27 сентября весь добрый люд города Праги отмечал день Св. Вацлава, по случаю которого проводилось массовое гуляние, остаться в стороне от которого не мог себе позволить ни один уважающий себя студент. Тем более, что речь шла о достаточно взрослых студентах, а бакалаврские экзамены происходили в каникулярное время (со дня Св. Якуба – 25 июля – до 16 октября – дня Св. Гавла), которое уже стремительно приближалось к завершению. Поэтому будущие бакалавры использовали последние часы не для подготовки к предстоящим испытаниям, а тратили их на развлечения, выпивку и

³⁰³ Игнатович В.В. Немецкие университеты в развитии их исторической и современной жизни. – Ч. 1. II период. – СПб., 1864. – С. 31.

неизбежные в условиях Праги того времени потасовки со студентами Клементинума.

Ещё одним новшеством начала второго десятилетия XVII в. в Пражском университете стала установка в Каролинуме новых часов немецкого производства. В результате время начала лекций стало более определённым и чётко фиксируемым. Однако в студенческих коллегиях оставались старинные чешские часы, давно уже не исправные, и, следовательно, обитатели этих коллегий не имели возможности выдерживать дисциплину посещения занятий, начинавшихся по немецким часам в профессорской коллегии.

До появления современных массмедиа книжная коммуникация была едва ли не единственной формой опосредованной передачи интеллектуальной информации. В рамках европейского университетского сообщества XVI-XVIII вв. сложилась устойчивая система книжной коммуникации, способствовавшая выполнению возложенной на европейский университет социокультурной миссии. Под системой книжной коммуникации нами будет пониматься упорядоченная совокупность социокультурных практик, а также норм их регулирующих и формирующихся вокруг них институтов и организаций, обеспечивающих производство, циркуляцию, накопление, использование в учебно-научных, воспитательных и досуговых целях текстовой и графической информации облечённой в форму книги.

Принципиальным отличием средневековой европейской системы университетского образования как субъекта книжной коммуникации от всех остальных её участников выступало то, что университетское сообщество не только потребляло и транслировало её, но и наращивало объём обрабатываемого материала. Европейские университеты занимали прочные позиции в качестве производителей книжной продукции. В XVI-XVIII вв. перед университетским сообществом Европы встала новая проблема, заключающаяся в возникновении такого явления как «информационный взрыв». Предпосылки его закладывались всем предшествующим развитием книжного производства, обслуживавшего нужды системы университетского образования. Изобретение книгопечатания только усугубило назревавшую проблему, сделало её более острой.

Разразившийся кризис затронул, в первую очередь, именно внутрисистемных книгопроизводителей и тех, кто обеспечивал и поддерживал функционирование системы книжной коммуникации университетского сообщества: стационариев, книготорговцев, типографистов-книгоиздателей, переписчиков и библиотекарей. Повседневная жизнь этих представителей университетского сообщества предопределялась спецификой их социокультурных ролей и функций, львиная доля которых составляла каркас системы книжной коммуникации. Внушительные объёмы литературы обрушивались на систему университетского образования, вызывая перенасыщение её учебно-научными текстами и разрушая устоявшиеся практики профильной деятельности. Уже к концу первой трети XVI в. стало очевидно, что книжная коммуникация системы университетского образования нуждается в преобразовании. В новых условиях главным становился вопрос о качестве содержания книг, вовлечённых в процесс учебно-научной деятельности университетского сообщества. Испанский ученый и педагог Хуан Луис Вивес вскрыл закономерность, связывающую воедино качественные характеристики содержания книжной коммуникации и собственно университетского образования³⁰⁴.

В конце XVI – первой половине XVII вв. в среде испанских университетчиков – классических гуманитариев, т.е. артистов, укрепилось мнение о том, что наиболее эффективным способом спасения собственного интеллектуального и литературного наследия от тлетворного действия времени является его облечение в форму печатного издания³⁰⁵.

В рассматриваемый период происходили подвижки в обеспечении процесса университетского обучения необходимой литературой. Сколь радикальными не были бы перемены в этой области, получение университетского образования не мыслилось без обладания определённым количеством книг. В конце XIV в. бедный, но преданный науке студент мог располагать собственной

³⁰⁴ Вивес Х.Л. О причинах упадка искусств // Библиотека в саду: Писатели античности, средневековья и Возрождения о книге, чтении, библиофильстве. – М.: Книга, 1985. – С. 178-181.

³⁰⁵ Кеведо Ф. Наслаждаясь уединением и учёными занятиями, автор сочинил сей сонет // Избранное. – Л., 1980. – С. 37.

библиотекой, насчитывавшей двадцать книг, а его современник придворный интеллектуал без университетского образования гордился библиотекой размером в шестьдесят книг. Но произошедшая «коллежская революция» и ряд других причин привели к значительному увеличению роли крупных книгохранилищ корпоративного пользования. В XVI-XVIII вв. стало очевидным, что университетские колледжи и другие структуры должны не только обеспечивать студентов меблированными комнатами, но и предоставлять приемлемые возможности для учебных и научных занятий. Самый загадочный университетчик Франции первой половины XVII в. Арман Жан дю Плесси кардинал Ришелье, осознавая это, завещал свою великолепную библиотеку в 7285 книг старейшему колледжу Парижского университета Сорбонне. После этого библиотека Сорбонны стала одной из лучших в Европе³⁰⁶.

Отрадно осознавать, что революция в европейском востоковедении рубежа XVI-XVII вв., выведшая голландские университеты на лидирующие позиции в этой области, была подготовлена преобразованиями системы книжной коммуникации. Стараниями своих выпускников кафедра арабского языка Лейденского университета приобрела типографию со специализацией на издании литературы на турецком, эфиопском и ряде семитских языков и коллекцию восточных рукописей, насчитывавшую 300 томов, общей стоимостью в две тысячи гульденов³⁰⁷.

Внушительные книжные собрания имелись у испанских университетариев-правоведов. Представители высших слоёв этой «аристократической» группы могли себе позволить иметь специальный кабинет-библиотеку для научных и «практических» занятий, книжное собрание которой, по средним меркам, могло насчитывать до нескольких десятков сотен книг. Однако все эти сокровища для испанских университетских законников конца XVI – первой половины XVII вв. имели зачастую чисто декоративное значение, так как их реальный круг чтения был значительно уже, а юридическая практика вообще не нуждалась в использовании

³⁰⁶ Андреев А.Р. Гений Франции, или Жизнь кардинала Ришелье. Документальное историческое исследование. – М.: Белый волк, 1999. – С. 146.

юридической литературы, а строилась подчас на принципах, весьма далёких от норм правовой науки³⁰⁷.

Функционирование европейской системы университетского образования было немислимо без надёжного комплекса каналов связи, обеспечивавших передачу информации между структурами и агентами университетской организации, действовавших на всех её уровнях. Благо, что жизнь университетского сообщества Европы постоянно предоставляла поводы для информационного взаимодействия и обмена. Университеты регулярно сносились с церковными и светскими властями, что порождало потоки циркулирующей документации. *Alma maters* поддерживали связь между собой, позволявшую получать консультации по наиболее важным вопросам. Но происхождение наиболее обширных потоков информации было связано с рядовыми членами университетского сообщества. Студенты и магистры поддерживали контакты с родными. Университетчики осчастливливали своих домашних великолепными письмами, выполненными в соответствии со всеми правилами эпистолярного жанра (многие из них создавались при помощи особого рода клише – близкого родственника принятых в юридической практике средневековья формул), а в ответ получали столь необходимые им вещи, продукты, деньги, а также (и весьма часто) всевозможные наставления. Бенефициарии при помощи университетских каналов связи могли управлять своими «доходными местами» и получать причитающиеся им доходы.

В XV-XVI вв. существовали два способа продвижения информации по университетским каналам связи. В папскую курию, к монархам и местным церковным иерархам направляли депутатов либо нарочных курьеров. Но большая часть информации передавалась университетскими посланниками³⁰⁹. Для доставки сообщений в какую-либо страну или область определялся специальный посланник, в роли которого, по обыкновению, выступал некий купец, имеющий в соответствующей местности коммерческие интересы. Посланники,

³⁰⁷ Зюмтор П. Повседневная жизнь Голландии во времена Рембрандта. – М., 2000. – С. 151-152.

³⁰⁸ Кеведо Ф. Сон о смерти // Избранное. – Л., 1980. – С. 361.

³⁰⁹ Уваров П.Ю. Университеты и идея европейской общности // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. – М.: Наука, 1993. – С. 118.

присягнув на верность университетской корпорации, обязались доставлять порученную ему корреспонденцию. Расторопность университетских посланников стимулировалась фискальными и таможенными льготами, предусмотренными для «подданных» *Alma maters*. Освобождённые от уплаты налогов и пошлин, университетские посланники создали мощную партикулярную систему почтовой связи, охватывавшую не только практически всю Европу, но и некоторые территории за её пределами.

Надо признать, что почтовая связь в рамках университетского сообщества значительно опережала в своём развитии гражданский сектор в данной сфере услуг. В первой половине XVII в. из всех частей-доменов Парижа только Университет обладал собственной почтой³¹⁰.

Повседневная жизнь представителей университетского сообщества Европы XVI-XVIII вв. была связана с частыми перемещениями. Поездки эти могли быть как весьма далёкими (пересечение Атлантического океана в обоих направлениях, академический пилигримаж за границу, деловая поездка за пределы христианской Европы и др.), так и совершенно близкими (путешествия внутри города, квартала, поездки за город или в соседний город). В результате в повседневную жизнь университетчиков входили вопросы транспорта и средств передвижения.

Излюбленным средством передвижения университетчиков внутри города, а также во время не очень дальних поёздок по окрестностям, в Испании и Франции выступают ослы и мулы.

Врачи представляют собой именно ту группу университетчиков, для которых организация локальных перемещений имела первостепенно значение, так как от этого зависела оперативность получения пациентом медицинской помощи. В связи с этим считалось необходимым, чтобы врач добирался до больных при помощи мула. Эта практика была так распространена в Испании конца XVI – первой трети XVII, что мул стал своего рода транспортным символом медицинской профессии. Мулы медиков должны были быть покрыты

³¹⁰ Мань Э. Повседневная жизнь в эпоху Людовика XIII. – СПб., 2002. – С. 15.

чёрными попонами, из-за чего острословы называли их «могилами с ушами»³¹¹.

Рассмотренные изменения в области повседневной жизни членов университетского сообщества позволяют выявить ряд закономерностей и сформулировать теоретические выводы.

Рассматривая процессы трансформации структур повседневности европейского университетского сообщества на заре нового времени, следует говорить о трёхуровневой детерминации данных процессов. Первый уровень содержит условия социально-экономического плана: генезис капитализма, процесс первоначального накопления капитала, изменение географии рынков, революция цен, инфляция. Ко второму уровню следует отнести изменения «политического климата» в Европе и колониях: складывание национальных государств, формирование абсолютизма, столкновение политических интересов как на континенте, так и за его пределами. На третьем уровне располагается ряд социокультурных явлений и процессов, оказавших существенное влияние на трансформационные процессы: ренессанс, гуманизм, реформация, секуляризация, контрреформация, Просвещение и др. Следует отметить, что влияние факторов социально-экономического и политического характера на трансформацию структур повседневности университетского сообщества в значительной степени опосредовалось социокультурными аспектами.

Отправным моментом трансформации организации повседневной жизни университетского сообщества Европы следует признать деформацию средневековых традиций университетского быта. В результате подобной деформации возникали гипертрофированные формы повседневной жизни, чуждые прошлому и неприемлемые для будущего. В немалой степени этому способствовало влияние позднеренессансного, «раблезианского» стиля жизни.

Реформация, как проявление адаптации христианства к идеологическим потребностям складывающегося буржуазного общества, оказала значительное влияние на повседневную жизнь университетского сообщества Европы не только там, где церковные реформы увенчались известным успехом, т.е. в протестантских

³¹¹ Кеведо Ф. Сон о смерти // Избранное. – Л., 1980. – С. 342.

странах, но и в католической части континента. Причину этого явления надлежит видеть в устойчивом единстве европейского университетского сообщества, сохранившего свою общность на фоне религиозно-политического раскола Европы. Комплекс стереотипов университетской повседневной жизни, унаследованных от средневековья, в рассматриваемый период, хотя и подвергаясь трансформации, всё же продолжал своё существование.

Трансформация структур повседневности университетского сообщества Европы XVI-XVIII вв. происходила одновременно с изменением ценностных ориентаций, хозяйственной этики и социальной психологии корпорантов. Повседневная жизнь корпорантов позволяет проследить смену системы ценностей, заключающуюся в отказе от феодально-аристократических ценностных ориентаций и обращении к мещанско-буржуазному аксиологическому комплексу.

Анализ отдельных особенностей трансформации структур повседневности европейского университетского сообщества XVI-XVIII вв. позволяет выделить позитивные тенденции в развитии академического социума, лежащие в основе не только его системной устойчивости, но и значительного творческого адаптивного потенциала, открывавшего перспективы дальнейшего развития университетского образования. В свете сказанного трансформацию структур повседневности следует признать одним из ключевых аспектов адаптации университетского сообщества к условиям формирующегося буржуазного общества, создающим задел для многоплановых преобразований системы университетского образования в целом.

В заключение главы подведём итоги. Рассмотрев изменение социальных функций университетского образования, характерные черты университетского сообщества Европы XVI – конца XVIII вв. и трансформацию его структур повседневности, представляется возможным сделать ряд выводов.

Во-первых, полученные результаты свидетельствуют в пользу правомерности применения в рамках исследования социокультурной эволюции университетского образования рассматриваемого периода, использованных нами концептов: социальная функция

университетского образования, университетское сообщество и структуры повседневности университетского сообщества.

Во-вторых, оправданным представляется избранный подход к изучению социокультурной эволюции университетского образования в Европе XVI – конца XVIII вв., не только предполагающий двойственную функциональную детерминацию, но и учитывающий его человеческое измерение, а так же позволяющий выявить структурную организацию университетской повседневности, в чём следует видеть воплощение принципов системного подхода к исследованию университетского образования как исторического явления.

В-третьих, следует вести речь об увеличении степени функциональной дифференциации европейского университетского образования XVI-XVIII вв. по сравнению с предшествующей исторической эпохой, что свидетельствует о приобретении системой университетского образования качественно нового состояния, принципиально отличного от тех, которые были свойственны для средневекового этапа её истории. Результатом усиления функциональной дифференциации университетского образования в рассматриваемый период выступило углубление интеграции системы университетского образования с организационной структурой социокультурного пространства европейских обществ не только в пределах узкого географического ареала, но и за его пределами, в колониях, что стало возможным благодаря существованию своего рода непрерывности культурного контекста, в обеспечении которой самой системе университетского образования отводилась далеко не последняя роль.

В-четвёртых, свёртывание функциональной дифференциации университетского образования, либо угнетение его отдельных функций было следствием целенаправленного социального инжиниринга, проводимого формирующимся государством современного типа на стадии абсолютизма, чью политику в данной области отличают приверженность к простым, но эффективным решениям в технократическом ключе, и настойчивое стремление к учрежденческой трансформе организационной структуры поля образовательной деятельности высшего порядка.

В-пятых, рассматриваемый период характеризуется увеличением интеграции университетского сообщества в социальную ткань обществ Европы и колоний, за счёт более глубокого проникновения его сочленов во многие сферы общественного бытия, среди которых особенно выделяются профессиональные ниши-области, оказавшиеся доступными для университетских интеллектуалов.

В-шестых, социально-антропологический облик членов европейского университетского сообщества XVI-XVIII вв. отличается известной вариативностью. Габитусный ряд университетского сообщества отличается целостностью, гибкостью и устойчивостью существования, в чём следует видеть один из важнейших ресурсов сохранения начал университетской корпоративности.

В-седьмых, учрежденческая трансформа сферы образовательной деятельности высшего порядка вызвала изменения в социально-антропологическом облике членов университетского сообщества Европы рассматриваемого периода, но и университетское сообщество в значительной степени повлияло на формирование элитарных групп, функционирующих в обществах вовлечённых в процесс складывания государства современного типа на стадии абсолютизма.

В-восьмых, эволюция социального универсума и целенаправленный социальный инжиниринг способствовали разрушению обособленного университетского социокультурного пространства. На фундаменте университетской пространственной обособленности в дальнейшем получила развитие традиция создания образовательного пространства высшей школы, как фактора образовательной деятельности высшего порядка.

В-девятых, трансформации структур повседневности университетского сообщества выступают неотъемлемой частью процесса эволюции европейской системы университетского образования XVI – конца XVIII вв., тонко реагирующей на изменения происходящие как внутри системы, так и в её социокультурном окружении.

В-десятых, структуры повседневности университетского сообщества Европы и колоний XVI – конца XVIII вв. несли на себе отпечаток процесса формирования буржуазного общества. Макроэкономические сдвиги, трансформации устоявшихся моделей

ведения хозяйства и системы обеспечения материальными ресурсами, связанные со становлением и утверждением доминирующей роли капиталистических отношений изменяли контуры организации повседневной жизни университетского сообщества, обновляли её внутреннее содержание.

В-одинадцатых, повседневная жизнь университетского сообщества Европы рассматриваемого периода играла роль не только зоны проникновения изменяющего воздействия, но и области аккумуляции трансформаций, оказывавших, в свою очередь, влияние на эволюцию европейской системы университетского образования в целом.

В-двенадцатых, на повседневную жизнь университетского сообщества Европы XVI – конца XVIII вв. свой отпечаток наложил процесс секуляризации. Именно в сфере повседневной жизни университетского сообщества закладывались предпосылки для своего рода здорового оппортунизма, позволявшего всей системе университетского образования адекватно реагировать на вызовы стремительно изменяющегося оружающего мира. Именно трансформации структур повседневности, произошедшие под влиянием секуляризации, стимулировали изменение характера корпоративности университетского сообщества в направлении доминирования светских начал.

Трансформации структур повседневности университетского сообщества Европы рассматриваемого периода оказали значительное влияние на изменения в содержании университетского образования и системе используемых в им гуманитарных технологий. Таким образом, закономерным шагом будет обращение к исследованию названных аспектов исторического бытования европейской системы университетского образования XVI – конца XVIII вв.

Глава 3

Содержание университетского образования и развитие гуманитарных технологий в европейской системе университетского образования XVI – конца XVIII вв.

3.1 Традиции и инновации в содержании университетского образования.

Изучение эволюционных трансформаций содержания университетского образования в XVI – конце XVIII вв. всё ещё находится в зачаточном состоянии. В университетской историографии XIX – начала XX вв. вопросы изменения содержания университетского образования в Европе рассматриваемого периода не получили должного освещения. Помимо причин связанных с направленностью научных интересов исследователей, препятствием в изучении эволюции программ университетского образования выступает известная ограниченность круга источников, пригодных для использования. Чаще всего исследователи обращались к университетским уставам, способным пролить свет на трансформации содержания университетских учебных планов. Однако сами университетские уставы не позволяют составить ясного представления о том, как обстояли дела на уровне отдельных факультетских школ, проследить механизм эволюционных изменений, так как все предпринимавшиеся в интересующую нас эпоху пересмотры академического законодательства лишь только подтверждали перемены, произошедшие давным-давно. Кроме того, от внимания исследователей ускользали изменения в содержании университетского образования, происходившие за пределами географических и структурных центром европейской системы университетского образования XVI – конца XVIII вв., и, как следствие, механизм осуществления содержательной эволюции университетского образования.

В рамках феноменологического подхода к университетской истории Европы XVI-XVIII вв. было предложено решение, заключавшееся в проведении исследований, направленных на

реконструкцию учебных курсов университетских регентов³¹². Надо признать, что, действуя в указанном направлении, исследователям удалось получить убедительные и ценные в научном отношении результаты. В то же время стала очевидна ограниченность исследовательского потенциала феноменологического подхода к изучению университетской истории, проявившаяся в невозможности осуществить не только обобщения (которые в действительности не шли дальше факультетских рамок), но и просто широкоформатные реконструкции (неприемлимые для методологии феноменологического подхода).

Таким образом, представляется возможным сформулировать задачи стоящие перед нами в рамках данного раздела. В первую очередь, речь следует вести о качественной эволюции образованности, культивируемой европейской системой университетского образования XVI – конца XVIII вв. Далее, наше внимание будет сконцентрировано на механизмах эволюционных изменений содержания университетского образования и способах их аккумуляции системой. Третья задача состоит в комплексном рассмотрении двух аспектов качественной эволюции системы университетского образования: учебного и научного, выявлении закономерностей взаимовлияния между ними. Следующая задача заключается в рассмотрении влияния изменяющегося университетского образования на сферу интеллектуальной жизни общества. Последняя из поставленных перед нами задач связана с выяснением характера соответствия между культивируемой образованностью и арсеналом наличных гуманитарно-технологических средств, обнаруживаемого европейской системой университетского образования XVI – конца XVIII вв.

Для решения поставленных задач нами принята схема структурирования массива университетской образованности, предложенная в рамках феноменологического подхода³¹³. Кроме того, исходная схема дополнена с учётом специфики системной интерпретации университетского образования. Для удобства

³¹² Броклис Л. Университет в ранний период современной истории: учебные планы (Реферат) // *Alma mater* (Вестник высшей школы). – 2002. - № 1. – С. 44.

³¹³ Там же.

структурирования изложения материала абстрактной, базовой структурно-организационной единице системы университетского образования приписывается четырёхфакультетская конфигурация. Базовому уровню предпосылается мощный квазиуниверситетский слой, примыкающий к сегменту массива университетской образованности, закреплённому за артистическим (философским) факультетом. Использование подобной схемы позволит, с нашей точки зрения, рассмотреть эволюцию содержания университетского в Европе XVI – конца XVIII вв. в наиболее полной мере.

На протяжении XVI-XVIII вв. языковая подготовка студентов факультета свободных искусств была, прежде всего, связана с изучением латыни. Тем не менее, монопольное положение латинского языка в учебных программах было поколеблено. На артистических факультетах получает развитие изучение греческого и еврейского языков. Под давлением учёных-гуманистов изучение этих дисциплин уже в первые десятилетия XVI в. получает соответствующее организационное оформление в масштабах всей университетской Европы. В некоторых университетах введение изучения греческого и еврейского языков сопровождается созданием специальных колледжей.

Есть основания полагать, что даже в наиболее известных университетах Испании, таких как Алькала-де-Энарес и Вальядолид, в конце XVI - первой трети XVII вв. изучение греческого и еврейского языков находилось не на самом высоком уровне. Причина тому видится в практически полном отсутствии квалифицированных специалистов³¹⁴, способных обеспечить нормальное преподавание этих языков в испанских университетах.

Обновление артистического образования происходило и за счёт восточных языков. С конца XVI в. востоковедные дисциплины занимают все более прочные позиции в программах нидерландских университетов. В Лейденском университете была учреждена кафедра арабского языка. Благодаря помощи её выпускников при кафедре была создана типография, специализировавшаяся на литературе на

³¹⁴ Кеведо Ф. Книга обо всём и ещё о многом другом, составленная учёным и многосведущим во всех предметах единственным в своём роде наставником

семитских языках, а также эфиопском и турецком. Таким же образом происходило формирование книжного собрания кафедры. Начало этой библиотеке было положено приобретением Голием коллекции из 300 томов восточных рукописей общей стоимостью в две тысячи гульденов. Кроме того, им был составлен арабско-латинский словарь, помощь в работе над которым оказывали специально приглашённые восточные учёные – христианский священник из Алеппо, выходцы из Персии и Армении³¹⁵. Всё это способствовало тому, что к 1600 г. голландские университеты стали центрами востоковедного образования и исследований мирового масштаба. И на протяжении XVII в. книжное собрание восточной литературы неоднократно пополнялось. В 1629 г. Лейденской *Alma mater* одновременно на приобретение партии восточных трудов было затрачено четыре с половиной тысячи гульденов, что составляло около одной седьмой части суммы ежегодных расходов университета на покупку книг, каковой она стала к концу XVII в³¹⁶. В Англии в рамках Оксбриджской университетской «квазиимперии» в начале XVIII в. течение какого-то времени действовали не менее двух кафедр арабского языка.

Помимо арабистики в рамках университетского востоковедения в Англии и, особенно, Голландии XVII в. определённое развитие получает изучение Японии. Возникновение голландского университетского японоведения, с нашей точки зрения, связано с функционированием торговых факторий в Хирадо, а позднее (с 1641 г.) на острове Дэдзима в бухте Нагасаки. Сведения о Стране Восходящего солнца доставлялись в метрополию через систему двух информационных каналов. Оба эти канала были связаны с так называемой «университетской начинкой» фактории. Первый канал связан с представителями голландской университетской молодёжи, высланными за океан в воспитательных целях. Сделанные ими наблюдения стимулировали их интерес к дальнейшему изучению Японии, который по возвращению на родину создавал предпосылки

Мальсавидильо, написанная дабы удовлетворить любопытство проныр, дать пищу болтунам и потешить старушонок // Избранное. – Л., 1980. – С. 399.

³¹⁵ Зюмтор П. Повседневная жизнь Голландии во времена Рембранда. – М.: Мол. гвардия, 2000. – С. 152.

³¹⁶ Там же. – С. 148.

для спроса на соответствующее специализированное образование. Вторым каналом обеспечивался усилиями университетских интеллектуалов более солидного возраста. Эти голландские университетчики, чаще всего – врачи³¹⁷, накапливали разнообразные сведения о многих сторонах жизни японского общества, которые могли использоваться ими как написании научных и научно-популярных работ, так и непосредственно в преподавании, спрос на которое создавался названными ранее «возвращенцами». Значительная научная и преподавательская активность именно представителей медицинского персонала голландской торговой фактории предопределила специфику сведений составлявших содержание университетского японоведения. Речь следует вести о натуралистической информации, этнопсихологических наблюдениях и сведениях политического характера, т.е. о тех аспектах японских реалий, на усвоение которых медики были в наибольшей степени ориентированы в силу своего образования и специфики профессиональной деятельности. Данный механизм научной и образовательной коммуникации обеспечивал потребности не только голландского, но и вообще европейского университетского японоведения вплоть до середины XIX в.

Помимо ориенталистики в программы обучения на факультете свободных искусств постепенно входило изучение иностранных языков. Чаще всего изучался один иностранный язык, реже – два, что зависело от географического положения университета и особенностей внешних связей данной местности или государства. В конце XVI в. в университете Бордо имелась профессорская кафедра голландского языка, а в Лейденском университете – французского языка. Расширение программы лингвистической подготовки студентов артистического факультета не привело к изменению положения родного языка, находившегося в пренебрежении вплоть до первой половины XVIII в. Даже к концу рассматриваемого периода лишь небольшое число университетов последовало примеру Парижской

³¹⁷ Прасол А.Ф. Становление образования в Японии (VIII-XIX века). – Владивосток: Дальнаука, 2001. – С. 287.

Alma mater, сделавшей родной язык полноправной дисциплиной программы обучения³¹⁸.

Изменения затронули и столь традиционный аспект лингвистической подготовки студентов артистических факультетов как изучение латыни. В содержательном отношении грамматическое ядро курса латинского языка было дополнено риторическим компонентом. В структуре курса риторике отводился заключительный этап.

Изучение древних языков опиралось на корпус классических текстов. Формирование и бытование его в XVI – конце XVIII вв. хоть и восходит к текстовому конформизму прешествующего периода, однако не является его прямым результатом. Напротив, складывание комплекса классических текстов, использующихся в обучении на факультетах свободных искусств, шло путём преодоления практики личных предпочтений преподавателей. Кроме того, бытование данного комплекса текстов определялось, в том числе, таким фактором как мода. Тексты, изучавшиеся в Страсбуре в XVI в., были востребованы в Базельском университете в XVII в., а в Париже пик их популярности приходится на преддверие Великой Французской буржуазной революции.

В состав свода учебных классических текстов, в большинстве случаев, входили произведения Гомера, Демосфена Лукиана, Цицерона, Ливия, Вергилия, Горация и Овидия, в начале-середине XVII в. он приобрёл несколько иное содержание, охватывая отдельные сочинения Цицерона, Ливия, Платона, Аристотеля, Плутарха, Тацита, Геллия, Гиппократ, Галлена, Цельса, Августина, Иеронима и ряда других авторов³¹⁹. Несмотря на обширность перечня изучаемых авторов, студенты в весьма малой степени могли оценить изящество классической литературы, так как прямого доступа к ней не имели. Используемые в обучении тексты адаптировались согласно профессиональным, моральным и политическим принципам той или иной Alma mater.

³¹⁸ Броклис Л. Университет в ранний период современной истории: учебные планы (Реферат) // Alma mater (Вестник высшей школы). – 2002. - № 1. – С. 47.

³¹⁹ Коменский Я.А. Великая дидактика // Избранные педагогические сочинения: В 2-х т. – Т. 1. – М.: Педагогика, 1982. – С. 461.

Результатом шести-семилетнего курса латинского языка было приобретение студентом некоего объёма знаний, умений и навыков, позволявших ему не только свободно говорить, но и писать по-латыни. Образцом демонстрации полученной лингвистической подготовки служила способность сочинить на латинском достойную уважения оду или написать (и защитить) диссертацию (квалификационный трактат).

Дело с изучением других «программных» языков на артистических факультетах обстояло весьма неприглядным образом. Греческий и еврейский языки не вызывали у студентов пылкого интереса, хотя, предполагалось, что для успешной карьеры клирика (особенно в протестантизме) их знание обязательно. Практика изучения греческого языка неоправдала больших надежд, возлагавшихся на неё гуманистами, приобрета, в значительной мере, характер декоративного компонента программы лингвистической подготовки на факультете свободных искусств. Одна из причин, едва ли не самая главная, низкой популярности занятий греческим языком среди студентов, кроется в доступности многих ценных произведений из философского и литературного наследия в латинских переводах.

Ещё одна проблема языкового образования на факультетах свободных искусств заключалась в низкой научной нагруженности данного аспекта факультетской учебно-научной деятельности. Дело в том, что большинство профессоров языка были простыми преподавателями репродуктивного типа, не внёсшими никакого вклада в лингвистические исследования. Известное исключение составляла лишь небольшая группа регентов, успешно совмещавшая свои профессорские обязанности с исследовательской работой.

Благодаря исключительно действию человеческого фактора в период с середины XVI – до конца XVIII вв. наблюдается последовательная смена лидеров континентального масштаба филолого-лингвистических исследований среди артистических факультетов университетов Европы. Представляется возможным проследить общую траекторию пространственного перемещения центра языковых и литературных исследований в данный период: из Франции в Голландию, и далее в государства Германии.

В 40-70-х гг. XVI в. языковые профессорские кафедры артистического факультета Прайжского университета занимали Жан Дорат (1508-1588), Андриан Турнеб (1512-1565) и Денис Ламбин (1520-1572). Дорат и Турнеб специализировались на исправлении и интерпретации текстов древнегреческих поэтов и драматургов. Дорату удалось обогатить сокровищницу европейской литературы гимнами Калимаха. Перу же Ламбина принадлежат обширные и подробные комментарии к сочинениям Лукреция и Горация. Названные учёные мужи наглядно продемонстрировали своим ученикам и коллегам, насколько далеко можно продвинуться в понимании произведений используя метод, в основе которого лежит сопоставление существующих списков рукописей и информации, заимствованной из других источников.

В середине XVII в. пальма первенства в филолого-лингвистических штудиях переходит к Лейденскому университету, на протяжении полутора столетий остававшемуся центром классической гуманитарной учёности. Основателем соответствующей научной школы в Лейдене выступил Жозеф Жюст Скалигер (1540-1609), исследования которого, связанные с восстановлением текста книги Евсевия Кесарийского (ок. 260-339), послужили отправной точкой для изучения древней хронологии. Два поколения последователей Скалигера обеспечивали факультету свободных искусств Лейденской *Alma mater* лидирующие позиции в изучении литературного наследия Античности и раннего христианства. Представитель первого поколения последователей Скалигера, Иоганн Фредерик Гроновий (1611-1671), приобрёл широкую известность своей публикацией «Трагедий» Сенеки. В XVIII в., среди представителей второго поколения последователей данной научной школы, следует отметить Тиберия Гемштерхиса (1685-1742), который, следуя по стопам своих предшественников, преуспевших в публикации наследия классиков античной поэзии, сместил акценты в реконструировании текстов в направлении почти интуитивного восприятия произведения и использования в них поэтического размера.

Закат звезды лейденской филолого-лингвистической научной школы после 1760 г. послужил причиной перехода лидерства к учёным немецких университетов. На философских факультетах в

университетах Гёттингена и Галле усилиями профессоров К.Г. Гейне (1729-1812) и Ф.А. Вольфа (1759-1824) получает развитие школа исторической литературной критики. Базовым принципом этой школы выступал тезис о том, что в наиболее полной мере литературное произведение может быть понято только в категориях культуры, которая его породила. Это, в свою очередь, предъявляло дополнительные требования к подготовке и уровню квалификации профессора, занятого преподаванием классической античной литературы. Такой профессор-филолог-классицист должен был быть так же археологом, нумизматом и антропологом. Гейне и Вольф применили свою методологию к изучению произведений Гомера, но, справедливости ради следует отметить, только Вольфу удалось сделать оригинальные выводы³²⁰. В «Пролегоменах к Гомеру» (1795 г.) он пришёл к заключению, что «Илиаду» и «Одиссею» нельзя анализировать как «Энеиды», так как на первом этапе поэмы Гомера передавались изустно, а потому их нельзя рассматривать как творение одного человека. Художественное же единство этих произведений было привнесено в ходе последующих исправлений.

В XVI – начале XVII вв. в составе факультетов свободных искусств университетов Европы было создано немало кафедр истории. Данная тенденция получила особенное развитие в протестантских странах. Пионерами здесь оказались Марбургский (1529 г.) и Венский (1537 г.) университеты, а аутсайдерами выступили старейшие *Alma maters* британского архипелага Оксфордская (1622 г.) и Кембриджская (1627 г.), что и не удивительно, т.к. организационные оформление образовательной деятельности высшего порядка, ориентированной на профессиональную подготовку в исторической сфере, первоначально произошло за пределами английской системы университетского образования, в созданной в 1572 г. Академии общества антиквариев³²¹.

Появление исторических кафедр на артистических факультетах университетов было вызвано тремя причинами. В первую очередь, речь следует вести о том, что гуманистически настроенные

³²⁰ Броклис Л. Университет в ранний период современной истории: учебные планы (Реферат) // *Alma mater* (Вестник высшей школы). – 2002. - № 1. – С. 49.

преподаватели настаивали на изучении классической древней литературы не только в ключе её стилистических достоинств, но и с учётом моральной ценности, и содержащейся в ней уникальной мудрости древних. Вторая причина заключалась в возросшей в условиях Реформации актуальности вопросов хронологии и исторического контекста. Доктринальные споры подчас требовали квалифицированной экспертизы исторического контекста соответствующих периодов прошлого. Третья причина коренилась в необходимости обеспечивать факультативное изучение произведений эпигонов Античности, стиль и логика которых не могли соответствовать высоким требованиям, предъявляемым к памятникам древности, изучаемым в рамках гуманистических учёных занятий. Таким образом, можно говорить о познавательно-гуманистической, теологической и учебно-организационной причинах учреждения на факультетах свободных искусств университетов Европы в XVI-XVIII вв. специализированных исторических кафедр.

Названные причины накладывали отпечаток на содержание научно-учебной деятельности регентов исторических кафедр. В XVI – первой половине XVII вв. профессорам истории подчас приходилось выступать в качестве толкователей тех или иных текстов и экспертов по хронологии.

Примером подлинно творческого подхода к своим занятиям может служить Юстус Липсий (1547-1606), преподававший в конце XVI в. в Лейденском и Лувенском университетах. Благодаря ему толкование Тацита стало отправной точкой не только университетской политической науки, но и апологии абсолютизма. Хотя примеру Липсия следовали многие его коллеги, тем не менее, изменения в содержании университетской исторической науки носили весьма ограниченный и малодинамичный характер. Зачастую, в конце XVI-XVII вв., знания о современных европейских державах студенты получали от преподавателей риторики. Университетские риторы дабы сделать шедевры красноречия и поэзии более доступными, читали дополнительные лекции по географии древнего мира Помпония Мелы, затрагивая культуру, общественные институты не только

³²¹ История Европы. Т. 3. От средневековья к новому времени (конец XV – первая половина XVII в.). – М.: Наука, 1993. – С. 512-513.

прошлого, но и современности. Действуя в данном ключе, Антонин Галл (1592-1676) привлёк своих студентов к штудиям, построенным на материалах французских экспедиций в Канаду.

В XVIII в. наиболее прогрессивные профессора-историки освободились от мертвящих уз классики и хронологии. Всеобщая история была призвана исследовать причины возвышения и падения крупных империй³²². Появилась возможность обогащать содержание университетских исторических курсов проблемами современной историографии. Однако дальнейшее развитие курсов исторических дисциплин подразумевало закономерный этап упорядочивания, на котором свободное прежде преподавание подчинялось детально проработанной программе, что к концу XVIII в. уже заметно сковывало свободу преподавания как в плане подбора материала, так в отношении его расположения в рамках курса. Например, в Докринальном коллеже университета Бурже после 1786 г. установилась следующая последовательность изучения студентами курсов исторических дисциплин: Ветхий Завет, классическая и французская история, физическая география и топография Ближнего Востока, Средиземноморья и Европы. Завершалась программа исторической подготовки студентов философского факультета курсом лекций об американской войне за независимость³²³.

В начале XVIII в. университетские историки ещё пользовались чужими учебниками, но к концу столетия перешли к созданию собственных учебных пособий. Бывший член Общества Иисуса, профессор Пармского университета Клод Милло (1726-1785) продемонстрировал в этом отношении выдающуюся плодовитость, написав пособия по истории Франции и Англии, а кроме того, сочинение нучного характера – «Всемирная история». Профессора, близкие по своим воззрениям к Миллоту, по большей части, демонстрировали лишь видимость поддержки критического подхода к источникам. Напротив, их труды не отличались ни строгостью, ни

³²² Мабли Г.-Б. О том, как писать историю // Об изучении истории. О том, как писать историю. – М.: Наука, 1993. – С. 176-177, 178, 183.

³²³ Броклис Л. Университет в ранний период современной истории: учебные планы (Реферат) // Alma mater (Вестник высшей школы). – 2002. - № 1. – С. 50.

рефлексией³²⁴. В то же время, наиболее критично ориентированные курсы исторических дисциплин предлагались профессорами, следовавшими традиции. Профессор Питер Весселинг (1692-1764) из Утрехтского университета ещё в середине XVIII в. ставил знак равенства между всемирной историей и хронологией, но вместе с тем обнаруживал замечательное понимание ненадёжности исторических фактов. Тем не менее, в XVIII в. старомодные хронологи были не в силах обеспечить развитие университетского исторического знания, подлинными же центрами исторических исследований в этом столетии выступают юридические факультеты немецких университетов.

Описанное положение вещей не исключало появления выдающихся одиночек, намного опережающих эволюцию научной нормы своего времени, доступной большей части их коллег-современников. Примером служит профессор риторики Джамбаттиста Вико (1668-1744), которому, несмотря на положение интеллектуального изолята, удалось опередить наиболее прогрессивных историков своего времени как минимум на десятилетие³²⁵. Хотя, скорее всего, профессору Вико ни разу так и не удалось публично выступить с изложением своих исторических взглядов, однако его «Основания новой науки об общей природе наций» (1727 г.) всё же являются достижением именно университетской исторической науки. В своей «Новой науке» Вико, стремясь дать материалистическое объяснение культурным изменениям, предложил оригинальную трактовку развития античной религии и роли христианства, избежав ловушки монокаузальности.

Университетские исторические исследования активизируются только к концу XVIII в. Исследовательская активность была связана с гёттингенской школой права, талантливым продолжателем традиций которой выступил профессор Август Людвиг Шлёцер (1735-1809), не безвлияния просвещенческого дискурса, разрабатывавший проблемы исторической славистики, культурной и интеллектуальной истории

³²⁴ Годен де ля Бренейери П.-Ф. Дополнение к сочинению «О том, как писать историю» // Мабли Г.-Б. Об изучении истории. О том, как писать историю. – М.: Наука, 1993. – С. 258-266.

³²⁵ Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. – С. 1144-1145.

России, страны для образованных европейцев малоизученной, а потому мифологизированной³²⁶. Благодаря усилиям нескольких поколений университетских интеллектуалов в Гёттенгене и ряде других немецких *Alma maters*, связанных с Гёттенгеном системой научных и личных связей, создаются основы школы исторических исследований, достигшей расцвета уже в XIX в.

XVI-XVIII вв. стали временем настойчивого вхождения в программу университетского образования дисциплин антропологического содержания. Появление антропологических курсов в программе университетского образования в немалой степени связано со специфической ориентацией образовательной деятельности университетов по сравнению с неуниверситетскими академиями, наметившейся под влиянием ренессансных веяний. Под влиянием ренессансной гуманистической идеологии антропология проникала в первую очередь в программу обучения на артистических (философских) факультетах университетов. Свидетельством этого служит появление работ антропологического содержания, принадлежащих перу университетских преподавателей и отражающих, по большей части, основные смысловые единицы, вошедшие в читаемые ими курсы антропологических дисциплин. Примером сочинения подобного рода служит трактат Шарля де Бовеля (1478-1556) «О мудреце» (1511 г.)³²⁷.

В начале XVI в. антропология входила в программу факультета свободных искусств на правах комплекса тем или, точнее, вопросов, подлежащих рассмотрению в рамках курсов других дисциплин, составлявших основу университетского философского образования. Только во второй половине XVIII в. антропология выделилась на философских факультетах в обособленный курс. И. Канту, ставшему в 1770 г. профессором факультета философии Кенигсбергского университета, на протяжении своей тридцатилетней

³²⁶ Шлёцер А.Л. Рецензия на диссертацию И.Г. Фромманна о науке и литературе в России (14 июля 1768 г.) // XVIII век. Сборник 21. – С-Пб.: Наука, 1999. – С. 125-126.

³²⁷ Кудрявцев О.Ф. «Множество мудрых – спасение миру». Антропология Шарля де Бовеля // Человек в культуре Возрождения. – М., 2001. – С. 187.

преподавательской карьеры пришлось 24 раза читать лекционный курс по антропологии³²⁸.

Сравнительно поздно, лишь во второй половине XVIII в., изучение дисциплин педагогического цикла входит в программу университетского образования на артистическом факультете. Стремительное развитие педагогической практики и значительная популярность в обществе передовых для того времени педагогических идей и теоретических новаций, способствовали тому, что педагогика систематически стала изучаться на философских факультетах. В середине 70-х гг. XVIII в. на философском факультете Кёнигсбергского университета приступили к чтению курсов по педагогике. Преподавание новой дисциплины осуществлялось силами семи профессоров факультета, читавших по одному семестру согласно очередности. Впервые к чтению курса педагогики профессор И. Кант приступил зимой 1776 г.³²⁹, всего же за свою долгую преподавательскую карьеру Кант прочёл курс лекций по педагогике 4 раза³³⁰. На примере Кёнигсбергской *Alma mater* становится очевидным механизм вхождения педагогики как дисциплины изучения в программу артистического факультета.

Рассматриваемый механизм нёс на себе отпечаток ленной системы, точнее был её аналогом, максимально адаптированным к условиям университетской образовательной деятельности высшего порядка. В его рамках новый лекционный курс рассматривался как дополнение к ординарной нагрузке регента (основному лену). Таким образом, новая дисциплина становилась объектом коллегиального владения, подразумевающего циклическое возобновление индивидуальных владельческих прав. В результате педагогика, как и любая другая дисциплина, занимала своё место в преподавательской практике. Побочным эффектом действия подобного интеграционного механизма выступала известная эклектичность внутреннего содержания дисциплины, преподавание которой обеспечивалось подобным образом.

³²⁸ Гулыга А. Революция духа: (Жизнь и творчество Иммануила Канта) // Кант И. Сочинения: В 8-ми т. - Т. 1. - М., 1994. - С. 6-7.

³²⁹ Гулыга А.А. Кант. – М.: Соратник, 1994. – С. 87.

³³⁰ Гулыга А. Революция духа: (Жизнь и творчество Иммануила Канта) // Кант И. Сочинения: В 8-ми т. - Т. 1. - М., 1994. - С. 6-7.

Секуляризация наук о человеке, а также развитие естествознания и медицины произвели значительные изменения в университетском преподавании наук о человеке, результатом которых стало вхождение в практику академического образования ряда дисциплин, которые в совокупности можно назвать естественной антропологией. Стараниями голландского профессора, возглавлявшего в 1755-1761 гг. кафедру анатомии и хирургии Амстердамского университета, Петруса Кампера (1722-1789) и его немецкого коллеги Франца Иосифа Галля (1758-1828) в интеллектуальное поле университетского образования вошли учения, связывавшие психологические особенности человека со спецификой устройства его черепа, формой, положением или размерами отдельных частей головы или лица. Однако обогащение программы университетского образования за счёт дисциплин естественной антропологии получило весьма неоднозначные оценки.

На рубеже XVIII-XIX вв. сложилось мнение о том, что проникновение естественной антропологии (краниологии в том числе) в сферу университетского педагогического образования приведёт к весьма негативным и даже опасным последствиям, так как будет санкционировать применение физического воздействия к неуспевающим ученикам, анатомические особенности которых будут интерпретированы как причина и свидетельство их природной неспособности к обучению³³¹. В силу неоднозначности оценок образовательного и научного значения дисциплин естественной антропологии они оказались в значительной мере достоянием медицинского и теологического образования, составляя их наиболее модернизированный компонент.

Обучение на медицинских факультетах университетов Испании рубежа XVI-XVII вв., наряду с языковой подготовкой, предусматривавшейся либеральным образованием, начинает требовать дополнительного изучения древних языков (чаще всего греческого и латинского), ориентированного на овладение специфической лексикой медицинского профиля³³². Подобное явление свидетельствует об оформлении специфического языка медицинской науки и образования, использующего в качестве лингвистической

³³¹ Ирвинг В. История Нью-Йорка. – М., 1968. – С. 136-137.

³³² Кеведо Ф. Сон о смерти // Избранное. – Л., 1980. – С. 343-344.

основы мёртвые языки европейской древности. Данный шаг вызвал неоднозначную реакцию и вызвал критику. Артисты видели в этом лишь стремление медиков подчеркнуть свое отличие от других университариев, не принимающее в расчёт явление засорения классических языков синтетическими неологизмами, возникающее в качестве побочного эффекта. Справедливо замечалось, что медики с большей лёгкостью и удобством могли бы использовать средства современного национального языка, результатом чего будет не только ликвидация эзотерической атмосферы вокруг университетской медицины, но и увеличение доверия к их профессиональным практикам со стороны населения.

В конце XVI – начале XVII вв. особое место в обучении на медицинских факультетах университетов Испании занимало усвоение приёмов взятия анализов и их дальнейшей интерпретации³³³. Врачебная практика того времени отдавала предпочтение изучению такой внешней характеристики организма пациента, как пульс. Кроме того, изучению подвергались продукты жизнедеятельности. Следует признать, что скорее всего аналитические процедуры, использовавшиеся при интерпретации полученных данных, в то время были ещё весьма несовершенны и походили более на магические манипуляции, нежели на практику медицинской науки.

В программе обучения медицинских факультетов университетов Испании рубежа XVI-XVII вв. почётное место занимало изучение науки о ядах, в чём следует видеть влияние средневековой традиции. В условиях неудовлетворительности качества профессиональной подготовки медиков-универсантов особое положение науки о ядах в программе университетского медицинского образования создавало предпосылки для формирования негативной оценки профессиональных качеств университетских медиков³³⁴. Однако самих университетских медиков это отнюдь не смущало. Напротив, внимательное изучение ядоведения повышало статус медиков-университетчиков, так как делало их ценным орудием для решения многих сложных, а порой просто не решаемых другим образом политических задач. На рубеже XVII-XVIII в. ядофобия держала

³³³ Кеведо Ф. Сон о смерти // Избранное. – Л., 1980. – С. 342-344.

³³⁴ Кеведо Ф. Сон о преисподней // Избранное. – Л., 1980. – С. 270.

политическую элиту Испании за горло железной хваткой. Даже короли опасались возможности быть отравленными³³⁵. Всё это не только играло на руку медикам-университариям, но и стимулировало интерес к изучению свойств ядов в рамках университетского медицинского образования. Интерес этот носил амбивалентный характер, т.е. затрагивал как применение ядов для разрушения человеческого организма или причинения ему максимального физического урона, так и защиту от действия отравляющих веществ, а также подбор противоядий. В любом случае, специализация в области ядоведения в XVII-XVIII вв. делала испанских университетских медиков сопричастными к бурным и порой драматическим реалиям политической жизни своего времени и своей страны.

В начальный период новой истории Европы произошла коренная переработка традиционных учебных планов факультетов права, допускавших ограничение подготовки будущих правоведов изучением только одной из систем права (канонического (церковного), либо гражданского). Подобная практика получает распространение в XVI-XVII вв. Факультеты права протестантских университетов, закономерно, отказываются от подготовки в области канонического права (особенно в той части, которая заключалась в изучении таких памятников церковного законодательства, как Декреты и Декреталии). Во вновь основываемых католических университетах, патронируемых иезуитами, на соответствующих факультетах профессорские кафедры гражданского права вообще не учреждались.

Развитие юридической практики приводило либо к появлению новых отраслей правоведческой науки, либо к модернизации внутреннего содержания уже существующих. Данные изменения проникали в сферу университетского юридического образования. Испанские, итальянские и французские юристы в конце XVI – первой половине XVII вв. во множестве создавали теоретические сочинения, пространные комментарии и руководства по практике правоприменения, затрагивавшие не только традиционные правоведческие вопросы, но и те, которые лежали в области морали,

³³⁵ Ленотр Ж. Повседневная жизнь Версаля при королях. – М.: Мол. гвардия, 2003. – С. 101.

этики семейной жизни, финансов и теологии. Подобные произведения издавались в виде книг и пополняли собой библиотеки юридических факультетов и тем самым входили в повседневную практику университетского образования. Лавинообразный процесс появлений новой юридической литературы и её активное вхождение в область университетского юридического образования создавали дополнительные сложности в профессиональном обучении испанских правоведов и создавали путаницу в университетской правовой науке Испании³³⁶.

Изменения содержания обучения на теологических факультетах, связанные с духовным пробуждением светской и духовной интеллектуальной элит Европы в XVI в., были инициированы активной деятельностью представителей ренессансного гуманизма, направленной на выработку подходов к поиску ответа на вопрос о возможности избрания такой поведенческой стратегии, следование которой, в конечном итоге, гарантирует обретение вечной жизни и вхождени в Царство Господне. Гуманисты, стоявшие на близких позициях с Эразмом Роттердамским, связывали возможность получения правильного ответа на этот жизненно важный вопрос с тщательным филолого-лингвистическим изучением Библии и трудов Отцов Церкви, опирающимся на обновлённых комплекс авторитетных текстов, и ориентированным на постижение буквалистского смысла данных произведений. Этот подход сумел за короткое время приобщить приверженцев в рядах университетских теологов.

Пионером буквалистского подхода к содержанию теологического образования и университетских богословских штудий выступил монах августинец, профессор М. Лютер, читавший в 1515-1518 гг. во вновь основанном Университете Виттенберга лекции на материале Послания апостола Павла, в которых, в том числе, излагает своё видение решения проблемы искупления. Однако революционный характер новация доктора Лютера, приобретает толк после приезда в Виттенберг Ф. Меланхтона, подведшего под буквалистскую интерпретацию священных текстов мощный филолого-лингвистический фундамент, в виде основательной подготовки по греческому и еврейскому языкам.

³³⁶ Кеведо Ф. Сон о смерти // Избранное. – Л., 1980. – С. 361.

Результатом революционной по своему значению новации Лютера-Меланхтона явился радикальный пересмотр учебного плана факультетов теологии и превращение его регентов в буквалистских интерпретаторов первоначального еврейского и греческого текстов Библии. Несмотря на подозрительное отношение прогрессивных университетских теологов к метафорическому толкованию Священного писания, традиционная, так называемая «схоластическая» теология не исчезла полностью, чему способствовала известная консервативность католических факультетов богословия. В Парижском университете вплоть до конца XVII в. из 12 кафедр теологического факультета, только одна специально занималась изучением Священного писания, но её многолетний глава Мартин Грандин (1604-1691), по некоторым сведениям, не знал даже еврейского языка³³⁷.

Необходимо сделать одно замечание о том, что не имеет смысла слишком резко противопоставлять протестантские и католические факультеты богословия, уже по той причине, что протестанты принципиально не могли ограничить курс теологии исключительно библейской экзегезой. Исключением из общего правила выступают английские факультеты, т.к. ситуация в религиозной жизни страны уже к концу XVI в. сделала невозможной реставрацию католицизма. В тех же странах и регионах Европы, где католицизм и протестантство непрерывно и порой очень жестко противостояли друг другу, где священнослужители должны были выступать не только в роли пастырей, но и участвовать в межконфессиональных спорах, там подготовка к полемике оказывалась делом насущным.

Необходимость дидактического обеспечения подготовки к участию в межконфессиональной полемике толкала теологов как католического, так и протестантского лагерей к разработке особого рода учебных пособий, проливающих свет на различия между направлениями и течениями в западном христианстве. В обоих случаях имели место содержательные новации, сближавшие между собой идейных антагонистов. В конечном итоге, открывался путь к деконфессионализации университетского теологического

³³⁷ Броклис Л. Университет в ранний период современной истории: учебные планы (Реферат) // Alma mater (Вестник высшей школы). – 2002. - № 4. – С. 50.

образования. Зримым воплощением данной тенденции стала практика регентов-теологов основанного в 1737 г. Гёттингена, стремившихся избегать приверженности позициям конфессиональных фанатиков (речь шла о воинствующем лютеранстве).

На примере Венской *Alma mater* можно судить о своего рода ядре обновлённой учебной программы университетской подготовки католических теологов, в том виде, который она приобрела к началу 80-х гг. XVIII в. К названному времени комплекс базовых дисциплин, изучавшихся на факультете теологии, имел следующий состав: история церкви, восточные языки, догматика, нравоучение, пасторская наука, полемика и богословская учебная история³³⁸. В первый год обучения в университете студент факультета теологии обязан был прослушать курсы таких дисциплин, как: восточные языки (в особенности, еврейский, изучать который рекомендовалось в тесной связи с арабским, и в такой степени, чтобы понимать, встречающиеся в догматике и Священном Писании доводы), греческую грамматику Нового завета, полную историю церкви. На втором году обучения необходимо было изучить: герменевтику (т.е. толкование Библии) и патристику. Программа третьего года обучения на теологическом факультете включала: догматическое богословие и нравоучение. Четвёртый год посвящался церковному праву, а пятый год – пасторской науке.

В случае с университетом Ингольштадта становится очевидным, что на католических факультетах теологии преподавание ключевых дисциплин обеспечивалось, в основной массе, профессорами, состоящими, либо состоявшими в различных корпоративных религиозных организациях монашеского типа. Членами факультета теологии Ингольштадтского университета в конце XVIII в. были П. Шольмер, бенедиктинец из Оберальтейга, и профессор Затлер, бывший иезуит, специализировавшиеся на преподавании догматики; профессор Виблер преподавал теологические статьи, Новый завет и пасторскую теологию с элементами духовного красноречия;

³³⁸ Шмидт К. История педагогики, изложенная во всемирно-историческом развитии и в органической связи с культурною жизнью народов. - Т. 3. История педагогики от Лютера до Песталоцци. - М., 1880. – С. 751.

профессор Стефан Влетгофер, августинец, обучал восточным языкам и Ветхому завету.

Господствующим способом обогащения программы университетского образования в XVI-XVIII вв. выступало приглашение в качестве преподавателей, специалистов в наиболее «прорывных» либо дефицитных областях знания. Так, в начале второго десятилетия XVII в. программа обучения на артистическом, медицинском и юридическом факультетах Пражского университета была обогащена в связи с приглашением трёх новых профессоров: правоведа, медика и специалиста по древнееврейскому языку. Благодаря этому, собственно, были практически возрождены юридический и медицинский факультеты, последний из которых в скором времени пополнил профессорский состав специалистом в области хирургии и анатомии доктором Есенским. Что касается философского факультета, то его руководство ничуть не смутила национальность нового профессора, т.к. магистр Каменка был евреем. Видимо, факт наличия на факультете кафедры древнееврейского языка имел приоритет перед тем, какой национальности был человек, её занимающий.

Изучение влияния изменений в содержании университетского образования в Европе XVI – конца XVIII вв. на интеллектуальную жизнь общества, специфическим сектором которой, отличающимся значительными интенсивностью и профессионализацией, выступает сфера исследовательской деятельности, направленной на производство новых знаний с самым широким диапазоном содержания, и включающая в себя все условия и моменты этого производства – наука, предполагает обращение к определённым этапам развития названной сферы интеллектуальной жизни общества в рассматриваемый период. Общеизвестным является факт весьма неравномерного характера развития науки в Европе XVI – конца XVIII вв. Более того, развитие в этот период времени отличалось известной скачкообразностью.

В историческом науковедении и философии науки выработаны теоретические построения концептуального характера, выступающие ключом к пониманию природы скачкообразности эволюции европейской науки. Речь идёт о том, что устойчивое бытование науки,

на развитие которой направлены усилия большинства связанных с ней интеллектуалов, покоится на допущении, что само сообщество названных интеллектуалов обладает достоверными и адекватными действительности представлениями об окружающем мире. Подобная позиция отличается известной степенью агрессивности, направленной на преодоление посягательств на постулируемое сообществом интеллектуалов-учёных эксклюзивное право на обладание истинным знанием. Справедливость требует признать ограниченный творческий потенциал, присущий последовательному отстаиванию данной позиции. Однако гораздо больший, прорывной творческий потенциал связан с ситуацией, когда учёные не могут более избегать аномалий, разрушающих существующую традицию научной практики, в результате чего возникает свободный научный поиск, приводящий, в конце концов, всю данную отрасль к новой системе предписаний, служащих обновлённым базисом для практики научных исследований³³⁹. Сдвиги подобного рода в развитии науки получили название научных революций. Именно с ними связана скачкообразная динамика развития науки.

На период XVI-XVIII вв. приходятся, как минимум, и весьма условно, три таких революции: коперниканская (конца XV – начала 40-х гг. XVI вв.), ньютоновская (второй половины XVII – первой четверти XVIII вв.) и связанная с именем французского химика Антуана Лорана Лавуазье (второй половины XVIII – начала XIX вв.). Обращаясь к названным научным революциям с персональной точки зрения, следует отметить, что все трое были университетчиками, т.е. обладали университетской образованностью. Однако вопрос о связях между эволюцией содержания университетского образования и развитием науки имеет гораздо более сложное решение, в котором просматривается не менее трёх смысловых уровней.

Необходимо обратить внимание на то, что под развитием науки, в первую очередь, понимаются изменения в точных и естественных отраслях научного знания. Именно эти отрасли знания составляют науку в строгом смысле, к эволюции которой, помысле создателей, приложима революционно-скачковая схема.

³³⁹ Кун Т. Структура научных революций // Структура научных революций. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. – С. 28-29.

Едва ли не главной проблемой науковедения, таким образом, выступает, задача коммутации в данную модель развития гуманитарного и обществоведческого научного знания. В отношении университетского образования эта проблема имеет сходный характер. Дело в том, что университетское образование традиционно отличается ярко выраженным гуманитарным характером. Известным исключением выступал медицинский факультет. Но даже на медицинских факультетах ядром культивируемой образованности выступали теоретические аспекты, мера абстрактности в данном случае, понимаемая в схоластическом духе, служила индикатором научности. При подобном раскладе, что весьма традиционно и закономерно, всё университетское образование было проникнуто философией. Именно в подобного рода философичности университетского образования кроется первый уровень комплексного решения проблемы взаимосвязи с развитием науки, назвать который, с нашей точки зрения, допустимо парадигмальным.

Красноречивым примером служит творец второй из упоминавшихся нучных революций – сэр Исаак Ньютон (1643-1727). Накопление эмпирических знаний экспериментальным путём требовало философского осмысления, но полученные сведения не могли быть втиснуты в прокрустово ложе устоявшихся метафизических построений, в результате чего создавалась ситуация для освоения новых горизонтов, свободных от гнёта освящённых традицией теоретических построений. Образцом освоения новых горизонтов философского осмысления выступают «Лекции по логике» и, в особенности, «Математические начала натуральной философии», давшие начало научной традиции, составившей содержание целой эпохи. Весьма показательно, что сочинения подобного рода принадлежат перу университетского регента (сэр Исаак был феллоу Кембриджского университета) и в значительной степени являются продуктом его учебно-научной деятельности³⁴⁰. Предложенные в работах Ньютона новации отличались двумя особенностями: с одной стороны, они были достаточно беспрецедентными, чтобы приобрести на длительное время

³⁴⁰ Шестаков В. Философия в Кембридже // Вопросы философии. – 2004. - № 5. – С. 143.

сторонников среди вовлечённых в научную деятельность интеллектуалов, обладающих самым широким спектром интересов, и, с другой стороны, были открытыми для того, чтобы новые поколения исследователей могли в их рамках найти для себя нерешённые проблемы самых разнообразных видов. Таким образом, философские нововведения И. Ньютона обладали необходимыми характеристиками парадигм – примеров практики научных исследований, включающих закон, теорию, их практическое применение и необходимое оборудование – моделей, образующих конкретные традиции научного исследования³⁴¹, к смене которых и сводится основное содержание научных революций. Механизм, парадигмального влияния философичности содержания университетского образования на развитие науки, сконструированный на примере Ньютона закономерно саботирует и в случае с Коперником и Лавуазье, что, уже само по себе, говорит в пользу объективной исторической достоверности осуществлённой нами реконструкции.

Устоявшейся точкой зрения является утверждение о периферийном положении европейских университетов XVI – конца XVIII вв. в научном поле, что вполне объяснимо несовершенством феноменологического подхода к исследованию университетской истории. С точки зрения системного подхода это положение выглядит несколько иным образом. В интересующий нас период интеллектуал, подвизающийся на научном поприще, за пределами университетской организации мог занять, с нашей точки зрения, только две ниши: стать придворным учёным (иногда подобный статус оформлялся косвенным образом – через наделение синекурой в государственном аппарате), либо членствовать в особом рода научных обществах, находящихся под покровительством государства – академиях наук (в Англии организация подобного рода называлась – Лондонским королевским обществом). На примере Франции мы уже подробно рассматривали структурно-организационные взаимоотношения между университетским сообществом и Французской академией, возникшие в результате осуществляемого кардиналом Ришелье социального инжиниринга, направленного на конструирование властного механизма абсолютизма.

³⁴¹ Кун Т. Указ. соч. – С. 34-35.

Став альтернативным центром тяготения интеллектуалов-учёных, академии наук положили начало формированию новой организационной инфраструктуры научной деятельности, но, в свою очередь, оказались связанными не только с университетской традицией, но и с самой университетской организацией. Связь с традицией заключалась в использовании базовых принципов корпоративного строительства, которые, даже будучи отрицаемы, накладывали отпечаток на формирование научных обществ подобного рода. Отношения с университетской организацией имеют более сложную структуру. Во-первых, принадлежность к университетскому сообществу является пожизненным статусом, вне зависимости от практического участия индивида в жизни той или иной *Alma mater*. Во-вторых, как «дитя средневековья» университетская корпоративность не только допускала множественность членства, т.е. пребывания в составе иных организаций, обществ и общин, но и интегрировала эти статусы в рамках суперстатуса своего сочлена. Иными словами, университетская организация «обвалакивала» академии наук, на тот момент, значительно превосходя их по уровню развития и разветвлённости своей инфраструктуры. В-третьих, полноценное осуществление академиями наук своей деятельности могло происходить только во взаимодействии с университетской организацией, в распоряжении которой находились помещения, оборудование, а также, что очень важно, человеческий ресурс. Любознательные студенты выступали замечательными (и порой абсолютно даровыми) помощниками академиков при проведении ими исследований, тогда как за использование труда «дюжих и смышлённых лакеев» приходилось платить изрядные суммы. Таким образом, становится очевидным наполнение второго смыслового уровня связей между эволюцией содержания университетского образования и развитием науки в Европе XVI – конца XVIII вв., определяемого как внешне структурный.

Третий смысловой уровень связей между эволюцией содержания университетского образования и развитием науки в Европе XVI – конца XVIII вв. носит название внутренне структурного. Следует отметить, что наиболее восприимчивыми к научным новациям выступали структуры квазиуниверситетского уровня рассматриваемой

системы и подразделения университетской организации, связанные с образовательной деятельностью в области свободных искусств. Причины этого кроются в трёх обстоятельствах. В первую очередь, необходимо отметить гибкость программ обучения в так называемых высших (повышенного уровня подготовки) школах, гимназиях и колледжах квазиуниверситетского уровня, позволявшую включать в круг изучаемых дисциплин дополнительные предметы, в известной степени, отражающие современное состояние научных знаний. Подобным образом обеспечивался минимальный уровень включения современной системы научных знаний в программу обучения квазиуниверситетского уровня, в основе которого лежали механизмы репродуктивной коммуникации, что не позволяет характеризовать его как образовательную деятельность высшего порядка.

Однако уже действие второго обстоятельства снимает названные ограничения. Изменение конъюнктуры общественных потребностей в области университетского образования, в широком смысле этого понятия, приводило к тому, что наиболее актуальным и достаточным для полноценного функционирования индивида в обществе признавалось обладание только квазиуниверситетским образованием в максимально законченной форме. В подобной ситуации структурам образовательной деятельности квазиуниверситетского уровня пришлось решать задачу обеспечения подготовки не столько для дальнейшего профессионального, либо научного образования, сколько для реальной практической деятельности во всех сферах жизни общества. В результате в содержании образования подобного рода происходило смещение акцентов в направлении подготовки к решению каждодневных задач реальной жизни. Научное содержание квазиуниверситетского образования приобретало большую практическую направленность. Важнейшим аспектом квазиуниверситетского образования становится «игра на опережение», когда получаемая подготовка позволяет решать не только уже известные из практики задачи, но и обеспечивает подходы к выработке решений для задач, которые ещё только могут возникнуть. В этом аспекте и заключается механизм преодоления ограничения репродуктивности и выхода квазиуниверситетского

образования на уровень образовательной деятельности высшего порядка.

Третье обстоятельство заключается в стремлении к структурному оформлению новационных компонентов учебно-научной деятельности, отражающих развитие системы научных знаний, в результате чего, в том числе, происходит обогащение содержания университетского образования. Названная формальная организация на начальном этапе происходила в виде студенческих научных обществ, кружков, создававшихся в рамках университетской организации и, подчас, руководимых наиболее прогрессивными регентами³⁴². На втором этапе этого процесса происходит формирование специализированных кафедр. Любопытен тот факт, что интеграция тех или иных научных дисциплин в программу университетского образования зачастую была связана со «старшими» факультетами, а специализированные кафедры по ним учреждались на артистических факультетах. Например, химия пришла в университеты в качестве пропедевтического курса к фармации на медицинском факультете, но первые кафедры химии (произошло это в шведских университетах) были созданы в структуре факультета свободных искусств (Упсала, 1750; Лунд, 1758; Або, 1761)³⁴³. Видимо, в Пражском университете кафедры инженерного дела (1713-1714 гг.) и высшей математики (середина XVIII в.) также были учреждены в рамках артистического (философского) факультета³⁴⁴. Именно в силу названных обстоятельств реализовывался внутренне структурный (инфраструктурный) смысловой уровень связей эволюции содержания университетского образования и науки в Европе XVI – конца XVIII вв. Участие артистических факультетов в интеграции передовой системы научных знаний того времени следует, с нашей точки зрения, рассматривать в качестве фактора, обусловившего повышение статуса факультета свободных искусств в рамках университетской организации.

³⁴² Мыльников А.С. Эпоха Просвещения в Чешских землях. Идеология, национальное самосознание, культура. - М.: Наука, 1977. – С. 56-57.

³⁴³ Броклис Л. Университет в ранний период современной истории: учебные планы (Реферат) // Alma mater (Вестник высшей школы). – 2002. - № 7. – С. 46.

³⁴⁴ Мыльников А.С. Эпоха Просвещения в Чешских землях. Идеология, национальное самосознание, культура. - М.: Наука, 1977. – С. 56-57.

Таким образом, представляется возможным сделать вывод о том, что европейская система университетского образования XVI-XVIII вв. выступала субъектом поля научной деятельности своего времени, а осуществляемая в её рамках образовательная деятельность высшего порядка играла роль фактора, обеспечивающего воспроизводство и увеличение в качественном и количественном отношении структурно-организационного, теоретико-идеологического и человеческого ресурсов. В свете сказанного справедливо утверждать, что университеты в XVI – конце XVIII вв. играли роль признанных центров интеллектуальной жизни обществ Европы.

Однако исследование эволюции содержания университетского образования в Европе XVI – конца XVIII вв. и роли университетов в интеллектуальной жизни общества, более того, миссии университетского образования в культуре не будет законченным и полным при условии умолчания о столь важном аспекте исторического бытования системы университетского образования, каковым выступает развитие комплекса гуманитарных технологий, обеспечивающих функционирование университетского образования как особого социокультурного института.

3.2 Эволюция комплекса гуманитарных технологий в европейской системе университетского образования XVI – конца XVIII веков.

Одним из весьма противоречивых компонентов наследия античного либерального подхода в университетской образовательной деятельности высшего порядка выступает постоянный антагонизм двух интерпретаций образовательных практик преподавателя. С одной стороны, профессиональная деятельность университетского регента понимается как занятие искусством или, точнее, служение искусству. Но эта же деятельность одновременно интерпретируется и как ремесленная практика, с другой стороны. В рамках этой оппозиции воспроизводится деление видов деятельности на основании доминирования в них научного или интуитивного начала. «Любая деятельность может быть либо технологией, либо искусством. Искусство основано на интуиции, технология – на науке. С искусства

всё начинается, технологией заканчивается, чтобы затем всё началось сначала. Любое планирование, а без него не обойтись в педагогической деятельности, противоречит экспромту, действиям по наитию, по интуиции, т.е. является началом технологии»³⁴⁵.

Уже в силу того, что университетские образовательные практики высшего порядка не были одномоментными явлениями, а, напротив, подразумевали неоднократное повторное вариативное воспроизведение, то уже только это позволяет с уверенностью говорить о том, что университетское образование по сути своей технологично. Технологичность университетского образования возникла не в новейшее или новое время, а параллельно со становлением университетского образования в средневековой Европе.

Отношение к технологическому аспекту было непростым на всех этапах истории университетского образования. Сложность интеграции технологического аспекта в практику университетской образовательной деятельности высшего порядка определялась противостоянием двух традиций классификации отраслей научного знания и видов человеческой деятельности, в связи с общественной значимостью их конечных результатов³⁴⁶. Одна из названных традиций восходила к античности и отдавала приоритет комплексу дисциплин гуманитарного плана, ядром которого выступали свободные искусства, изучавшиеся не только из чистой любви к знанию, но и в силу устремлений к всеобщему благу.

Противоположной точки зрения придерживались сторонники традиции, созданной и развитой Гуго из Сен-Виктора (1096-1141) и Робертом Килвардби, которая ставила механические искусства в один ряд с либеральными. Прямым следствием противоборства названных традиций явилась слабость методической рефлексии, сдерживавшей развитие процесса технологизации университетских практик образовательной деятельности высшего порядка.

Как это часто бывало и в других областях, дальнейшее развитие технологического аспекта университетских практик образовательной деятельности высшего порядка происходило на базе идейно-

³⁴⁵ Бесполько В.П. Слагаемые педагогической технологии. – М., 1989. Цит. по: Сластёнин В.А. и др. Педагогика. – М.: Школа-Пресс, 2000. – С. 329-330.

теоретических построений, сформулированных противниками обогащения содержания университетского образования дисциплинами, так называемого технологического блока. Таким образом, в XVI-XVIII вв. гуманитарные технологии университетского образования развивались на основе неолиберального подхода к образовательной деятельности высшего порядка.

Постулируемая неолиберальным подходом устремлённость процесса культивирования университетской образованности к достижению всеобщего блага стала отправной точкой развития университетских гуманитарных технологий в начале XVI в. Связанное с ренессансным гуманизмом переосмысление представлений о благе общества и индивида, также о путях их достижения, поставило на повестку дня вопросы улучшения качества и управляемости университетского образования, предсказуемости его результатов, которые необходимо было решать именно путём технологизации университетских практик образовательной деятельности высшего порядка.

Под комплексом гуманитарных технологий понимается совокупность приёмов, методов, практик, техник и процедур, охватывающих не только учебный, воспитательный и социализационный процессы, но и сферы внутриуниверситетского управления и корпоративной политики, а также область внешних связей университетской организации. В основу исследования университетских гуманитарных технологий положен тезис о том, что университетская педагогика принципиально политична, а университетские менеджмент и политика педагогичны.

Заслуживает внимания явление диффузии технологического инструментария из области научной университетской дидактики в сферу политики, как большой, т.е. на уровне страны, провинции или отдельного города, так и малой, заключающейся в масштабах университетской организации в целом, а также её отдельных структур.

Следует обратить внимание на существование ряда параллельных комплексов гуманитарных технологий, к которым могли обращаться

³⁴⁶ Роуг В. Университет как явление средневековой культуры // Вестник высшей школы (Alma mater). – 1991. - № 8. – С. 104-106.

представители различных групп и слоёв университетского сообщества в зависимости от конкретных обстоятельств. Доминирующей чертой традиционного комплекса гуманитарных технологий университетского образования в рассматриваемый период выступал формализм.

К началу рассматриваемого периода ядром гуманитарно-технологического арсенала, имевшегося в распоряжении европейского университетского образования, выступала лекционно-диспутационная модель организации учебного процесса³⁴⁷. С точки зрения педагогической абстракции и официальной университетской дидактики данная модель выглядела следующим образом. Университетские лекции были двух видов: ординарные (магистерские) и обзорные, или экстраординарные (бакалаврские). Ординарные лекции отличались подробным изложением материала и носили аналитический характер. Для чтения ординарных лекций отводились утренние часы. Содержание таких лекций складывалось из первоначального прочтения регентом изучаемого текста, пояснений к нему, рассмотрения его наиболее важных моментов и, зачастую, разбора возникших при изучении базового текста вопросов.

Обзорные же лекции, читавшиеся бакалаврами в послеобеденные часы, носили исключительно репродуктивный характер, т.е. сводились, подчас, к пересказу базового текста того или иного предусматриваемого программой произведения. Чтение подобных лекций, в свою очередь, являлось частью самостоятельной подготовки бакалавров в рамках курса магистратуры. Хотя экстраординарные лекции и отдавались на откуп бакалаврам, тем не менее, их могли читать и магистры, реализуя, таким образом, стремление к обогащению программы обучения. Правомерным представляется вывод о подчинении данного гуманитарно-технологического комплекса жесткой иерархии уровней образовательной квалификации.

Этому же принципу подчинялся и диспутационный компонент рассматриваемого двуединого гуманитарно-технологического комплекса. Диспуты, в свою очередь, подразделялись на бакалаврские

³⁴⁷ Лефф Г. Средневековый университет: факультет свободных искусств. Тривиум и три философии (Реферат) // *Alma mater* (Вестник высшей школы). – 1997. - № 9. – С. 37.

и магистерские. Деление это было связано с соответствующими этапами обучения: предшествующим получению степени бакалавра (свободных искусств – в данном случае) и последующим этапом, нацеленным на магистерство.

Любопытно отметить, что в рамках диспутационных занятий, предусмотренных бакалавриатом, обнаруживается особая организационная форма, в которой допустимо видеть предшественницу внутренних экзаменационных испытаний в пределах курса той или иной дисциплины. Речь идёт о диспутах с «ответами на вопросы»³⁴⁸. Важность статуса данной разновидности диспутов в учебном процессе, а так же спорность вопроса об их содержании, не только не исключает подобной возможности, но, напротив, служит подтверждением правомерности выдвинутых нами предположений.

С таким арсеналом гуманитарно-технологических решений университетское образование вступало в новый этап своего развития. Возьмём на себя смелость утверждать, что развитие гуманитарных технологий университетского образования в Европе XVI – конца XVIII вв. не могло быть свободным как от влияния изменений, происходивших в структурно-организационном и идеологическом аспекта системы университетского образования, так, и в ещё большей мере, от принудительного воздействия перемен, затронувших все сферы профессиональной деятельности, вне зависимости от специфики конкретной отрасли производства. Среди таких факторов влияния следует выделять усиление роли машинного производства (высокую степень разделения труда и стандартизацию – как его грани) и формирование механизма власти, складывавшегося в недрах абсолютизма, но не сводимого к нему, обеспечивающего жёсткий контроль над людьми и их эффективное использование, достигаемые путём использования совокупности техник, корпуса методов и знания необходимых описаний, рецептов и данных³⁴⁹. Влияние последнего из названных факторов опосредовалось через набор широкоформатных гуманитарно-технологических решений, имевшим пилотаж к

³⁴⁸ Там же.

³⁴⁹ Фуко М. Наказывать и наказывать. Рождение тюрьмы. – М.: Ad Marginem, 1999. – С. 206.

самым разнообразным сферам деятельности. К ноу-хау подобного рода следует относить: искусство распределения индивидов в пространстве (как частный случай – отгораживание), контроль над деятельностью (распределение времени, функционализация и механизация телестности индивида), организация генезисов (предподготовки, предшествующего развития), сложение сил (на основе разделения труда, узкой специализации и стандартизации базовых навыков и операций), нормализующее наказание (карательный механизм поддержания дисциплинарного режима), тотализация испытаний, проверок и инспекций (триумф экзамена). На базе названных макрорешений происходила эволюция гуманитарных технологий университетского образования в Европе XVI – конца XVIII вв., и что, как это не покажется на первый взгляд парадоксальным, с лёгкостью укладывается в гуманистическую парадигму неолиберального подхода к образовательной деятельности высшего порядка.

Отличительной чертой развития университетского образования в Европе, обозначившейся со всей очевидностью к концу первой трети XVI в., выступает обострение восприятия водораздела, пролегающего между квазиуниверситетским и собственно университетским уровнями рассматриваемой системы в гуманитарно-технологической плоскости. Данная тенденция представляется тем более любопытной, что находится в диалектическом отношении с направлением накопления эволюционных тенденций в структурно-организационном и идеологическом аспектах европейской системы университетского образования.

Основанные Ф. Меланхтоном, И. Бугенгагеном и их последователями высшие городские школы квазиуниверситетского уровня продемонстрировали примеры ограниченной эффективности переноса гуманитарно-технологических решений из практики университетской образовательной деятельности в сферу школьного (гимназического) образования. В основе рассматриваемого гуманитарно-технологического комплекса лежит обращение школьных магистров к собственному актуальному университетскому опыту, из которого они черпали готовые образцы и, не заботясь об их

адаптации к условиям гимназической образовательной деятельности, применяли их на практике.

Ядром данного гуманитарно-технологического комплекса выступало последовательное изложение материала в лекционной форме. Выстроенные по субъект-объектному принципу, где активной стороной являлся наставник, а школярам отводилась роль пассивных слушателей, исключали момент педагогического взаимодействия (общения), что затрудняло усвоение излагаемого материала и снижало качество подготовки учащихся³⁵⁰. Подчас возникала, на первый взгляд, парадоксальная ситуация: чем большими ученостью и красноречием обладал школьный наставник, тем в меньшей степени он оказывался способным обучить своих учеников азам наук, составлявших программу школьной подготовки. Особенно страдала в подобной ситуации языковая подготовка школяров.

Однако односторонне критический взгляд на существующее положение вещей вряд ли оправдан. Лекционное инструментирование занятий в высших городских школах, хотя и было малоэффективным, тем не менее, не имело равноценной себе замены. Имевшиеся в то время две альтернативы мало удовлетворяли требованиям массового спроса на продвинутое школьное обучение, удовлетворяемого бурно развивающимся и разрастающимся квазиуниверситетским уровнем европейской системы университетского образования. Первая альтернатива состояла в усвоении опыта высших гуманистических школ, например: «Дома счастья» Витторино да Фельтре или школы Гуарино да Верона, патронируемой семейством Эсте Феррарских³⁵¹. В методическом плане без преувеличения ими была совершена революция в школьном квазиуниверситетском обучении, но накопленный ими опыт прочно увязывался с максимально благоприятными условиями, созданными для эксперимента по культивированию рафинированного элитарного образования, проистекавшего в стороне от университетской организации. Соблазн квазиуниверситетского «всеобуча» делал городские высшие школы и

³⁵⁰ Шмидт К. История педагогики, изложенная во всемирно-историческом развитии и в органической связи с культурною жизнью народов. - Т. 3. История педагогики от Лютера до Песталотци. - М., 1880. – С. 131.

³⁵¹ Ralph Ph. L. The Renaissance in perspective. – New York.: St. Martin's press, 1973. – P. 141.

гимназии маловосприимчивыми к гуманистическим гуманитарно-технологическим новациям.

Другая альтернатива заключалась в штучном подходе к квазиуниверситетскому образованию, обеспечивавшему условия для максимального взаимодействия наставника и ученика³⁵². Но этот путь представлялся регрессивным, а потому не мог составить конкуренцию гуманитарно-технологическим решениям, инструментировавшим образовательную деятельность школ квазиуниверситетского уровня.

Упрощённый, критический взгляд на лекционное инструментирование учебного процесса в школах квазиуниверситетского уровня нельзя признать обоснованным. Напротив, ограниченность его эффективности связана не с тем, что он плох сам по себе, а с недостаточной педагогичностью традиционной практики его использования. Находящееся в процессе становления педагогическое образование в рамках университетской организации не было способно на том этапе решать задачи, связанные с адаптацией университетского гуманитарно-технологического арсенала к нуждам школьного образования. Только во второй половине XVIII в., особенно к концу его третьей четверти, университетская педагогическая подготовка достигает того уровня, на котором становится способной обеспечить действенное усовершенствование гуманитарно-технологического аспекта преподавания в школах квазиуниверситетского уровня.

В рамках лекционной формы занятий в начале XVI в. продолжали использоваться унаследованные от средневековья технологии обучения. Вообще на протяжении всего исследуемого периода система лекционных занятий, в своих наиболее архаичных аспектах, оказывалась наименее восприимчивой к эволюционным изменениям³⁵³. Пять раз в неделю, особенно на артистическом факультете, профессорами читались лекции продолжительностью не более часа. В содержательном отношении эти лекции состояли из трёх частей, каждая из которых инструментировалась соответствующим образом. Первую часть составляло чтение профессором текста

³⁵² Розов Н. Ценности и образование (вехи истории европейской мысли) // Вестник высшей школы (Alma mater). – 1991. - № 12. – С. 41-42.

изучаемого источника, рукописные или печатные копии которого раздавались присутствующим в аудитории студентам. Вторая часть лекции заключалась в изложении комментария к только что прочитанному источнику. При лекционном обсуждении источника явно обозначалось стремление к так называемому «тотальному комментарию», т.к. в рамках данного этапа лекции использовался приём мультипликации точек зрения и создавался эффект плюрализма мнений. Надо заметить, что многообразие интерпретаций изучаемого текста было управляемым явлением, служившим великолепным фоном для собственных мыслей лектора и для предлагаемых им аудитории окончательных выводов по одержанию источника. Эта часть лекции считалась наиболее важной, а потому под неё отводился наибольший объём времени. На заключительном этапе лекционных занятий предусматривался опрос присутствующих в аудитории слушателей, ориентированный на контроль понимания студентами излагаемого материала. Но нередко этот заключительный опрос опускался лекторами, особенно в многолюдных аудиториях.

Рассмотренный технологический комплекс уже в начале XVI в. подвергался резкой критике со стороны гуманистически настроенных университетариев, обличавших его безличность и формализм. Причины его устойчивости и актуальности вплоть до конца XVIII в. следует видеть в широте обеспечиваемых им возможностей. Во-первых, достигалось чёткое и всестороннее объяснение рассматриваемых в лекции проблем, дополняемое высоким уровнем понимания материала, не зависящее от индивидуальных способностей студента, хотя и не лишённое длиннот и тяжеловесности. Во-вторых, данное гуманитарно-технологическое решение возможно было с лёгкостью адаптировать к разным условиям преподавания, что свидетельствует о присущей ему гибкости.

В то же время необходимо отметить, что применявшиеся для инструментирования лекционной формы занятий приёмы, особенно на артистическом факультете, приобрели большую утончённость и изысканность. В ходе лекций регент обычно стремился дать прочное логическое обоснование своим рассуждениям и выводам, что

³⁵³ Броклис Л. Университет в ранний период современной истории: учебные планы (Реферат) // Alma mater (Вестник высшей школы). – 2002. - № 1. – С. 45.

сказывалось на стилистике изложения. Очень часто наиболее важные положения лектор, после предварительного их обсуждения, формулировал в виде следующих друг за другом и вытекающих один из другого в строгой последовательности тезисов. Делалось это с целью облегчить слушателям восприятие и запоминание ключевых смысловых единиц лекции. Изложение материала сопровождалось обращением к таблицам и иллюстрациям, сообщающим в наглядной форме основное содержание выводов автора и, возможно, содержащих схематическое изображение механизма получения этих выводов.

Излюбленным приёмом французских университетских лекторов начала XVI в., использовавшимся ими для построения доказательства правильности сообщаемых в лекциях умозаключений, выступает метод аналогий. Убеждённость регентов в обладании метода аналогии особой доказательной силой и дидактической многофункциональностью позволяла им основывать на нём преподавание комплекса дисциплин, составлявших программу обучения на факультете свободных искусств. Ещё один приём, использовавшийся в рамках названного комплекса, заключался во множественном повторении ключевых концептов излагаемого в лекции материала. В качестве подобных основных единиц чаще всего выступали определённые схемы, призванные в дальнейшем управлять мышлением универсантов, с целью повторения соответствующих умозаключений, в чём, собственно говоря, и заключалась одна из задач, стоявших перед университетским образованием.

Известную степень творческого подхода к лекционным занятиям в действительности могли себе позволить лишь немногие преподаватели. Педагогические импровизации и свобода научной эрудиции всё ещё оставались для регентов-артистов роскошью. Миссия же рядовых преподавателей сводилась к неспешному надиктовыванию тщательно отработанного текста. В итоге студенты становились обладателями двух обязательных текстов (нередко в конспективной форме): изученного источника и комментариев магистра к нему³⁵⁴. Бывали случаи, когда данные тексты

³⁵⁴ Там же.

объединялись в один, но это уже было проявлением дидактической проработки преподаваемого материала более высокого уровня.

В XVI-XVIII вв. перед университетскими регентами, особенно на философском и юридическом факультетах, стояла проблема надлежащего инструментирования авторских лекционных курсов, в областях, охваченных процессами быстрого обновления знаний и переоценки признанных авторитетов, призванных способствовать общей качественной модернизации содержания университетского образования. Часто подобные курсы лекций, в текстовом, или конспективном виде, приобретали форму компендиума, или институций, содержащих обязательное и довольно компактное изложение материала курса. Нередко они бывали опубликованы и лучшие из них приобретали статус университетского учебника.

Изменение мотивации учебной деятельности студентов и смещение акцентов в содержании социокультурных функций университетского образования, связанных с подготовкой квалифицированных специалистов в соответствии с социальным заказом, находящем выражение, в том числе, в определённых политических инициативах, стимулировало развитие в рамках лекционного гуманитарно-технологического комплекса новых форм организации учебной деятельности, методических приёмов и инструментальных решений. В результате, традиционный лекционный гуманитарно-технологический комплекс приобретал новые черты и обогащал своё внутреннее содержание. Более того, параллельно, но в тесном переплетении, с ним формируется гуманитарно-технологический комплекс внелекционных учебных занятий, гармонично дополняющий инструментирование лекционной организации учебной деятельности.

В первую очередь, применительно к факультету свободных искусств, преподавание новых дисциплин учебной программы допускало изложение материала в более свободной манере. Данная дидактическая либерализация затронула в первую очередь обучение древним и современным языкам. Стремясь обеспечить быстрое усвоение грамматики и синтаксиса, регенты поощряли активность студентов на занятиях. Налицо переход от жестко монологического подхода к иному, подразумевающему элементы диалога. В то же

время увеличивается значение внелекционных занятий, происходит их дальнейшая организационная формализация. Обитатели университетских колледжей и семинарий вовлекались в занятия малых групп или взаимодействовали с наставниками в индивидуальном порядке, в результате чего приобретали дополнительную подготовку.

Крайняя форма данного гуманитарно-технологического решения воплотилась в тьюторской системе, классические образцы которой демонстрируют университеты Оксбриджа и другие близкие к ним в этом отношении. В рамках этой системы с середины XVI в. доны колледжей получили исключительное право контролировать занятия рядовых членов своего академического общежития, и, по мере необходимости, вмешиваться в ход их учебной деятельности.

Другим вариантом гуманитарно-технологического инструментария внелекционных занятий выступает, предложенный учебными заведениями Общества Иисуса, режим централизованного контроля над учащимися, обеспечивающийся усилиями принципалов и педагогов, на которых возложена обязанность наблюдать за поведением и занятиями учащихся, дифференцированно разделённых на группы в зависимости от возраста и способностей³⁵⁵. В рассматриваемый период эта новация осваивалась и адаптировалась университетскими колледжами и семинариями ряда стран. Справедливости ради следует отметить, что первооткрывателями подобного решения были далеко не иезуиты, напротив, эти приёмы в полной мере использовались в школьной практике ещё в XIV в., а члены Общества Иисуса придали им изощрённость и тотальность.

Смещение акцентов в сторону испытательно-контрольного и инспекционн-надзорного аспекта университетского образования, происходившее в XVI-XVIII вв., закономерно вызывала формирование соответствующего гуманитарно-технологического

³⁵⁵ Циглер Т. Система воспитания у иезуитов // Свадковский И.Ф. Хрестоматия по истории педагогики. – Т. I. Античный мир. Средние века. Начало нового времени. – М.: Учпедгиз, 1936. – С. 165-166.; Шмидт К. История педагогики, изложенная во всемирно-историческом развитии и в органической связи с культурною жизнью народов. - Т. 3. История педагогики от Лютера до Песталоцци. - М., 1880. – С. 223-224.

комплекса. В рамках данного комплекса гуманитарно-технологическому инструментированию подвергался процесс проверки приобретённых студенами и школярами знаний, умений и навыков.

К концу XVIII в. экзаменационный гуманитарно-технологический комплекс в немецких университетах приобрёл следующие очертания³⁵⁶. Для того, чтобы убедиться в успехах студентов в юридическом факультете, назначались ежедневные, потом ежемесячные испытания, проходившие в течение двух дней в конце каждого месяца, и, наконец, полугодовые экзамены. Студенты, не являвшиеся два месяца подряд на экзаменационные испытания, подлежали исключению из списка и, в свою очередь, не допускались к полугодовому экзамену для получения свидетельства. Студенты теологического факультета также подвергались еженедельному лёгкому испытанию и сократическим беседам, а каждое полугодие публичному экзамену, по результатам которого происходило распределение по классам.

XVI-XVIII вв. характеризуются выдвижением представителей университетского сообщества Европы на ведущие позиции в сфере управления. С нашей точки зрения, это явление обусловлено рядом факторов как микро-, так и макросоциального плана. Отчуждённые от рычагов внукорпоративного управления, университетчики оказывались обладателями навыков и приёмов, весьма ценных для управления сложными социальными организациями и государственными учреждениями, которые использовались ими в процессе исполнения ими различных административных и политических должностей. Связующим звеном между университетским образовательным (учебно-воспитательным) мегакомплексом гуманитарных технологий и гуманитарными технологиями социального и государственного управления выступает специфический образ действия, сформировавшийся у представителей университетского сообщества и усвоенный ими в процессе приобретения университетского образования. Имеющиеся у нас

³⁵⁶ Шмидт К. История педагогики, изложенная во всемирно-историческом развитии и в органической связи с культурною жизнью народов. - Т. 3. История педагогики от Лютера до Песталоцци. - М., 1880. – С. 751-752.

сведения позволяют с известной степенью уверенности утверждать, что с развитием педагогической саморефлексии, университетское сообщество Европы к концу третьей четверти XVIII в. приходит к твёрдому осознанию факта объективной корреляции между арсеналом гуманитарно-технологических решений функционировавших в таких сферах, как университетские дидактика и воспитательные практики, корпоративная политика и администрирование, государственное и социальное управление. В 1776 г. магистр Кенигсбергского университета И. Кант писал по этому поводу: «Два человеческих изобретения можно считать самыми трудными: искусство управлять и искусство воспитывать»³⁵⁷, что свидетельствует о об осознании им как представителем университетского сообщества принципиального характера контекстуализации названных выше областей применения гуманитарно-технологических решений. В то же время необходимо обратить внимание на воспитательный аспект университетского гуманитарно-технологического комплекса политико-дидактического назначения, воплотившего в себе подходы, ошибочно называемые авторитарным педагогическим кредо эпохи. С идеологической точки зрения, Я.А. Коменский и И.Ф. Герbart (1746-1841) не менее революционны, нежели педагоги Ренессанса и гуманистически настроенные Просветители - Ж.-Ж. Руссо, в первую очередь, но революционность Гербарта, в технологическом отношении выглядит более консервативной.

Некоторое представление об универсальном технологическом арсенале политико-дидактического назначения, доступном представителям университетского сообщества, специализировавшихся на «семи свободных искусствах» дают описания деятельности университетчиков-политиков, содержащиеся в произведениях художественной литературы, созданных в конце XV – начале XIX вв.

Не будет преувеличением отметить, что рассматриваемый универсальный комплекс гуманитарных технологий был основан на так называемом принципе демонстративности. Данный принцип предписывал в любом виде деятельности с максимально возможной

³⁵⁷ Цит. по: Гулыга А.А. Кант. – М.: Соратник, 1994. – С. 87.

выразительностью демонстрировать свою учёность, которая должна была быть проявлена не только в объеме знаний, но и в манерах, стиле устной и письменной речи, в самих способах делать что-либо³⁵⁸. Влиянием этого принципа определялось не только содержание всего комплекса, но и особенности функционирования его отдельных компонентов.

Устное красноречие и письменная коммуникация несли на себе отпечаток принципа демонстративности. Риторика специалистов в области свободных искусств непременно была отягощена значительным количеством цитат, примеров и заимствований, которые должны были придавать сказанному или написанному особую важность и убедительность. Подобные риторические излишества воспринимались как архаизмы уже в XVI в., в следующем столетии их использование сместилось на периферию университетского сообщества, а на рубеже XVIII-XIX вв. такая манера писать и говорить служила свидетельством интеллектуального расточительства, не понимающего ценности времени и внимания аудитории. Необходимо отметить, что эффективность инструментированной таким образом устной коммуникации в значительной мере снижалась за счёт постоянных античных реминисценций, которые скорее пугали и запутывали аудиторию, нежели способствовали улучшению понимания ею смысла сообщаемой информации³⁵⁹.

Тяжеловесность риторических конструкций, использовавшихся в устной и письменной коммуникации, в живом общении должна была восполняться экспрессивностью изложения и поведения. Ораторская харизма в рамках рассматриваемого технологического комплекса превращалась в разновидность университетского лицедейства. Эту разновидность университетской дидактической театрализации следует признать весьма эффективной манипулятивной практикой, инструментированной с таким расчётом, чтобы управлять действиями аудитории путём воздействия на эмоциональную составляющую индивидуальной и коллективной психики. В данном случае

³⁵⁸ Ирвинг В. История Нью-Йорка. – М., 1968. – С. 109-110.

³⁵⁹ Там же. – С. 110-111.

создавался мощный стимул для активизации познавательной либо продуктивной деятельности.

Ещё одним немаловажным компонентом данного комплекса гуманитарных технологий выступало экспериментаторство³⁶⁰. Высокая ценность опытного знания, а также способность обращать собственный индивидуальный опыт в символический капитал делали проведение разнообразных экспериментов едва ли не центральным компонентом университетского образования. Учебный эксперимент, обогащая индивидуальный и коллективный опыт, не ставит вопроса об ответственности за результаты и может быть неоднократно повторён. Этим самым ставятся пределы распространения учебного эксперимента как технологического инструмента. Попытки выйти за эти пределы оказывались либо мало эффективными, либо привели к возникновению непрогнозируемых негативных последствий³⁶¹.

Закономерным завершением рассматриваемого комплекса гуманитарных технологий выступает компонент, позволявший инструментировать в одном ключе как коллективные научные студии, так и корпоративные политические и административные собрания. Как уже отмечалось, присущее университетчикам-артистам интеллектуальное расточительство не придавало большой ценности такому ресурсу, как время. Как коллективные студии, так и разного рода университетские собрания отличались крайней неспешностью и практически полным отсутствием динамики действия³⁶². Устойчивость подобных практик наводит на мысль о том, что принятие такой стратегии коллективного поведения имело умысел, заключающийся в стремлении к манипулятивному инструментированию формализованного коллективного общения с целью получения необходимого результата. К подобным результатам следует относить ангажированные субъектами инструментирования политические и административные решения, формирование определённых установок в коллективном сознании участников коммуникации, принятие участниками значимых точек зрения и интерпретаций. Таким образом, манипулятивное инструментирование

³⁶⁰ Там же. – С. 110.

³⁶¹ Там же. – С. 111.

³⁶² Там же. – С. 78.

в рамках описанной стратегии формализованной коллективной коммуникации выступало как эффективное средство достижения значимых целей в политической, административной, учебной и научной сферах, предусмотренное комплексом гуманитарных технологий европейского университетского образования XVI-XVIII вв.

На примере политико-дидактических упражнений государственного министра Франции кардинала Мазарини (1602-1661), предпринятых им для подготовки своего крёстного сына – Людовика XIV к предстоящему ему самостоятельному, долгому и опасному плаванию по темным водам большой политики³⁶³, можно судить о своего рода гуманитарно-технологическом кредо университетского администратора и политика, по крайней мере, каким оно виделось из Римского Колледжа, университетов Алькаладе-Энарес и Сапиенца. Таким образом, университетскому управленцу и/или политику следовало: 1) быть в курсе интриг в административном аппарате и всех университетских собраниях; 2) иметь точные и достоверные сведения о социальном, культурном, политическом и экономическом окружении объекта управления, рассматриваемого в разумных границах; 3) поддерживать систему открытых и закрытых каналов информационного обеспечения. В то же время, по возможности, необходимо поручить заботу о финансах и хозяйственно-экономической стороне дела наиболее способным специалистам. Следует избегать назидательности в речи и действиях, надо уметь подчинять себе время, обладать терпением, выдержкой и уметь блефовать. Нельзя позволять установлениям, обусловленным человеческой прихотью, давить над собой. Напротив, для руководителя университетской корпорации весьма полезно «творчески» подходить к существующим нормативным актам, определяющим взаимоотношения университета и внешних властей, т.к. изменение обстоятельств влечёт изменение их собственного содержания. Необходимо уметь определять цену людям и не бояться платить её. Требуется подчинение чувств, аффектов, склонностей и пристрастий служению высшей цели, каковой является эффективность организующего и направляющего воздействия на

соответствующий объект. При таком раскладе любовь и гуманность попираются высшими интересами всего предприятия.

Однако носитель властных полномочий не находится в полном одиночестве, напротив, настоятельно рекомендуется подыскать себе квалифицированных советников, способных к всестороннему анализу информации и документов и не страшась высказываться в критическом ключе по самым злободневным вопросам. Содержание политико-дидактических уроков Дж. Мазарини несёт на себе отпечаток своего времени. В предлагаемом им гуманитарно-технологическом инструментарии можно обнаружить как абсолютистские, так и чисто буржуазные компоненты. Становится очевидным то место, которое занимает воспроизведённый кардиналом гуманитарно-технологический комплекс в процессе трансформации политико-административных практик в рамках системы университетского образования. Его следует признать переходным, отражающим ту фазу развития, на которой рассматриваемые практики всё меньше остаются политическими, но ещё не стали окончательно административными.

XVII в. со всей очевидностью и максимальной остротой поставил перед университетской организацией перспективу скорого и окончательного обнищания. Глубокий кризис традиционной системы ресурсообеспечения поставил многие университеты и их отдельные структуры на грань финансово-экономического краха. Например, Пражский университет полностью обнищал уже к началу 20-х гг. XVII в. В сложившейся ситуации возникал значительный спрос на обладание эффективными технологическими решениями в сфере управления финансово-экономической деятельностью университетской организации. Справедливости ради, следует отметить, что подобный спрос не ограничивался исключительно пределами университетской организации, а был намного шире, охватывая, в первую очередь, область финансово-экономических интересов абсолютизирующегося монархического государства. Наличие спроса подталкивало университетское сообщество к выработке подобных гуманитарно-технологических решений.

³⁶³ Губер П. Мазарини. – М.: КРОН-ПРЕСС, 2000. – С. 462.

Составить представление о подобного рода гуманитарно-технологическом комплексе представляется возможным на примере приёмов, использовавшихся выпускником Реймского коллежа Общества Иисуса – Ж.-Б. Кольбером³⁶⁴, для управления финансами французской монархии на протяжении двадцати двух лет, стремившейся, без преувеличения, к финансовому самоубийству. С нашей точки зрения, управление государственными финансами не имеет принципиальных отличий от руководства финансово-экономической деятельностью университетских структур и учреждений (разница состоит разве что в масштабах), а потому и гуманитарно-технологические решения, возникшие в одной из этих сфер, могут с успехом использоваться в другой.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что, как это видно из упоминавшегося ранее, глава университетской корпоративной администрации – ректор и/или канцлер, зачастую перепоручали заботу о финансах и хозяйственной деятельности специальным служащим, от эффективности работы которых напрямую зависело благополучие всей корпорации. В то же время, университетские эконома и квесторы сами либо принадлежали к членам данной университетской корпорации, либо были связаны в образовательном отношении с иными подразделениями университетской организации, но не обладая особыми преподавательскими или научными способностями, оправдывали своё активное членство не только в самой корпорации, но и исполнение административных функций исключительно успехами в деле заботы о материальном благополучии своей Alma mater.

Итак, гуманитарно-технологический инструментарий эффективного университетского финансиста и хозяйственника во второй половине XVII в. выглядел следующим образом. Главной целью деятельности управляющего университетскими финансами и хозяйством выступало глубокое проникновение в существо дел, о которых шла речь³⁶⁵. Для её достижения экономам и квесторам приходилось много трудиться в тиши своих кабинетов, изучая и

³⁶⁴ Малов В.Н. Жан-Батист Кольбер – реформатор XVII века (1619-1683) // Новая и новейшая история. – 2000. - № 3 (1 декабря 2003 г.). - <http://vivovoco.nns.ru/VV/PAPERS/HISTORY/COLBERT.HTM> .

обрабатывая внушительные объёмы документации. Было необходимо регистрировать все входящие документы, составлять ответы на них, из финансовых и хозяйственных отчётов делались пространные выписки, собственно говоря, только реферирование значительных массивов экономической информации позволяло получить целостное видение состояния весьма разрозненного и разнообразного университетского хозяйства. И, конечно, нельзя было обойтись без сложных вычислений (скорее оперирующих значительными суммами и количествами, монотонных, но не представляющих математической изысканности) и без элементарных навыков бухгалтерского учёта. Только действуя таким образом, возможно было обеспечить эффективное управление университетскими финансами и хозяйственно-экономической деятельностью, но, тем не менее, не следует испытывать иллюзий относительно возможностей, пусть и весьма действенного, комплекса гуманитарных технологий переломить общую тенденцию развития, характеризующуюся ухудшением материального положения университетской организации в рассматриваемый период. В то же время необходимо признать положительный эффект от функционирования рассмотренного гуманитарно-технологического комплекса, заключающийся в создании методических основ высшего экономического образования, получившего развитие как в рамках университетской организации, так и за её пределами.

Университетские образовательные технологии нередко становились политическими, точнее, в данном случае, технологиями взаимодействия представителей университетского сообщества с властью. Представитель чешской гуманистической интеллигенции начала XVII в. ректор Пражского университета, профессор, магистр свободных искусств Ян Кампанус (Компанус) из Воднян демонстрирует образец подобной технологии. В основе его приёмов лежало добротное академическое красноречие, обогащённое ренессансными нововведениями: обращением к античным примерам, использованием ярких образов мужей древности³⁶⁶. Суть этой технологии сводится к принципу непрямого действия. При таком

³⁶⁵ Ленотр Ж. Повседневная жизнь Версаля при королях. – М., 2003. – С. 68.

³⁶⁶ Винтер З. Магистр Кампанус. Исторический портрет. – М., 1953. – С. 508.

подходе произносимые слова должны попасть в контекст личного опыта аудитории, совпасть с ним и вызвать заранее прогнозируемый результат. Мягкое, скрытое предъявление системы взглядов, идей, проблемной ситуации, произведённое при помощи этой технологии производит впечатление на студенческую аудиторию или членов совета университета, но абсолютизирующаяся государственная власть либо оставалась глуха к подобным призывам, либо результат оказывался обратным ожидаемому.

Уже на рубеже XV-XVI вв. в рамках университетской организации в территориальном отношении связанной с Англией, Нидерландами и севером Франции, обобщается опыт морально-воспитательных и политико-этических наставлений, нашедший воплощение в ряде практических рекомендаций по подготовке и произнесению речей и проповедей подобного содержания. Настоятельно рекомендовалось при произнесении речей и наставлений избегать упоминаний имён конкретных людей либо целых сословий, которые могли бы усмотреть в этом нанесение ущерба своим интересам³⁶⁷. Таким образом, университетская дидактическая риторика обогащалась технологией безадресного словесного воздействия, сконструированной с учетом четкого определения предметной области высказывания, но при крайней размытости объекта, его деперсонафицированности. Возникновение гуманитарной технологии подобного рода в данных конкретных условиях выглядит весьма закономерным явлением. С одной стороны, она вписывается в радикализирующуюся полемику между сторонниками средневекового традиционализма и ренессансных новаций, реформационным лагерем и католическими ортодоксами. С другой стороны, рассматриваемая технология выступила в качестве средства, призванного инструментировать коммуникацию между университетской организацией и властями в условиях нарастания абсолютистских тенденций.

Мощным каналом воспитательного и просветительского воздействия на аудиторию, в полной мере использовавшимся университетским сообществом XVI-XVII вв., были надгробные и

³⁶⁷ Роттердамский Э. Послание к Паулю Вольцу // Философские произведения. – М.: Наука, 1986. – С. 86.

поминальные речи. Инструментирование коммуникации в этом канале происходило согласно схеме, описанной выше. Примечательно, что иезуиты, у которых главным критерием подбора «гуманитарного оружия» была его эффективность, достигли в произнесении подобных речей большого искусства³⁶⁸.

Наследием средневековья являлся приём подтверждения своего тезиса путём ссылки на произведения некоего древнего или современного автора, высказывания которого признавались авторитетными. Этот приём можно назвать «доказательство авторитетом». Он был хорошо разработан в Средние века и неоднократно помогал во время диспутов одной из сторон избежать очистительного огня инквизиционных костров. Гуманисты сумели обратить это оружие схоластов против них самих. К концу XVI в. века этот обогащённый заботами гуманистов приём превращается в одиозную гуманитарную технологию, при помощи которой можно было сделать незыблемым утверждение о том, что Вергилий возвещал рождение Христа³⁶⁹, или приписать кому-либо из древних, и не очень, авторов свои самые смелые, а порой даже крамольные мысли. Если подходящего «антиквариата» подобрать не удавалось, то его можно было выдумать³⁷⁰, благо такого рода фальсификации были в ходу ещё в средневековье.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники свидетельствуют о том, что модернизированное «доказательство авторитетом» имело широкое использование в университетском сообществе Испании конца XVI – первой трети XVII вв., объяснение чему кроется в специфике испанского возрождения и особенностях развития культуры и общества страны в XV-XVII вв. Тем не менее, нет оснований сомневаться в том, что технология «доказательства авторитетом» в то время была частью образовательного процесса университетов других стран Европы, по крайней мере географическая и структурная периферия системы университетского образования предоставляли для этого все условия.

³⁶⁸ Винтер З. Указ. соч. – С. 543.

³⁶⁹ Кеведо Ф. Сон о Страшном суде // Избранное. – Л., 1980. – С. 243.

³⁷⁰ Кеведо Ф. Сон о смерти // Избранное. – Л., 1980. – С. 369.

Однако в университеты, связанные с центрами системы и её срединной зоной, испытывали известное снижение эффективности гуманитарных технологий, основанных на использовании, пусть и модернизированного, но по сути архаичного, «авторитетного» инструментария. Не без влияния гуманистов становится очевидной проблема персональной ответственности за высказывание, за даваемые оценки и характеристики. Повторение ситуации необходимости от университетских интеллектуалов персонально ответственного экспертного высказывания, отягощённой заботой о поддержании корпоративного реноме, уже на рубеже XV-XVI вв. привело к формированию особого рода приёмов, призванных способствовать преодолению возникших затруднений. Об этом нововедении свидетельствует Эразм Роттердамский в «Послании к Паулю Вольцу». В ситуации, когда дать однозначный и желательно простой ответ не представляется возможным, настоятельно рекомендуется выстраивать своё высказывание не в императивной форме, по схеме «Это делай, а того избегай», а придавать ему максимально возможную гибкость, предусмотренную более мягкими образцами, например: «Это, по-моему, безопасней; это, я полагаю, терпимее»³⁷¹. Таким образом, инструментированное в данном ключе экспертное высказывание позволяет в полной мере воплотить элемент персональной ответственности, релятивность и предельность достоверности даваемых оценок, соблюсти неприкосновенность корпоративного интеллектуального достоинства. Эта университетская гуманитарная технология оказалась весьма актуальной не только в рамках учебно-научной деятельности, но и в сфере политики. Её использование защищало университетский символический капитал от неизбежного в этом случае обесценивания. В географическом отношении данное гуманитарно-технологическое новшество связано с регионом, охватывающим Англию, Нидерланды и Северную Францию.

Большую роль в университетском образовании играет автодидактика, или научное самообразование, выступавшее в качестве дополнительной образовательной практики, связывавшей

³⁷¹ Роттердамский Э. Послание к Паулю Вольцу // Философские произведения. – М.: Наука, 1986. – С. 76.

учебную и научную деятельность представителей университетского сообщества Европы XVI – конца XVIII вв. Едва ли не главным компонентом университетской автодидаскалии выступала работа с книгой.

На рубеже XVI-XVII вв. лицензиату искусств Университетов Алькала-де-Энарес и Вальядолида в Испании для поддержания академической квалификации и уровня научной осведомлённости рекомендовалось время досуга посвящать чтению книг. Выделяются три важнейших условия этих занятий, выступающих залогом их регулярности и продуктивности, среди которых наличие, пусть небольшого, собственного книжного собрания, спокойная окружающая обстановка и тишина³⁷².

В начале второго десятилетия XVII в. Пражский университет предоставляет наглядный пример технологизации такого ресурса, как время. Если ранее соблюдение распорядка занятий зависело от колокольного звона, отмечавшего границы соответствующих промежутков времени, то теперь время измерялось и регламентировалось внутри самого университета. Установка в профессорской коллегии немецких часов позволила внести дополнительную определённую организацию в распорядок учебных занятий, т.к. стало возможным более точно определять реальное время их начала и конца, а также чётко хронометрировать отдельные компоненты внутренней структуры учебных занятий. Таким образом, налицо появление технологий измерения, учёта и организации учебного времени в рамках университетского образовательного процесса.

В плане обеспечения качества университетского образования, акцент делался на его традиционную публичность. Дело в том, что едва ли не все этапы университетской жизни сопровождались разного рода акциями, носившими не только ритуальный, но и публичный характер. Эта свойственная неолиберальному университетскому образованию публичность служила основой для открытости университетских учебных практик социальному контролю, что

³⁷² Кеведо Ф. Наслаждаясь уединением и учёными занятиями, автор сочинил сей сонет // Избранное. – Л., 1980. – С. 37.

выступало мощным средством мониторинга качества университетской подготовки.

В начале второго десятилетия XVII в. в Пражском университете большое впечатление на студентов производило изгнание с экзамена по причине скудных знаний, либо в случае уличения в использовании шпаргалки, или скрывающегося по близости «интеллектуального негра».

XVI-XVIII вв. были связаны с перестройкой механизмов регулирования социального поведения индивида. Эмансипация человеческой личности, открытие широких горизонтов для проявления и утверждения индивидуальности, восходящие к идеологическим установкам ренессансного гуманизма – возрожденческий титанизм, в сочетании с изменениями в общественной жизни, затрагивавшими, в первую очередь, нормы и механизмы регулятивного назначения, - всё это в комплексе накладывало отпечаток на эволюцию университетских гуманитарных технологий воспитательного характера.

Необходимость контролировать и, при необходимости, корректировать поведение представителей университетского сообщества формировала весьма оригинальный, но в то же время эффективный комплекс соответствующих гуманитарных технологий, развитие которого обнаруживает генеральную тенденцию, состоящую в нарастании жёсткости используемых средств. С юридической точки зрения, применявшиеся средства группируются в зависимости от сектора доминирования прав юрисдикции того или иного субъекта. Приняв эту точку зрения можно вести речь о таких методах гуманитарно-технологического воздействия, как корпоративные и частноправовые (нередко базирующиеся на силе обычая и традиционных ценностях), но подкрепляемые со стороны верховной власти (чаще всего государственной).

В период с конца XVI – до конца XVII вв. в Голландии для искоренения крайних проявлений девиации в среде университетской молодёжи использовался целый комплекс средств, охватывающий гуманитарно-технологические решения, относящиеся к обеим из названных категорий. Весьма популярной мерой «умиротворения» великовозрастных неслухов была высылка наиболее неблагонадёжных

молодых людей в заокеанские колонии. Сюда же примыкала крайняя мера общественного воздействия на буйную студенческую молодёжь – помещение в тюрьму. Пример Голландии показателен тем, что там подобные меры принимались государственными органами с разрешения родителей, а порой по их просьбе³⁷³. Дополнением к названным, своего рода, чрезвычайным мерам служили обычные для университетской организации формы воздействия: штрафы, помещение под стражу на хлеб и воду, исключение. В Лейденском университете борьба со студенческой девиацией стала одним из главных направлений политики корпоративной администрации, которая, будучи инструментированной подобным образом, бывала не всегда эффективной, о чём свидетельствуют волнения в среде университетской молодёжи этой *Alma mater*, вспыхивавшие четырежды в период с середины 90-х гг. XVI – до начала 80-х гг. XVII вв.³⁷⁴.

Подобные способы воздействия на шалых студентов не были чужды и администрации находившегося в первой половине XVII в. в глубоком кризисе Пражского университета. Студенчество находящегося в состоянии «клинической смерти» университета не нарушало общественного спокойствия дерзкими протестными акциями, напротив, помещение в университетский карцер налагалось, например, за распространение памфлета, обличающего в поэтической форме, дидактическую двустандартность регентов. Вход в узилище Пражской *Alma mater* располагался в стене на высоте более четырёх метров, так что забраться туда и выйти наружу без посторонней помощи и лестницы не представлялось возможным. Видимо, вхождение в карцер и извлечение из него имели своего рода ритуальное значение, использовавшееся для усиления воспитательного эффекта от публичного акта наказания.

Весьма, на наш взгляд, оригинальное воплощение находит упомянутое нами ренее голландское изобретение в практике вмешательства французского абсолютизма в сферу университетских воспитательных процессов. В данном случае королевская власть

³⁷³ Зюмтор П. Повседневная жизнь Голландии во времена Рембрандта. – М.: Мол. гвардия, 2000. – С. 133.

³⁷⁴ Там же. – С. 151.

приходила на помощь родительскому господству, прерогативы которого непрестанно в то время оспаривались. Речь идёт о так называемых «бланках с королевской печатью», попросту, о документах, санкционирующих задержание и изоляцию (при необходимости) от общества тех или иных индивидов. В данном случае - представителей университетской молодёжи. Вплоть до конца XVIII в. редкое родительское обращение за помощью в усмирении буйного отпрыска оставалось без внимания карающих органов и без последствий³⁷⁵. Однако это не значит, что родительская власть тогда являла собой образец могущества и авторитета, с которым был вынужден считаться даже абсолютизм. Наоборот, абсолютизм видел в деспотической родительской власти (притом самого архаичного образца) мощный и весьма удобный механизм контроля над поведением и сознанием отдельного человека. Поставить родительский деспотизм на службу абсолютистскому государству было тем более просто, что культивировавшаяся тогда политическая идеология сформировала устойчивое представление (мифологему) о монархии как разросшейся патриархальной семье, в которой король является её верховной главой, вникающим во все дела своих подданных и заботящийся об их материальном и моральном благополучии. Любопытный пример использования «*lettre de cachet*» по отношению к представителю университетского сообщества предоставляет биография Л.А. Сен-Жюста (1767-1794). В 1786 г. этот пылкий юноша, только что закончивший коллеж Сен-Николя в Суассоне и, пережив глубокое личное потрясение, решивший избрать для себя военную карьеру в гвардии короля, был арестован в Париже, после чего помещён на год в исправительный пансион Мари де Сен-Колон³⁷⁶. Эта мера оказалась весьма действенной, так как уже в апреле 1788 г. Сен-Жюст успешно сдал экзамен на звание лиценциата прав, которое ему и было присуждено юридическим факультетом Реймского университета. Следует добавить, что ему удавалось совмещать обучение с исполнением обязанностей второго клерка у суассонского прокурора Дюбуа-Дешарма.

³⁷⁵ Ленотр Ж. Повседневная жизнь Версаля при королях. – М., 2003. – С. 154.

³⁷⁶ Черноверская Т.А. Жизнь и деятельность Луи Антуана Сен-Жюста (1767-1794) // Новая и новейшая история. – 2002. - № 6. – С. 147.

На протяжении XVI-XVIII вв. «старые» английские университеты, особенно Оксфордский, являли собой образец воспитательной системы, опирающейся, с одной стороны, на освящённые столетиями традицию и оригинальные гуманитарно-технологические решения, с другой. Следует отметить, что используемый ею воспитательный гуманитарно-технологический арсенал демонстрировал потрясающую эффективность на протяжении всего рассматриваемого периода.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют судить о воспитательном гуманитарно-технологическом комплексе, использовавшемся в Оксфордском университете в том его виде, который он приобрёл к концу рассматриваемой эпохи – ближе к рубежу XVIII-XIX вв. В рамках педагогического подхода, культивировавшегося в Оксфорде, студент признавался несовершеннолетним и потому не мог пользоваться своей индивидуальной свободой. Первой процедурой комплекса выступало торжественное принесение присяги (клятвы), содержащей обещания политической, религиозной и корпоративной лояльности. Так как конечный смысл этой процедуры заключался во внесении сведений о новых студентах в списки университета, то не вызывает удивления её название – матрикуляция. Данное событие сопровождалось всей возможной зрелищной эффектностью и ритуальностью. Однако каверза состояла в том, что студенты-неофиты приносили клятву соблюдать нормы университетского корпоративного законодательства, но в большинстве своём не имели представления об их содержании³⁷⁷.

Отдельного внимания заслуживают гуманитарные технологии, возникновение которых связано с необходимостью инструментирования специфических видов деятельности школяров и студентов в процессе обучения, нацеленных на познание, сбор и переработку информации об окружающем мире³⁷⁸. Содержание этой деятельности заключается в самоизменении, саморазвитии её

³⁷⁷ Роу Н. Университетская жизнь в Англии. Воспоминания бывшего студента // Русский вестник. – 1864. – Т. 53. - № 6. – С. 519.

³⁷⁸ Сластёнин В.А., Исаев И.Ф., Мищенко А.И., Шиянов Е.Н. Педагогика: Учебное пособие для студентов педагогических учебных заведений. – М.: Школа-Пресс, 2000. – С. 195-196.

субъекта, обогащающих его овладением определённым массивом знаний, умений и навыков³⁷⁹. Речь идёт о гуманитарно-технологическом решении практик учения контингента обучающихся в рамках университетской организации.

Данный гуманитарно-технологический комплекс охватывает учебную самостоятельность в рамках университетского процесса обучения в самом широком его понимании, охватывающем и контрольный аспект. Признание полимотивированного характера учения подводит нас к пониманию роли и значения группы непосредственно-побуждающих мотивов в конструировании рассматриваемого гуманитарно-технологического комплекса. Среди прочих мотивов этой группы особое внимание обращают на себя такие, как желание получить похвалу и/или награду и боязнь получить отрицательную оценку, наказание, страх перед преподавателем, порицанием со стороны коллектива³⁸⁰. Диалектические отношения между названными мотивами не только наложили отпечаток на структуру и внутреннее содержание гуманитарно-технологического решения, инструментирующего учение студентов и школьников, но и в значительной мере обусловили его общую оппозиционность дидактическим, воспитательным стратегиям и гуманитарно-технологическим комплексам, оформляющим практики регентов в контексте университетского образовательного процесса.

Студенчество Пражского университета первой четверти XVII в. демонстрирует нам яркий пример гуманитарно-технологических приёмов такого рода. Публичное бесчестие как результат провала на семестровом экзамене было столь тяжким испытанием, что ради его предупреждения отваживались на использование шпаргалок или помощи «интеллектуального негра», хотя и это, как сказано выше, было сопряжено с большим риском и чревато позором не меньшим, если не большим, чем простая неудача во время академического испытания.

Наиболее архаичным способом вспомоществования во время экзамена по риторике в Пражском университете в начале второго

³⁷⁹ Чернилевский Д.В. Дидактические технологии в высшей школе: Учеб. пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – С. 84.

³⁸⁰ Слостёнин В.А. и др. Указ. соч. – С. 196.

десятилетия XVII в. было использование шпаргалки в виде заготовленных дома тезисов. Дополнением к тезисам служил словарь Дазиподия. Все эти «сокровища» прятались за голенищем сапог. Этот приём заслуженно считался дедовским, но, тем не менее, оставался весьма действенным.

Обращение к услугам «интеллектуального негра» было сопряжено с рядом сложностей, на решение которых был направлен весьма изощрённый арсенал гуманитарно-технологических средств. Необходимо было найти хорошего исполнителя роли «негра». Таковым мог быть либо бакалавр искусств, преподающий в одной из школ Праги, либо учёная девица – профессорская дочка (нередко иудейского происхождения). Второй вариант выглядел более привлекательно, т.к. отчасти снимал необходимость конспирации. Далее «негра» необходимо было разместить в безопасном месте, но не слишком удалённом от основного театра действий. Наконец, требовался механизм доставки «негритянской» помощи к экзаменуемому. Решения названных трёх задач и образовывали специфический гуманитарно-технологический комплекс, успешно нейтрализующий принимаемые регентами-экзаменаторами меры по обеспечению режима честного экзамена.

Издревле существовал в Кембридже обычай проведения так называемого «страшного экзамена» – трайпоса, больше походившего на допрос с пристрастием, а не на ученую штудию. Драматизм ситуации усугублялся тем, что это испытание служило своего рода завершением бакалавриата, т.е. выступало проблемообразующим фактором в жизнь подавляющего большинства студентов Кембриджского университета. Необходимость подготовки к столь важному и сложному испытанию породила специфический приём, условия осуществления которого могут показаться, на первый взгляд, весьма странными. Речь идет о том, что на рубеже XVII-XVIII вв. лучшим местом для репетиции трайпоса, особенно по юридическим дисциплинам, служила знаменитая лондонская тюрьма Ньюгейт. Дело в том, что излюбленным развлечением ньюгейтских сидельцев было упражнение в искусстве защищать себя, заключающемся грамотных в ответах на многочисленные вопросы и умелом выборе общей

стратегии поведения³⁸¹. Действуя таким образом, они подготавливали себя к участию в перекрёстном допросе и суде. Специфика условий тюремного содержания воспринималась как благоприятный фактор, способствующий развитию устойчивости к действию таких раздражителей, как свет, шум, духота, перепады температуры, агрессивный настрой аудитории, пристрастность оценивающей стороны. Для взнуздания собственной нервной системы и психики у студента, избравшего этот весьма оригинальный способ тренинга, имелись возможности получения внушительной дозы спиртного. Пройдя горнило этого тренинга, студент мог считать себя весьма квалифицированным диспутантом, в максимальной степени подготовленным для участия в экзекуции трайпоса.

Рассмотренные компоненты метакомплекса гуманитарных технологий европейского университетского образования XVI – конца XVIII вв. свидетельствуют о значительном развитии данного аспекта исследуемой системы, как в количественном, так и в качественном отношении. В XVI-XVIII вв. университетский гуманитарно-технологический метакомплекс охватывает весь спектр социокультурных практик, связанных с образовательной деятельностью высшего порядка и рядом смежных областей. Следует отметить, что данный гуманитарно-технологический метакомплекс предоставлял адекватные средства для эффективного осуществления образовательной деятельности высшего порядка в рамках европейской системы университетского образования XVI – конца XVIII вв.

Подведём итоги главы. Рассмотрение содержательной эволюции университетского образования в Европе XVI – конца XVIII вв., осуществлённое в единстве двух аспектов, позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, предложенный нами двухаспектный подход к изучению содержательной эволюции университетского образования в Европе XVI – конца XVIII вв. представляется вполне оправданным. Названный подход делает возможным, на аналитической фазе исследования, чётко выдержать структурное и смысловое разделение двух компонентов университетской образованности (чему учат и при

³⁸¹ Уоллер М. Лондон. 1700 год. – Смоленск: Русич, 2003. – С. 357.

помощи чего учат) и, на синтетической фазе, получить объёмную, сбалансированную в плане обобщения и детализации картину содержательной эволюции университетского образования в Европе рассматриваемого периода.

В-вторых, благодаря избранному исследовательскому подходу, становятся видимыми два магистральных канала эволюционного развития университетской образованности в Европе рассматриваемого периода. Речь идет об эволюции содержания университетского образования и развитии университетского метакомплекса гуманитарных технологий. Переплетение названных каналов и взаимовлияние происходивших в них процессов не только являются ключевыми тенденциями содержательной эволюции университетского образования, но и, в свою очередь, накладывают отпечаток на функционирование механизмов генерации и накопления эволюционных изменений в объёме университетской образованности.

В-третьих, европейское университетское образование XVI – конца XVIII вв., сохраняя традиционное гуманитарное ядро, выработало ряд механизмов обогащения своего содержания путём интеграции прогрессивных компонентов системы научных знаний, обновления комплекса материалов (текстового и иных видов), использующихся в процессе учебно-научной деятельности и гуманитарно-технологических средств образовательной деятельности высшего порядка. Изменения в содержании университетского образования получали соответствующее структурно-организационное оформление, что, в свою очередь, способствовало их закреплению и создавало предпосылки для дальнейшего устойчивого развития.

В-четвёртых, наибольшую восприимчивость к содержательным новациям в рассматриваемый период демонстрировали структуры образовательной деятельности высшего порядка, связанные с низшим и квазиуниверситетским уровнями университетской организации, в чём, с нашей точки зрения, видится воплощение в жизнь стремления к статусной эмансипации данных структур в рамках системы университетского образования. Именно благодаря расширению программы обучения артистические факультеты Европы в XVI – конце XVIII вв. претерпевают трансформацию, нашедшую внешнее проявление в смене названия, позволившую им встать в один ряд со

«старшими» факультетами, занимавшими привилегированное положение в традиционной структуре университетской организации. В отношении структур квазиуниверситетского уровня, в качестве мотива расширения содержания образования, справедливо также назвать и стремление к сохранению тесной связи в плане непрерывности массива культивируемой образованности с университетской организацией как таковой, несмотря на то, что в структурном отношении квазиуниверситетский уровень эволюционировал в направлении дрейфа в сторону от системы университетского образования.

В-пятых, следует отметить закономерность, позволяющую концептуализировать влияние таких факторов как степень религиозной свободы (религиозного оппортунизма), прагматического рационализма в качестве компонента буржуазной системы ценностей (а это, в свою очередь, говорит об успешном формировании буржуазного общества), на содержательную эволюцию университетского образования в различных национально-государственных ареалах. Чем большей религиозной свободой характеризуется общество, чем в большей степени в нём получает распространение буржуазная идеология и система ценностей, тем более значительными прогрессивными изменениями характеризуется эволюция университетского образования в данной стране. Тем в большей мере университетское образование преодолевает гуманитарный уклон, продиктованный неолиберальной парадигмой образовательной деятельности высшего порядка, и обогащает своё содержание за счёт дисциплин, вызванных к жизни революционным развитием науки. Примером подобного рода благоприятного сочетания названных факторов могут служить университеты Голландии, стран северной Европы и, отчасти, Великобритании.

В-шестых, одним из факторов, оказавшим положительное влияние на эволюцию содержания университетского образования в Европе XVI – конца XVIII вв. выступала политическая ангажированность тех или иных дисциплин и отраслей знания, входивших в состав университетской образованности. Политическая престижность отдельных аспектов университетской образованности

стимулировала не только их собственное развитие, но благоприятно сказывалась на состоянии смежных компонентов.

В-седьмых, факторами, препятствовавшими эволюции содержания университетского образования в Европе XVI – конца XVIII вв., как в качественном, так и в структурном отношении, следует назвать волнообразные эпизоды исходов интеллектуалов-учёных из университетов и коммутация их в систему академической мобильности, центрами тяготения которой выступали *Alma maters*, готовые предоставить наиболее благоприятные условия для преподавания и учёных занятий. В силу названных обстоятельств, возникали ситуации острого дефицита специалистов по широкому спектру дисциплин, охватывающего целые национальные университетские квазиимперии.

В-восьмых, несмотря на нарастание тенденций учрежденческой трансформы университетского образования в Европе рассматриваемого периода, в рамках гуманитарно-технологического метакомплекса, используемого университетском образовании, продолжали успешно функционировать и, более того, получили известное развитие специфические гуманитарные технологии, обслуживающие нужды корпоративной политики и управления. В пользу высокой эффективности данного гуманитарно-технологического комплекса свидетельствует его активное привлечение к решению возникающих проблем в рамках государственного и общественного управления и политической жизни, выступающих внешней средой по отношению к системе университетского образования.

В-девятых, гуманитарно-технологический метакомплекс европейского университетского образования XVI – конца XVIII вв. носил на себе отпечаток принудительных норм предписанных, с одной стороны, образовательным кредо абсолютизма и, с другой стороны, технократической парадигмой, являвшейся, в свою очередь, конечным продуктом эволюции ренессансной гуманистической идеологии, и оказавшейся когерентной запросам буржуазного общества на стадиях мануфактурного и фабричного производства, смещавшего акценты в сторону механизации всех продуктоориентированных видов деятельности. Идеологическое

тяготение университетского образования к «соблазну всеобуча» облегчало трансформацию университетского гуманитарно-технологического метакомплекса в направлении «машинного производства» в сфере образовательной деятельности высшего порядка.

В-десятых, гуманитарно-технологический аспект европейской системы университетского образования XVI – конца XVIII вв. теснейшим образом связан с повседневной учебной и учёной жизнью университетского сообщества. Изучение данного аспекта позволяет навести мосты между социальной историей университетского образования и историей интеллектуальной жизни Европы рассматриваемого периода, на стыке которых перед исследователями открываются новые горизонты, научное освоение которых, вне сомнения, окажет решающее влияние на поиск ключей к принципиальным решениям проблем, стоящих перед университетским образованием в начале третьего тысячелетия.

В заключение следует отметить, что изучение содержательной эволюции университетского образования с точки зрения системного подхода, выступает наиболее перспективным направлением современных исследований университетской истории Европы XVI – конца XVIII вв. Историография университетской истории по этому вопросу богата скорее вопросами и задачами ознакомительного свойства, нежели ответами и готовыми решениями. Остаётся надеяться, что Будущее изменит положение дел в этом сегменте исторического знания, и в лучшую сторону.

Заключение

Завершая рассмотрение эволюции университетского образования в Европе XVI – конца XVIII вв. представляется возможным дать краткую характеристику важнейшим итогам развития европейской системы университетского образования в названный период истории.

Необходимо признать, что в XVI – конце XVIII вв. не удалось предложить эффективных решений, направленных на преодоление системного кризиса университетского образования, нараставшего на протяжении XIV-XV вв. Напротив, бывшая в ходу стратегия действий, предусматривавшая меры, лишь откладывавшие решение острых проблем, стоявших перед европейской системой университетского образования, способствовала углублению кризиса. Следует отметить, что «откладывание решений» стало своего рода политическим кредо реформаторов университетского образования, сохранявшим свою актуальность на протяжении последующих двух столетий.

Тем не менее, на фоне углубляющегося системного кризиса, в ходе проведённого исследования, стали очевидными положительные результаты эволюции университетского образования в Европе XVI – конца XVIII вв. Положительные достижения в развитии европейской системы университетского образования рассматриваемого периода затрагивали все аспекты её исторического бытования.

В отношении эволюции структурно-организационного аспекта системы университетского образования в Европе XVI – конца XVIII вв. позитивные результаты заключаются в следующем. В структурно-организационных изменениях, связанных с последствиями церковного реформирования, в результате которого произошла значительная сегментация, ранее, в известной мере, единого культурно-религиозного пространства Европы, повлекшая за собой структурное уплотнение университетской организации, в силу складывания нескольких конфессионально окрашенных секторов системы университетского образования. Иными словами в рассматриваемый период оформляются две конфессиональноориентированные суб-системы университетского образования: католическая и протестантская, поиски конструктивного сосуществования которых

создавали предпосылки для религиозного оппортунизма в университетском секторе сферы образовательной деятельности высшего порядка.

Наряду с этим, расширение пространственного ареала распространения западноевропейской христианской цивилизации, произошедшее в результате Великих географических открытий, способствовало переходу процесса территориального развёртывания европейской системы университетского образования в качественно новую фазу, содержание которой определяется переносом устойчивых образцов университетской организации в социокультурное пространство колоний и иных анклавов европейского присутствия за пределами континента-метрополии. В рамках данной фазы процесса пространственного развёртывания европейской системы университетского образования, происходило обращение к опыту, накопленному в предшествующий период университетской истории. Особую роль в процессе территориальной экспансии университетской Европы в XVI – конце XVIII вв. сыграли корпоративные религиозные организации как католической, так и протестантской конфессиональной принадлежности.

На протяжении XVI – конца XVIII вв. всё более возрастающая роль в функционировании европейской системы университетского образования отводилась агентам из внешней организационной среды. Среди таковых следует назвать: городские власти, государство (сословно-корпоративные органы, судебные инстанции и, собственно, государственные административные учреждения, подчас, монархического свойства), церковные организации. В рассматриваемый период баланс сил во взаимоотношениях названных субъектов с системой университетского образования в Европе явно смещается в сторону органов государственной власти, что происходило на фоне изменения характера самого государства, приобретающего абсолютистский облик. Прямым следствием вмешательства агентов внешней организационной среды в функционирование университетской организации явилось увеличение степени её интеграции в функциональный контур действовавшего в то время политико-административного макромеханизма, что, в свою очередь, способствовало повышению уровня управляемости

университетского сектора сферы образовательной деятельности высшего порядка.

Несмотря на агрессивно деструктивные действия внешних агентов, университетской организации удавалось сохранить самою себя, принципы университетской корпоративности и, тем самым, создать предпосылки для дальнейшего поступательного развития университетского сектора сферы образовательной деятельности высшего порядка, происходившего как путём целенаправленных преобразований (Пруссия, Англия и независимые государства в бывших колониях), так и за счёт самоактуализации начал университетской корпоративной организации (Франция).

Параллельно со структурно-организационными изменениями в системе университетского образования в Европе XVI – конца XVIII вв., а, порой, вызывая их, происходило формирование университетской идеологии. Следует вести речь о нескольких аспектах университетской идеологии: идеологии (теории) университетского образования, идеологии университетского сообщества и университетской идеологии социального инжиниринга. Основные компоненты университетской идеологии интегрируются концептуальным аспектом, содержащим базовые принципы и нормы, определяющие структуру и организацию системы университетского образования.

Высокий интеллектуальный статус как созидателей университетской идеологии XVI-XVIII вв., так её носителей и потребителей, выступает предпосылкой принципиального отличия университетской идеологической метасистемы от иных феноменов подобного рода. Университетская идеология рассматриваемого периода генетически теоретична и научна (как минимум в соответствии с представлениями своего времени).

Необходимо отметить увеличение степени функциональной дифференциации европейского университетского образования XVI-XVIII вв. по сравнению с предшествующей исторической эпохой, что свидетельствует о приобретении системой университетского образования качественно нового состояния, принципиально отличного от тех, которые были свойственны для средневекового этапа её истории. Результатом усиления функциональной дифференциации

университетского образования в рассматриваемый период выступило углубление интеграции системы университетского образования и организационной структуры социокультурного пространства европейских обществ не только в пределах узкого географического ареала, но и за его пределами, в колониях, что стало возможным благодаря существованию своего рода непрерывности культурного контекста, в обеспечении которой самой системе университетского образования отводилась далеко не последняя роль.

Период XVI – конца XVIII вв. характеризуется увеличением интеграции университетского сообщества в социальную ткань обществ Европы и колоний, за счёт более глубокого проникновения его сочленов во многие сферы общественного бытия, среди которых особенно выделяются профессиональные ниши-области, оказавшиеся доступными для университетских интеллектуалов.

Социально-антропологический облик членов европейского университетского сообщества XVI-XVIII вв. отличается известной вариативностью. Габитусный ряд университетского сообщества отличается целостностью, гибкостью и устойчивостью существования, в чём следует видеть один из важнейших ресурсов сохранения начал университетской корпоративности. Кроме того, эволюция социального универсума и целенаправленный социальный инжиниринг способствовали разрушению обособленного университетского социокультурного пространства. На фундаменте университетской пространственной обособленности в дальнейшем получила развитие традиция создания образовательного пространства высшей школы, как фактора образовательной деятельности высшего порядка.

На повседневную жизнь университетского сообщества Европы XVI – конца XVIII вв. свой отпечаток наложил процесс секуляризации. Именно в сфере повседневной жизни университетского сообщества закладывались предпосылки для своего рода здорового оппортунизма, позволявшего всей системе университетского образования адекватно реагировать на вызовы стремительно изменяющегося окружающего мира. Именно трансформации структур повседневности, произошедшие под влиянием секуляризации, стимулировали изменение характера

корпоративности университетского сообщества в направлении доминирования светских начал.

К положительным итогам эволюции университетского образования в Европе XVI – конца XVIII вв. необходимо отнести, в том числе, усложнение и повышение эффективности системы научной коммуникации европейского университетского сообщества. Положительные изменения заключались в значительном ускорении прохождения информации по коммуникативным каналам, в возникновении новых сегментов системы (научная периодика), совершенствовании функционирования существовавших ранее (книжная коммуникация и географическая мобильность человеческих ресурсов), в выработке соответствующих правил и норм информационного взаимодействия. С развитием новых сегментов системы научной коммуникации университетского сообщества Европы XVI – конца XVIII вв. происходило перераспределение функциональной статусности между всеми сегментами системы, входе которого значение традиционных компонентов в известной мере снижалось.

Европейское университетское образование XVI – конца XVIII вв., сохраняя традиционное гуманитарное ядро, выработало ряд механизмов обогащения своего содержания путём интеграции прогрессивных компонентов системы научных знаний, обновления комплекса материалов (текстового и иных видов), использующихся в процессе учебно-научной деятельности и гуманитарно-технологических средств образовательной деятельности высшего порядка. Изменения в содержании университетского образования получали соответствующее структурно-организационное оформление, что, в свою очередь, способствовало их закреплению и создавало предпосылки для дальнейшего устойчивого развития. Наибольшую восприимчивость к содержательным новациям в рассматриваемый период демонстрировали структуры образовательной деятельности высшего порядка, связанные с низшим и квазиуниверситетским уровнями университетской организации, в чём, с нашей точки зрения, видится воплощение в жизнь стремления к статусной эмансипации данных структур в рамках системы университетского образования.

Следует отметить закономерность, позволяющую концептуализировать влияние таких факторов как степень религиозной свободы (религиозного оппортунизма), прагматического рационализма в качестве компонента буржуазной системы ценностей (а это, в свою очередь, говорит об успешном формировании буржуазного общества), на содержательную эволюцию университетского образования в различных национально-государственных ареалах. Чем большей религиозной свободой характеризуется общество, чем в большей степени в нём получает распространение буржуазная идеология и система ценностей, тем более значительными прогрессивными изменениями характеризуется эволюция университетского образования в данной стране. Тем в большей мере университетское образование преодолевает гуманитарный уклон, продиктованный неолиберальной парадигмой образовательной деятельности высшего порядка, и обогащает своё содержание за счёт дисциплин, вызванных к жизни революционным развитием науки. Примером подобного рода благоприятного сочетания названных факторов могут служить университеты Голландии, стран северной Европы и, отчасти, Великобритании. Политическая престижность отдельных аспектов университетской образованности стимулировала не только их собственное развитие, но благоприятно сказывалась на состоянии смежных компонентов.

Несмотря на нарастание тенденций учрежденческой трансформы университетского образования в Европе рассматриваемого периода, в рамках гуманитарно-технологического метакомплекса, используемого университетском образовании, продолжали успешно функционировать и, более того, получили известное развитие специфические гуманитарные технологии, обслуживающие нужды корпоративной политики и управления. В пользу высокой эффективности данного гуманитарно-технологического комплекса свидетельствует его активное привлечение к решению возникающих проблем в рамках государственного и общественного управления и политической жизни, выступающих внешней средой по отношению к системе университетского образования.

К итогам, оцениваемым в нейтральном ключе, т.е. тем, значение которых для массива исторического опыта европейской системы

университетского образования, накопленного в XVI – конце XVIII вв., и для последующего развития образовательной деятельности высшего порядка в рамках европейской традиции обладает амбивалентными характеристиками, можно отнести следующие результаты эволюции университетского образования. Тенденцию эволюции университетского образования в Европе XVI – конца XVIII вв., заключающуюся в постепенном дрейфе системных подразделений квазиуниверситетского уровня в сторону от университетской организации как таковой, происходившем в рамках складывания вертикальных образовательных комплексов в границах национально-государственных и иных географических ареалов. В формировании подобных иерархичных образовательных комплексов следует видеть воплощение принципов, заложенных в основание европейской университетской традиции, но осуществлённое в соответствии с диаметрально противоположными идеологическими установками.

Учрежденческая трансформа сферы образовательной деятельности высшего порядка вызвала изменения в социально-антропологическом облике членов университетского сообщества Европы XVI – конца XVIII вв., но и университетское сообщество в значительной степени повлияло на формирование элитарных групп, функционирующих в обществах вовлечённых в процесс складывания государства современного типа на стадии абсолютизма.

Структуры повседневности университетского сообщества Европы и колоний XVI – конца XVIII вв. несли на себе отпечаток процесса формирования буржуазного общества. Макроэкономические сдвиги, трансформации устоявшихся моделей ведения хозяйства и системы обеспечения материальными ресурсами, связанные со становлением и утверждением доминирующей роли капиталистических отношений изменяли контуры организации повседневной жизни университетского сообщества, обновляли её внутреннее содержание. Повседневная жизнь университетского сообщества Европы рассматриваемого периода играла роль не только зоны проникновения изменяющего воздействия, но и области аккумуляции трансформаций, оказывавших, в свою очередь, влияние на эволюцию европейской системы университетского образования в целом.

Гуманитарно-технологический метакомплекс европейского университетского образования XVI – конца XVIII вв. носил на себе отпечаток принудительных норм предписанных, с одной стороны, образовательным кредо абсолютизма и, с другой стороны, технократической парадигмой, являвшейся, в свою очередь, конечным продуктом эволюции ренессансной гуманистической идеологии, и оказавшейся когерентной запросам буржуазного общества на стадиях мануфактурного и фабричного производства, смещавшего акценты в сторону механизации всех продуктоориентированных видов деятельности. Идеологическое тяготение университетского образования к «соблазну всеобуча» облегчало трансформацию университетского гуманитарно-технологического метакомплекса в направлении «машинного производства» в сфере образовательной деятельности высшего порядка.

Характеристика итогов развития университетского образования в Европе XVI – конца XVIII вв. не будет полной, если обойти молчанием негативные результаты данного процесса. По мере усиления позиций абсолютистского государства во взаимоотношениях с университетской организацией, доминирующей тенденцией политики абсолютизма становится стремление к принципиальному изживанию университетской корпоративности и учрежденческой трансформе университетского сектора сферы образовательной деятельности высшего порядка. Именно достижение данного результата выступает главной целью всех предпринимавшихся в странах Европы в XVI – конце XVIII вв. реформ университетского образования.

Свёртывание функциональной дифференциации университетского образования, либо угнетение его отдельных функций было следствием целенаправленного социального инжиниринга, проводимого формирующимся государством современного типа на стадии абсолютизма, чью политику в данной области отличают приверженность к простым, но эффективным решениям в технократическом ключе, и настойчивое стремление к учрежденческой трансформе организационной структуры поля образовательной деятельности высшего порядка.

Под учрежденческой трансформой европейской системы университетского образования, таким образом, понимается целенаправленное и последовательное изменение её структурно-организационного, идеологического, функционального и гуманитарно-технологического аспектов, ориентированное на демонтаж университетской корпоративной организации, изживание начал и принципов академической корпоративности и замену университета – корпоративной организации на университет – высшее учебное заведение – образовательное учреждение, созданное и функционирующее на основании действующей в данном государстве системы законодательства, имеющее статус юридического лица и реализующее с лицензией государства образовательные программы высшего профессионального образования³⁸². В итоге, в рамках высшей школы как образовательного учреждения, сама образовательная деятельность приобретает характер аппаратной функции государства. Как следствие, государство остаётся единственным субъектом политики в сфере образования и закрепляет за собой исключительные прерогативы.

Факторами, препятствовавшими эволюции содержания университетского образования в Европе XVI – конца XVIII вв., как в качественном, так и в структурном отношении, следует назвать волнообразные эпизоды исходов интеллектуалов-учёных из университетов и коммутация их в систему академической мобильности, центрами тяготения которой выступали *Alma maters*, готовые предоставить наиболее благоприятные условия для преподавания и учёных занятий. В силу названных обстоятельств, возникали ситуации острого дефицита специалистов по широкому спектру дисциплин, охватывающего целые национальные университетские квазиимперии.

Грозные события конца XVIII в. («шелушение» системы колониальных владений, образование на месте бывших колоний независимых государств, революция во Франции, наполеоновские войны в Европе и за её пределами) способствовали разрушению организационных основ европейской системы университетского

³⁸² Современный словарь по педагогике / Сост. Рапацевич Е.С. – Мн., 2001. – С. 117.

образования XVI-XVIII вв., но, в то же время, происходившие социальные потрясения не ликвидировали непрерывности неолиберальной европейской университетской традиции. Таким образом, можно говорить о полуторатысячелетней стабильности неолиберального подхода к образованию в рамках европейской культурной традиции. В этом ключе, влияние названных социальных потрясений на организационные основы европейской системы университетского образования, следует оценивать в санитарно-гигиеническом плане, т.е. как хирургическое вмешательство, направленное на «отсечение отмерших, но гноящихся тканей общественного тела».

В сложившейся ситуации развитие событий могло пойти и, в конечном итоге, пошло согласно двум сценарным вариантам. Первый сценарий развития сферы образовательной деятельности высшего порядка, обозначившийся на рубеже XVIII-XIX вв., связанный с предпринимаемыми во Франции экспериментами без университетского функционирования, заключался в замене университетской организации вертикально выстроенным образовательным комплексом, состоящим из учреждений общего и профессионального образования соответствующего иерархического уровня. В рамках подобного комплекса образование сводилось к аппаратной функции государства, в чём видится апогей и триумф столь милой сердцу низвергнутого абсолютистского деспотизма учрежденческой трансформы сферы образовательной деятельности высшего порядка. В конечном итоге, данный подход не мог обеспечить устойчивого развития сферы образовательной деятельности высшего порядка в заданном ключе, что нашло выражение в консервативном возрождении «университетских принципов», воплотившемся в учреждённом императором Наполеоном I в 1808 г. Университете Франции³⁸³. В последующий период, вплоть до университетских реформ 1870-х, образовательная деятельность высшего порядка во Франции осуществлялась на руинах наполеоновского мегауниверситета и учреждениях образования,

³⁸³ Шмидт К. История педагогики, изложенная во всемирно-историческом развитии и в органической связи с культурною жизнью народов. - Т. 3. История педагогики от Лютера до Песталоцци. - М., 1880. – С. 759.

возникших в горниле экспериментов революционной поры и периода Первой Республики. Жизнеспособная организационная основа системы высшего образования, способной к эффективному функционированию, возникла в рамках данного сценария, и не без освоения прусского опыта гумбольдтовской реформы, только в последней четверти XIX в. и, с известными модификациями, существует во Франции и по сей день³⁸⁴.

Второй сценарий развития университетского образования связан с идеологическими исканиями Карла Вильгельма фон Гумбольдта (1767-1835), воплотившимися в модели классического немецкого университета, которая в свою очередь, стала знаменем модернизационных преобразований, направленных на преодоление кризиса рубежа XVIII-XIX вв. Как справедливо отмечалось в исследователями, модель классического немецкого университета выступает исключительно феноменом поля университетской идеологии, а не паттерном организации существовавшей в реальной исторической действительности³⁸⁵. В действительности, преобразование университетского сектора сферы образовательной деятельности высшего порядка в немецких государствах происходило на принципах этатизма, хотя и представленных в максимально компромиссном виде. По сути дела, государство закрепляло за собой внешнее управление университетами, трансформировав их в государственные учреждения. Кроме того, были разработаны механизмы вмешательства государственных комиссаров в дела внутренней администрации университетов, относительно которых декларировались принципы академической автономии и корпоративности.

Содержание понятий академической автономии и корпоративности сужались до масштаба примитивной

³⁸⁴ Семёнов А. Проблема реформы французского университета в 50-60 годах XX века (общественно-политические аспекты) // Европейский альманах, 2001. История. Традиции. Культура: Реформы и реформаторы. – М.: Наука, 2002. – С. 75-78.; Селерье А. Система образования Франции // Международное сотрудничество. – 1999. - № 2-3. – С. 22-24.; Джуринский А.Н. Развитие образования в современном мире. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. – С. 196.

³⁸⁵ Андреев А.Ю. Гумбольдтовская модель классического немецкого университета // Новая и новейшая история. – 2003. - № 3. – С. 49-50.

самодетельности в учебной и научной сферах, для первой, и до узкого круга университетского эстеблишмента, для второй. В данной ситуации возникало обширное виртуальное пространство для политических игр университетской меритократической олигархии, позволявших, пусть и в иллюзорной форме, сохранять навыки социального инжиниринга и управления, которые, в конечном итоге, позволили немецкой профессуре сыграть первой скрипкой на заседаниях Национального собрания во время революционных событий 1848-1849 гг. Угнетение же студенческой университетской корпоративности немецких государствах, следует признать важной предпосылкой развития молодёжного революционного движения. Эта закономерность справедлива для Франции, Италии и ряда других европейских стран, где студенческая корпоративность, оказываясь не востребованной в конструктивном ключе, актуализировалась в деструктивной форме.

Тем не менее, модель классического немецкого университета воплотила в себе допустимый компромисс между политикой этатизма в сфере университетского образования и содержанием европейской университетской традиции. Достигнутый компромисс, создал предпосылки для выработки эффективных решений политико-административного, структурно-организационного и гуманитарно-технологического характера, обеспечивших, на какое-то время, устойчивое функционирование системы высшего образования, ядром которой выступает университетский сектор сферы образовательной деятельности высшего порядка, в чём и заключается причина широкой, едва ли не всемирной, популярности этой модели в качестве образца для подражания.

За пределами рассмотренных сценарных вариантов оказался ход развития университетского образования в остральной части Европы и в государствах, возникших, в пространстве европейской культурной традиции, на месте бывших колониальных владений на территории американского материка. Допустимо, в известной степени, вести речь о некоей взаимности в развитии университетского образования в XIX – первой половине XX вв. существовавшей между островной частью Европы и странами, расположенными на североамериканском континенте. В силу различных внутренних причин в обоих ареалах

прослеживается общность стратегии развития в ключе европейской университетской традиции.

Для Англии среди причин такого развития событий надо назвать то обстоятельство, что здесь сравнительно рано были выработаны «приемлемые правила игры» во взаимоотношениях между университетами, государством и религиозными организациями (церквями и сектами). Университеты британского архипелага, за исключением шотландских *Alma maters*, в XIX – первой половине XX вв. развивались в ключе тенденций, берущих начало ещё во время «коллегиальной революции». Однако принципы обучения в колледжах претерпели изменения в плане изживания начал факультетской субструктуры и секуляризации университетской корпоративности. Примером воплощения обновлённых принципов коллегиальной организации университетского образования служит основанный во второй половине 20-х гг. XIX в. Лондонский университет³⁸⁶. Британским университетам не только удалось сохранить академическую автономию, но и обеспечить себе статус полноправного политического и хозяйственно-экономического субъекта, опираясь на который университетскому образованию Туманного Альбиона оказалось возможным обеспечивать значительную системную независимость.

В отношении развития системы высшего образования в США в XIX – первой половине XX вв., необходимо отметить, что европейская университетская традиция оказала на него большое влияние. Университетское образование в Соединённых Штатах в указанный период характеризуется сохранением принципов университетской корпоративности и академической автономии, нашедших воплощение в особой роли традиционных структур факультетско-коллегиальной организации. Системная организация университетского образования в этот период сохраняет автономный корпоративный характер, что, с нашей точки зрения, связано со сложившимися здесь механизмами обеспечения устойчивого развития, построенных на принципах корпоративности различного

³⁸⁶ Шмидт К. История педагогики, изложенная во всемирно-историческом развитии и в органической связи с культурною жизнью народов. - Т. 4. История педагогики от Песталотти до настоящего времени. Ч. 2. - М., 1881. – С. 237-238.

просихождения: территориального, профессионального и религиозного.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что исторический опыт европейской системы университетского образования XVI – конца XVIII вв. не только оказывал значительное влияние на развитие высшего образования в рамках европейской культурной традиции не только в самой Европе, но и далеко за её пределами. Кроме того, изучение его содержания предоставляет средства для более глубокого и всестороннего понимания путей развития высшей школы в европейском культурном ареале в XIX – первой половине XX вв.

Опираясь на результаты анализа исторического опыта эволюции европейской системы университетского образования XVI – конца XVIII вв., представляется возможным сформулировать ряд предложений, способных оказать помощь в управлении и реформировании системы образования.

Исторический опыт показывает, что преобразование системы образования в плане её более полного, глубокого и всестороннего интегрирования в окружающее социокультурное пространство следует проводить путём усиления корпоративного начала в структурах образовательной деятельности высшего порядка. Начала корпоративности следует усиливать во всей системе образования, на всех её уровнях и во всех структурных подразделениях. Высшие учебные заведения университетского статуса необходимо преобразовать в корпоративные организационные структуры образовательной деятельности высшего порядка на службе у общества и государства.

Университетам должна быть предоставлена широкая автономия в рамках законодательного пространства, определяемого государством. Государство имеет полное право назначать своих комиссаров, действующих при академических административных органах. Комиссары обладают активным, но не решающим правом голоса.

Финансирование университетов осуществляется из ряда источников. В первую очередь речь идет о специальных финансовых фондах, накапливающих материальные средства конкретного университета. Деятельность фондов носит коммерческий характер. Средства фондов следует размещать в виде акций, недвижимости,

инвестиций в наиболее прибыльных объектах и предприятиях. Схема функционирования подобных фондов должна предусматривать степень защиты, адекватную принятой в системе пенсионного обеспечения США.

Вторым источником финансирования системы университетского (вузовского) образования выступает государственный заказ, обеспеченный в полной мере всеми видами ресурсов. К государственному заказу примыкает такой субисточник, как муниципальный заказ. Спецификой муниципального заказа служит возможная более гибкая схема ресурсозаменяемости, подразумевающая возможность частичной замены финансового ресурса другими видами материальных и нематериальных ресурсов.

Третий источник – инвестиции в образовательные и научно-исследовательские программы университетов, осуществляемые организациями, предприятиями, деловыми структурами, сторонними фондами и др.

Четвёртый источник финансирования университетского образования состоит в частных и коллективных пожертвованиях, благотворительности, меценатстве.

Пятый источник – индивидуальная плата студентов за обучение (*collecta*³⁸⁷). Максимальный размер подобной платы не должен превышать 10 % от стоимости индивидуальной образовательной программы по избранной специальности. Рекомендуемый уровень – не более 5 %. Подразумевается, что образовательная деятельность не будет рассматриваться как вид коммерческой деятельности. Объёмы платы студентов ни при каких условиях не связываются с компенсацией затрат на образовательную программу, а носят символический характер.

В университетской администрации необходимо строго соблюдать принцип: «один человек – одно «кресло»». Представляется продуктивным разделить функции управления учебной деятельностью и корпоративной администрации. Для этого следует ввести пост канцлера университета, который и будет управлять

³⁸⁷ Верже Ж. Средневековый университет: учителя // *Alma mater* (Вестник высшей школы). – 1997. - № 4. – С. 33.

образовательной деятельности, а за ректором оставить функции корпоративной администрации.

В плане структуры системы образования представляется необходимым подвергнуть её трансформе. Смысл данной трансформы должен сводиться к усилению её горизонтальной и диагональной организации путём смещения приоритетов от субординации к координации. Придание системе образования сетевой конфигурации на фоне оптимизации её иерархичности призвано создать условия для полноценной социокультурной интеграции, осуществлённой на здоровых корпоративных началах.

Изучение эволюции университетского образования в Европе XVI – конца XVIII вв. раскрывает перед нами содержание массива уникального исторического опыта позволяющего не только глубоко и всесторонне осмысливать проблемы современных систем образования, формулировать оригинальные подходы к их решению, но быть готовыми к труднопрогнозируемым переменам, уготованным человечеству, ощущаемым уже сегодня, Будущим.

Список использованных источников и литературы

І. Источники

Письменные источники

1. Арнольд из Виллановы Салернский кодекс здоровья / Арнольд из Виллановы // Гласс, Дж. Жить до 180 лет; Брэгг, П.С. Чудо голодания; Салернский кодекс здоровья, написанный в четырнадцатом столетии философом и врачом Арнольдом из Виллановы / Дж. Гласс, П.С. Брэгг, Арнольд из Виллановы. – Минск: Белэн, 1994. – С. 312-331.

2. Бейль, П. Исторический и критический словарь в двух томах. Общ. ред. и вступ. статья. В.М. Богуславский. Пер. с франц. / П. Бейль. – Т. 1. – М.: Мысль, 1967. – 391 с.

3. Бейль, П. Исторический и критический словарь в двух томах. Общ. ред. и вступ. статья. В.М. Богуславский. Пер. с франц. / П. Бейль. – Т. 2. – М.: Мысль, 1968. – С. 5-193.

4. Бейль, П. Продолжение «Разных мыслей», или ответ на некоторые возражения, сделанные автору господином *** // Исторический и критический словарь в двух томах. Общ. ред. и вступ. статья. В.М. Богуславский. Пер. с франц. / П. Бейль. – Т. 2. – М.: Мысль, 1968. – С. 343-462.

5. Бейль, П. Разные мысли, изложенные в письме к доктору Сорбонны, по случаю появления кометы в декабре 1680 г. / П. Бейль // Исторический и критический словарь в двух томах. Общ. ред. и вступ. статья. В.М. Богуславский. Пер. с франц. – Т. 2. – М.: Мысль, 1968. – С. 195-264.

6. Беркли, Дж. Трактат о принципах человеческого знания, в котором исследованы главные причины заблуждений и затруднений в науках, а также основания скептицизма, атеизма и безверия / Дж. Беркли // Сочинения. Сост., общ. ред. и вступит. статья И.С. Нарского. – М.: «Мысль», 2000. – С. 115-213.

7. Боден, Ж. Метод лёгкого познания истории / Ж. Боден. – М.: Наука, 2000. – С. 7-331.

8. Брант, С. О бесполезном учении / С. Брант // Брант, С. Корабль дураков; Сакс, Г. Избранное: Пер. с нем. / Редкол.: А. Аникст, Н. Балашов, Ю. Виппер и др.; Предисл. Б. Пуришева; Комментар. Е. Маркович и А. Левинтона / С. Брант, Г. Сакс. – М.: Худож. лит., 1989. – С. 73-74.

9. Брант, С. О бесполезных книгах / С. Брант // Брант, С. Корабль дураков; Сакс, Г. Избранное: Пер. с нем. / Редкол.: А. Аникст, Н. Балашов, Ю. Виппер и др.; Предисл. Б. Пуришева; Комментар. Е. Маркович и А. Левинтона / С. Брант, Г. Сакс. – М.: Худож. лит., 1989. – С. 37-38.

10. Брант, С. О Воспитании детей / С. Брант // Брант, С. Корабль дураков; Сакс, Г. Избранное: Пер. с нем. / Редкол.: А. Аникст, Н. Балашов, Ю. Виппер и др.; Предисл. Б. Пуришева; Комментар. Е. Маркович и А. Левинтона / С. Брант, Г. Сакс. – М.: Худож. лит., 1989. – С. 45-47.

11. Брант, С. О врачах-шарлатанах / С. Брант // Брант, С. Корабль дураков; Сакс, Г. Избранное: Пер. с нем. / Редкол.: А. Аникст, Н. Балашов, Ю. Виппер и др.; Предисл. Б. Пуришева; Комментар. Е. Маркович и А. Левинтона / С. Брант, Г. Сакс. – М.: Худож. лит., 1989. – С. 112-114.

12. Булла папы Климента VI от 26 января 1347 г. об основании Пражского университета // Документы по истории университетов Европы XII-XV вв.: Учебное пособие / Вступ. ст. перевод и примечания Г.И. Липатниковой; Под ред. и с предисл. А.Е. Москаленко. – Воронеж: Изд-во ВГПИ, 1973. – С. 57-59.

13. Вега, Л. де Университетский шут / Л. де Вега // Собрание сочинений в шести томах. – Т. 3. / Составитель Н. Томашевский; Редактор переводов с испанского Н. Любимов; Примечания З. Плавскина. – М.: Издательство «Искусство», 1963. – С. 455-612.

14. Вивес, Х.Л. Об обучении наукам или христианском обучении / Х.Л. Вивес // Меньшиков, В.М. Педагогика Эразма Роттердамского: открытие мира детства. Педагогическая система Хуана Луиса Вивеса: Учебное пособие / В.М. Меньшиков. - М.: Народное образование, 1995. - С. 107-122.

15. Вивес, Х.Л. О причинах упадка искусств / Х.Л. Вивес // Библиотека в саду: Писатели античности, средневековья и

Возрождения о книге, чтении, библиофильстве / Сост. В.А. Эльвова. – М.: Книга, 1985. – С. 173-181.

16. Вольтер, Назидательные проповеди, прочитанные в приватном собрании в Лондоне в 1765 году / Ф.М. Вольтер // *Философские сочинения: Пер. с франц. С.Я. Шейнман-Топштейн; Отв. ред., сост. и авт. вступ. ст. В.Н. Кузнецов.* – М.: Наука, 1988. – С. 374-400.

17. Вольтер, *Философские письма* / Ф.М. Вольтер // *Философские сочинения: Пер. с франц. С.Я. Шейнман-Топштейн; Отв. ред., сост. и авт. вступ. ст. В.Н. Кузнецов.* – М.: Наука, 1988. – С. 70-226.

18. Вольтер, *Философский словарь* / Ф.М. Вольтер // *Философские сочинения: Пер. с франц. С.Я. Шейнман-Топштейн; Отв. ред., сост. и авт. вступ. ст. В.Н. Кузнецов.* – М.: Наука, 1988. – С. 620-716.

19. Выдержка из королевской привилегии // Боден, Ж. *Метод лёгкого познания истории* / Ж. Боден. – М.: Наука, 2000. – С. 5.

20. Гевара, Л.В. де Хромой Бес / Л.В. де Гевара // *Плутовской роман / Вступ. статья Н. Томашевского.* – М.: Издательство «Художественная литература», 1975. – С. 179-244.

21. Годен де ля Бренейери, П.-Ф. Дополнение к сочинению «О том, как писать историю» / П.-Ф. Годен де ля Бренейери // *Мабли, Г.-Б. Об изучении истории. О том, как писать историю / Г.-Б. Мабли.* – М.: Наука, 1993. – С. 236-286.

22. Грамота Фридриха Барбароссы ученикам и учителям болонских школ (1158) // *Документы по истории университетов Европы XII-XV вв.: Учебное пособие / Вступ. ст. перевод и примечания Г.И. Липатниковой; Под ред. и с предисл. А.Е. Москаленко.* – Воронеж: Изд-во ВГПИ, 1973. – С. 45-46.

23. Грамота чешского короля Карла I (IV) от 7 апреля 1348 г. об основании Пражского университета // *Документы по истории университетов Европы XII-XV вв.: Учебное пособие / Вступ. ст. перевод и примечания Г.И. Липатниковой; Под ред. и с предисл. А.Е. Москаленко.* – Воронеж: Изд-во ВГПИ, 1973. – С. 59-60.

24. Грасиан, Б. Карманный оракул, или наука благоразумия, где собраны афоризмы, извлеченные из сочинений Лоренсо Грасиана / Б.

Грасиан // Карманный оракул. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1999. – С. 5-174.

25. Грасиан, Б. Критикон / Б. Грасиан // Карманный оракул. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1999. – С. 175-358.

26. Гумбольдт, В. фон О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине / В. фон Гумбольдт // Университетское управление: практика и анализ. - 1998. - № 3 (6). – Режим доступа: [http://umj.usu.ru/unimgmt/?base=mag/0006\(03-1998\)&xsln=showArticle.xslt&id=a06&doc=../content.jsp](http://umj.usu.ru/unimgmt/?base=mag/0006(03-1998)&xsln=showArticle.xslt&id=a06&doc=../content.jsp) [Дата обращения: 14 мая 2004 г.].

27. Декарт, Р. Правила для руководства ума / Р. Декарт // Сочинения в 2 т.: Пер. с лат. и франц. – Т. 1 / Сост., ред., вступ. ст. В.В. Соколова. – М.: Мысль, 1989. – С. 77-153.

28. Декарт, Р. Разыскание истины посредством естественного света, который сам по себе, не прибегая к содействию религии или философии, определяет мнения, кои должен иметь добропорядочный человек относительно всех предметов, могущих занимать его мысли, и проникает в тайны самых любопытных наук / Р. Декарт // Сочинения в 2 т.: Пер. с лат. и франц. – Т. 1 / Сост., ред., вступ. ст. В.В. Соколова. – М.: Мысль, 1989. – С. 154-178.

29. Деперье, Б. Новые забавы и весёлые разговоры / Б. Деперье // Новые забавы и весёлые разговоры. Кимвал мира / Общ. ред. и вступ. ст. А.Д. Михайлова; Пер. с фр. В.И. Пикова и М.С. Гринберга. – М.: Республика, 1995. – С. 18-216.

30. Дидро, Д. Письмо о слепых, предназначенное зрячим / Д. Дидро // Сочинения: в 2-х т. – Т. 1 / Пер. с франц.; Сост., ред., вступит. статья и примеч. В.Н. Кузнецова. – М.: Мысль, 1986. – С. 275-321.

31. Дидро, Д. Прогулка скептика, или Аллеи / Д. Дидро // Сочинения: в 2-х т. – Т. 1 / Пер. с франц.; Сост., ред., вступит. статья и примеч. В.Н. Кузнецова. – М.: Мысль, 1986. – С. 199-265.

32. Дидро, Д. Продолжение апологии господина аббата де Прада, или ответ на пастырское наставление его преосвященства епископа Осерского / Д. Дидро // Сочинения: в 2-х т.: Пер. с фр. – Т. 1 / Сост. и ред. В.Н. Кузнецова. – М.: Мысль, 1991. – С. 3-43.

33. Доброе, старое время // Лирика Вагантов. Немецкая народная поэзия в переводах Л. Гинзбурга, Колесо фортуны. – М.: Зеркало-М, 1998. – С. 48-50.

34. Дюбуа, П. Об отвоевании святой земли / П. Дюбуа // Антология педагогической мысли христианского средневековья: Пособие для учащихся пед. колледжей и студентов вузов: В двух томах. – Т. II. Мир преломился в книге. Воспитание в средневековом обществе глазами ученых наставников и их современников. / Сост., ст. к разделам и коммент. В.Г. Безрогова, О.И. Варьяш. – М.: АО "Аспект-Пресс", 1994. – С. 192-203.

35. Из книги Анналов германской нации Болонского университета // Традиции образования и воспитания в Европе XI-XVII веков: Сборник статей и материалов. – Иваново: ИвГУ, 1995. – С. 111-112.

36. Из статутов Пражского университета (Вторая половина XIV в.) // Документы по истории университетов Европы XII-XV вв.: Учебное пособие / Вступ. ст. перевод и примечания Г.И. Липатниковой; Под ред. и с предисл. А.Е. Москаленко. – Воронеж: ВГПИ, 1973. – С. 80-87.

37. Именной указ короля Пруссии Фридриха I министру барону Зедлицу от 5 сентября 1779 г. // Шмидт, К. История педагогики, изложенная во всемирно-историческом развитии и в органической связи с культурною жизнью народов. - Т. 3. История педагогики от Лютера до Песталоцци / К. Шмидт. - М., 1880. – С. 557-560.

38. Ирвинг, В. История Нью-Йорка / В. Ирвинг. – М.: Наука, 1968. – 362 с.

39. Казанова, Дж. Мемуары / Дж. Казанова. – М.: Книга, 1991. – 302 с.

40. Кант, И. Антропология с прагматической точки зрения. 1798 / И. Кант // Сочинения. В 8-ми т. – Т. 7. – М.: Чоро, 1994. – С. 137-376.

41. Кант, И. Мысли, вызванные безвременной кончиной высокоблагородного господина Иоганна Фридриха фон Функа. 1760 / И. Кант // Сочинения: В 8-ми т. - Т. 2. - М.: Чоро, 1994. – С. 14-22.

42. Кант, И. План лекций о физической географии и уведомление о них. 1757 / И. Кант // Сочинения: В 8-ми т. - Т. 1. - М.: ЧОРО, 1994. - С. 359-368.

43. Кант, И. Спор факультетов. 1798 / И. Кант // Сочинения. В 8-ми т. – Т. 7. – М.: Чоро, 1994. – С. 57-136.

44. Кант, И. Уведомление о расписании лекций на зимнее полугодие 1765/66 г. / И. Кант // Сочинения в 8-ми т. - Т. 2. - М.: Чоро, 1994. – С. 191-202.

45. Кеведо, Ф. Бесноватый альгуасил / Ф. Кеведо // Избранное: Пер с исп. / Сост. и вступ. статья З. Плавскина; Коммент. В. Григорьева и З. Плавскина; Рисунки худож. А. Пахомова. – Л.: Худож. лит., 1980. – С. 251-265.

46. Кеведо-и-Вильегас, Ф. де История жизни пройдох по имени дон Паблос / Ф. де Кеведо-и-Вильегас // Плутовской роман / Вступ. статья Н. Томашевского. – М.: Издательство «Художественная литература», 1975. – С. 65-178.

47. Кеведо, Ф. Книга обо всём и ещё о многом другом, составленная учёным и многосведущим во всех предметах единственным в своём роде наставником Мальсавидильо, написанная дабы удовлетворить любопытство проныр, дать пищу болтунам и потешить старушонку / Ф. Кеведо // Избранное: Пер с исп. / Сост. и вступ. статья З. Плавскина; Коммент. В. Григорьева и З. Плавскина; Рисунки худож. А. Пахомова. – Л.: Худож. лит., 1980. – С. 389-404.

48. Кеведо, Ф. Наслаждаясь уединением и учёными занятиями, автор сочинил сей сонет / Ф. Кеведо // Избранное: Пер с исп. / Сост. и вступ. статья З. Плавскина; Коммент. В. Григорьева и З. Плавскина; Рисунки худож. А. Пахомова. – Л.: Худож. лит., 1980. – С. 37.

49. Кеведо, Ф. Мир изнутри / Ф. Кеведо // Избранное: Пер с исп. / Сост. и вступ. статья З. Плавскина; Коммент. В. Григорьева и З. Плавскина; Рисунки худож. А. Пахомова. – Л.: Худож. лит., 1980. – С. 315-337.

50. Кеведо, Ф. Сон о преисподней / Ф. Кеведо // Избранное: Пер с исп. / Сост. и вступ. статья З. Плавскина; Коммент. В. Григорьева и З. Плавскина; Рисунки худож. А. Пахомова. – Л.: Худож. лит., 1980. – С. 267-313.

51. Кеведо, Ф. Сон о смерти / Ф. Кеведо // Избранное: Пер с исп. / Сост. и вступ. статья З. Плавскина; Коммент. В. Григорьева и З. Плавскина; Рисунки худож. А. Пахомова. – Л.: Худож. лит., 1980. – С. 339-386.

52. Кеведо, Ф. Сон о страшном суде / Ф. Кеведо // Избранное: Пер с исп. / Сост. и вступ. статья З. Плавскина; Комментар. В. Григорьева и З. Плавскина; Рисунки худож. А. Пахомова. – Л.: Худож. лит., 1980. – С. 235-249.

53. Кеведо, Ф. Час воздаяния, или разумная Фортуна / Ф. Кеведо // Избранное: Пер с исп. / Сост. и вступ. статья З. Плавскина; Комментар. В. Григорьева и З. Плавскина; Рисунки худож. А. Пахомова. – Л.: Худож. лит., 1980. – С. 407-508.

54. Коллеж // Философия в Энциклопедии Дидро и Даламбера / Ин-т философии. – М.: Наука, 1994. – С. 320-324.

55. Коллонтай, Г. Состояние просвещения в Польше в последние годы правления Августа III (1750-1764) / Г. Коллонтай // Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей. В 3-х т. / Подбор и ред. текстов, вступ. ст. и примеч. И.С. Миллера и И.С. Нарского. – Т. 1. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. – С. 449-458.

56. Коменский, Я.А. Великая дидактика / Я.А. Коменский // Избранные педагогические сочинения: В 2-х т. – Т. 1. – М.: Педагогика, 1982. – С. 242-476.

57. Коменский, Я.А. Лабиринт света и рай сердца / Я.А. Коменский // Сочинения. Пер. с чешск. и лат. – М.: Наука, 1997. – С. 13-127.

58. Коменский, Я.А. Пансофическая школа, то есть школа всеобщей мудрости / Я.А. Коменский // Избранные педагогические сочинения: В 2-х т. – Т. 2. – М.: Педагогика, 1982. – 456 с.

59. Коммин, Ф. де Мемуары / Пер., статьи и примечания Ю.П. Малинина / Ф. де Коммин. – М.: Наука, 1986.

60. Кондорсе, Ж.А. Доклад об общей организации народного образования, представленный Национальному собранию от имени Комитета народного образования 20 и 21 апреля 1792 г. / Ж.А. Кондорсе // Документы истории Великой французской революции: Учебное пособие: Том первый / Отв. ред. А.В. Адо. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. – С. 441-454.

61. Лабрюйер, Ж. де Характеристики, или Нравы нынешнего века / Ж. де Лабрюйер; Пер. с фр. Ю. Корнеева, Э. Линецкой. – М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: Издательство «Фолио», 2001. – 607 с.

62. Лесаж, А.-Р. Похождения Жиль Бласа из Сантильяны / А.-Р. Лесаж. / Мн.: Изд-во АН БССР, 1958. – 796 с.

63. Лесаж, А.-Р. Хромой бес / А.-Р. Лесаж. – Саратов: Саратовское книжное издательство, 1958. – 229 с.

64. Локк, Дж. Мысли о воспитании / Дж. Локк // Сочинения: В 3-х т. / Пер. с англ. и лат. – Т. 3 / Ред. и сост., авт. примеч. А.Л. Субботин. – М.: Мысль, 1988. – С. 407-608.

65. Локк, Дж. Мысли о том, что читать и изучать джентльмену / Дж. Локк // Сочинения: В 3-х т. / Пер. с англ. и лат. – Т. 3 / Ред. и сост., авт. примеч. А.Л. Субботин. – М.: Мысль, 1988. – С. 609-614.

66. Локк, Дж. Предсмертная речь цензора. 1664 г. / Дж. Локк // Сочинения: В 3-х т. / Пер. с англ. и лат. – Т. 3 / Ред. и сост., авт. примеч. А.Л. Субботин. – М.: Мысль, 1988. – С. 54-65.

67. Лютер, М. К советникам всех городов земли немецкой. О том, что им надлежит учреждать и поддерживать христианские школы / М. Лютер // Школа и педагогическая мысль Средних веков, Возрождения и начала Нового времени (Исследования и материалы): Сб. науч. тр. / Под ред. К.И. Салимовой, В.Г. Безрогова. – М.: Изд. АПН СССР, 1991. – С. 193-221.

68. Мабли, Г.-Б. О том, как писать историю / Г.-Б. Мабли // Об изучении истории. О том, как писать историю. – М.: Наука, 1993. – С. 150-234.

69. Мандевиль, Б. Басня о пчёлах, или Пороки частных лиц – блага для общества. – М.: Наука, 2000. – 291 с.

70. Обязанности педелей парижских «наций» // Документы по истории университетов Европы XII-XV вв.: Учебное пособие / Вступ. ст. перевод и примечания Г.И. Липатниковой; Под ред. и с предисл. А.Е. Москаленко. – Воронеж: ВГПИ, 1973. – С. 78.

71. О похвале клиру // Антология педагогической мысли христианского средневековья: Пособие для учащихся пед. колледжей и студентов вузов: В двух томах. – Т. II. Мир преломился в книге. Воспитание в средневековом обществе глазами ученых наставников и их современников. / Сост., ст. к разделам и коммент. В.Г. Безрогова, О.И. Варьяш. – М.: АО "Аспект-Пресс", 1994. – С. 213-223.

72. Орден вагантов // Лирика Вагантов. Немецкая народная поэзия в переводах Л. Гинзбурга. Колесо фортуны. – М.: Зеркало-М, 1998. – С. 19-24.

73. Отрывки из статутов германской «нации» Болонского университета (1497) // Документы по истории университетов Европы XII-XV вв.: Учебное пособие / Вступ. ст. перевод и примечания Г.И. Липатниковой; Под ред. и с предисл. А.Е. Москаленко. – Воронеж: ВГПИ, 1973. – С. 71-73.

74. Письма тёмных людей // Брант, С. Корабль дураков; Эразм Роттердамский Похвала Глупости. Навозник гонится за орлом. Разговоры запросто; Письма тёмных людей; Гуттен, У. фон Диалоги: Вступ. ст. Б. Пуришева / С. Бран, Э. Роттердамский, Гуттен, У. фон. – М.: Издательство «Художественная литература», 1971. – С. 395-502.

75. Письмо Иннокентия III магистрам и студентам парижских школ (1205) // Документы по истории университетов Европы XII-XV вв.: Учебное пособие / Вступ. ст. перевод и примечания Г.И. Липатниковой; Под ред. и с предисл. А.Е. Москаленко. – Воронеж: ВГПИ, 1973. – С. 48-49.

76. Политическое завещание кардинала герцога де Ришелье французскому королю // Андреев А.Р. Гений Франции, или Жизнь кардинала Ришелье. Документальное историческое исследование. А.Ж. Ришелье. Политическое завещание / А.Р. Андреев. – М.: Белый волк, 1999. – С. 152-164.

77. Помпонацци, П. Лекция о философии и религии / П. Помпонацци // Традиции образования и воспитания в Европе XI-XVII веков: Сборник статей и материалов. – Иваново: ИвГУ, 1995. – С. 159-169.

78. Привилегия Московской академии // Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV-XVII вв. / Сост. С.Д. Бабишин, Б.Н. Митюрков. – М.: Педагогика, 1985. – С. 236-240.

79. Псевдо-Бозций, О школьной науке (Магистры) / Псевдо-Бозций // Традиции образования и воспитания в Европе XI-XVII веков: Сборник статей и материалов. – Иваново: ИвГУ, 1995. – С. 116-122.

80. Разрешение дофина Карла закрыть улицу Соломы (1358) // Документы по истории университетов Европы XII-XV вв.: Учебное пособие / Вступ. ст. перевод и примечания Г.И. Липатниковой; Под ред. и с предисл. А.Е. Москаленко. – Воронеж: ВГПИ, 1973. – С. 142-143.

81. Роттердамский, Э. О методе обучения / Э. Роттердамский // Меньшиков В.М. Педагогика Эразма Роттердамского: открытие мира детства. Педагогическая система Хуана Луиса Вивеса: Учебное пособие / В.М. Меньшиков. - М.: Народное образование, 1995. - С. 54-62.

82. Роттердамский Э. Оружие христианского воина / Э. Роттердамские // Философские произведения / Отв. ред. В.В. Соколов; Перевод Ю.М. Каган. – М.: Наука, 1986. – С. 90-217.

83. Роттердамский, Э. Послание к Паулю Вольцу / Э. Роттердамские // Философские произведения / Отв. ред. В.В. Соколов; Перевод Ю.М. Каган. – М.: Наука, 1986. – С. 69-89.

84. Роттердамский, Э. Похвала Глупости / Э. Роттердамский. – М.: «Художественная литература», 1983. – 239 с.

85. Роу, Н. Университетская жизнь в Англии. Воспоминания бывшего студента / Н. Роу // Русский вестник. – 1864. – Т. 53. - №№ 6,7,8,9.

86. Саагун, Б. де Всеобщая история дел Новой Испании. Книга III. Приложение / Б. де Саагун // Латинская Америка. – 2000. - № 6. – С. 80-86.

87. Сакс, Г. Коварный законник / Г. Сакс // Брант, С. Корабль дураков; Сакс, Г. Избранное: Пер. с нем. / Редкол.: А. Аникст, Н. Балашов, Ю. Виппер и др.; Предисл. Б. Пуришева; Комментар. Е. Маркович и А. Левинтона / С. Брант, Г. Сакс. – М.: Худож. лит., 1989. – С. 175-176.

88. Сакс, Г. Мельник и студент / Г. Сакс // Брант, С. Корабль дураков; Сакс, Г. Избранное: Пер. с нем. / Редкол.: А. Аникст, Н. Балашов, Ю. Виппер и др.; Предисл. Б. Пуришева; Комментар. Е. Маркович и А. Левинтона / С. Брант, Г. Сакс. – М.: Худож. лит., 1989. – С. 342-344.

89. Сакс, Г. Школяр в раю / Г. Сакс // Брант, С. Корабль дураков; Сакс, Г. Избранное: Пер. с нем. / Редкол.: А. Аникст, Н. Балашов, Ю.

Виппер и др.; Предисл. Б. Пуришева; Комментар. Е. Маркович и А. Левинтона / С. Брант, Г. Сакс. – М.: Худож. лит., 1989. – С. 396-408.

90. Сакс, Г. Эпитафия, или надгробная речь над прахом доктора Мартина Лютера / Г. Сакс // Брант, С. Корабль дураков; Сакс, Г. Избранное: Пер. с нем. / Редкол.: А. Аникст, Н. Балашов, Ю. Виппер и др.; Предисл. Б. Пуришева; Комментар. Е. Маркович и А. Левинтона / С. Брант, Г. Сакс. – М.: Худож. лит., 1989. – С. 205-207.

91. Сервантес, М. де Лицензиат Видриера / М. де Сервантес // Назидательные новеллы. / Пер. с исп. Б. Кржевского; Вступ. статья Г. Степанова; Сост. Н. Томашевского; Примеч. Б. Кржевского; Стихи в пер. М. Лозинского. – М.: Худож. лит., 1982. – С. 138-160.

92. Скаррон, П. Саламанкский школяр или Великодушные враги. Трагикомедия в пяти действиях / П. Скаррон // Комедии / Перевод с французского. – М.: Искусство, 1964. – С. 315-381.

93. Сорель, Ш. Правдивое комическое жизнеописание Франсиона: Пер. с фр. Г. Ярхо / Вступ. ст. и примеч. А. Бондарева / Ш. Сорель. – М.: Правда, 1990. – 592 с.

94. Статуты университета юристов в Болонье об обязанностях ректора (1317-1347) // Документы по истории университетов Европы XII-XV вв.: Учебное пособие / Вступ. ст. перевод и примечания Г.И. Липатниковой; Под ред. и с предисл. А.Е. Москаленко. – Воронеж: ВГПИ, 1973. – С. 70-71.

95. Статуты факультета искусств Пражского университета // Документы по истории университетов Европы XII-XV вв.: Учебное пособие / Вступ. ст. перевод и примечания Г.И. Липатниковой; Под ред. и с предисл. А.Е. Москаленко. – Воронеж: ВГПИ, 1973. – С. 88-90, 115-123.

96. Уэстминстерская школа. Описание одного из её учеников // Свадковский, И.Ф. Хрестоматия по истории педагогики / Под общ. ред. С.А. Каменева. – Т. I. Античный мир. Средние века. Начало нового времени / И.Ф. Свадковский. – М.: Учпедгиз, 1936.

97. Фихте, И.Г. Востребование от государей Европы свободы мысли, которую они до сих пор подавляли / И.Г. Фихте // Сочинения. Работы 1792-1801. – М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1995. – С. 71-96.

98. Фихте, И.Г. Несколько лекций о назначении ученого / И.Г. Фихте // Сочинения. Работы 1792-1801. – М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1995. – С. 481-521.

99. Фюретьер, А. Мещанский роман. Комическое сочинение / Перевод с французского А.А. Поляка / А. Фюретьер. – М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1962. – 325 с.

100. Честерфилд, Письма к сыну: Пер. с англ. / Честерфилд. – М.: Культура и традиции, 1993. – 192 с.

101. Шлёцер, А.Л. Рецензия на диссертацию И.Г. Фромманна о науке и литературе в России (14 июля 1768 г.) / А.Л. Шлёцер // XVIII век. Сборник 21. – С-Пб.: Наука, 1999. – С. 125-126.

На английском языке

102. Letters to his son by the earl of Chesterfield on the Fine Art of becoming a man of the world and a gentleman. – Режим доступа: <ftp://sunsite.unc.edu/pub/docs/books/gutenberg/etext01/lcewk10.txt> [Дата обращения: 15 ноября 2001 г.].

103. Newman, J.H. The Idea of A University, 1854 / J.H. Newman. – Режим доступа: <http://www.fordham.edu/halsall/mod/newman/newman-university.html> [Дата обращения: 17 сентября 1996 г.].

Изобразительные источники

104. Goncalves, N. Ce panneau est un des volets du polyptyque destine a la chapelle de Sao Vicente / N. Goncalves // Histoire de l'Art. Vol. IV. № 53. - ALPHA DIFFUSION. Paris, 1973 – P. 97.

105. Matrikel der Universität Wittenberg. Wappen des Rektors Schilling Wittenberg, 1532 // Edith Rothe Buchmalerei aus zwölf jahrhunderten. – Union verlag Berlin, - Tafel 150.

Картографические источники

106. Dictionary of the History of the City of Paris and its Surroundings – 1779. - Режим доступа:

<http://www.paris.org/Maps/Map4/map4.e.html> [Дата обращения: 29 июля 2002 г.].

107. The Map by Belleforest – 1572. – Режим доступа: <http://www.paris.org/Maps/Map2/map2.e.html> [Дата обращения: 29 июля 2002 г.].

108. The Map by Braun – 1572. – Режим доступа: <http://www.paris.org/Maps/Map1/map1.e.html> [Дата обращения: 29 июля 2002 г.].

109. The Map by Merian – 1615. - Режим доступа: <http://www.paris.org/Maps/Map5/map5.e.html> [Дата обращения: 29 июля 2002 г.].

II. Литература

1. Исследования.

1.Абрамсон, М.Л. Сицилийское королевство как особый вариант государственной структуры в Западной Европе / М.Л. Абрамсон // Средние века. Вып. 57. – М.: Наука, 1994. – С. 3-16.

2.Аваков, Р.М. Колонизация и деколонизация: эволюция развивающегося мира / Р.М. Аваков // Мировая экономика и международные отношения. – 2000. - № 9. – С. 3-10.

3.Акулич, Ю.В. Функции высшего библиотечного образования / Ю.В. Акулич. – Режим доступа: http://msuc.edu.ru/conf_06/part6/doc1.html [Дата обращения: 06 июня 2002 г.].

4. Александров, Д.А. Фритц Рингер, немецкие мандарины и отечественные учёные / Д.А. Александров // Новое литературное обозрение. – 2002. - № 53. – Режим доступа: <http://nlo.magazine.ru/philosoph/sootech/sootech34.html> [Дата обращения: 09 августа 2002 г.].

5.Андреев, А.Р. Гений Франции, или Жизнь кардинала Ришелье. Документальное историческое исследование. А.Ж. Ришелье. Политическое завещание / А.Р. Андреев. – М.: Белый волк, 1999. – 248 с.

6. Андреев, А.Ю. Гумбольдтовская модель классического немецкого университета / А.Ю. Андреев // Новая и новейшая история. – 2003. - № 3. – С. 48-60.

7. Андреева, О.А. Трактат XIV в. «О похвале клиру» как источник по ранней истории немецких университетов / О.А. Андреева // Университеты Западной Европы. Средние века. Возрождение. Просвещение.: Межвузовский сборник научных трудов. – Иваново: ИВГУ, 1990. – С. 131-141.

8. Арсеньев, А.В. Первые русские студенты за границей / А.В. Арсеньев // Исторический вестник, 1881, № 7-8. - С. 544-555.

9. Артамонов, С.Д. Реалистический роман Фюретьера / С.Д. Артамонов // Фюретьер, А. Мещанский роман. Комическое сочинение / Перевод с французского А.А. Поляка / А. Фюретьер. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. – С. 3-20.

10. Астахова, Е.В. Истоки и особенности португальского либерализма / Е.В. Астахова // Латинская Америка. – 1999. - № 11. – С. 87-100.

11. Ашталос М. Средневековый университет: факультет теологии (Реферат) / М. Ашталос // Alma mater (Вестник высшей школы). – 1998. - №№ 4,5,6.

12. Бадентэр Э., Бадентэр Р. Кондорсе. Учёный в политике / Пер. с фр. и вступ. статья О.В. Захаровой; коммент. А. Ревякина / Э. Бадентэр, Р. Бадентэр. – М.: Ладомир, 2001. – 398 с.

13. Барк, П. Социальная история знания: от Гутенберга до Дидро / П. Барк // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5, История: РЖ. – 2003. - № 4. – С. 22-29.

14. Баткин, Л.М. Странная тюрьма исторической необходимости / Л.М. Баткин // Одиссей. Человек в истории. 2000. – М.: Наука, 2000. – С. 64-77.

15. Бегунов, Ю.К. Сказания о чернокнижнике Твардовском в Польше, на Украине и в России и вновь найденная «История о пане Твардовском» / Ю.К. Бегунов // Советское славяноведение. – 1983. - № 1. – С. 78-90.

16. Бекасова, А.В. Из истории русско-голландских научных связей в XVIII в. (*Academia Lugduno Batava Libertatis и Россия*) / А.В. Бекасова // *Науковедение*. – 2001. - № 1. – С. 155-188.

17. Беляев, В.П., Ермольева, Э.Г. Народное образование / В.П. Беляев, Э.Г. Ермольева // *Культура стран Центральной Америки*. – М., 1993. – С. 68-87.

18. Бобкова, М.С. Жан Боден и его трактат «Метод лёгкого познания истории» / М.С. Бобкова Боден, Ж. Метод лёгкого познания истории / Ж. Боден. – М.: Наука, 2000. – С. 332-360.

19. Бобкова, М.С. Жизнь и деятельность Жана Бодена в контексте культурных, религиозных и правовых течений во Франции XVI в. / М.С. Бобкова // *Возрождение: гуманизм, образование, искусство: Межвузовский сборник научных трудов*. – Иваново: ИВГУ, 1994. – С. 87-103.

20. Богданова, И.А. Словацкая культура / И.А. Богданова // *Культура народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху Просвещения*. - М.: Наука, 1988. – С. 114-142.

21. Богуславский, В.М. Борец за свободу совести / В.М. Богуславский // Бейль, П. Исторический и критический словарь в двух томах. *Общ. ред. и вступ. статья. В.М. Богуславский. Пер. с франц. / П. Бейль*. – Т. 1. – М.: Мысль, 1967. – С. 5-46.

22. Бондарева, А. Авантюрный мир «Франсиона» / А. Бондарева // Сорель, Ш. *Правдивое комическое жизнеописание Франсиона: Пер. с фр. Г. Ярхо / Вступ. ст. и примеч. А. Бондарева / Ш. Сорель*. – М.: Правда, 1990. – С. 5-21.

23. Брандт, М.Ю. Педагогические взгляды Томаса Элиота / М.Ю. Брандт // *Школа и педагогическая мысль Средних веков, Возрождения и начала Нового времени (Исследования и материалы): Сб. науч. тр. / Под ред. К.И. Салимовой, В.Г. Безрогова*. – М.: Изд. АПН СССР, 1991. – С. 221-234.

24. Бродель, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т. 2. *Игры обмена / Пер. с фр. Л.Е. Куббеля; Под. ред. Ю.Н. Афанасьева / Ф. Бродель*. – М.: Прогресс, 1988. – 632 с.

25. Броклис, Л. Университет в ранний период современной европейской истории: учебные планы (Реферат) / Л. Броклис // *Alma mater (Вестник высшей школы)*. – 2002. - №№ 1,2,4,5,7.

26. Бурдьё, П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля / П. Бурдьё // Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. - М.: Институт экспериментальной социологии, - СПб.: Алетейя, 1999. - С. 125-166. – Режим доступа: <http://bourdieu.narod.ru/bourdieu/PBetat.htm> [Дата обращения: 18 апреля 2002 г.].

27. Бурдьё, П. От правила к стратегиям / П. Бурдьё // Начала. Choses dites: Пер. с фр. / Pierre Bourdieu. Choses dites. Paris, Minuit, 1987. Перевод Шматко Н.А. – М.: Socio-Logos, 1994. – С. 93-116.

28. Бурдьё, П. Поле науки / П. Бурдьё. – Режим доступа: http://bourdieu.narod.ru/bourdieu/PB_champ_scientifique.htm [Дата обращения: 18 апреля 2002 г.].

29. Бурдьё, П. Университетская докса и творчество: против схоластических делений / П. Бурдьё // *Socio-Logos* '96. – М.: Socio-Logos, 1996. - С. 8-31. – Режим доступа: <http://bourdieu.narod.ru/bourdieu/PBdoxa.htm> [Дата обращения: 18 апреля 2002 г.].

30. Буркхард, Я. Культура Возрождения в Италии / Я. Буркхард. – М.: Юристъ, 1996. – 591 с.

31. Бурстин, Д. Американцы: Колониальный опыт: Пер. с англ. / Под общ. ред. и с коммент. В.Т. Олейника; послеслов. В.П. Шестакова / Д. Бурстин. – М.: Изд. группа «Прогресс» – «Литература», 1993. – 480 с.

32. Вандермеш, П.А. Преподаватели (реферат) / П.А. Вандермеш // *Alma mater* (Вестник высшей школы). – 2000. - №№ 7,8.

33. Василькова, В.В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: (Синергетика и теория социальной самоорганизации) / В.В. Василькова. – СПб.: Издательство «Лань», 1999. – 480 с.

34. Верже, Ж. Прототипы / Ж. Верже // *Вестник высшей школы* (*Alma mater*). – 1991. - №№ 10,12.

35. Верже, Ж. Средневековый университет: учителя / Ж. Верже // *Alma mater* (Вестник высшей школы). – 1997. - №№ 2,4,5.

36. Винер, Б.Е., Марков, А.Р. Проблемы российской аспирантуры по социальным и гуманитарным наукам / Б.Е. Винер, А.Р. Марков //

Журнал социологии и социальной антропологии. - 2002. Том V. - № 2. - С. 148-164.

37. Вольский, М.М. Оксфордский университет / М.М. Вольский // Русский вестник, 1861, т. 31, № 2. - С. 544-597.

38. Вороцова, Г.В. Школа гуманистических знаний во Флоренции XVI века: просветительская деятельность Джамбаттисты Джелли / Г.В. Вороцова // Гуманистическая мысль, школа и педагогика позднего средневековья и начала нового времени (исследования и материалы): Сб. науч. тр. / Под ред. К.И. Салимовой, В.Г. Безрогова. – М.: Изд. АПН СССР, 1990. – С. 103-113.

39. Восленский, М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза / М.С. Восленский. – М.: «Советская Россия» совм. с МП «Октябрь», 1991. – 624 с.

40. Высшая школа Латинской Америки. - М.: Наука, 1972. - 423 с.

41. Гавранек, Я. Чешская, польская и словацкая интеллигенция в Австро-Венгрии (Сравнительный анализ) / Я. Гавранек // Советское славяноведение. – 1991. - № 3. – С. 35-48.

42. Гайденок, П.П. Жизнь и творчество Иоганна Готлиба Фихте / П.П. Гайденок // Фихте, И.Г. Сочинения. Работы 1792-1801. / И.Г. Фихте. – М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1995. – С. 6-67.

43. Герье, В. Университеты и народ в Англии / В. Герье // Вестник Европы, 1896, Т. 1, Кн. 2. - С. 465-494.

44. Гештор, А. Средневековый университет: управление и ресурсы / А. Гештор // Alma mater (Вестник высшей школы). – 1996. - № 5. – С. 23-28.

45. Гирц, К. Идеология как культурная система / К. Гирц // Новое Литературное Обозрение. - № 27. – Режим доступа: <http://nlo.magazine.ru/philosoph/inostr/3.html> [Дата обращения: 18 июля 2002 г.].

46. Гогендорф, Г. Вильгельм фон Гумбольдт (1767-1835) / Г. Гогендорф // Перспективы. Вопросы образования. – 1994. - № 3-4. – С. 243-255.

47. Голенченко, Г.Я. Студенты Великого княжества Литовского в Краковском университете XV-XVI вв. / Г.Я. Голенченко // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. Проблемы взаимоотношений Польши, России, Украины, Белоруссии и Литвы в

эпоху Возрождения / Под ред. Б.А. Рыбакова. – М.: Наука, 1976. – С. 228-239.

48. Головкин, С.А. Высшее образование Франции. Актуальные проблемы и противоречия / С.А. Головкин. - Мн.: Выш. шк., 1980. - 128 с.

49. Голубкин, Ю.А. Мартин Лютер и его сочинение «К советникам всех городов земли немецкой. О том, что им надлежит учреждать и поддерживать христианские школы» / Ю.А. Голубкин // Школа и педагогическая мысль Средних веков, Возрождения и начала Нового времени (Исследования и материалы): Сб. науч. тр. / Под ред. К.И. Салимовой, В.Г. Безрогова. – М.: Изд. АПН СССР, 1991. – С. 190-193.

50. Горфункель, А.Х. Джордано Бруно в Вюрцбурге (Свидетельство Николая Серария) / А.Х. Горфункель // Средние века. Вып. 60. – М.: Наука, 1997. – С. 318-323.

51. Горфункель, А.Х. Круг источников Пьетро Помпонаци (Университетская традиция и гуманизм) / А.Х. Горфункель // Университеты Западной Европы. Средние века. Возрождение. Просвещение.: Межвузовский сборник научных трудов. – Иваново: ИвГУ, 1990. – С. 36-44.

52. Готрен, Ж. Марк-Антуан Жюльен («Жюльен из Парижа») (1775-1848) / Ж. Готрен // Перспективы. Вопросы образования. – 1994. - № 3-4. – С. 339-356.

53. Григорьева, И.Л. Оксфордский гуманизм рубежа XV-XVI вв. и контакты с ним Эразма / И.Л. Григорьева // Университеты Западной Европы. Средние века. Возрождение. Просвещение.: Межвузовский сборник научных трудов. – Иваново: ИвГУ, 1990. – С. 80-94.

54. Григулевич, И.Р. Крушение иезуитского ордена в колониальной Америке / И.Р. Григулевич // Новая и новейшая история. – 1973. - № 5. – С. 85-101.

55. Грицкевич, В.П. Место Белоруссии и Литвы в распространении естественнонаучных знаний в XVI в. / В.П. Грицкевич // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. Проблемы взаимоотношений Польши, России, Украины, Белоруссии и Литвы в эпоху Возрождения / Под ред. Б.А. Рыбакова. – М.: Наука, 1976. – С. 241-250.

56. Губер, П. Мазарини / Пер. с фр. Л. Тарасенковой, О. Тарасенкова / П. Губер. – М.: КРОН-ПРЕСС, 2000. – 512 с.

57. Гулыга, А.А. Кант / А.А. Гулыга. – 3-е изд. – М.: Соратник, 1994. – 304 с.

58. Гулыга, А. Революция духа: (Жизнь и творчество Иммануила Канта) / А. Гулыга // Кант, И. Сочинения: В 8-ми т. - Т. 1. / И. Кант. - М.: ЧОРО, 1994. - С. 5-49.

59. Гунст, Е.А. Лесаж и его роман «Хромой Бес» / Е.А. Гунст // Лесаж, А.-Р. Хромой Бес / А.-Р. Лесаж. – Саратов: Саратовское книжное издательство, 1958. – С. 3-10.

60. Гусарова, Т.П. Хобби королевского секретаря при венском дворе. Лёринц Ференци и его книгоиздательское дело в XVII в. / Т.П. Гусарова // Книга в культуре Возрождения. – М.: Наука, 2002. – С. 260-268.

61. Данилова, А.В. Хорватская культура / А.В. Данилова // Культура народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху Просвещения. - М.: Наука, 1988. – С. 143-172.

62. Демков, М.И. История западноевропейской педагогики / М.И. Демков. – М.: Тип. И.Д. Сытина, 1912. – 500 с.

63. Денисенко, Н.П. Испанские университеты в XIII-XV вв. / Н.П. Денисенко // Университеты Западной Европы. Средние века. Возрождение. Просвещение.: Межвузовский сборник научных трудов. – Иваново: ИвГУ, 1990. – С. 95-104.

64. Дингес, М. Историческая антропология и социальная история: через теорию «стиля жизни» к «культурной истории повседневности» / М. Дингес // Одиссей. Человек в истории. 2000. – М.: Наука, 2000. – С. 96-124.

65. Дмитриева, О. Пурпурная герань из Московии. Оксфордские интеллектуалы и Россия на рубеже XVI-XVII веков / О. Дмитриева // Родина. – 2003. - № 5-6. – С. 22-28.

66. Дмитриева, О.В. Томас Бодлей и первая публичная библиотека в Европе / О.В. Дмитриева // Книга в культуре Возрождения. – М.: Наука, 2002. – С. 198-210.

67. Добренков, В.И., Нечаев, В.Я. Общество и образование / В.И. Добренков, В.Я. Нечаев. – М.: ИНФРА-М, 2003. – 381 с.

68. Дьюкс, П. Абердин, Абердинский университет и Россия (1495-1995 гг.) / П. Дьюкс // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. – М.: Наука, 1993. – С. 136-138.

69. Дэвис, Н.З. Дамы на обочине. Три женских портрета XVII века. Пер. с английского Т. Доброницкой / Н.З. Дэвис. – М.: Новое литературное обозрение, 1999. – 400 с.

70. Загузов, Н.И. Предисловие / Н.И. Загузов // Волков, Ю.Г. Диссертация: Подготовка, защита, оформление: Практическое пособие / Под ред. Н.И. Загузова / Ю.Г. Волков. – М.: Гардарики, 2001. – С. 5-7.

71. Захаров, И.В., Ляхович, Е.С. Миссия университета в европейской культуре / И.В. Захаров, Е.С. Ляхович. – М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1994. – 240 с.

72. Зомбарт, В. Буржуа / В. Зомбарт. – М.: Наука, 1994.

73. Зюмтор, П. Повседневная жизнь Голландии во времена Рембрандта / Пер. с фр. М.В. Глаголева; Предисл. и науч. ред. А.П. Левандовского / П. Зюмтор. – М.: Мол. гвардия, 2000. – 390 с.

74. Ивашева, В. Предисловие / В. Ивашева // Сноу, Ч.П. Наставники; Коридоры власти: Романы: Пер. с англ. / Предисл. В. Ивашевой / Ч.П. Сноу. – М.: Прогресс, 1988. – С. 3-12.

75. Ивонин, Ю.Е. // Вопросы истории. – 2001. - № 3. – С. 170-173. - Рец. на кн.: G. VOGLER. Absolutistische Herrschaft und standische Gesellschaft. Reich und Territorien von 1648 bis 1790. Verlag Eugen Ulmer. Stuttgart. 1996. 336 S. / Фоглер Г. Абсолютистская власть и сословное общество. Империя и территории от 1648 до 1789 года.

76. Игнатович, В.В. История английских университетов / В.В. Игнатович. – СПб.: Типография Иосанфа Огризко, 1861. – 150 с.

77. Игнатович, В.В. Немецкие университеты в развитии их исторической и современной жизни. – Ч. I. / В.В. Игнатович. – СПб.: Типография Рогальского и Ко, 1864. – 272 с.

78. Иолли, Л. Народное образование в разных странах Европы. Пер. с нем. А. Санина / Л. Иолли. - СПб., 1900. - 191 с.

79. Искюль, С.Н. Габриэль-Бонно де Мабли и его исторические труды / С.Н. Искюль // Мабли, Г.-Б. Об изучении истории. О том, как писать историю. – М.: Наука, 1993. – С. 290-338.

80. История Европы. Т. 3. От средневековья к новому времени (конец XV – первая половина XVII в.). – М.: Наука, 1993. – 656 с.

81. История Польши в 3-х т. – Т. 1. / Под ред. В.Д. Королюка, И.С. Миллера, П.Н. Третьякова. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – 583 с.

82. История Чехии / Под ред. академика В.И. Пичета. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1947. – 260 с.

83. Кавелин, К. Устройство и управление немецких университетов / К. Кавелин // Русский вестник, 1865, т. 56, №№ 2,4.

84. Канц, Г. Иммануил Кант (1724-1804) / Г. Канц // Перспективы. Вопросы образования. – 1994. - № 3-4. – С. 371-387.

85. Каррильо, А.Г. Гаспар Мельчор де Ховельянос-и-Рамирес (1744-1811) / А.Г. Каррильо // Перспективы. Вопросы образования. – 1994. - № 3-4. – С. 323-338.

86. Карпов, С.П. Культура Латинской Романии / С.П. Карпов // Культура Византии XIII – первая половина XV в. – М., 1991. – С. 138-187.

87. Кинелев, В.Г., Миронов, В.Б. Образование, воспитание культура в истории цивилизаций / В.Г. Кинелев, В.Б. Миронов. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1998. – 520 с.

88. Китайгородская, Л.И. Политика городских властей Эдинбурга – столицы Шотландии в области образования в XVI в. / Л.И. Китайгородская // Школа и педагогическая мысль Средних веков, Возрождения и начала Нового времени (Исследования и материалы): Сб. науч. тр. / Под ред. К.И. Салимовой, В.Г. Безрогова. – М.: Изд. АПН СССР, 1991. – С. 234-244.

89. Клулас, И. Повседневная жизнь в замках Луары в эпоху Возрождения / Пер. с фр. О. Жуковой, Л. Кайсаровой; Науч. ред. и предисл. А.П. Левандовского / И. Клулас. – М.: Мол. гвардия, 2001. – 358 с.

90. Кнехт, Р.Дж. Ришелье / Пер. с англ. и вступ. ст. А. Егорова / Р.Дж. Кнехт. – Ростов н/Д.: Изд-во «Феникс», 1997. – 384 с.

91. Ковальска, Х. Формы актуализации традиции в Речи Посполитой и Московской Руси / Х. Ковальска // Поляки и русские: Взаимопонимание и взаимонепонимание / Сост. А.В. Липатов, И.О. Шайтанов. – М.: Издадельство «Индрик», 2000. – С. 65-75.

92. Ковальский, Я.В. Папы и папство / Пер. с пол. / Я.В. Ковальский. – М.: Политиздат, 1991. – 236 с.

93. Козлова, О.Н. Повседневность как источник и итог социального бытия / О.Н. Козлова // Социально-гуманитарные знания. – 2001. - № 6. – С. 69-82.

94. Коллинз, Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения / Пер. с англ. Н.С. Розова, Ю.Б. Вертгейм / Р. Коллинз. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. – 1281 с.

95. Красноглазов, А.Б. Сервантес / А.Б. Красноглазов. – М.: Мол. гвардия, 2003. – 300 с.

96. Кудрявцев, О.Ф. «Множество мудрых – спасение миру». Антропология Шарля де Бовеля / О.Ф. Кудрявцев // Человек в культуре Возрождения. – М.: Наука, 2001. – С. 187-192.

97. Кузнецов, Б. За наукой в чуждаемые края. Первые русские студенты за границей / Б. Кузнецов // Родина. 2000. – октябрь – С. 34-38.

98. Кузнецов, В.Н. Философское наследие Дидро / В.Н. Кузнецов // Дидро, Д. Сочинения: в 2-х т. – Т. 1 / Пер. с франц.; Сост., ред., вступит. статья и примеч. В.Н. Кузнецова / Д. Дидро. – М.: Мысль, 1986. – С. 3-57.

99. Кузьмин, М.Н. Педагогическое творчество Я.А. Коменского в контексте социокультурных процессов перехода от феодализма к капитализму / М.Н. Кузьмин // Советское славяноведение. – 1984. - № 5. – С. 22-26.

100. Кузьмин, М.Н. Школа и образование в Чехословакии (конец XVIII – 30-е годы XX в.) / М.Н. Кузьмин. – М.: Наука, 1971. – 259 с.

101. Кузьмищев, А.В. На землях «Королевства Гоатемала» (культура колониального периода) / А.В. Кузьмищев // Культура стран Центральной Америки. – М., 1993. – С. 34-54.

102. Кукушкина, И. Старый Вильнюсский университет в истории Литвы и истории Европы (1579-1832) / И. Кукушкина // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. – М.: Наука, 1993. – С. 124-135.

103. Кулакова, И. У истоков высшей школы: Московский университет в XVIII веке / И. Кулакова // Отечественные записки. –

2002. - № 2. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/oz/2002/2/kulak.html> [Дата обращения: 26 июля 2002 г.].

104. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун // Структура научных революций: Пер. с англ. / Т. Кун; Сост. В.Ю. Кузнецов. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. – С. 9-268.

105. Лабутина, Т.Л. Женское образование в стюартовской Англии (1603-1714) / Т.Л. Лабутина // Новая и новейшая история. – 2001. - № 2. – С. 153-167.

106. Лабутина, Т.Л. Ранний феминизм в Англии / Т.Л. Лабутина // Вопросы истории. – 2001. - № 8. – С. 51-67.

107. Левин Г.Р. // Новая и новейшая история. – 2004. - № 1. – С. 240-242. - Рец. на кн.: Лабутина Т.Л. Воспитание и образование англичанки в XVII веке. СПб.: «Алетейя», 2001, 244 с.

108. Ленотр, Ж. Повседневная жизнь Версаля при королях / Пер. с фр. А.Л. Раковой; Науч. ред. и предисл. А.П. Левандовского / Ж. Ленотр. – М.: Мол. гвардия, 2003. – 230 с.

109. Лернер, М. Развитие цивилизации в Америке. Образ жизни и мысли в Соединённых Штатах сегодня. Пер. с англ. / В 2 тт. – Т. 2. / М. Лернер. – М.: Радуга, 1992. – 575 с.

110. Лефф, Г. Средневековый университет: факультет свободных искусств. Тривиум и три философии (Реферат) / Г. Лефф // Alma mater (Вестник высшей школы). – 1997. - № 9. – С. 34-38.

111. Лещиловская, И.И. Сербская культура / И.И. Лещиловская // Культура народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху Просвещения. - М.: Наука, 1988. – С. 173-199.

112. Лозинский, С. Г. История папства / С.Г. Лозинский. – 3-е изд. – М.: Политиздат, 1986. – 382 с.

113. Лозовецкий, В. Предшественник Мольера / В. Лозовецкий // Скаррон, П. Комедии / П. Скаррон. – М.: Искусство, 1964. – С. 5-29.

114. Любимов, Н. Университетский вопрос / Н. Любимов // Русский вестник, 1875, т. 116, №№ 1,2,5.

115. Макарова, О. Послесловие переводчика / О. Макарова // Лодж, Д. Академический обмен: Повесть о двух кампусах / Пер. с англ. и послесл. О. Макаровой / Д. Лодж. – М.: Издательство Независимая Газета, 2000. – С. 301-307.

116. Мак-Нил, В. Цивилизация, цивилизации и мировая система / В. Мак-Нил // Цивилизации. Вып. 2. - М.: Наука, 1993. – С. 18-26.

117. Малов, В.Н. Жан-Батист Кольбер – реформатор XVII века (1619-1683) / В.Н. Малов // Новая и новейшая история. – 2000. - № 3. – Режим доступа: <http://vivovoco.nns.ru/VV/PAPERS/HISTORY/COLBERT.HTM> [Дата обращения: 1 декабря 2003 г.].

118. Мань, Э. Повседневная жизнь в эпоху Людовика XIII: Пер. с франц. Васильковой А.С. / Э. Мань. – СПб.: Издательская группа «Евразия», 2002. – 288 с.

119. Марголен, Ж.-К. Эразм Роттердамский (ок. 1467-1536) / Ж.-К. Марголен // Перспективы. Вопросы образования. – 1994. - № 1-2. – С. 325-339.

120. Мегела, И.П. Венгерская культура / И.П. Мегела // Культура народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху Просвещения. - М.: Наука, 1988. – С. 54-82.

121. Мееровский, Б.В., Субботин, А.Л. Бернард Мандевиль и его «Басня о пчёлах» / Б.В. Мееровский, А.Л. Субботин // Мандевиль, Б. Басня о пчёлах, или Пороки частных лиц – блага для общества / Б. Мандевиль. – М.: Наука, 2000. – С. 282-289.

122. Мельников, Г.П. Мелантрих и Велеславин – крупнейшие пражские книгоиздатели XVI в. / Г.П. Мельников // Книга в культуре Возрождения. – М.: Наука, 2002. – С. 243-258.

123. Микешин, М.И. Интеллектуалы и их среда. Клубы и общества в Шотландии в XVIII веке / М.И. Микешин // Человек. – 2004. - № 1. – С. 115-129.

124. Митькова, Н.Д. Некоторые аспекты системы средневекового университетского образования по трактату «De disciplina scolarium» («О школьной науке») / Н.Д. Митькова // Университеты Западной Европы. Средние века. Возрождение. Просвещение.: Межвузовский сборник научных трудов. – Иваново: ИвГУ, 1990. – С. 117-130.

125. Михайлов, А.Д. Б. Деперье – классик французской новеллы Возрождения / А.Д. Михайлов // Деперье, Б. Новые забавы и весёлые разговоры. Кимвал мира / Общ. ред. и вступ. ст. А.Д. Михайлова; Пер. с фр. В.И. Пикова и М.С. Гринберга / Б. Деперье. – М.: Республика, 1995. – С.

126. Молдавская, М.А. К вопросу о студенческих волнениях и борьбе гуманистической интеллигенции против феодально-католической реакции в Лангедоке первой половины XVI в. / М.А. Молдавская // Средневековый город. Межвузовский научный сборник: вып. 4. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1978. – С. 164-175.

127. Морау, П. Средневековый университет: карьера выпускников (Реферат) / П. Морау // Alma mater (Вестник высшей школы). – 1997. - №№ 6,7,8.

128. Моргунова, А.Г. Образовательные пространство: процессы институционализации и структурирования / А.Г. Моргунова. – Режим доступа: <http://old.ssu.samara.ru/research/philosophy/journal9/14.html> [Дата обращения: 27 января 2003 г.].

129. Мурзин, Е.Б. Трактаты немецких авторов второй половины XVI в. о колдовстве и ведьмах / Е.Б. Мурзин // Книга в культуре Возрождения. – М.: Наука, 2002. – С. 103-116.

130. Мыльников, А.С. Народы Центральной Европы: формирование национального самосознания. XVIII-XIX вв. / А.С. Мыльников. - СПб: ТОО ТК "Петрополис", 1997. - 176 с.

131. Мыльников, А.С. Первый славист Петербургской академии наук (Новые наблюдения над творческим наследием И.П. Коля) / А.С. Мыльников // XVIII век. Сборник 21. – СПб.: Наука, 1999. – С. 97-101.

132. Мыльников, А.С. Эпоха Просвещения в Чешских землях. Идеология, национальное самосознание, культура / А.С. Мыльников. - М.: Наука, 1977. - 198 с.

133. Найдыш В.М. Философия мифологии. От античности до эпохи романтизма. – М.: Гардарики, 2002. – 554 с.

134. Нарский, И.С. У истоков субъективного идеализма / И.С. Нарский // Беркли, Дж. Сочинения. Сост., общ. ред. и вступит. статья И.С. Нарского / Дж. Беркли. – М.: «Мысль», 2000. – С. 495-528.

135. Неверов, О.Я. От составителя / О.Я. Неверов // Любовные позиции эпохи Возрождения / Сост. Неверов О.Я. – СПб.: «Продолжение Жизни», 2002. – С. 3-25.

136. Нехаева, С.В. К вопросу о положении университета в позднесредневековом обществе (На примере Флорентийского) / С.В. Нехаева // Университеты Западной Европы. Средние века.

Возрождение. Просвещение.: Межвузовский сборник научных трудов. – Иваново: ИвГУ, 1990. – С. 65-79.

137. Нехаева, С.В. Студенческие коллегии в позднесредневековых итальянских университетах / С.В. Нехаева // Возрождение: гуманизм, образование, искусство: Межвузовский сборник научных трудов. – Иваново: ИвГУ, 1994. – С. 60-68.

138. Нехаева, С.В. Студенческие нации в позднесредневековых итальянских университетах / С.В. Нехаева // Традиции образования и воспитания в Европе XI-XVII веков: Сборник статей и материалов. – Иваново: ИвГУ, 1995. – С. 42-56.

139. Нехаева, С.В. Студенчество итальянских университетов в XIII-XVI вв. Опыт анализа материальных условий повседневной жизни: Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. – Саратов, 1994. – 20 с.

140. Нехаева, С.В. Флорентийский университет и начало эпохи великих географических открытий / С.В. Нехаева // Европа и Америка на перекрёстке эпох: Межвузовский сборник научных трудов. – Иваново: ИвГУ, 1992. – С. 88-101.

141. Норт, Дж. Средневековый университет: факультет свободных искусств / Дж. Норт // Alma mater (Вестник высшей школы). – 1997. - № 10. – С. 35-38.

142. Ортега-и-Гассет, Х. Миссия университета (Фрагменты) / Х. Ортега-и-Гассет // Alma mater (Вестник высшей школы). – 2003. - № 7. – С. 44-49, 55.

143. Осинковский, И.Н. Томас Мор – гуманист и политик / И.Н. Осинковский // Новая и новейшая история. – 1973. - № 2. – С. 115-127.

144. Паульсен, Ф. Рыцарские академии в Германии / Ф. Паульсен // Свадковский, И.Ф. Хрестоматия по истории педагогики / Под общ. ред. С.А. Камнева. – Т. I. Античный мир. Средние века. Начало нового времени / И.Ф. Свадковский. – М.: Учпедгиз, 1936. – С. 247-249.

145. Пашаева, Н. Послесловие / Н. Пашаев // Винтер, З. Магистр Кампанус. Исторический портрет / Пер. с чешск. Ф. Боголюбовой, Послесловие и примеч. Н. Пашаевой / З. Винтер. – М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1953. – С. 545-557.

146. Петерсон, О. Университет в ранний период современной Европы: традиции и новации (реферат) / О. Петерсон // *Alma mater* (Вестник высшей школы). – 2000. – №№ 10,11, – 2001. – № 1. – С. 43-48.

147. Петражицкий, Л.И. Университет и наука. Опыт теории и техники университетского дела и научного самообразования. – Т. 1. Теоретические основы / Л.И. Петражицкий. – СПб., 1907. – 340 с.

148. Плавский, З. Франсиско де Кеведо – человек, мыслитель, художник / З. Плавский // Кеведо, Ф. Избранное: Пер с исп. / Сост. и вступ. статья З. Плавского; Коммент. В. Григорьева и З. Плавского; Рисунки худож. А. Пахомова / Ф. Кеведо. – Л.: Худож. лит., 1980. – С. 5-20.

149. Прасол, А.Ф. Становление образования в Японии (VIII-XIX века) / А.Ф. Прасол. – Владивосток: Дальнаука, 2001. – 391 с.

150. Пуришев, Б. Немецкий и нидерландский гуманизм / Б. Пуришев // Брант, С. Корабль дураков; Эразм Роттердамский Похвала Глупости. Навозник гонится за орлом. Разговоры запросто; Письма тёмных людей; Гуттен, У. фон Диалоги: Вступ. ст. Б. Пуришева / С. Бран, Э. Роттердамский, Гуттен, У. фон. – М.: Издательство «Художественная литература», 1971. – С. 5-22.

151. Пшизова, С.Н. Флорентийский университет и развитие гуманизма в XIV-XV вв. / С.Н. Пшизова // *Средние века*. Вып. 56. – М.: Наука, 1993. – С. 153-173.

152. Рабинович, В.Л. Исповедь книгочех, который учил букве, а укреплял дух / В.Л. Рабинович. – М.: Изд-во «Книга», 1991. – 496 с.

153. Репина, Л.П. "Новая историческая наука" и социальная история / Л.П. Репина. – М.: ИВИ РАН, 1998. – 278 с.

154. Риддер-Симэнс, Х. де Средневековый университет: мобильность / Х. де Риддер-Симэнс // *Alma mater* (Вестник высшей школы). – 1997. – № 1. – С. 38-47.

155. Рингер, Ф. Закат немецких мандаринов (избранные главы) / Ф. Рингер // *Новое литературное обозрение*. – 2002. – № 53. – Режим доступа: <http://nlo.magazine.ru/philosoph/inostr/inostr34.html> [Дата обращения: 12 августа 2002 г.].

156. Робертс, Дж., Родригес, А.М., Нербст, Ю. Экспорт моделей (реферат) / Дж. Робертс, А.М. Родригес, Ю. Нербст // *Alma mater* (Вестник высшей школы). – 1999. - №№ 6,7.

157. Розов, Н. Сказка сказывается и о нас (Об основных понятиях и подходе к анализу интеллектуальной стагнации в книге Р. Коллинза «Социология философий») / Н. Розов // *Alma mater* (Вестник высшей школы). – 2002. - № 8. – С. 45-47.

158. Розов, Н.С. «Социология философий» Рэндалла Коллинза – новый этап самосознания интеллектуалов в мировой истории / Н.С. Розов // Коллинз, Р. Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения / Пер. с англ. Н.С. Розова, Ю.Б. Вертгейм / Р. Коллинз. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. – С. 7- 31.

159. Розов, Н. Ценности и образование (вехи истории европейской мысли) / Н. Розов // *Вестник высшей школы* (*Alma mater*). – 1991. - № 12. – С. 36-47.

160. Романов, П.В. Культурные символы в социально-антропологических исследованиях организаций / П.В. Романов // *Журнал социологии и социальной антропологии*. – 2002. – Том V. - № 3 (19). – С. 192-206.

161. Роуг, В. Университет как явление средневековой культуры / В. Роуг // *Вестник высшей школы* (*Alma mater*). – 1991. -№№ 7,8.

162. Роуг, В. Европейский университет на пороге Нового времени (Реферат) / В. Роуг // *Alma mater* (Вестник высшей школы). – 1999. - №№ 1,2.

163. Рябова, Т.Б. Женщина в истории западноевропейского средневековья / Т.Б. Рябова. – Иваново: Изд. центр «Юнона», 1999. – 211 с.

164. Свирида, И.И. Польская культура / И.И. Свирида // *Культура народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху Просвещения*. – М.: Наука, 1988. – С. 7-53.

165. Селерье, А. Система образования Франции / А. Селерье // *Международное сотрудничество*. – 1999. - № 2-3. – С. 19-26.

166. Семёнов, А. Проблема реформы французского университета в 50-60 годах XX века (общественно-политические аспекты) / А. Семёнов // *Европейский альманах*, 2001. История. Традиции.

Культура: Реформы и реформаторы / Отв. ред. А.О. Чубарьян; Ин-т всеобщей истории. – М.: Наука, 2002. – С. 74-91.

167. Сергеевич, В. Германские университеты и наши / В. Сергеевич // Вестник Европы, 1905, Т. 3, Кн. 5. - С. 55-105.

168. Сергеевич, В. Реформа университетского преподавания / В. Сергеевич // Вестник Европы, 1908, Т. 2, Кн. 4. - С. 683-715.

169. Серегина, А.Ю. Английская благочестивая литература рубежа XVI-XVII вв., религиозная полемика и обращение в «истинную веру» / А.Ю. Серегина // Книга в культуре Возрождения. – М.: Наука, 2002. – С. 118-128.

170. Сирэйси, Н. Средневековый университет: факультет медицины / Н. Сирэйси // Alma mater (Вестник высшей школы). – 1997. - №№ 11,12.

171. Сидорова, Н.А. Основные проблемы истории университетов в средние века в освещении современной буржуазной историографии / Н.А. Сидорова // Средние века. Вып. 23. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 229-237.

172. Сорокин, П. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / Пер. с англ., комментарии и статья В.В. Сапова / П. Сорокин. – СПб.: РХГИ, 2000. – 1056 с.

173. Согомонов, А.Ю., Уваров, П.Ю. Открытие социального (парадокс XVI века) / А.Ю. Согомонов, П.Ю. Уваров // Одиссей. Человек в истории. 2001. – М.: Наука, 2001. – С. 199-215.

174. Софронова, Л.В. Грамматическая школа Св. Павла: гуманистические принципы организации образования / Л.В. Софронова // Школа и педагогическая мысль Средних веков, Возрождения и начала Нового времени (Исследования и материалы): Сб. науч. тр. / Под ред. К.И. Салимовой, В.Г. Безрогова. – М.: Изд. АПН СССР, 1991. – С. 245-267.

175. Струков, Д.П. Штуденты - домашние наставники в 1712 г. / Д.П. Струков // Русская старина, 1890, Т. 66, № 5. - С. 347-350.

176. Субботин, А.Л. Бернанд Мандевиль / А.Л. Субботин. – М.: Мысль, 1986. – 136 с.

177. Суворов, Н.С. Средневековые университеты / Н.С. Суворов. – М.: Типо-литгр. Высочайше утвер. Т-ва И.Н. Кушнерев и Ко, 1898. – 245 с.

178. Таценко, Т.Н. Немецкие студенты-юристы в итальянских университетах в XV-XVI вв. / Т.Н. Таценко // Средние века. Вып. 60. – М.: Наука, 1997. – С. 299-317.

179. Титова, Л.Н. Чешская культура / Л.Н. Титова // Культура народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху Просвещения. - М.: Наука, 1988. – С. 83-113.

180. Тишков, В.А. История и историки в США / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов / В.А. Тишков. – М.: Наука, 1985. – 352 с.

181. Томашевский, Н. Плутоской роман / Н. Томашевский // Плутоской роман / Вступ. статья Н. Томашевского. – М.: Издательство «Художественная литература», 1975. – С. 5-20.

182. Тушина, Е.А. Монпелье: город и университетский центр / Е.А. Тушина // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. – Т. 2. Жизнь города и деятельность горожан. – М.: Наука, 1999. – С. 334-337.

183. Уваров, П.Ю. Вступительное слово / П.Ю. Уваров // Одиссей. Человек в истории. 2000. – М.: Наука, 2000. – С. 5-9.

184. Уваров, П.Ю. Города средневековой Франции / П.Ю. Уваров // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. - Т. 1. Феномен средневекового урбанизма. – М.: Наука, 1999. – С. 60-73.

185. Уваров, П.Ю. История средневековых университетов во франко-бельгийской историографии начала 80-х годов XX в. (Обзор) / П.Ю. Уваров // Средние века. Вып. 50. – М.: Наука, 1987. – С. 321-333.

186. Уваров, П.Ю. Крестьяне в Парижском университете XVI в. / П.Ю. Уваров // Университеты Западной Европы. Средние века. Возрождение. Просвещение.: Межвузовский сборник научных трудов. – Иваново: ИвГУ, 1990. – С. 105-116.

187. Уваров, П. Университеты и идея европейской общности / П. Уваров // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. – М.: Наука, 1993. – С. 115-123.

188. Уваров, П.Ю. Университеты Российской империи глазами медиевиста (в защиту «идола истоков») / П.Ю. Уваров // Диалог со

временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 7. – М.: Эдиторал УРСС, 2001. – С. 207-223.

189. Уваров, П.Ю. Университетская Франция 1539-1559 гг. Опыт социальной истории / П.Ю. Уваров // Одиссей. Человек в истории. 1994. – М.: Наука, 1994. – С. 196-218.

190. Уваров, П.Ю. Университетский интеллигент у парижского нотариуса (к вопросу о «нормальном исключении») / П.Ю. Уваров // Средние века. Вып. 60. – М.: Наука, 1997. – С. 51-72.

191. Уваров, П.Ю. Университетское образование глазами французов XVI века / П.Ю. Уваров // Возрождение: гуманизм, образование, искусство: Межвузовский сборник научных трудов. – Иваново: ИвГУ, 1994. – С. 103-117.

192. Уваров, П.Ю. Характерные черты университетской культуры / П.Ю. Уваров // Из истории университетов Европы XIII-XV веков: Межвузовский сборник научных трудов. – Воронеж: ВГПИ, 1984. – С. 5-28.

193. Уин, Ф. Карл Маркс / Ф. Уин; Пер. с англ. А.Ю. Шманевского. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 428 с.

194. Уоллер, М. Лондон. 1700 год / Пер. с англ. М.В. Пановой, Т.П. Церр / М. Уоллер. – Смоленск: Русич, 2003. – 384 с.

195. Федорова, Е.В. Знаменитые города Италии / Е.В. Федорова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. – 477 с.

196. Фрийхоф, В. Начало Нового времени: паттерны (реферат) / В. Фрийхов // Alma mater (Вестник высшей школы). – 1999. - №№ 3,4.

197. Фуко, М. Назидать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко. – М.: Ad Marginem, 1999.

198. Фукс, Э. История нравов / Пер. с нем. В.М. Фриче / Э. Фукс. – Смоленск: Русич, 2002. – 624 с.

199. Хаммерштейн, Н. Университет в Новое время: отношение с властью (реферат) / Н. Хаммерштейн // Alma mater (Вестник высшей школы). – 1999. - №№ 10,12.

200. Харламенко, А.В. Предтеча научной американистики. К 500-летию со дня рождения Бернардино де Саагуна / А.В. Харламенко // Латинская Америка. – 2000. - № 6. – С. 76-80.

201. Хесуальдо, Эухенио Эспехо – эквадорский просветитель XVIII в. / Хесуальдо // Латинская Америка в прошлом и настоящем.

Сборник статей по экономике, истории и культуре стран Латинской Америки. – М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. – С. 285-309.

202. Хинц, Х.Ф. Гуго Коллонтай / Х.Ф. Хинц. – М.: Мысль, 1978. – 215 с.

203. Хованова, О. Реформа элитарного образования в монархии Габсбургов в эпоху Марии Терезии и Иосифа II: общие цели – взаимоисключающие принципы / О. Хованова // Европейский альманах, 2001. История. Традиции. Культура: Реформы и реформаторы / Отв. ред. А.О. Чубарьян; Ин-т всеобщей истории. – М.: Наука, 2002. – С. 66-73.

204. Хованова, О.В. «Хунгарская» и «мадьярская» проекции венгерской нации в общественной жизни и системе образования в конце XVIII века / О.В. Хованова // Славяноведение. – 2003. - № 4. – С. 3-13.

205. Циглер, Т. Система воспитания у иезуитов / Т. Циглер // Свадковский, И.Ф. Хрестоматия по истории педагогики / Под общ. ред. С.А. Каменева. – Т. I. Античный мир. Средние века. Начало нового времени / И.Ф. Свадковский. – М.: Учпедгиз, 1936. – С. 164-167.

206. Черноверская, Т.А. Жизнь и деятельность Луи Антуана Сен-Жюста (1767-1794) / Т.А. Черноверская // Новая и новейшая история. – 2002. - № 6. – С. 141-165.

207. Чуркина, И.В. Словенская культура / И.В. Чуркина // Культура народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху Просвещения. - М.: Наука, 1988. – С. 200-226.

208. Шапов, Я.Н. Библиотека полоцкого Софийского собора и библиотека Академии Замойской / Я.Н. Шапов // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. Проблемы взаимоотношений Польши, России, Украины, Белоруссии и Литвы в эпоху Возрождения / Под ред. Б.А. Рыбакова. – М.: Наука, 1976. – С. 262-282.

209. Шестаков, В. Философия в Кембридже / В. Шестаков // Вопросы философии. – 2004. - № 5. – С. 143-149.

210. Шимов, Я. Австро-Венгерская империя / Я. Шимов. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 608 с.

211. Шиппан, М. Рецензия А.Л. Шлёцера на диссертацию И.Г. Фромманна о науке и литературе в России (1768) / М. Шиппан // XVIII век. Сборник 21. – СПб.: Наука, 1999. – С. 119-126.

212. Шмидт, К. История педагогики, изложенная во всемирно-историческом развитии и в органической связи с культурною жизнью народов. - Т. 3. История педагогики от Лютера до Песталоцци / К. Шмидт. - М., 1880. - 759 с.

213. Шмидт, К. История педагогики, изложенная во всемирно-историческом развитии и в органической связи с культурною жизнью народов. - Т. 4. История педагогики от Песталоцци до настоящего времени. Ч. 1. / К. Шмидт. - М., 1880. - 596 с.

214. Шмидт, К. История педагогики, изложенная во всемирно-историческом развитии и в органической связи с культурною жизнью народов. - Т. 4. История педагогики от Песталоцци до настоящего времени. Ч. 2. / К. Шмидт. - М., 1881. - 519 с.

215. Шмидт, Х. Русская тема в научной публицистике г. Галле и Галльского университета в середине XVIII века / Х. Шмидт // XVIII век. Сборник 21. – СПб.: Наука, 1999. – С. 108-118.

216. Шульман, М.М. О социокультурных функциях университетов (исторический взгляд). – Режим доступа: <http://www.mis.rsu.ru/conf/1999a/1-3.htm> [Дата обращения: 20 июня 2002 г.].

217. Щетинин, В.П. Человеческий капитал и неоднозначность его трактовки / В.П. Щетинин // Мировая экономика и международные отношения. – 2001. - № 12. – С. 42-49.

218. Эйзенштадт, Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Пер. с англ. А.В. Гордона; Под ред. Б.С. Ерасова / Ш. Эйзенштадт. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 416 с.

219. Элиас, Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. – Том 1. Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада / Н. Элиас. – М.: - СПб.: Университетская книга, 2001. – 332 с.

220. Элиас, Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. – Том 2. Изменения в обществе.

Проект теории цивилизации / Н. Элиас. – М.: - СПб.: Университетская книга, 2001. – 382 с.

На английском языке

221. Carter, J.J., McLaren, C.A. Crown and Grown. An Illustrated History of the University of Aberdeen. 1495-1995 / J.J. Carter, C.A. McLaren. – Aberdeen University press, - 120 p.

222. Kagan R.L. Students and Society in Early Modern Spain. – Режим доступа: <http://libro.uca.edu/students/opening.htm> [Дата обращения: 19 мая 2001 г.].

223. Ralph Ph.L. The Renaissance in perspective / Ph.L. Ralph. – New York: St. Martin's press, 1973. – 273 p.

2. Учебники, учебные пособия.

1. Барбарига, А.А., Фёдорова, Н.В. Британские университеты: Учеб. пособие для пед. ин-тов / А.А. Барбарига, Н.В. Фёдорова. - М.: Высш. шк., 1979. - 127 с.

2. Гессен, С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию / Отв. ред. и сост. П.В. Алексеев / С.И. Гессен. – М.: «Школа-Пресс», 1995. – 448 с.

3. Джуринский, А.Н. История педагогики: Учеб. пособие для студ. педвузов / А.Н. Джуринский. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. – 432 с.

4. Джуринский, А.Н. История педагогики древнего и средневекового мира. Учебное пособие для высшей школы / А.Н. Джуринский. – М.: Издательство «Совершенство», 1999. – 224 с.

5. Джуринский, А.Н. Педагогика: история педагогических идей: Учебное пособие / А.Н. Джуринский. – М.: Педагогическое общество России, 2000. – 352 с.

6. Джуринский, А.Н. Развитие образования в современном мире: Учеб. пособие / А.Н. Джуринский. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. – 200 с.

7. Долженко, О.В. Очерки по философии образования. Учебное пособие / О.В. Долженко. – М.: Промомедиа, 1995. – 240 с.

8. Духавнева, А.В., Столяренко, Л.Д. История зарубежной педагогики и философия: Учебное пособие / А.В. Духавнева, Л.Д. Столяренко. – Ростов н/Д.: Феникс, 2000. – 480 с.

9. История культуры стран Западной Европы в эпоху Возрождения: Учеб. для вузов / Л.М. Брагина, О.И. Варьяш, В.М. Володарский и др.; Под ред. Л.М. Брагиной. – М.: Высш. шк., 1999. – 479 с.

10. История мировой культуры: Наследие Запада: Античность. Средневековье. Возрождение: Курс лекций / Под ред. С.Д. Серебряного. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. – 429 с.

11. Козлова, Н.Н. Социально-историческая антропология: Учебник / Н.Н. Козлова. – М.: Ключ-С, 1998. – 192 с.

12. Крадин, Н.Н. Политическая антропология: Учебное пособие / Н.Н. Крадин. – М.: Ладомир, 2001. – 213 с.

13. Максаковский, В.П. Историческая география мира: Учебное пособие для вузов / В.П. Максаковский. – М.: Экспрос, 1999. – 584 с.

14. Меньшиков, В.М. Педагогика Эразма Роттердамского: открытие мира детства. Педагогическая система Хуана Луиса Вивеса: Учебное пособие / В.М. Меньшиков. - М.: Народное образование, 1995. - 136 с.

15. Монро, П. История педагогики: В 2-х ч. / Пер. с англ. М.В. Райх, Под ред. Н.Д. Виноградова. - Ч. II. / П. Монро. - М., - П., 1923. - 342 с.

16. Педагогика: педагогические теории, системы, технологии: Учеб. для студ. высш. и сред. пед. учеб. заведений / С.А. Смирнов, И.Б. Котова, Е.Н. Шиянов и др.; Под ред. С.А. Смирнова. - М.: Издательский центр "Академия", 2001. - 512 с.

17. Педагогика и психология высшей школы: Учебное пособие. – Ростов н/Д: Феникс, 2002. – 544 с.

18. Пиков Г.Г. Средневековая система образования и университеты. – Режим доступа: <http://gklass.nsu.ru/koi/gum/medieval/univer.htm> [Дата обращения: 10 июля 2002 г.].

19. Слостёнин, В.А., Исаев, И.Ф., Мищенко, А.И., Шиянов, Е.Н. Педагогика: Учебное пособие для студентов педагогических учебных

заведений / В.А. Слостёнин, И.Ф. Исаев, А.И. Мищенко, Е.Н. Шиянов. – 3-е изд. – М.: Школа-Пресс, 2000. – 512 с.

20. Смирнов, С.Д. Педагогика и психология высшего образования: от деятельности к личности: Учеб. пособие для слушателей фак-тов и ин-тов повышения квалификации преподавателей вузов и аспирантов / С.Д. Смирнов. – М.: Аспект Пресс, 1995. – 271 с.

21. Соколов, В.В. Европейская философия XV – XVII веков: Учеб. / В.В. Соколов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1996. – 400 с.

22. Чернилевский, Д.В. Дидактические технологии в высшей школе: Учеб. пособие для вузов / Д.В. Чернилевский. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 437 с.

23. Ястребицкая, А.Л. Средневековая культура и город в новой исторической науке. Учебное пособие / А.Л. Ястребицкая. – М.: Интерпракс, 1995. – 416 с.

3. Художественная литература.

1. Винтер, З. Магистр Кампанус. Исторический портрет / Пер. с чешск. Ф. Боголюбовой, Послесловие и примеч. Н. Пашаевой / З. Винтер. – М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1953. – 565 с.

2. Гюго, В. Собор Парижской богородицы: Роман / Пер с фр. Н. Каган / В. Гюго. – Мн.: Ураджай, 1984. – 478 с.

3. Лодж, Д. Академический обмен: Повесть о двух кампусах / Пер. с англ. и послесл. О. Макаровой / Д. Лодж. – М.: Издательство Независимая Газета, 2000. – 320 с.

4. Пирс, Й. Перст указующий: Роман / Пер. с англ. И. Гуровой, А. Комаринец / Й. Пирс. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003. – 621 с.

5. Сноу, Ч.П. Наставники // Наставники; Коридоры власти: Романы: Пер. с англ. / Предисл. В. Ивашевой / Ч.П. Сноу. – М.: Прогресс, 1988. – С. 13-210.

6. Шарп, Т. Новый расклад в Покер-хаусе: Роман / Пер с англ. В. Шапенко, М. Сапрыкиной / Т. Шарп. – М.: Вагриус, 1995. – 399 с.

4. Справочные издания, энциклопедии, словари.

1. Брун, В., Тильке, М. История костюма: от древности до Нового времени / В. Брун, М. Тильке. – М.: Эксмо, 1997. – 463 с.

2. Вейс, Г. История цивилизации: архитектура, вооружение, одежда, утварь: Иллюстрированная энциклопедия в 3-х томах. – Новое время (XIV-XIX вв.). – Т. 3. / Г. Вейс – М.: ЭКСМО-Пресс, 1998. – 768 с.

3. Иллюстрированная энциклопедия моды / Сост. Л. Кибалова, О. Гербенова, М. Ламарова, Пер. с чешск. И.М. Ильинской, А.А. Лосевой. – Прага: Артия, 1988. – 608 с.

4. Лурье, Ф.М. Российская и мировая история в таблицах: синхронистические таблицы (XXX век до Р.Х. – XIX век), правители мира, генеалогические таблицы, словарь / Ф.М. Лурье. – СПб.: «Каравелла», 1995. – 256 с.

5. Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. – Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998. – 896 с.

6. Словарь античности. Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1989. – 704 с.

7. Словарь исторический: В 2-х т. / Под редакцией В.В. Битнера. – М.: Остожье, 1998. – Т. 1-2.

8. Современный словарь по педагогике / Сост. Рапацевич Е.С. – Мн.: «Современное слово», 2001. – 928 с.

9. Хронологическая таблица // Документы по истории университетов Европы XII-XV вв.: Учебное пособие / Вступ. ст. перевод и примечания Г.И. Липатниковой; Под ред. и с предисл. А.Е. Москаленко. – Воронеж: Изд-во ВГПИ, 1973. – С. 148-150.

10. The Hutchinson. Карманная энциклопедия. – М.: «Внешсигма», 1995. – 665 с.

На английском языке

11. La Bruyere, Jean de // The New Encyclopaedia Britannica. Vol. 7. Micropaedia. Ready Reference. – Chicago: The university of Chicago. – P. 61.

5. Материалы всемирной информационной сети.

1. "Great" Moments in the History of University Scholarship. – Режим доступа: <http://quarles.unbc.edu/ideas/net/history/great.html> [Дата обращения: 14 октября 1998 г.].

2. History of Charles University. – Режим доступа: <http://www.cuni.cz/cuni/history/historie.html.en> [Дата обращения: 15 июня 2002 г.].

MoreBooks!
publishing

yes i want morebooks!

Покупайте Ваши книги быстро и без посредников он-лайн – в одном из самых быстрорастущих книжных он-лайн магазинов! окружающей среде благодаря технологии Печати-на-Заказ.

Покупайте Ваши книги на
www.more-books.ru

Buy your books fast and straightforward online - at one of world's fastest growing online book stores! Environmentally sound due to Print-on-Demand technologies.

Buy your books online at
www.get-morebooks.com

VDM Verlagsservicegesellschaft mbH

Heinrich-Böcking-Str. 6-8
D - 66121 Saarbrücken

Telefon: +49 681 3720 174
Telefax: +49 681 3720 1749

info@vdm-vsg.de
www.vdm-vsg.de

